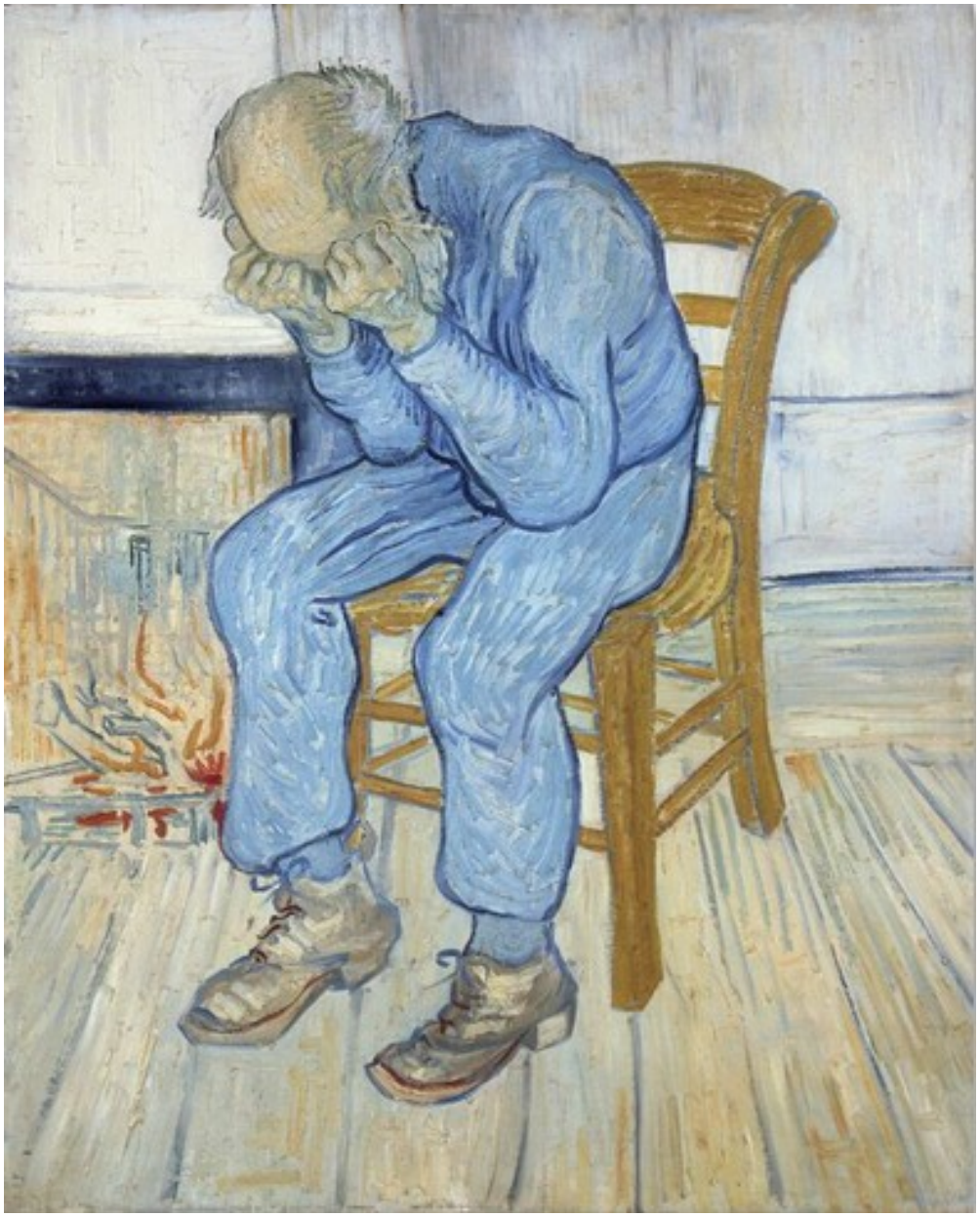
Герман Ильин

Наши невзгоды

Наши невзгоды

Обнаружить в жизни безысходную тоску значит добить себя.

Л. Шестов

Введение

Образ жизни, в нашем сознании, колеблется, со временем, между очевидностью и тайной. Между младенчеством и старостью чередуются наши *Да* или *Нет*, обращаемые текущей жизни. Изначальные слёзы и капризы передают, как будто бы, *Нет* нарождающейся, чужой жизни. Детские забавы и родительская рука над головой формируют беззаботное *Да*, начинающее разбиваться на собственно жизнь, видимую и осязаемую, и на мечту, сказочную и игривую. Отроческие бунтарство и первые тревоги, выплёскивают тайное *Нет* жизненным покою и надёжности и смутное *Да* — невыразимой мечте. Затем наступает вписывание во взрослые передряги, и, чтобы не проморгать его, неизбежное, меланхолическое *Да* готовит из нас будущих конформистов, людей племени, обряда, закона. Позже, измотанные состязаниями, мы обязательно подходим к горькому *Нет* жизни, сводящейся к неудаче. Одна из форм ностальгии начинает лепить хрупкие *Да*, обращённые к прошлому. Но в видении прошлого, когда-то слитые жизнь и мечта раздваиваются; на жизненной грани душит отчаяние, на мечтательной — брезжит надежда, ищется утешение. Отсюда две формы трагедии, пессимистической или оптимистической.

В наше время царят малодушие (мелочность, цинизм, эгоизм) и пустозвонство (демагогия, стадность слов, образов, идей) - удел вечных нытиков, скептиков и носителей хаоса, нелепицы, произвола. Сведение слова произвол к нигилизму — злоупотребление, связанное с местом *Нет* в нашем поведении в жизни или же в нашем воображении или творчестве, воплощающихся в мечту, - охаивание видимого, общего, или воспевание невидимого, личного.

Таким образом есть один нигилизм, обращённый вовне, и другой, сугубо внутренний. Стадный или личный. Выстраивать своё *существование во времени* из отношения к мнениям других или же строить свою *сущность в пространстве*, замершем, вне чужих мнений. То есть — нигилизм в жизни или нигилизм в мечте.

Различие между сущностью и существованием слабо ощущается в русской литературе, которая довольствуется бессмысленной диадой *бытие-сознание*. Сущность и существование делят не только наше сознание, но и слова, дела, образы, мысли. То, что вневременно, удержано как недвижный фон, и то, что развивается, творится. Это — центральная тема классической философии, которую невозможно игнорировать, но я не стану надолго задерживаться на ней, затасканной, и предпочту тему утешения, гораздо менее популярную.

Сфера жизни — плоская Земля и глубина знаний; сфера мечты — поднебесная высь. Жизненное существование — пошаговое развитие; сущность мечты — порыв первого шага.

Человек подлинный - человек высоты и порыва - остаётся именно в этой изначальной, вводной позе; всё остальное - лишь продление, случайность, последовательность рассчитанных шагов. Исходные «позиции» жизни у всех общие; жизненное «позиционирование» определяется в степени сравнительной; созидающие «позы» ценят, прежде всего, степень превосходную. И если первые два принципа, основанные на примате *Мы*, отданы Служению Истине и Силе, то последняя черпает вдохновение в зове нашего единоличного, таинственного, незнаемого *Я*. Этот зов лишён слов, образов, мыслей, но он возбуждает нашу душу и призывает наше знаемое *Я* передать состояние нашей души. Этот бессловесный диалог известен всем верующим в Создателя, но эта вера

подлинна лишь тогда, когда этот Создатель нам неведом и никогда не ступал на нашу Землю. «Поза» знаемого *Я* - в безграничном благоговении перед чудом живого, несущего в себе загадочные Благо и Свободу. В творчестве, это *Я* поручает себя личной эстетике, по ту сторону общих прагматики («позиционирование») и этики («позиция»).

Делая упор на эстетику, следует задуматься о её трёх принципиальных критериях — размахе оригинальности, глубине знания и высоте благородства. Благородство — дело вкуса и самоограничения; знание - предохранитель от глупости и банальности; оригинальность - стратегический выбор на лже-шкале времени: все конечные цели и последовательность шагов, ведущих к ним, давно перечислены нашими предками — остаются одни Начала, где ещё остаётся предостаточно места для нашей догматики или нашей софистики

Для проницательного взгляда, уже за порогом первого шага виден свет целей и тень пути. В первом шаге — сущность и порыв, в его последователях — существование и прогресс. Как придать отвлечённости (внутреннего бытия) живость конкретности (внешнего становления)? Этой заботой были одержимы два великих ума прошлого века, Хайдеггер и Ницше, исследовавшие все нюансы между *Sein* (сущность) и *Werden* (существование). Больше всего их занимал вопрос о насыщенности, накале, одного и другого. Оба находили, что Sein обладает этими свойствами в большей степени, и стремились добиться того же в Werden — задача нетрудная. Для них существование было эквивалентно творчеству. Я переворачиваю их оценки: существо должно включить в себя пыл, присущий лишь существованию, и эта задача трудна и по плечу лишь подлинным творцам.

Как свести наши недвижные мечты - к бескрайним порывам, сохраняя сложенными наши крылья? Как забыть о мишенях, заботясь лишь о натяжённости тетивы? Быть может, творчество-то - это внутреннее становление (Sein, а не Werden, которое всегда внешне), видимое взгляду и невидимое оком? Как высвободиться от безотчётной тяги к бытию внешнему, зримому? Из этого трагического парадокса творчества и рождается неудержимая печаль уже в содержании, до рождения формы.

Выбор формы ависит от высоты моей зарождающейся мечты и от глубины моего врождённого взгляда. В наш век и пишущий и читающий пребывают на плоскости каждодневья. И поскольку я исповедаю культ Начал, неизбежно я прихожу к выбору метафоры как единственного инструмента, который может обойтись без выстраивания следствий и без одержимости заранее зовущими целями. Но такая метафора неизбежно становится афоризмом. Поэтому всё, что следует, будет афористичным.

Один из поводов наших жалоб (*lamenti*) таится в двойственной природе нашего «я»: «я» как вдохновляющее существо и «я» как созидающее существование. Первое, неведомое «я», соткано из наших желаний и порывов; второе, ведомое «я», сложено из наших талантов и языков (словесных, идейных, пластичных, музыкальных). Всё, за что берётся второе, должно служить переводу импульсов первого. Но у первого нет своего языка, и ни один перевод не способен совпасть с его тайнописью, - при том, что оно же остаётся единственным судиёй. Жизнь неведомого «я» оказывается бесконечно богаче и прекраснее, чем искусство «я» ведомого. Отсюда - невозможная реакция последнего: провозгласить тождество между жизнью и искусством, цель недостижимая (но тот, кто, вопреки всему, преуспевает в этом вызове, зовётся гением).

По форме своей речи философия может принимать одно из трёх обличий: размышление, интуиция или тональность. Первая философия банальна и безлична, вторая - велеречива и бесполезна, третья - поэтична и надменна. Но изнанка у них одна - наши беды и наши напевы.

Благодаря излучаемой ею несбыточной надежде, трагедия служит утешением; а поскольку великая музыка ведет к безутешному отчаянию, трагедия с музыкой несовместима.

Бах писал, почти исключительно, для полуночников, тянущих за собой в темноту дневное раздражение. В виде исключения он обращался и к тем, кто, устав от своих смехотворных бдений, ждёт сна - вдохновляющего и трагического. Итог - либо стадный успех, либо благородное фиаско: одно заставляет зевать, другое - плакать.

Мы привыкли сводить к земным заботам всё, что тревожит нашу плоть и наш разум. Я же обращусь скорее к сумрачным временам года в нашей душе; вся гамма её внутренней тьмы должна быть переложена в радужные оттенки, устремленные ввысь, куда и целились некогда наши роковые или обречённые мечты.

Разум пристально вглядывается в жизнь; душа и сердце ваяют мечту. Разум занят преимущественно Истиной; душа и сердце доверяются Благу и Красоте. Жизненная Истина неуклонимо тянет нас к отчаянию; Благо и Красота творят надежду. Л. Шестов: *Обнаружить в жизни безысходную тоску значит добить себя*. Ведомое «я» - это Сфинкс, вновь и вновь возрождающийся в меланхолическом пламени, разожжённом мечтою «я» неведомого.

Единственная польза от знания Истории - это терпимость и даже смирение перед лицом бедствий нашего времени, ведь они были куда как более вопиющими в эпохи без термоядерных бомб, без социального обеспечения и без равного для всех правосудия. Н. Карамзин: *История мирит гражданина с несовершенством видимого порядка вещей*.

Возможно, мои филиппики против Древних, ратовавших за душевный покой, бьют мимо цели. Всякое трепетание вокруг будничных дрязг смехотворно, и им надлежит противопоставить полнейшее бесстрастие. Внимание к великому даровано лишь избранным; стыд перед недосягаемым Благом или благоговение перед непостижимой Красотой должны выливаться в мелодии или рельефы, кои суть прямая противоположность безмятежности баранов или роботов.

Сердце, не умеющее претворить единородное с ним Благо - в акт; разум, не умеющий высвободиться от наводняющей его безутешной Истины; душа, не умеющая унять трепещущую в ней Красоту, - всё это напрочь отвергает позу стоицизма. Здесь трагедия противостоит пантомиме.

Подобно самой смерти, то, что умирает во мне, пока я ещё жив, - это не трагедия, а необратимое угасание. Трагедия же есть далёкое мерцание того, что некогда было близким светом, ослепительной вспышкой, и что утешение еще способно удерживать в живых.

Свет идей, и даже свет чувств, неизбежно становится общим достоянием; уникальны лишь тени. Свет - всего лишь орудие; творец же создает свои творения из теней. Один лишь приносит пищу, другой - рождает упоение. Фос-фору (свето-носцу) не стоит питать иллюзий насчет самобытности, влияния или метаморфоз своего свечения. *Светлая*

личность, от которой никому не было светло - Чехов - это банальность, а вовсе не трагедия. Трагедия - это потеря способности отбрасывать тени.

Смерть надежды - драма; угасание страсти - трагедия. Рушится не упование, но сам порыв - Дж. Леопарди: *Non che la speme, il desiderio è spento - Угасла не только надежда - угасло само желание*.

Своими случайными заклинаниями, намеренным ослеплением или возбуждающим экстазом ты можешь вырвать крупицы утешения у увядающей жизни или блекнущей мечты, но тебе никогда не смягчить трагическую память об их первозданной красоте. В. Набоков: *Не удержать тающей красоты никакими молитвами*.

Тщетно *защищать жизнь* - то есть реальность - *от страдания* - *das Leben gegen den Schmerz zu verteidigen* - Ницше; эта битва проиграна заранее, боль непобедима. Защищать нужно мечту - от её ослабления, забвения и угасания. Ибо в этом и кроется истинная человеческая трагедия, от которой нам, быть может, суждено сохранить лишь меланхолию.

В перипетиях человеческих всё можно свести к игре, кроме чувства трагического. Среднестатистическому французу оно неведомо - его жизнь разыгрывается как вечный водевиль. Самые же тонкие игры могут быть как трагическими, так и комическими: отсюда берёт начало русская меланхолия или итальянская беззаботность.

В каждом человеке уживаются светоносный ангел и тёмный зверь, и цивилизация есть лишь попытка примирить эти две ипостаси, что неизбежно оборачивается однородностью, стадной или роботизированной. Куда более захватывающий случай - крайне редкий, - когда то ли ангел то ли зверь берёт верх. В обоих случаях, однако, крушение ожидает их в

конце пути. В первом случае, человек, в своей юности, воспевает мечту и одиночество; во втором - уповает на силу и фанатизм. В момент падения первый остаётся верен своей угасающей одинокой мечте, в коей ищет утешения; второй же, через циничное или отчаянное принесение в жертву своей прежней осанки, изрыгает анафемы неудавшемуся миру, частью которого он, тем не менее, является.

Тот, кто провозглашает себя одиночкой, по горделивому выбору или по чувству чуждости человеческим кланам, тот, как правило, - потенциальный баран. Подлинное одиночество - это крах попыток обрести брата.

Лишь гордец жаждет смирения; лишь стадный человек жаждет одиночества; смиренный же или одинокий от них страдает.

Человек и автор: параллелизм в сущностном развитии этих двух ипостасей случается редко. Я нахожу его разве что у Чорана, и этот временной параллелизм ошеломляющ: трезвый пронацистский мерзавец, зловещий проповедник крушения мира; падение вкуса, толкнувшее его предпочесть убогую Э. Дикинсон великому Рильке; стилист, выражающий свой надуманный крах в занудном манерничанье.

Герой, гибнущий из-за чужого коварства или ради исполнения собственного рока, - любая жертва, без подвигов и дрязг, может притязать на этот напыщенный и почётный титул героя. Трагедия случается лишь с теми, кто жил светоносной мечтою и переживает её роковое затмение; герой же - тот, кто заставляет искру надежды вспыхнуть заново.

С каждой из стихий мира - Огнём, Воздухом, Землёй, Водой (иерархия Эмпедокла) - меня связывает их несчастный брат: Сфинкс (со

вкусом пепла), Икар (с его предрешённым падением), Антей (с его уязвимостью), Нарцисс (со столь близким утоплением).

Ограниченный разум следует сознательным путём и в конце неизбежно приходит к отчаянию; открытая душа внимает бессознательному зову - источнику мечтаний и трагедий - и ухитряется сберечь в них чаяние или упование. Под таким углом зрения истинной противоположностью отчаяния выступает не эфемерная надежда, а вполне осязаемая трагедия. Чоран: *Изощрённый ум питает отвращение к трагедии и апофеозу - Un esprit délié répugne à la tragédie et à l'apothéose*. Но такой ум скорее животный, нежели изощрённый; благородный же ум оценит как эллиптическую конечность, так и гиперболическую бесконечность!

Именно ностальгия по прошлому, а не страдание в настоящем призывает тебя искать утешения. Истинное страдание неутешно, ибо разум безжалостен, но ностальгия способна претвориться в меланхолию через оживление былой мечты. Ларошфуко, однако, их путает: *Мы часто по слабости утешаемся в несчастьях, в которых разум бессилен нас утешить - Nous nous consolons souvent par faiblesse des maux dont la raison n'a pas la force de nous consoler* - он слишком оптимистичен.

Наши мысли и поступки далеки от того, чтобы сравняться с бесконечной красотой мира; мы причастны к ней лишь через наши мечты - всегда смертные, всегда с трагическим исходом. В. Набоков: *Красоту нельзя удержать, и в этом единственная печаль мира*.

Состояние мира должно внушать в худшем случае лишь ностальгию; трагедия же должна проистекать лишь от взгляда на состояние твоего

собственного неведомого «я» - состояние, подверженное распаду и зачастую необратимое.

Ты творишь зло вопреки себе, роковым образом, что делает тебя несчастным; даже стремясь к благу, ты не в силах его совершить. Ты не хочешь грезить о зле; ты можешь грезить лишь о благе, что способно сделать тебя счастливым. Поскольку необходимость довлеет над возможностью, нравственное несчастье оказывается более живучим и плодотворным, чем счастье.

Русского и европейского интеллектуалов роднят две черты - хорошее образование и совесть (нравственная у русского, духовная у европейца). Русский несёт в себе стыд за собственную непоследовательность и сострадание к горю слабых. Европейцу свойственно, в своих суждениях, чётко разделять то, что он заимствует у других, и то, что исходит из его собственной выработки. Формальное всегда скрывает за собой значимое.

Я знал лишь крупные успехи и мелкие неудачи: первые, невидимые, питали мои мечты; вторые, крикливые, отравляли мне жизнь.

Пьесы Чехова пробуждают трагические чувства у мечтателей и меланхолические - у пересмешников. В. Набоков: *Чехов писал печальные книги для весёлых людей* - именно так думал и он сам, на манер Моцарта, то есть - глупо.

Взгляд на прошлое приукрашивает реальное и возвышает идеальное, что, в настоящем, предаёт тебя ностальгии или меланхолии, при жалкой реальности или униженном идеале. Отравленный флакон или немые этикетки. И ты предаёшься трезвости отчаяния или опьянению надеждой.

Меланхолия, отчаяние, боль, трагедия, смерть образуют почти замкнутый цикл, начинающийся и завершающийся закрытыми глазами: отчаяние их приоткрывает; боль же - это угасание взгляда в пользу открытых глаз; трагедия - это не только отяжелевшие веки, но и отяжелевший взгляд.

В каком образе соприкасаются трагедия, надежда и начало? Вечное возвращение творца или заря мечтателя дают об этом достаточно точное представление. Гюго: *Aube et résurrection sont synonymes* - *Рассвет и воскрешение* - *синонимы*. Небо или земля, Дионис или Феникс.

Вместилищем мечты является душа; по мере её измельчанья человек остаётся один на один с голой реальностью. Уходящая мечта ввергает в меланхолию, тогда как угасающая реальность пробуждает лишь ностальгию. Хотя существование Шатобриана было отдано душе, он, тем не менее, вводит ложную симметрию: *Химеры деятельного существования столь же доказаны, сколь и химеры существования бездеятельного* - *Les chimères d'une existence active sont aussi démontrées que les chimères d'une existence désoccupée*, поскольку первые уповают на надежду, сотканную из мечты и высоты, тогда как вторые - на упование, реальное и посредственное.

Утешение - это словесное исправление сломанной невыразимости. Цветаева: *Сейчас всё кончается, потому что ничто не чинится* - оплакивать же мы будем лишь целокупность мечтаний, а не поступков.

Всякий человек, умеющий вслушиваться в себя и признающий, что себя не знает, рано или поздно испытывает вот это состояние своего сознания: обескровленное сердце, никнущая перед лицом вечно безмятежного разума душа, разума, проповедующего отчаяние. И он будет

пытаться извлечь из этого полезный урок: сердцу - смирение перед необходимостью нести в себе непреодолимую пропасть между порывом и делом; душе - утешение как верность первым устремлениям своей юной доблести или своей доблестной юности.

Не уметь больше ни смеяться, ни плакать - источник твоей ностальгии. Не отсмеяться и не отплакать положенное тебе - источник твоей меланхолии. Вторая, исцеляющая первую, - утешением.

Меланхолия, подобно обезболиванию, - рана без боли; ностальгия, подобно неврастении, - боль без раны.

Эйфория или безнадёжность твоего пера - это состояния твоего сердца, кои благоприятствуют лишь заурядной, посредственной живописи. Из столкновения двух сих стихий рождается меланхолия: устремлённая либо в глубину разума, либо в высоту души.

Но книга сия есть призыв жить одними лишь праздничными, ликующими Началами, предоставляя погребальному звону Времени разноситься по весям вымысла.

Герман Ильин,

Прованс,

февраль 2015

Меланхолия

Лже-патетическое племя полагает, будто жизнь достигает своего пика благодаря свободе, истине и мужеству. О, как мало тех, кто верует в обратное: именно в прекрасных тисках само-ограничений, в сопротивлении унизительным истинам и в трепете перед тайной разворачиваются лучшие грани нашего существа.

Мой лагерь - тот, где укрылись мои мечты. Оставаться верным ему я могу лишь во тьме. Мечты - эти сумрачные видения, завершающиеся безмолвным исчезновением. Лучший итог жизни - сохранить им верность; у плебеев же всё наоборот: *В конце концов в расчёт принимается лишь то, что мы совершили и прожили, а не то, о чём мы тосковали* - А. Шницлер - *Am Ende gilt doch nur, was wir getan und gelebt - und nicht, was wir ersehnt haben*.

Душевный покой, помимо прочего, означает позорную глухоту к музыке, которая вся состоит из смятений, падений, утоплений и отречений. Но поскольку самая ужасная перспектива - это музыкальная глухота, любое человеческое утешение должно сводиться к возвращению музыки и её непокоя. Л. Шестов: *Задача философии не успокаивать, а смущать людей*.

В истине ли, в благе или в красоте, но смысл нашего существования передается лишь через музыку - музыку, предчувствуемую талантом и поддерживаемую тем накалом и тем содроганием, кои оживляют нашу душу. Однако поборники плебейского бесстрастия видят в этом своего

противника: *Тот, кто не доставляет беспокойства, не тягостен ни себе, ни другим* - Эпикур.

Ни знание, ни творчество сами по себе не оправдывают жизнь; одна лишь музыка, становясь лейтмотивом первого или сопровождением второго, способна заставить нас позабыть нелепое и тревожное молчание бытия. И всякая музыка рождается из праведной дрожи. А. Блок: *Смысл жизни заключается в беспокойстве и тревоге*. Бл. Августин (*inquietas*), Хайдеггер (*Sorge*) и Х. Л. Борхес (*intranquilidad*) с этим согласились бы.

Музыка могла бы служить лучшей иллюстрацией того, что есть воплощение: в ней уже невозможно постичь, Бог ли воплощается в человеческую субстанцию или человек возносится до божественного бессмертия. *Музыка - это воплощение красоты* - Г. фон Караян - *Musik ist eine Verkörperung von Schönheit*, и воплощение тем более верное, что истинная красота, как и истинная музыка, меланхолична: *Вуаль меланхолии как будто обволакивает Красоту, но это не вуаль, а само лик Красоты* — Б. Кроче - *Un velo di mestizia par che avvolga la Bellezza, e non è velo, ma il volto stesso della Bellezza*.

Музыка оставляет нас наедине с нашей обнажённой природой, обычно столь загромождённой и обезображенной; она освобождает нас от слишком хорошо знакомого «я». Вот почему тот, кто воображает, будто знает себя, говорит о музыке как о вторжении инородного тела, тогда как тот, кто искушён в собственных невидимых проявлениях, чувствует себя погружённым в родную стихию. Все они оказываются преданы одиночеству, но вторые несут на себе двойное бремя: одиночество предчувствия и одиночество узнавания. И то, и другое - в духе страдания.

С. Рахманинов: *Музыка - дитя печали*. Кто больше всех любит музыку? - несчастный! Даром что упрямый Ф. Шуберт считал иначе.

То, что слух наш более не тянется к временной линии горизонта, - прискорбно. Но то, что глаза наши более не устремляются к пространственной линии хребтов, - куда более жутко.

Счастье: мой выбор благородства и благородство моего выбора, что сулит больше тревоги, нежели блаженства.

Безопасность и покой - это ценности, разделяемые как античными и библейскими бородачами, так и страховыми компаниями и телохранителями. Душевный покой населяет охраняемые жилища. Даже звёзды покинуты мечтами и отданы на волю суеты: *Чтобы обрести покой, нужно дойти до звёзд* - В. Янкелевич - *Il faut, pour trouver le repos, aller jusqu'aux étoiles*. Последнее прибежище непокоя оставляет нас наедине с демонами и геннами, вдали от градов, делает жертвами необитаемых звёзд: *Всё, что один человек может сделать для другого, - это заставить его тревожиться* - Кьеркегор.

Мечта не должна утешать меня забвением - жизнь по пробуждении ранит меня лишь еще жесточе. Мечтать нужно наяву (*надежда - это сон бодрствующего человека* - Аристотель) и искать утешения лишь при заснувшей жизни. Мечтать, дабы растворить видимое в читаемом, - в противовес тем, о ком писал Э. По: *Те, кто мечтает наяву, видят множество вещей, ускользающих от тех, кто мечтает лишь ночью - Those who dream by day are cognizant of many things that escape those who dream only at night*.

Мысль, которая тебя успокаивает, редко оказывается мыслью; чаще всего именно чувство стыда возвещает о её мучительном рождении. Марк Аврелий - *пусть ты всегда сможешь без стыда признаться в своих мыслях* - ничего в этом не смыслил, не замечая глубокой иронии своей псевдомудрости: кто живет в мире с самим собой, живет в мире со вселенной.

Опыт ничего не даёт для влечения к высоте; оно может быть лишь врождённым. Опыт учит нас строгости; за силу же отвечает интуиция. И. Бродский: *В каждом из нас кроется подросток, тянущийся к бессвязной выси*. Его оставляют в покое и даже кормят силлогизмами, когда обнаруживают, что в низинах связности ничуть не больше. То, что внизу - лишь шов, вверху - разрыв.

Глаза лучше ладят с разумом, а взгляд - с душой: глаза созданы, чтобы видеть и плакать, а взгляд - чтобы восхищаться и утешаться.

Быть интересным - значит обладать одновременно избирательным вкусом, чутким разумом и незримой нежностью. Я исполнил несколько из этих музыкальных тактов, хотя никто и не заметил моего подъёма! Но вместо того чтобы проклинать в тёмные часы этот мир посредственностей, я благословляю свои звёздные часы, которые так часто оставляют меня в компании Того, кто бесконечно интереснее меня.

Невостребованные ласки, отвергнутые молитвы, просроченные вызовы - по истечении крайнего срока эти слёзные порывы, некогда обращённые вовне, в конце концов плесневеют, превращаясь в чёрную и тошнотворную жёлчь, которая однажды хлынет внутрь опустошительными потоками.

Пантера Рильке, Интеллектуальное животное Валери, горилла В. Набокова, кашалот Г. Мелвилла, меланхоличный орангутанг Ортеги-и-Гассета: взгляд, чья красота или ум отражаются в стенах или прутьях их клеток. *Мы все живем за решеткой, которую таскаем с собой* - Ф. Кафка - *Jeder lebt hinter einem Gitter, das er mit sich herumträgt*. Означает ли спасение из этой клетки встречу с безымянным Богом? А. Арто: *Чтобы обрести Бога без Имени или Слова для того, что есть или чего нет, нужно перешагнуть через эту клетку Бытия - Pour retrouver Dieu sans le Nom ou le Mot de ce qui est ou n'est pas, il faut franchir cette cage d'Être*. Доказывает ли моя клетка мою божественную свободу? Или наоборот: чем лучше я вижу свои прутья, тем яснее понимаю сострадание их создателя. Но моя собственная клетка - это язык, этот французский, который утолщает прутья, приближает горизонт и принижает небо.

Кто станет вникать в излияния душевных состояний карфагенского анахорета? Даже для украшения триумфальных колесниц римляне искали лишь полководцев да солдатню. Книга моя канет в небытие, как и всякое финикийское воспоминание, ибо пепел ее одноимённой птицы более не касается земли. Дидона на костре (Гомер) или Дидона, покинутая Энеем на необитаемом острове (Вергилий). Но я обязан сделать всё, дабы *одинокому житию соответствовала одинокая книга*, - как завещал Петрарка: *quo silicet solitarie vite solitarius liber esset*.

Я пытаюсь вообразить черную межзвёздную пустоту - без материи, без светил, без малейшей гравитационной или магнитной волны, которая пронизывала бы её, - и разум отказывается объять эту реальность, леденящую воображение. Точно так же и сердце отказывается помыслить одиночество, которое, однако, подлинно существует.

О паллиативах одиночества: дела обезболивают тревогу, творчество отрывает от недвижной действительности, размышление охлаждает лихорадку. Но одна лишь любовь приукрашивает и возвышает одиночество, превращая нас в очаг экстаза посреди коченеющего мира.

Главная опасность от частого общения с другими кроется вовсе не в очернении наших мыслей (Чоран), но в серости, что прокрадётся в наши слова, - серости, неотделимой от самых вещей. И те другие люди, которых я встречаю наяву, окажутся вещами. Другой ценен лишь благодаря моим не-встречам с ним, встречам с его воображением и чьи воображаемые миры я смог бы воспроизвести и сам. А. Блок: *Здесь все встречаются, как на том свете*.

Моя речь - это древо-ответ, но одно из наслаждений состоит в том, чтобы воссоздать по нему древо-запрос, со множеством неизвестных. И одиночество обладает тем преимуществом, что оно подрезает это древо, удаляя из него самые блеклые константы и украшая его моими собственными неизвестными. Н. Берберова: *Одиночество - обнажение всех ответов и разрешение всех скорбей*.

Обрести себя для людей чаще всего означает найти наиболее удобное и полезное место внутри коллективного шестерёночного механизма. Те же, кто догадываются о существовании неведомого и невоспроизводимого «я», обращаются к его миражу и оказываются одиноки как никогда. Г. Малер писал: *Sollte ich wieder zu meinem Selbst den Weg finden, so muß ich mich den Schrecknissen der Einsamkeit ausliefern - Если я должен вновь найти путь к своему «я», то мне придётся предать себя ужасам одиночества*. Это смирение есть душевное состояние, противящееся словам, но отдающееся самым высоким нотам. Какой писатель может быть здесь убедительнее

тебя и Бетховена? Не Чайковский ли: *Фатум непобедим; остаётся смириться и бесплодно тосковать*.

Оставаться один на один со своим ведомым «я» - значит углублять собственную пустоту и усиливать её тревогу. Именно очная ставка с «я» неведомым порождает и возвышает мой восторг, который воспринимается как благословенное пространство, чьё первое призвание - быть заполненным моим собственным голосом. Эта пустота у Начал противоположна пустоте у пределов, той, которую я испытываю среди других.

Сытые, плачущиеся о своём одиночестве между двумя званными обедами, боятся его пуще остальных, при этом без умолку болтая о его блаженствах. *Радость одиночества - вещь непонятная* - Паскаль - *Le plaisir de la solitude est une chose incompréhensible*, поскольку она, эта радость, есть вещь слишком низменная. В подлинном одиночестве рождается самая чёрная из мук и самая чистая из метафор. Ницше помещает фальшивые страдания еще выше по течению: *Пессимизм как плохо переваренный обед - Pessimismus als zurückgetretenes Mittagessen*.

Эти уединённые заметки приняли столь меланхоличный тон, что я назвал бы их предвечерними - в дополнение к Ницше, дневному, Валери, утреннему, и Чорану, ночному.

Высоко поднятая голова - низкая душа? Это почти всегда так. Высоко поднятая голова равносильна чистой совести, и такова повадка толпы. Прочие сочетания - почти экзотика: опущенная голова, низкая душа - отребье; высоко поднятая голова, высокая душа - герой; опущенная голова, высокая душа - философ.

Чтобы жить в вертикальном измерении, потребны смятенная совесть и желание грезить. Н. Берберова вводит нас в заблуждение: *Все люди могут жить по вертикали со спокойной совестью: для этого необходимо три условия - хотеть читать, хотеть думать, хотеть знать*. Но поскольку эти условия не исключительны, достаточно задуматься о месте своих званых обедов, дабы сохранить совесть чистой - на высоте своего газетного чтения.

Именно ночью, посреди развалин, лазурь лучше всего вписывается в линию нашего прицела. Я вижу себя в развалинах жизни. Другие разваливаются, предавшись мечте. Третьи и вовсе целят лишь в дневную серость, которой всегда можно коснуться или овладеть. Немецкая пословица гласит: *Mancher schießt ins Blaue und trifft ins Schwarze - Иной стреляет в лазурь (наугад), а попадает в черноту (в яблочко)*. Уж лучше лазоревый взгляд (*лазурный восторг* - Г. Гессе - *blauäugige Begeisterung*) перед серым горизонтом, нежели серый взор перед лазурью горизонтов. Сгущать крайне чёрное, дабы спастись от серого, - зачастую последнее прибежище.

Два противоположных культа: культ средоточия и культ первого шага. Средоточие, которым всё проясняется и лучится; первый шаг, рождающийся в тревожной тьме. Средоточие - проблема равновесия и покоя. Первый шаг - тайна разрывов и беспокойства, влечение к моим недосягаемым рубежам, согласие быть Открытым. Моё неведомое «я» обитает на моих пределах; его выговоренная ипостась занимает моё средоточие.

Каким бы абстрактным ни было любое из моих замечаний, мне никогда не удаётся оторвать его от собственного тела - то есть от ласки или

от боли, ввинченных в плоть моей речи. Валери говорит о плоти духа как о одном из неизвестных на интеллектуальном древе. Бесчеловечный платоновский псевдоаскетизм - умереть для плоти, дабы высвободить сущность и возродиться в бытии, - объясняет одержимость Древних ничтожным покоем души, прокладывает путь к нелепой идее воскресения и, главное, оправдывает нынешнюю роботизацию умов (*дух стадности* - *esprit de corps*).

Оптимизм поощряет чистую совесть - это пристанище стольких низостей; пессимизм же ведет нас к стыду, этой прихожей высоты.

Естественный оптимизм - удел сытого; именно поэтому я должен его лишь воображать. Поверхностный пессимизм гнетёт великих; именно поэтому я должен сделать его своим высоким и свободным выбором.

Сохранение душевного непокоя - одна из непрестанных забот поэта, но самый верный путь, к нему ведущий, парадоксален: культ слабости жеста, покой идей, мощь слов. *Вот грандиозный замысел: обладать слабостью человека и безмятежностью бога* - как завещал Сенека: *Ecce res magna, habere imbecillitatem hominis, securitatem dei*.

Свобода - понятие тем более сомнительное, что два великих чувства, стыд и жалость, откровенно враждебны ей. Свобода - это равенство даров духа, сердца и души. Приступ тоски гнетёт душу, жалость леденит сердце, омерзение опустошает дух. Но сегодня тоска проистекает от слабости сердца; жалость вычисляется умом без стыда; омерзение скрывается в душах, лишённых высоты.

Механичность рук, ушей и даже сердец увлекла людей к самой невзрачной горизонтальности, к земной шири, в жертву которой приходится приносить и высоту, и глубину - подобно Тристану, поверившему первой встречной Изольде Белорукой; она заставляет меня верить, будто парус чёрен, а лазурь - цвета крови. *Жизнь измеряется двумя мерами: горизонтальной - «белеет парус одинокий» - и вертикальной - «под ним струя светлей лазури, над ним луч солнца золотой»* - М. Пришвин.

Благородство чурается лёгкого, но трудное становится всё более мелочным. Величавое, однако, таится именно в лёгком. Единственным примирением для ревнителя высокой души остаётся тайное, подспудное превращение лёгкого в трудное, мелких неурядиц - в великий непокой, поскольку одни страхи рассеиваются страхами посильнее.

Благороднее стыдиться богатства и душевного покоя, нежели сносить бедность и нищету.

Сократ представил лишь одного свидетеля в своё оправдание - свою бедность. И всё же мне легче вообразить Сократа богатым, а софистов - бедными. Благородство - это значит быть светоносным внутри и повелевать внешними тенями. *Бедность может наложить тень на благородство, но не затмить его полностью* - Сервантес - *La pobreza puede anublar a la nobleza, pero no oscurecerla del todo*. Стыд бедняка рождается от слабости его света; стыд богача должен бы проистекать от надменной силы его теней.

Чувство и мысль могут быть либо сном теней, либо бодрствованием света, и гармония заключается в их верном чередовании. *Мысль - лишь сон*

обескровленного чувства - Новалис - *Das Denken ist nur ein Traum des erstorbenen Fühlens*. Печальный удел, грозящий нашему времени, - это чувство, сводящееся к бодрствованию мысли.

Там, где должен родиться христианин, непременно присутствие непокоя, - Кьеркегор. Безболезненные деторождение стало доступно любому человеку с содранной кожей; всё больше христиан предпочитают родильные дома, где покой заглушает всякий крик. Даже неистовствующий Эрос Валери позабыл пафос муки. Лишённые души более не имеют душевных состояний. Нищие духом более не нищи.

Душевный покой оборачивается подготовкой мелких, ничтожных столкновений. *Жить в покое - великое слово всех интеллектуальных трусостей* - Ш. Пеги - *Avoir la paix, le grand mot de toutes les lâchetés intellectuelles*. Непокой овладевает мужественным интеллектуалом даже не ищущим или хотя бы алчущим его: *vis bellum para pacem - хочешь войны, готовь мир*.

Чистый человек должен быть свободен и подозрителен - Ж. Кокто - *Un homme pur doit être libre et suspect*. Нынешний свободный человек обладает совестью без малейшего смятенья, тогда как человек подозрительный проповедует рабство. Чистота отдаляется, но грязь, всё искуснее фильтруемая, затапливает нас, оставаясь кристально прозрачной.

Начало - вещь самая тревожная. То, что следует за ним, есть простое распространение - Хайдеггер - *Der Anfang ist das Unheimlichste; was nachkommt ist blosse Verbreiterung*. И именно удушая этот спасительный непокой первого шага, человек попадает в адское колено (ни круг, ни цикл, ни спираль, но именно линейный прирост!)

распространения. Если бы он видел на конце хотя бы цветок или вершину… Но он видит там бытие, небытие или ничто - иссохшие пни.

Я живу соединеньем стыда, недоуменья и жалости - Б. Пастернак. Эта поразительная триада в точности соответствует трём главным жертвам нашей эпохи, которая замещает их душевным покоем, пресыщенным взглядом и машинной вялостью.

Всякая попытка философствовать, каковы бы ни были дары твоего пера, есть и может быть лишь поэзией (*изощрённой поэзией* - Монтень - *de la poésie sophistiquée*). *Философия становится поэзией под воздействием вдохновения, присущего гению* - Б. Дизраэли - *Philosophy becomes poetry, in the enthusiasm of genius*. Она является ею даже без вдохновения и гения; это поэзия становится философией при упадке глагола. *Поэзия будет поющим разумом* - А. Ламартин - *La poésie sera de la raison chantée*.

У этой книги есть действительно философские намерения: во-первых, мне хотелось бы, чтобы благородное (а значит, смятенное) сердце нашло в ней утешение, благодаря моему утверждению божественной бескорыстности блага и добра; во-вторых, мне хотелось бы, чтобы благородный (а значит, вселенский) разум нашёл в ней человеческий смысл, который заключается во владении границами между реальностью, представлением и языком.

Картезианство ничтожно, поскольку оно ставит операцию третьего порядка, мысль, впереди её предшественников - желания и чувства, кои не менее несомненны. И машина вскоре станет похваляться вполне конкурентоспособным размышлением, при этом не будучи терзаемой ни тревогами, ни восторгами.

Крылатая метафора далеко превосходит хромые силлогизмы - в уместности, в жизненности, в благородстве. И это не столько в силу высших дарований или ума художника, сколько по причинам более глубоким и рациональным: неведомое «я», это источник наших тревог, нашего любопытства или нашего творчества, не поддаётся учёным разборам и доступно лишь поэтическим метафорам. Однако жалкое современное поветрие релятивизма выставляет кабинетных учёных и художников под одной и той же вывеской - вывеской то ли бытовой банальности то ли занудной скудости коллоквиумов, учебников или публицистики.

Подлинные мыслители ведут свою генеалогию от лаконичных мистиков, таких как Гераклит, но говоруны - вместе с Сократом и Платоном - выставляют напоказ, посреди форумов, своё многословие. Говорун, в отличие от мыслителя, опирается на некое вселенское мировоззрение, на котором зиждятся его мысли. Блеклый мыслитель, Аристотель, затмевает, увы, блестящих говорунов от Гомера до Платона. Надо признать, что Новое время, прежде чем кануть в сплошную и неоглядную серость блеклых говорунов, знало немало блестящих мыслителей.

Рассуждаю ли я о раздражении от пчелиного ужаливания, об истоках ли своего непокоя или о фундаменте своих знаний - я включаю один и тот же мозг, опираюсь на тот же опыт и ту же логику, и доля абстрактности здесь одна и та же. Терроризировать людей трансцендентальными размышлениями, противопоставляемыми размышлениям эмпирическим или психологическим, - это жульничество университетских кафедрных крыс. Трансцендентальное «я», чувственное «я», психическое «я» - это один и тот же персонаж, который, перейдя к действию, становится

ведомым «я»; оставаясь же на стадии лишь возможного, он воплощается в «я» неведомое.

Оси, коими засорена философская сцена и на коих безраздельно царят серость и бесплодие: истина - видимость, объективное - субъективное, витальное - концептуальное. Две единственные оси, коими надлежало бы заниматься философии: ласки словесные и музыкальные, приносящие утешение человеку смятенному, и размышления о роли языка в переводе наших содроганий или наших догадок.

Кант: *Разум движим своим естественным влечением - направлять сознательную дерзость в его устремлении к запредельному знанию и находить там покой - Die Vernunft wird durch den Hang ihrer Natur getrieben, sich in einem reinen Gebrauch zu den äußersten Grenzen aller Erkenntnis hinaus zu wagen, Ruhe zu finden*. Всё это глубоко сомнительно: ведь для начала нужно выбирать ту ось, что влечёт тебя сильнее всего - ширь, глубину или высоту. Что до этого ничтожного покоя, завоёванного ценою знаний, я предпочёл бы ему учёное незнание, которое принесло бы мне больше головокружений. Упование неучёных стоит дороже самодовольства учёных мужей (в те времена, когда ещё можно было встретить оборванных мудрецов, Демокрит приписывал упование - учёным, а самодовольство - неучам).

Формулировать ограничения, а не цели - признак высшего ума. *Философствовать, не выстраивая системы, есть бегство от ограничений, борьба за свободу* - Гегель - *Das Philosophieren, das sich nicht zum System konstruiert, ist eine beständige Flucht vor den Beschränkungen, ein Ringen nach Freiheit*. Чем жёстче ограничения, тем вольготнее чувствует себя в них талант. Душевный покой, эта обретённая свобода, - ничтожное

системное требование. Философия - это Начало; всё прочее - возврат того же самого.

Понятия, с той же самой частотой, обволакивают и вздор, и мудрость. Наука не имеет никакого отношения к философии. Призвание философии - передавать музыкой и наши тревоги, и наши знания. *Философия - это искусство в своих целях и в своём творчестве. Но средство - изображение в понятиях - у неё общее с наукой* - Ницше - *Die Philosophie ist eine Kunst in ihren Zwecken und in ihrer Produktion. Aber das Mittel, die Darstellung in Begriffen, hat sie mit der Wissenschaft gemein*.

Вдохновение покидает иногда даже самого чуткого творца (надо вспомнить Гомера). Хороший писатель умеет использовать даже мгновения, лишённые вдохновения, воссоздавая его на своей странице: от евфонии - к эйфории. Плохой же берётся за перо лишь в состоянии экзальтации, и страница комкается от распущенных, бессвязных, аритмических: от эйфории - к какофонии. В этом обмякшем мире недвижная красота кажется изнурённой; уповать отныне можно лишь на содрогание пера.

Истинная головоломка для писателя - спрашивать себя не о том, для кого ты пишешь, а кто, собственно, пишет и кому ты вверяешься. Тщеславный разум или грешная душа - таковы кандидаты в родителя. Первый может иметь лишь одну аудиторию - людей; но у второй нет даже своего собственного языка. Душа издаёт лишь музыку, и она вверяет себя разуму, который и есть её единственный истинный слушатель и исповедник. Обнажённая душа внушает жалость, омерзение или тревогу; и разум становится её сообщником, палачом, самозванцем или всеми сразу. В худшем случае он возомнит себя судьёй, станет выставлять напоказ

признания, слагать приговоры или подыскивать процессуальные увёртки и смягчающие обстоятельства. Исповеди - самый лживый жанр.

О влиянии светил на литературу - чётко различаются четыре типа письма: утреннее, дневное, вечернее, ночное. Культивирующие надежду, ясность, падение или мечту. Рождающиеся из лени, действия, меланхолии или бессонницы. Живущие вне света, появляются и не поддающиеся классификации: Гомер, Дж. Мильтон, Дж. Джойс, Х. Л. Борхес; вне мелодии: Бетховен, Ф. Гойя.

Так много книг возвещают с первой же страницы либо мрак, либо радужность. И как много из них оставляют за последней страницей лишь серость, быстро рассеивающуюся в пустоту. Художник - это тот, кто перед своим холстом пытается не размахивать палитрой. Для письма достаточно бури в чернильнице или в стакане: *стакан воды питал бы те же страсти, что и океан* - Гюго - *un verre d'eau aurait les mêmes passions que l'océan*. Для взгляда всё так же просто: *довольно лазурного стёклышка, дабы видеть проходящие светила* - Э. Ростан - *Un rond d'azur suffit pour voir passer les astres*. Когда вам не хватит крови или чернил, вы, малодушные, обратитесь ко всей вселенной: *пусть кратер Везувия станет моей чернильницей* - Г. Мелвилл - *Give me Vesuvius crater for an inkstand*.

Истинным покровителем искусства всегда был торговец, терзаемый дурными воспоминаниями о пакостях, кои ему довелось совершить. Лучшей подательницей милостыни всегда была стыдливость. Отныне, безупречно чистая совесть одушевляет плотоядные инстинкты, которым найдено нужное русло, и эта совесть сулит будущему искусства мрачные перспективы, предвиденные второй Заповедью.

Уткнусь ли я носом в жизнь или же предамся самому необузданному вымыслу, моя речь будет нести в себе ту же долю моего таланта, моего знания или моих тревог. Дабы жизнь вставала из моих страниц, достаточно моего таланта. *Живи как пишешь, и пиши как живёшь, иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы* - К. Батюшков (*vivre sa pensée et penser son rêve*, этот модерный профессорский каламбур твердит то же самое). У жизни нет своей музыки, она полна шума, переводимого лирой или разумом - в ноты. Если я могу лишь переживать то, что написано, - это скверное писание; хорошее создано лишь для того, чтобы заставлять меня грезить.

Без стыда и тревоги автора искусство не стояло бы выше декоративных ремёсел; но если ты хочешь, чтобы услышали твой собственный голос, твоё искусство не должно нести на себе всего лишь его отголоски, кои всегда общи.

Оставаться у Начал, в коих с одинаковой вероятностью могут рождаться и счастье и боль читателя. Лишь твой талант должен быть за то в ответе - насыщенность, а не достоверность. Мы не владеем искусством. *Мы не должны платить за него ни страданиями, ни угрызениями совести*, - Ф. Пессоа. Порой воспевать мечту - значит приглашать ко сну.

Максима - единственный литературный жанр, в коем весомостью своей не торгуют, её навязывают. *Афоризмы, в основе своей, аристократический литературный жанр. Афорист не спорит и не объясняет, он утверждает; и в его утверждении сквозит убеждённость, что он глубже или умнее своих читателей* - У. Оден - *Aphorisms are essentially an aristocratic genre of writing. The aphorist does not argue or explain, he asserts; and implicit in his assertion is a conviction that he is wiser*

or more intelligent than his readers. Но в глубине души он знает, что его утверждения ценны лишь своими метафорами и что любой ум быстро выдыхается от дуновения иронии. Афоризм - не дом и покой, но руина и порыв.

Поэзия - единственное место, где ритмы мыслей и волны чувств претерпевают одну и ту же участь, дабы стать музыкой одного порядка. Поэт, в отличие от философа, не нуждается в фильтрах; он усиливает или преображает, дабы встревожить нас, а не утешить.

Поэт бросает в океан запечатанную бутылку с именем своим и описанием своей судьбы - О. Мандельштам. Повествования всегда пишутся в безмолвной заурядности, а приключения вносят лишь шум. Было бы лучше, если бы в этой бутылке обнаружили музыку - музыку, рождённую из тревоги океанской глубины и радости звёздной высоты, музыку, что привязала бы поэта-мореплавателя к мачте.

Свои истины человек помещает туда, где дольше всего задерживается его взгляд. Сравните кровлю одиночки, созвездие колебаний, и письменный стол добропорядочного гражданина, созвездие инструкций по эксплуатации. Истина гнетёт одиночку ещё сильнее; в конце концов он начинает уповать лишь на случайную, мимолётную ложь, которую разум сильных ещё не успел упорядочить.

Я погружаюсь в одиночество, ограждая себя от людей, и под конец обнаруживаю, что крепостную стену мою никто более не штурмует и мои собственные вылазки бессмысленны. На смену вдохновляющему благородству осаждённого приходит обезоруживающий непокой

оставленного. С каждой башни на меня нацелены безмолвные и бесполезные бойницы.

Подлинное одиночество - это невозможность от души посмеяться с кем-то над самыми чёрными из наших размышлений.

Лучший способ освободиться от социальной паутины - это уйти по-английски. Любое резкое движение будит паукообразных и их плотоядные инстинкты. Хотя бы ради этого бунт и гнев должны быть самыми незаметными из моих чувств. Следовало бы уметь превращать гневную жёлтую жёлчь в чёрную меланхолическую и не пытаться от неё отмыться. *Не будь хвастуном, ты, кому зло не может повредить* - святой Августин: *cui nec malitia nocet*. Даже не пожирая меня, само их присутствие уже есть пагуба для моей души. Эпиктет: *Они могут предать меня смерти, но не могут мне навредить*.

Смех Демокрита, обращаемый лишь на других, проистекает, возможно, из его жалости, а не из насмешки; плач Гераклита, обращаемый лишь на самого себя, проистекает, возможно, из его восхищения, а не из скорби.

Когда читаешь определения загадочного «я», формулируемые его суровыми исследователями, обнаруживаешь там то же молчание и ту же пустоту, что и в определениях самых стадных понятий. И они желают разместить там свой покой! В непокое же, по крайней мере, неизбежно открывается музыка, которая и есть, быть может, единственная - бесплотная! - цель существования, чьё внешнее исихастское безмолвие является лишь благодетельным и целомудренным ограничением. Х. Арендт: *Бесплотность чистой человечности - verrückte Irrealität der*

reinen Menschheit, - и эту тревожную бесплотность чаще стоит искать, нежели от неё убегать.

Два непростительных изъяна у всех Древних: искать ничтожный душевный покой (что равносильно посредственности и отказу от музыки, рождающейся из опыта низких и высоких нот жизни) и верить, будто бегство от толпы защищает от стадности (тогда как единственное заразное и губительное стадо передвигается во мне самом). Одиночество - всегда признак моего недуга. Моё одиночество исходит не из моего бегства от больных, но из бегства здравомыслящих от моего больного разума. Но более всего от этого пострадает моя здравая душа.

Один из возможных смыслов жизни: наделять одинаковым накалом и наше анахоретство и наше неистовство - лучшее средство против разочарований и крушения иллюзий; накал как смысл, вектор или мета-ценность на оси чувств. Чистота там смыкается со стыдом. Ни сладострастие не утоляет жизненной тревоги, ни аскетическое воздержание не порождает ничего священного.

Вожаки и ведомые сегодня пребывают в равной душевной безмятежности. Миновало время, когда *шаг был твёрже у того, кто следует, нежели у того, кто ведёт* - П. Корнель - *on allait d'un pas plus ferme à suivre qu'à conduire*. Во втором случае, знают, что путь непредсказуем; в первом, теряют интерес к любой праведности. Впереди я раздаю свои слова-первопроходцы, позади - плетусь по колеям идей, выбитых другими. В обоих случаях я буду следовать уже не за своей звездой, а за общей участью.

Для одних, к их адскому состоянию приводят другие; для других, напротив, страшно само одиночество, и мысль о том, что ты один, умножает их муку. Не вижу, какое облегчение обретает тот, кто нежится среди стада. Ад - это состояние неверия в рай, то есть неумение любить. Именно уходящая любовь толкает в ад самые смятенные души героев - Одиссея, Орфея, Геракла, Иисуса.

Я часто чувствую себя последним пьянчугой в этом трезвом веке.

Мир моего детства не был делом рук человеческих; в нём царили дерево и медведь. Человеческие же проявления были полны ужаса и уродства. Кюстин: *Именно очеловеченные медведи заставляют меня жалеть о медведях диких - Ce sont des ours façonnés qui me font regretter les ours bruts*. Причастность к этому непонятному миру наполняла меня полуденной, смиренной и благочестивой радостью. С тех пор я живу в мире, созданном исключительно цивилизованным человеком, с безупречным вкусом, во всей прозрачности и любезности; дерево здесь уступило место лесу, а затем - парку; гордыня и неверие проникают в мой механический непокой, дабы ещё твёрже подчеркнуть мою непричастность к этому миру.

Паскаль: *Несчастье человека проистекает от его неумения спокойно пребывать в спальне - Le malheur : ne pas savoir demeurer en repos dans une chambre*. Подлинное несчастье - это неумение пребывать в ней в одиночестве. Даже кровли сегодня служат лишь для того, чтобы оттуда окликать других. Покой - это задумчивое состояние разума; души же зовут к смятенью.

Одиночество отупляет, опошляет аппетиты и обесценивает мускулы. Л. де Вовенарг: *Одиночество для разума - то же, что диета для тела - La solitude est à l'esprit ce que la diète est au corps*. Оно заставляет держаться за форму более, чем за суть. Одиночество, будучи полезным для похудения пресыщенных мыслей, в чрезмерных дозах оно убивает голодающие чувства. Диета есть причина возрождения тела; одиночество же есть следствие страждущего разума. И диета, и одиночество помогают расслышать тревоги души, заглушая как тревожные сигналы тела, так и успокаивающие признаки разума.

Классики никогда не понимали ни одиночества, ни неведомого «я». Гёте: *Одиночество - прекрасная вещь, когда живёшь в мире с самим собой - Die Einsamkeit ist eine schöne Sache, wenn man mit sich selbst in Frieden lebt*. В глубине моего существа возникает столько призывов, ощущений, вопросов, непереводимых на мой язык дел, образов, идей, теорий, и этот крах - вернее, это поражение - есть самый фундаментальный факт моего созревания. И всё же это голоса самые подлинные, неопровержимые. Романтизм начинается с невозможности согласия с самим собой и с открытия абсолютного одиночества своего неведомого «я».

Доля мелочности одинакова у людей стадных и одиноких. В одиночество ввергаешься не тогда, когда следуешь великому делу, а когда стремишься к высокой мечте. Достоевский: *Люди забывают о великом и погрязают в мелком. В одиночестве не так: человек крепнет в самом себе, становясь готовым к великому.*

Н. Шамфор: *Уметь говорить «нет» и уметь жить в одиночестве - вот два единственных способа сохранить свою свободу и свой характер - Savoir dire non et savoir vivre seul, sont les deux seuls moyens de conserver sa*

liberté et son caractère. Этому так хорошо научились, что свобода превращается в пустословие, а характеры суть клоны. Мудрец склонен говорить «да» и переставать жить, едва оказавшись в толпе. Чтобы произнести монументальное «да», нужно опираться не на близкое «ты», а на далёкое «мы», вопреки П. Элюару, писавшему: *Именно отправляясь от тебя я сказал «да» миру* - *C'est à partir de toi que j'ai dit oui au monde* - «Да» должно быть бесконечным, в отличие от «нет». П. Рикёр: *радость «Да» в скорби конечного* - *La joie du Oui dans la tristesse du fini*. И всё же то, что конечно для чувств, может быть бесконечным для смысла.

Чтобы войти в одиночество, человеку нужно удалиться из своей спальни столь же решительно, сколь и из общества - Р. У. Эмерсон: *To go into solitude, a man needs to retire as much from his chamber as from society*. Ах, если бы одиночество было делом только шагов и пространств! Оно начинается, увы, с рокового выбора звезды, с которой тебя не сблизит никакой шаг, и которая изолирует тебя, где бы ты ни находился. Под звёздами свобода есть одиночество и печаль; на улице же она - радость. Но оказаться вовсе без звёзд - значит пребывать в глубоком аду, где *раздаётся грохот бед, в высях беззвёздных* - Данте - *alti guai risonavan per l'aere sanza stelle*.

Всякое безусловное отличие взгляда обрекает его носителя на леденящее одиночество тревоги - Ницше - *Jede unbedingte Verschiedenheit des Blickes verurteilt den mit ihr Behafteten zu den Frosten und Ängsten*. Речь идёт лишь об отличии по высоте, но не по глубине или ширине.

Человек идей и машин, создатель поэм и законов, есть неутомимый созидатель руин - О. Пас - *El hombre, inventor de ideas y de artefactos, creador de poemas y de leyes, es un incesante creador de ruinas*. Где, наконец,

его не обременят ни законы, ни машины, ни идеи. И где поэма предоставит ему кров, дабы восхищаться звёздами. Ибо этот созидатель руин, из какого бы жилища он ни исходил - из хижины или Замка, - мне милее того, кого Господь вскормит в пустыне и назовёт восстановителем развалин, по словам Библии. Восстановленный покой или непокой руин - удел туристов или иронистов.

К счастью для града, признаваться в своих ранах стало постыдным; выставляемая напоказ безмятежность отныне оберегает нас от лирических потрясений и оставляет приторной демократии заботу о наших всё более сглаженных эпидермах. Изъяны души противопоказаны отлаженным экономическим шестерёнкам, которым следует всё человечество.

Близость, искомая по причине страдания, почти всегда фальшива. С врачевателем душ лучше всего общаться с умиротворённой плотью. Сближают лишь необъяснимые ликования, делимые средь кораблекрушений. Радости прекрасны, лишь когда они нежданны; страдания - лишь когда они вызваны твоими собственными порывами.

Знающий, но не реализующий своего знания, - частый источник моральных расстройств. С этой точки зрения, знание противоположно чистой совести, то есть самодовольству своими достижениями, при отсутствии подлинного знания.

Работа забвения или скорби: каждая эпоха выделяет или хоронит своих усопших: Бога, историю, случай. Опровергнутую мысль, равнодушную женщину, ускользающее слово следовало бы трактовать как пропавших без вести, а не как потерянных. Меланхолия исчезновения, а не грусть или ностальгия потери.

Дух нисходит не для того, чтобы озарять, а чтобы веять. Он - кров, полёт, парус, возвещающий зыбь, несомую волною: он - падение или крушение в конце беспокойного странствия.

Я не знаю, почему самые светоносные подъёмы чувства рождаются посреди самой мрачной и сокрушительной тоски, где к тому же уживается иллюзия самопознания: *Мы ищем как можно более великой скорби, дабы стать самими собой* - Селин - *On cherche le plus grand chagrin possible pour devenir soi-même*.

Древние, страдая от неутолимой жажды, ободряют тебя своей гармонией и разумом; а наши современники, плохо переваривая свои званые обеды, обрушивают на тебя картины тревоги и безумия. *То, чего он желает, исполняется в силу самого того, что желание его остаётся неутолимым* - святой Григорий Нисский.

Скорбь служит материалом для словесных подвалов королевских Замков, чьи руины хранят её эхо и наследие. А. Ахматова: *Всего прочнее на земле - печаль и долговечней - царственное слово*.

То, что душевный покой есть признак глупцов, хорошо известно; но то, что страдание, ничего не давая чувствам ни блага, ни красоты, делает человека умнее - наблюдение неопровержимое и загадочное. Право, кажется, будто крылья растут лишь из ран.

Угрызения совести и стыд настигают меня, едва я оставляю своё дело - всегда отупляющее - и предоставляю досуг своему суетливому и утомлённому разуму. Отсюда призыв глупцов: *Находите покой в труде, ни в чём другом его не найти* - Д. Менделеев.

Печаль равно навещает и глупца, и чуткого человека, когда они остаются одни; а вот в присутствии других проявляется твоя омрачённая бодрость. В противовес Марциалу: *Истинно тужит тот, кто тужит без свидетелей - Ille dolet vere, qui sine teste dolet*.

Когда я сам являюсь климатом, я принимаю как своё бедствия и крахи, коими осыпают меня слепые времена года: *Всё, что приносят мне твои времена года, - пища моя, о Природа* - Марк Аврелий. Быть самому природой, которую не озаряет и не искушает никакой путь. Ницше: *Природа, которой мы являемся, омрачилась - ибо у нас не было пути - Die Natur, die wir sind, verfinsterte sich - denn wir hatten keinen Weg*. Пусть же мой динамизм утверждается в умении хранить мою недвижность, полную прекрасных теней неведомого света. Непокой как причина и непокой как следствие. Художник использует первый как энергию, питающую его высокие ритмы; философ же удушает второй как следствие низких алгоритмов. К слову, если искусство и выживет, то лишь потому, что *никогда не иссякнут - счастливые ли, несчастные - причины непокоя* - Сенека - *numquam derunt vel felices vel miserae sollicitudinis causae*.

Жалкую ли цель преследую я во внешнем, доступном мире или во внутреннем мире моего недоступного «я» - финальная скорбь настигает меня с той же непреложностью. Я могу смягчить её лишь накалом жизни, что превыше всех печалей, - накалом, который я создаю музыкальным и парадоксальным согласием между чудесным миром и моим «я», не менее чудесным.

Между бытием и становлением, сими двумя тайнами творения божественного или человеческого, вклинивается существование. Между восхищённым головокружением и экстатическим вымыслом укореняется

тревога существования. Педанты, пережёвывающие свои механические классификации, не затронуты этими потрясениями; ревнуя к поэтам, они мнят себя невозмутимыми учёными. Кант: *Неучи мыслят материю столь тонкой, столь утончённой, что у них самих от этого кружится голова - Unwissende denken sich die Materie so fein, so überfein, daß sie selbst darüber schwindlig werden*.

Чтобы вынести животворящую музыку, которую неудержимо поют сирены, мой слух должен вынести столько муки, тех мрачноватых самоограничений, без коих моя звезда, возможно, не обрела бы всего своего блеска. Но столько завсегдатаев безопасных мысов пытаются отвлечь меня от следования моим созвездиям и советуют мне затыкать уши. Посредственная утопия - это надёжная гавань; музыка - это подлинность, глубокая и насыщенная. Чайковский: *Жизнь есть чередование действительности с грёзами - пристани нет*.

Ласка, похоже, стоит не только у истоков Творения, но и является его конечной целью, поскольку самые неодолимые мои горести проистекают от отсутствия ласки для моей кожи, моего лица или моего разума; ибо мать моя или моя возлюбленная, ровня моя или брат, коллега мой или соперник - не всегда рядом, дабы поддерживать мой грандиозный непокой и не давать скользить к унылой тревоге.

Когда я в равной степени открыт и стыду и иронии, я легко смиряюсь со взглядом на скорбь как на чувство облагораживающее, бесстрашное и высокое, и с точки зрения Монтеня: *Печаль вредна, труслива и низка - La tristesse est nuisible, couarde et basse*.

Почему, вслед за страданием, предчувствуется пришествие мечты или любви? - тайна. Один из тех редких случаев, когда явление теней опережает свет и служит его обетованием. Страдание воздвигает непроницаемый экран, на который неведомое отбрасывает свой свет.

Радость тем живее, чем лучше она обходится без формы и сосредотачивается на сути; страдание же возвышает нас лишь тогда, когда обретает благородную форму. Здесь нет никакой симметрии. О. Уайльд: *Стоит найти выражение для своей скорби, и она станет вам дорога. Стоит найти выражение для радости, и вы сделаете её экстаз ещё острее - Find expression for a sorrow, and it will become dear to you. Find expression for a joy, and you will intensify its ecstasy.*

Сколько учёного вздора наговорено об истинах, кои освобождают, и о знаниях, кои исцеляют. Знание лишь утишает жизненный недуг - стыд. Истина лишает меня желанного ярма - любви. Неудивительно, что подобные лекари видят в любом желании смятенного человека лишь извращение, притворство или отчуждение.

Из-за стыда быть развесёлым, человек становится восторженным. Гюго: *Меланхолия - это счастье быть грустным - La mélancolie est le bonheur d'être triste*.

Банальная тревога - не чувствовать себя человеком своей эпохи, видеть себя непонятым современниками, видеть себя исключительно в будущем; подлинный же непокой начинается с невозможности чувствовать себя дома, когда любое место видится изгнанием. Хайдеггер: *В тревоге человеку не по себе - In der Angst ist einem unheimlich*.

Самая драгоценная ясность - та, что оправдывает наш непокой. Страдать по неясной причине невыносимо. Однако лучшая радость - слепа.

Бог наделил человека мечтами и тревогами; всеобщая же машинизация превратила их в просчитываемые проекты и контролируемые объекты.

Безмятежность присуща нынешней блаженной толпе, непрестанно размышляющей. И как не оценить тройную западную иронию, читая сию восточную мудрость: *Без размышления откуда взяться безмятежности, а без безмятежности откуда взяться блаженству?* - Бхагавад-гита. Этот мир переполнен умственной жвачкой и душевным покоем, кои приносят роботам самодовольство. Смятенное блаженство сокрыто в рождении и в слушании музыки посреди жизни. И праведная музыка, вместо того чтобы баюкать нас в механической безмятежности, колеблет нас и заставляет страдать, не давая тому ни малейшего объяснения.

Счастье вдохновляет несчастного; несчастье втягивает счастливого - прилагательное принадлежит нам, а имя принадлежит Богу. Я несчастен, поскольку страдаю; я счастлив, поскольку обладаю душевным покоем. Но именно страдание меня возвышает, и именно посредственность меня давит. Счастье - летуче, несчастье - ползуче.

Самая чёрная сухость легче ютится в ясности улыбок, нежели в сумрачной скорби. Самая плодотворная вода истекает из чёрных туч.

Как и всякая борьба с реальным вместо вымышленного, боль тоже выступает на поверхность будней и погружает нас в посредственность. Не надейся достичь через страдание ни высоты, ни глубины. Ницше: *Я*

сомневаюсь, что подобная боль исправляет, но я знаю, что она нас углубляет - Ich zweifle, ob ein solcher Schmerz verbessert, aber ich weio, dao er uns vertieft. Она лишь укрепляет позиции, завоёванные без боя.

Разум, пусть он и более лучезарен, нежели душа, пытается оторвать нас от мрачных мыслей, но душа неизменно устремлена к печали. М. Лютер: *Мы никогда не выберемся из печалей, если будем постоянно щупать у себя пульс - Wir kommen nie aus den Traurigkeiten heraus, wenn wir uns stondig den Puls fohlen*. С тех пор как люди ощупывают лишь свой мозг, они не знают лихорадки, но всякая радость отныне лишь разумна.

Меланхолия есть вопрос температуры души. Тепловатость делает её атавистичной, сплавленной с холодным рассудком. Но рассудок, которому душа передаёт свой огонь, становится разумом. И заёмщица либо пользуется им, чтобы кормиться самой, либо кормит его, дабы ему служить - задымлять или парфюмировать вселенную.

Я вверяю себя чернильному потоку, и он несёт меня к болоту печали. Оставим жидкую стихию в самом неестественном для неё состоянии - состоянии вымышленном, в неподвижности. Это её лучший шанс и впредь вызывать во мне образ своего идеального сосуда - моей души.

Высота - свойство, позволяющее сопрягать в одной и той же мелодии самый высокий подъём с самой глубокой печалью. Прочие измерения добавляют человеческой широты, но размывают божественный накал.

Меланхолики некогда были самыми блестящими из бумагомарак, они уносили нас в края без имени и даты. Аристотель: *Все исключительные люди, философы и поэты, суть избранники и жертвы меланхолии*. Сегодня

меланхолия редко превышает горизонт мелких разочарований, мелких самолюбий, посреди мелких событий, где изнывает от тоски развесёлый проходимец.

Сторонник нелепицы сводит всё к проблеме знания; смятенные и умиротворённые якобы обязаны своим жалким состоянием какому-то взаимному отторжению. Тогда как подлинный непокой проистекает от совести, которая сильнее науки, а подлинный душевный покой - от науки без совести.

Боль, описанная американским варваром, или жажда, провозглашённая сытым европейцем, - подумай об этом, чтобы взгляд более чистый, нежели твой, не увидел в твоей внутренней тьме лишь сносно читаемую серость.

Ни наша непрерывность, ни наша пунктирность не воспроизводят ничего точного в сущности мира; и тревоги наши истекают из этого разделения, а не из наших пробелов или несовершенств. Наш непокой прекрасен, ибо сия бездна или роковая пустота в наших знаниях создана для того, чтобы порождать эхо и сотрясать нашу душу; разум же, созданный для рассуждений, ищет всегдашней непрерывности, получая в придачу душевный покой, и в конце концов обезображивает нас.

Человек ценен меланхолической мягкостью своих речитативов и гимническим неистовством своих унисонов.

Исток меланхолии: несмотря на все попытки укоренить её через «почему» и «как», «что» продолжает дрейфовать, а «кто» теряет свой курс.

Хороший рецепт, дабы смягчить мои тревоги: придавать времени высоту вечности, а вечности - глубину времени. Пусть вес мой измеряется в единицах невидимых весов; пусть ты будешь ближе непознаваемому, нежели познанному.

Нормальное, вернее, желаемое состояние души - это беспокойство или боль. Отсутствие сих атрибутов лишает душу её сущности, но подкрепляет решимость разума. Чоран, замечая ложные заражения, писал: *Когда душа больна, редко бывает, чтобы мозг оставался незатронутым - Quand l'âme est malade, il est rare que le cerveau soit intact*. Когда душа здорова, уже не душа пытается петь или танцевать.

О полезном употреблении меланхолии: весёлое, умиротворённое состояние уплощает наши гаммы, делает наши уши слишком ироничными к героическим или лирическим аккордам, вырывает нас из высоты. Чоран: *Отчаяние меня не угнетает, оно меня приподнимает - Le désespoir ne me déprime pas, il me soulève*.

Утешение - эта основная цель жреца и философа - заключается в том, чтобы отвести зачарованный взгляд, прикованный к непоправимой ломке, и вверить этот взгляд некоему постоянству, на которое можно наклеить ярлыки вечного, абсолютного, бесконечного. Любопытно то, что смысл, вкладываемый в этот жаргон верующими или педантами, несовместим. И всё же благо и красота - эти донельзя хрупкие струны, подвластные капризам и случайностям, - единственные опоры подлинного утешения.

Страдание: индивидуальное Благо, больше не находящее перевода ни в жест, ни в слово, ни во взгляд; редкая Красота, становящаяся безвкусной и теряющая всякую пртитягательность; общая Истина, удушающая всякую

выдумку, всякое утешение, всякую мечту. Противоположность страдания - самоуверенность блага, инерция красоты, покой истины.

Именно во сне отчётливо проявляется наша склонность к скорби или к радости. К несчастью, дабы поведать свой сон, нужно проснуться - Сенека - *somnium narrare vigilantis est - рассказывать сон свойственно бодрствующему.* Хандра - уловка тех, кто утаивает свою радость. Блаженство любят лишь когда оно озаряет омрачённое чело.

Будь она светоносной или сумрачной, величавой или лукавой, всякая прекрасная музыка вызывает у нас слёзы на глазах. Стало быть, сама изнанка нашей души, по сути своей музыкальная, в силу странного божественного каприза обречена на меланхолию: стоит лишь всколыхнуть наши струны, как непреодолимое потрясение настигает наши беззащитные глаза.

Самая чистая меланхолия рождается из восторга: человеку не удаётся удержаться на своём экстатическом пике, и в конце концов он начинает жить лишь памятью о нём - нежной, мимолётной, упоительной и вечно прекрасной. Падение, смягчённое ласками. Наименее благородная меланхолия кроется в разочарованиях: ожидались бездны или вершины, а оказываешься в посредственности - тоска, вырядившаяся меланхолией.

Я - Янус, обращённый одним ликом к душе, а другим - к разуму; и меланхолия рождается из контраста между ними. Душа живёт в музыке, где гармония блага объемлет мелодию красоты и накал благородства; разум же поднимает шум вокруг слов, образов, идей, которые завершают свой путь в заурядности дел, напрочь лишённых высоты, в которой укрываются мечты души.

Источник и Исток - две разные среды; покой моего неведомого «я» покоится в моих источниках, а непокой моего ведомого «я» заправляет всяким созидательным истоком. Изначальное единство - без языка, без представления, без границ - властвует в источниках; разрыв, развенчание, открытость сопутствуют всякому извержению истоков. Ларошфуко: *Когда человек не находит покоя в себе самом, бесполезно искать его в других местах* - *Quand on ne trouve pas son repos en soi-même, il est inutile de le chercher ailleurs*. Но что, если моё подлинное «я», неведомое и неуловимое «я», находится в другом месте? - как и настоящая жизнь.

Дабы поддерживать себя, страсти души, как и память разума, нуждаются в периодическом обновлении и освежении. И за это берутся талант и/или воля, иначе страсть перерастает в меланхолию, а устаревание расстраивает память. Но никакое механическое повторение не заменит органического оживления.

Изгнание - состояние разума, наиболее благоприятное для свободного письма. Псалмы Давида, Петрарка, Данте, Дж. Бруно, Рильке, В. Набоков, Чоран. Поскольку душевный покой стал для современного француза вполне достаточной отчизной, перспектива внутреннего изгнания влечёт теперь разве что Декартов да Гюго.

Яростно очернять землю, дабы заслужить на небесах светоносную обитель, - мечта пессимиста. Мечта оптимиста - сойти в преисподнюю, дабы не опуститься до пошлости в искусственных раях.

Смех и слёзы - два душевных настроения одинаковой полезности и накала для выражения счастья; первое настроение- глубина, второе - высота. Следует посмеиваться над счастьем понятым и плакать - над

счастьем непостижимым. Несчастье же должно погружать в молчание и бесстрастие.

Философия возможна потому, что тревога или безмятежность у одного и того же человека нуждаются в приукрашивании, и ум предлагает им средства одинакового качества. Именно в душе находится лучший сейсмограф. Цицерон: *Философия есть возделывание души* - *cultura animi philosophia est*, а Хайдеггер вознамеревался осквернить эту философию своей заботой о бытии.

Тьма наших дурных дней - ценный ресурс и материал, который не следует портить или растрачивать в круговороте друзей или книг. Дуновение воздуха тем упоительнее, чем невыносимее окружающий меня свинцовый гнёт.

Чувствовать себя несчастным - невелика заслуга. Для этого довольно измерить ширь своего одиночества или горечь испитого стыда. Чтобы чувствовать себя счастливым, необходим редкий дар - позволить чуду мира и удивления перед жизнью увлечь тебя. Уметь быть счастливым и несчастным одновременно - значит быть философом, поскольку быть несчастным в глубине и счастливым в высоте создаёт такую гамму свободы, из которой и родится моя музыка с мрачной изнанкой и светоносной формой.

Культура - это не то, что спасает от жизненного кораблекрушения - Ортеги-и-Гассета - *Cultura es lo que salva del naufragio vital*, она - то, что делает более патетичным стиль наших посланий, вверенных бутылке на борту этого корабля-призрака, коим является жизнь. Возможно, именно это имел в виду Ницше: *На корабли, философы!* - *Auf die Schiffe, ihr*

Philosophen! (пронырливые философы со времён Паскаля знают, что они уже роковым образом взошли на борт). Их гаванями непокоя служат их собственные обломки: дабы *удерживаться, подобно Пиррону, наплаву в океане разума* - Байрон - *to float, like Pyrrho, on a sea of speculation*. Два способа толковать вечный возврат - сжигать свои корабли, беречь содержимое своей бутылки.

Меланхолия и обидчивость имеют один исток - нехватку ласки; однако при обидчивости горечь испытывает самолюбие, тогда как при меланхолии страдают душа или эпидерма; обидчивость заставляет ненавидеть мир, а меланхолия - любить его.

Расстояние между неспособным и состоявшимся человеком, куда прежде пристраивался и неудачник. Впрочем, для последнего, это расстояние, в справедливом обществе, сократилось настолько, что у него осталось не так уж много путей, дабы встроиться в это общество, но твердить о своей уникальности. Именно эта неразличимость гнетёт его сильнее всего.

Ничто из того, что принадлежит уму человека, не устоит перед овладением машиной: логика, язык, стиль, свобода, случай, вымысел. Некоторые душевные состояния - достоинство, смирение, меланхолия, оптимизм - также смогут быть сымитированы. Я вижу лишь один вид наслаждения - тайную ласку, и лишь один вид скорби - страдание в радости, которые не поддадутся машинизации.

Среди наших бедствий, как и среди наших блаженств, встречаются необъяснимые странности, ускользающие от любой причинности и не способные проявить свои истинные источники. Так тревога, как и любовь -

в противоположность страху или дружбе - застигают нас врасплох, без каких-либо предваряющих их читаемых или внятных признаков. Некоторые называют это отсутствие причины - ничто. Хайдеггер: *Объект тревоги предстаёт как ничто - Das Nichts stellt sich als das Wovor der Angst heraus*.

Откуда берутся стыд и восторг, чей союз лучше всего выражает твоё существо? Быть может, это смятение перед твоим ведомым «я», столь ограниченным и прозрачным? Вера в твоё неведомое «я», смутное и бесконечное? Это напоминает сартровскую *Тошноту* от бытия-в-себе, смыкающуюся с Тревогой перед бытием-для-себя. Восторг, находящий в ужасе ободряющую близость.

Те же тревоги подстерегают всякого смертного; каждый ищет своего утешения в зависимости от своих талантов, своего ума, высоты своего взгляда. На деле творец мало чем отличается от садовода или детородителя. Все преуспевают в своих началах, все терпят крах в финале. Не питай на сей счёт излишних иллюзий. Ницше: *Творчество - вот великое избавление от страдания и облегчение жизни - Schaffen - das ist die große Erlösung vom Leiden, und des Lebens Leichtwerden*. Творцом являешься лишь тогда, когда целиком занимаешься древом жизни: его корнями, его цветами и его тенями, размещая там свои неизвестные - источники изначального света и конечной тьмы.

Стать моих радостей и моих невзгод определяется моим собственным взглядом: я ищу возможность объять их неутешительную глубину; я пытаюсь заставить их выступить на умиротворяющей поверхности; я возношу их в трепещущую высоту.

Лишь сытый обыватель или слабоумный умеет не страшиться одиночества, боли, непризнания. Но тревога, настигающая каждого, претворяется в созидательную дрожь лишь у поэта.

Жить восторженно, с болью, ввинченной в душу, - таков, по-видимому, божественный удел. Тот же, кто преодолевает боль в пресности равнодушия, ближе к зверю, нежели к ангелу. И пророчество Достоевского: *Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог*, - непреложнее приведёт к земному роботу, нежели к Владыке небесному.

Очищенное от любых потусторонних размышлений или от искомого душевного покоя, христианское или буддийское понятие спасения смыкаются с моим утешением - этой временной химерой, спасающей наши высоты от падений, коими грозит нам страдание. Истина бессильна там, где благо и красота заставляют натягиваться наши лучшие струны.

Размахивать своими мирными убеждениями столь же неискренне, сколь и выставлять напоказ свои содрогания. Даже мои судорожные колебания на меня не похожи. Какая печаль - осознавать, что ближе всего мне то слово, в которое я пытаюсь вложить своё искривлённое лицо или невнятную музыку своей души.

Плыть вслед за знаниями значит держаться прибрежных путей в виду земной тверди. Вкус же есть зов простора (неверного), глубины (тревоги) или моей звезды (благородства), что предлагают себя в вожатые. Обделённые вкусом видят его в загородных прогулках. Б. Дизраэли: *Вкус - это искусственный канал. Знание плавает по океану* - *Taste is an artificial canal. Knowledge navigates the ocean*. Хороший вкус заключается в том, чтобы призывать бесстрастные знания лишь ради того, чтобы приводить в

волнение. Головокружение есть дело земли, которая уходит из-под ног, или воздуха, требующего крыльев. Вода, как и огонь, - стихии второстепенные в навигационной школе жизни. Едва коснувшись жизни, они подталкивают её к крушению.

Тревога и язык - таковы два единственных объекта подлинно философского размышления. Душа и разум представляют собой единый орган для этих двух функций, и орган этот зовётся гуманизмом. Сегодня у большинства людей он обескровлен многочисленными инъекциями двух вирусов - бараньего и роботического.

Мирная жизненность нынешней орды обусловлена нравственным наследием жены Лота: никто более не поворачивает головы, слыша вопли о помощи, не останавливается ни один караван. Если вам не хватает соли земли, если ни один столп более не прерывает однообразия ваших неброских форумов - вы знаете каков был изначальный жест.

Красота без силы и сила без красоты - вот что проливает свет на исток тревоги художников или душевного покоя бюрократов и технарей.

Недуги, подстерегающие нас на любом пространственно-временном жизненном этапе, столь тягостны, что приходится искать радикальные средства, дабы дать одурманить себя ими. Самые желанные зовутся философскими утешениями - этими ласками разума, расточаемыми страждущему телу или душе. Греческое слово *pharmakon* передаёт это лучше всего: одновременно яд, колдовство и чары, нейтрализующие тревогу, возвышающие мечту, воспламеняющие взгляд.

Перед лицом печали всякий человек помышляет об утешении: Шопенгауэр его презирает, Кьеркегор отвергает, Ницше изобретает. Философ - тот, кто умеет примирить эти три подхода.

В каждое мгновение тревоги, боли, бедствия прижимают нас к нашей юдоле слёз; дабы возвести очи к счастью, которое хотело бы нас нести, потребны праведные крылья. *Счастье связано с движением вверх* — П. Тейяр де Шарден - *Le bonheur est associé au geste de monter.*

Вживаться в свою печаль или низводить её до состояния руин. Ностальгия и меланхолия перед лицом неба, в противовес рутине перед лицом горизонтов.

Для души, жить значит трепетать в непокое сладострастия и страданий, а для рассудка - нежиться в покое пресыщенного счастья.

Сердце, душа, разум - все трое находят пищу для своего выражения в царстве теней: призрак, мечта, понятие - дабы трепетать, устремляться ввысь или углубляться. Волнение первых двух порождает, роковым образом, страдания, тогда как разум продвигается лишь в затишье; мыслить - успокоительное, чувствовать - возбуждающее. У души нет своего языка, и её вынужденное безмолвие переживается как печаль или тревога. Душа - в аналогии, а разум - в цифре; смысл же - их братание. Меланхолия: душевное состояние, переданное словом разума.

Душа моя жаждет священной музыки, но лишь разум или плоть слагают гармонии, мелодии и ритмы, которые часто теряют задушевность, - таков источник подлинной тревоги. И как это мелочно и сухо - видеть её в свободе (Кьеркегор), в ничто (Хайдеггер) или в обоих сразу (Сартр)!

Они попытались довести тревогу до состояния всего лишь заботы и завершили путь, по инерции, в рутине. Руины - дом, открытый для тревоги и восторга - эти руины модернизировались, превратившись в унылый, безвкусный дом расчёта. Ночь становится ясной лишь благодаря неону.

Утешение не останавливает слёз, но делает их священными; примирение же не обезвреживает скорбь, оно её лишает священности.

Когда самый бесстрастный из мыслителей обрушивает на меня: *Тревога - моё подлинное ремесло* - Валери - *Angoisse, mon véritable métier*, я понимаю, что моё видение утешения как половины любой славной философии отнюдь не преувеличено.

Цель утешения - не в том, чтобы приносить оптимистическую радость, а в том, чтобы возвышать или облагораживать пессимистический непокой, который нас никогда не оставит.

Страдание становится прекрасным, когда вместо того, чтобы быть переносимым твоим бесчувствием, оно *держится величием твоей души* - Аристотель. Но человечество продвинулось больше в обезображивании, нежели в высотомерах, и красота превратилась в анахроничный объект раскопок и руин. Худшее из бесчувствий кроется не в теле, а в угасающей душе. Благо растворяется в законе, красота увядает в душевном покое. Торжество одной лишь истины - это сумерки человека-поэта.

Я не знаю, войны или мира прошу я у Бога, но стыд от того одинаково велик - Петрарка - *Né so se guerra o pace a Dio mi cheggio, ché 'l danno è grave, et la vergogna è ria*. Война против других и мир с самим собой - источник величайшего из стыдов. *Bellum omnium contra omnes* - так

было когда-то; ныне же повсюду царит *pax omnium cum omnis*. Мудрец стремится к миру с другими и всегда найдёт *causa belli* против самого себя. *Из конфликтов с другими мы удерживаем риторику, из конфликтов с собою - поэзию* - У. Б. Йейтс - *Of our conflicts with others we make rhetoric; of our conflicts with ourselves we make poetry.*

Смирение заключается в том, чтобы видеть себя в плену печали менее великим, чем ты есть - Спиноза - *Abiectio est de se præ tristitia minus justo sentire*. Вот почему среди горделивых и прозрачных счетоводов, самых расхожих твоих обожателей, не встретишь много смиренных. Ведомое «я» может быть глубоким, но смирение заключается в признании того, что оно никогда не поднимется так высоко, как «я» неведомое. Или же в том, что в материях глубоких мы все взаимозаменяемы; гордыне там нет места.

Едва мы начинаем взвешивать наши заслуги, как оказываемся в плену едкой обидчивости или пресного самодовольства чистой совести. Гёте: *Сама бедность делает гордым, если она незаслуженна* - *Armut selbst macht stolz, die unverdiente*. Гордость почти всегда заключена в согласии, даже если к нему примешиваются соль или жёлчь. Г. Гессе: *Несчастье становится счастьем, когда ты говоришь ему «да»* - *Unglück wird zu Glück, indem man es bejaht*. Полезно было бы вспомнить великий ницшеанский урок об *высвобождении от мести* - *Erlösung von der Rache* страждущего человека.

Зверь живёт в согласии со своим действием, а ангел - со своим чувством; но разум человека признаёт, что никакое согласие невозможно между чувством и актом; это и есть тревога. Кьеркегор утверждал, что если бы человек был ангелом или зверем, он не знал бы тревоги.

Дабы печалиться, потребно мужество нравственное; дабы радоваться, потребно мужество религиозное - Кьеркегор. Смирение в обоих случаях предпочтительнее: оно делает скорбь глубже, а боль - выше. Религия всегда стоит выше морали, поскольку позволять руководить собой тем, чего нет на свете, благороднее, нежели сверяться с нормами, которые явно существуют.

Едва человек избавляется от страдания, как он свободен, не чувствуя себя больше должником перед Небесным Одолжителем. А это оправдывает чистую совесть, столь хорошо знакомую у всех земных мерзавцев. *Страдание! Божественная незнакомка! Ей мы обязаны всем, что есть в нас благого* - А. Франс - *La souffrance ! Quelle divine méconnue ! Nous lui devons tout ce qu'il y a de bon en nous*.

Музыка должна быть светом, дабы танец теней стал её верным отражением, голосом, ликом. Ницше грезил о песне, *столь солнечной, столь лёгкой, что она приглашает сверчков подпевать* - *Ein Lied, so sonnig, so leicht, daß es die Grillen einlädt, mitzusingen*.

Боль жизни сильнее интереса к жизни, и поэтому религия всегда будет одолевать философию - В. Розанов. В наши дни, когда интерес к жизни безболезнен, а боль - неинтересна, религия и философия идут рука об руку и служат одному делу - обеспечивать людям непоколебимое равнодушие, гарант посредственности.

Бог пришёл не для того, чтобы уничтожить страдание, но чтобы наполнить его Своим присутствием - П. Клодель - *Dieu n'est pas venu supprimer la souffrance, mais la remplir de Sa présence*. Оно столь загадочно, неся в себе переориентацию наших взглядов. Оно столь радикально

отрывает нас от реального, дабы предать смятенному воображению, что приходит в действие лишь от того, что не существует.

Х. Л. Борхес: *Мои рабочие инструменты - это унижение и тревога* - *Mis instrumentos de trabajo son la humillación y la angustia*. Таков удел тех, кто избегает повторений и групповой работы. Тех же, кого устраивает массовость, хранят покой в душе - для себя, или враждебный дух - для других.

Быть подлинным - значит ранить и раниться самому - Чоран - *Être vrai, c'est blesser et se blesser*. Истина безобидна, и её раны безболезненны. Наши лучшие клинки оттачиваются на прекрасном, и именно через благо (Ж.-Ж. Руссо: *красота в действии есть благо* - *la beauté en action est le bien*) утихают самые глубокие раны. Но эти три течения бьют из одного источника - той страсти, которая сама по себе есть порез и рана. Именно *ложное* - милосердие, стиль, восторг - *окрашивает и оживляет истинное* — Валери - *colore et fait vivre le vrai*.

Предпринимать, а не делать, поступать, а не производить, самоограничиваться, а не продвигаться, давать свободу целям, а не средствам. Аристотель утверждал, что лишь то движение, в коем цель имманентна, есть действие-праксис. Действие-поиэзис было бы движением, одушевлённым мечтою - этим трансцендентным ограничением, внутренним telos'ом над внешним skopos'ом (это *действие вовне* - *Tat nach außen* - Ницше). Беда в том, что после разбитой мечты господствует итог, действие-проайрезис, которое оставит тебя чаще всего не с душевым покоеме, а со стыдом.

Культ корыстного дела привёл повсюду к душевному покою. Душевные состояния вычеркнуты из месс и высмеяны массами. Прежний клир, известный своим отвержением разума, красовался затем в своём страшном и неслыханном низвержении. Новый, вернувшийся в лоно разума, выставляет напоказ свои бесцветные и стадные преуспеяния. А поэту стыдно за свою безмятежность.

Широкому занудству лозунгов и глубокой тупости изобличения я противопоставляю высокую тишину отречения.

Чистая совесть возможна, пока мой поступок разворачивается пред лицом других; но когда я действую пред лицом Бога, я обречён на плач Давида: *Тебе, Тебе единому согрешил я*.

Поступок, мнящий себя ясным или чистым, должен быть окружён чёрным пессимизмом; бездействию подобает компания бодрого оптимизма; живая мысль питается стилистическим равновесием между пессимизмом и оптимизмом. Всё это весьма далеко от принципа Г. Гессе: *мыслить с пессимизмом, действовать с оптимизмом* - *denken mit Pessimismus, handeln mit Optimismus*.

Крайний покой в поступке, крайняя страсть в мечте - таков характер неравновесия, коий надлежит поддерживать. Люди всегда искали своё треклятое равновесие либо в душевном покое (Античность), либо в деловитой страсти (современность).

Дабы разглядеть, что собой представляет неведомое «я», нужно для начала исключить его из любого действия. *Видеть, что «Я» не действует,* - *это и значит видеть* - Бхагавад-гита. Если не это «Я» возводит стены, то

именно Оно узревает в них руины. Праведный взгляд - это взгляд трепещущий, враг покоя зданий и душ. Гегель: *Непокой и есть само Я - Die Unruhe ist das Selbst*.

Необходимость направлять свой чёлн пробудит мой интерес к звёздам и даже поднимет тревогу глубин. Кто гребёт - не видит дна: ведь пот застилает взор. То будут слёзы, если я стану всматриваться лишь в небо. Или кровь, если я буду тянуться лишь ко дну. Дно кажется доступным одним слепцам от рождения.

Крайний покой в поступке, крайняя страсть в мечте - таков характер неравновесия, коий надлежит поддерживать. Люди всегда искали своё треклятое равновесие либо в душевном покое (Античность), либо в деловитой страсти (современность).

Поместить свой идеал так высоко, чтобы он стал недосягаем, - благословенное беспамятство, которое Гегель трактует как несчастное сознание.

Святой непокой: непонимание того, что я есть, моих струн и моих стрел. Банальный непокой: рождённый заботой о том, что принадлежит мне, о моих мишенях. Праведные права на бытие или собственность выдаются через обезоруживающее принесение в жертву или через безоружную верность.

Полный цикл таков: действовать, рычать, краснеть; но немногие - вот везунчики - достигают третьей стадии и тем самым сохраняют чистую совесть. Всякий поступок ранит что-то или кого-то. П. Рикёр: *Выдавать*

себя за жертву принижает достоинство поступка - La victimisation endeuille la gloire de l'action.

С благом общаются по двум каналам: через поступок, ищущий возможность доставить нам душевный покой, или через совесть в обоих смыслах сего понятия: интеллектуальное сознание, благоговеющее перед таинственным источником блага и констатирующее невозможность заставить его добраться до наших рук, и нравственное сознание, оставляющее нас в непокое и стыде.

Радостная аскеза ног, меланхолический экстаз мечты - две створки, без ступеней, лестницы, ведущей в высоту.

Люди с пробуждённой совестью некогда были одновременно одними из самых деятельных и предприимчивых. Сегодня человечество чётко делится на виновных и способных, почти без пересечения.

Тот, кто ищет внутреннего упокоения, вызывает больше всего внешних потрясений; из своих призывов к внешней неподвижности я надеюсь извлечь несколько внутренних извилин.

Хорошо зная дороги, можно отказаться от всякого движения и унять зуд непокоя. Будда: *Нет пути к миру; мир и есть путь*. Да и китайское Дао - всего лишь стезя, деятельный исток и пассивное движение, причём оба обходятся без логоса конечных целей, - понятие на полпути между бытием и становлением. Да и Иисус не знает иных путей, кроме Себя Самого. Валери: *Делать - значит делать себя - Faire, c'est se faire*.

Характер твоих ограничений говорит мне о твоей близости к благу лучше, нежели ревностное исполнение правил, будь они продиктованы хоть самыми проверенными принципами. Категорический императив - ничтожная карикатура рядом с императивом гипотетическим, благородным и смиренным. Человек благ тем, что он отказывается делать, а не тем, что он делает. Аристотель, святой Фома и Кант скажут нам, что ограничения суть лишь случайности и не входят в сущность актов, - и вопрос решён: теперь известно, как заслужить чистую совесть.

Я проживаю одновременно две жизни: ту, что вытекает из хода времени, и ту, что силится уловить или следовать за тем, что вне времени и что я зову, за неимением лучшего, вечным. Исключительный выбор между ними почти никогда не ставится. Действовать или созерцать, считать или грезить, строгость или интуиция, равновесие или головокружение, покой или бедствие - нужно принимать все эти позы и делать из них широкие гаммы, из коих и родится моя высокая музыка.

Всякий подлинный идеал есть химера, и его можно упустить. Если полагают обратное, то значит - ошиблись мишенью; идеал невредим, пока струна натянута, а стрела ещё не выпущена. Страна Кокань не имеет общей границы с Аркадией. Ч. Павезе: *Есть вещь более печальная, чем не воплотить свои идеалы, - это претворить их в жизнь - C'è una cosa più triste che fallire i propri ideali: esserci riusciti*.

То, что люди делают, становится всё более безупречным. То, как они мыслят и что они чувствуют, становится всё более нездоровым. Механика жестов, механика сердец. Синтез: живое, налепленное на механическое (анализ Бергсона видел обратное). И именно этот механический характер приводит к согласию поступок и мысль, и именно он стоит у причин бича

сего века - распложения чистых совестéй. Ницше: *Ваш дух пойман в вашу чистую совесть - Ihr Geist ist eingefangen in ihr gutes Gewissen*. *Recta ratio* [*правый разум*] и *recta conscientia* [*правая совесть*] редко идут рука об руку, что бы ни думал о том Цицерон.

Совесть не говорит мне ни того, как я должен мыслить, ни того, что я должен делать; она убеждает меня своим смятеньем, своим упоением и своей тревогой, что во мне существуют голоса, непереводимые ни в слова, ни в поступки; сердце моё - им свидетель, а разум мой - судия.

Поступок пускает в ход мои заурядные силы, он производит; итог оказывается где-то между надменностью и унижением. Мечта выражает мои врождённые слабости, она творит; итог потрясает меня тревогой или блаженством. Для роботов всё куда проще. Спиноза: *Радость есть созерцание нашей способности действовать - Lætitia: suam agendi potentiam contemplatur.* Полная противоположность Нарциссу, коий созерцает самого себя.

Ангелы или демоны населяют мои высоты в зависимости от моих путей и моих взглядов, от моих радостей и моих скорбей. Чем приземлённее моя эвдемоника, тем демоничнее окраска моего неба.

Высшая сладость - обитать в безмятежном храме и посмеиваться над другими, вечно блуждающими внизу, ищущими путь жизни - Лукреций - *Nihil dulcius est, tenere templa serena, despicere unde queas alios passimque videre errare atque viam palantis quaerere vitae*. Твой покой, должно быть, обратился в кошмар злого рока в тот день, когда другие в конце концов нашли свой путь, который более ничем не обязан случаю.

Если только ты не успел перевести свой досадующий взгляд в сторону звёзд, нежного *astrum*… - ты прожил завидующим зрителем того, как Эпикур прожил счастливцем, потерпевшим кораблекрушение.

Что до успеха, те, кто преуспел, утешат меня в моём крушении - Байрон - *As to success ! those who succeed will console me for a failure*. Но ведь и они полагают, будто потерпели крах! Сравнение гнёт к земле; утешает лишь превосходное, абсолютное совершенство. Руины не сравнивают с жилыми домами. Подумай о тех, кто в твоём оглушительном крушении увидит безмолвный успех. *Промахивайся получше!* - С. Беккетт - *Fail better!* - пусть каждый цветок, вместо того чтобы затеряться в венке или в вазе, ляжет в месте моего поражения, - цветок, избавленный от «почему» и не входящий ни в какой букет.

Все энергии отныне направлены в русло предустановленного и умиротворяющего Долга, к забвению воспламеняющего и вырывающего из привычных мест Существенного. *Желание сжигает нас, а Возможность разрушает; но Знание оставляет нас в вечном состоянии покоя* - Бальзак - *Vouloir nous brûle et Pouvoir nous détruit ; mais Savoir nous laisse dans un perpétuel estat de calme*. Жизнь превратилась в обширную и мирную Биржу, где музыкальные акции и сердечные облигации находятся в свободном падении или лишены всякого интереса, - и это надлежит понимать в прямом смысле, безо всякой игры слов!

Я берегу свои ликования для страны грёз, открытой для блуждания душ, но уязвимой для топчущих ног, в том числе и моих собственных. *Я восторжествовал надо всем там, где никогда не был* - Ф. Пессоа. В неподвижности я торжествую лишь над одним ограничением, но в конечном поражении, на границе времён года, я сохраню всё тот же

непокой - эту негативную благодать, столь точно переданную как *fluctuatio animae* [*колебание души*] у Спинозы, или эту позитивную тяжесть - как *uneasiness* [*беспокойство*] у Дж. Локка.

Любовь населяет моё одиночество и делает меня столь одиноким в толпе. Что и подготавливает меня к будущей тревоге. А. Ламартину вторит извечное: *Не хватает всего одного человека - а мир вдруг пуст - Un seul être vous manque, et tout est dépeuplé*.

Ни искусство, ни знание, ни сила не способны предохранить жизнь от наполнения нелепицей или тревогой. Даже книга, объединяющая эти три великие иллюзии, под конец треснет или рухнет. Одной лишь любви удаётся сохранить подобие утешения или удовлетворения. Это должно было стать великой победой Христианства над Античностью. Но только поражения приносят долговечность тому, что благородно.

Две сферы вовлечены в искусство жизни: создавать и восхищаться, воображать и чувствовать, сосредотачиваться и расслабляться - словом, мужественность и женственность. С первой из них искусство выигрывает в чистоте и теряет в сердцебиениях, жизнь в этой сфере становится безмятежней и надуманней.

В самом деле, Бог, возможно, есть любовь. Я довольно легко смиряюсь с тем, что все пропускают мимо ушей слова, нашёптанные моим разумом, или что никого не влечёт высота, в которую я целюсь, - но, Боже мой, как трудно нести никем не востребованную ласку! Уж не является ли Бог Самой Лаской? Не была ли Ласка Его Началом? Сопутствуемая эмоцией или предваряемая ею. Селин: *В начале была эмоция - Au commencement était l'émotion*. Даже вечный возврат лучше всего

иллюстрируется метаморфозами ласки, какими их видел Лукреций: *Венера-сладострастие, Венера-любовь, Венера-мир, Венера-природа* - мир в конце цепи вновь возвращается к ласке.

В начале человека лежало, быть может, желание счастья; именно оно, в свою очередь, дало почву тревоге творчества и любви, ибо *счастье не входило в замыслы творения* - З. Фрейд - *die Absicht daß der Mensch glücklich sei, ist im Plan der Schöpfung nicht enthalten*.

Два заблуждения страсти: идеальное (система, школа, племя) или деловое (власть, слава, мир).

Что позволяет нам любить или предаваться меланхолии? - благословенный дар не идти до предела вещей и не уступать немедленному велению восторга.

Ещё об одном злоупотреблении отрицанием: мне явно велено любить своих врагов, но враги Бога не пользуются тем же письменным благоволением; а поскольку у всякого фанатика есть мания провозглашать врагом Бога любое лицо, которое ему не по нраву, он станет со всем упокоением ненавидеть всё, что кажется ему ненавистным.

Сердце как материя требует изрядного бесстрастия. Сердце как орудие применимо лишь в возбуждении и только в нём.

Они ищут покоя и самодовольства, подчиняя себе свои жалкие привязанности. Без головокружений и живительного стыда, ведомые своими роботоподобными мозгами, - что ещё могут они расслышать в привязанностях своих атавистичных душ?

Мне дела нет до их тревог, рождённых абстрактными образами бесконечности или того, что именуется Ничто; единственная тревога, которую я ценю, - это тревога от конкретной нехватки любви, братства или творчества: больше не уметь любить, не искать утешения, не иметь сил для ваяния поэтических метафор.

Низкий культ душевного покоя в Античности проистекает, возможно, из-за отсутствия женщины на интеллектуальных и даже чувственных горизонтах. Сравнить хотя бы с ролью возлюбленных в Эпоху Возрождения или с салонами парижских кокеток в Век Просвещения. Когда женщина не покидает мужского прицела, вокруг неё лавиной теснятся певцы, рыцари, музыканты, и спасаются бегством мудрые зануды.

Весна любви: во всём испытывается возрождение, сеют потому, что любят друг друга (*s'aiment / sèment*), не ведая, ради какого грядущего урожая; её лето - множество тревог, забот о сорняках, бесконечных поливов; осень - обнаруживаешь себя плодоносным, понимаешь цену и покой жатвы; зима - читать застывшие воспоминания, приводить их в движение благодаря неподвижным взгляду и сердцу. Не будь человеком одного времени года, будь климатом!

Тревога должна бы служить доспехами любви и дерзости, пока они не застигнут тебя безоружным. Достоевский показывает ту же слабость: *Что есть ад? - Страдание о том, что нельзя уже более любить*.

Бог наделил нас инстинктами любви, блага и красоты, взывающими к нашему телу, нашему сердцу или нашей душе; разум берёт их под опеку, и для этого он располагает двумя приёмными - рассудком и воображением. Чтобы развивать их вплоть до внедрения в алгоритмы реального или же

окутывать их воображаемыми и таинственными ритмами, нужно выбирать между умиротворяющей истиной и смятенной лаской.

Любовь - единственное пульсирующее проявление красоты, увлекающее в один и тот же вихрь и душу, и тело. Страшно отметить, что их дрожи больше никогда не согласуются. Маяковский: *Страшно - не любить, ужас - не сметь*, - к счастью, тревога обернётся скукой, а ад - скучным раем.

Одни томятся в тревоге желания, другие - в его отсутствии. Б. Грасиан: *Когда умирает желание, рождается страх - Cuando se muere el deseo, nace el miedo*. Счастливое состояние есть наводнение души, изливающейся через край. Х. Джебран: *Ад - в пустом сердце - Hell is in an empty heart*.

Со времён Сенеки или Нинон де Ланкло известно, что страсти даруют ум глупцам и делают глупыми людей умных. Но бесстрастие есть уравнитель мозгов ещё более эффективный. Страсть спускает с цепи стаю или одушевляет одиночество; бесстрастие же возвышает стадо и принижает одиночество.

Естественное состояние сердца - это неопределённость, а мысли - успокоенность; но мысль на своём пике доходит до пафоса, а сердце в своей глубине обретает ясность. Именно это состояние предпочтительнее ясности мысли и патетики сердца. Паскаль: *Сближаются благодаря своим ясным сторонам, любят друг друга - благодаря своим потёмкам - On se rapproche par ses clartés ; on s'aime par ses obscurités*.

Мысль есть плод климата, сердце расцветает в пейзаже.

Душа наша - кочевница, а любовь - это призыв к оседлости. Пока звезда озаряет обитель, а не дороги, пока любовь заставляет обращать взоры к небесному своду чаще, нежели к горизонтам, влюблённые будут доверять свой магнетизм благословенному очагу, сим высоким и трепещущим руинам, и станут с недоверием относиться к дальним и однообразным скитаниям. Если только земля обетованная не явится над обретённой высотой и не заставит нас грезить.

Человек начал говорить, дабы выражать свои страсти, и в языке его были одни метафоры. Скудость нашего времени заключается в том, что любой смысл, приписываемый страстям и словам, есть смысл буквальный. Метафорическое гибнет вместе со страстным, когда они сводятся к ярлыкам.

Я должен служить своей душе не как рыцарь, с его доспехами и плюмажем, а как безоружный влюблённый, с его лирой и его растерянностью.

Среди тайн Блага наиболее чуждое разуму зовётся любовью; когда ей поддаются, становятся чужды всему, что продиктовано интересом, инстинктом равновесия и покоя, - страдают метафизически. Эту загадку умножает то, что, наоборот, опыт подлинного страдания ввергает нас в бездну любви, ещё менее объяснимой. Достоевский: *Мы истинно можем любить лишь с мучением и только через мучение*.

Гораций: *In amore haec sunt mala, bellum, pax rursum - В любви есть две беды: война, а затем снова мир* - когда ведут переговоры совсем не о перемирии, том, что стоит у истоков обоих.

Ж.-Ж. Руссо: *Печаль заставляет бродить любовь - La tristesse fait fermenter l'amour.* Дабы лучше вышибать пробки, пускаясь в разгул.

Быть может, именно замешательство, навлекаемое мыслью о жалости, объясняет то, что печаль инстинктивно забивается внутрь нас, тогда как радость силится излиться вовне. И поскольку письменность черпает образы преимущественно по ту сторону эпидермы, оно лучше снабжено гримасами, нежели улыбками.

Объяснение душевного покоя нынешнего мерзавца: в отличие от прежних эпох, он более не видит синяков, ран и шишек своих жертв. Дубина тяготела над совестью куда сильнее, чем бумага и кредитные карты. Чистая совесть вредит здоровью души (Еврипид) и в конце концов удушает её. А без души, то есть без совести, они живут в оцепенении, не зная стыда. Публилий Сир: *Cicatrix conscientiae pro vulnere est - Шрам на совести - что рана*.

Призвание художника: бежать покоя, искать лебедя, которого надо защищать, или гидру, которую надо поражать. Без битвы я - лишь машина или призрак мертвеца. Жизнь - это зеркало наших одиночеств или морг наших привязанностей.

Чем стоичнее твоя безмятежность перед лицом зла, тем ироничнее твоя тревога перед лицом блага (Кьеркегор).

Праведная жалость не стремится ни утешить, ни понять, но трагически пережить отсутствие лекарств. К. Леонтьев: *Горести, буря страстей с одной стороны, а с другой - утешения, простота! Вот единственно возможная гармония*.

Посредственная спинозовская геометрия очерчивает параллель между благом и радостью, между злом и печалью; но величайшее благо всегда сопровождалось величайшей печалью по трём причинам: таинственный источник, проблематичный перевод в поступки, мимолётный характер найденного решения.

Нет никакой связи между твоим (не-)участием в деле блага и гнётом сжимающей тебя тревоги. Бескорыстность блага абсолютна. Бытие здесь ближе к мистическому источнику, нежели становление: быть благим - единственное решение для проблематичного «делать благо». Некоторые приписывают Христу (через Ницше) это прекрасное слово: *Дабы быть благим, достаточно быть слабым* - Р. Энтовен - *Pour être bon, il suffit d'être faible*.

Определённое благородство Древних исходило из различия, делаемое ими между моралью для души и моралью для действия; у современных же выжила лишь последняя, что парадоксальным образом принесло пагубный душевный покой, *aequitas animae*, о коем грезил Древний, одновременно избавляя наших современников от балласта благородства, то есть прежде всего чувства стыда, *periculum animae*.

Благо сегодня оценивается лишь в экономическом масштабе; прибавочная стоимость вытеснила весомость; любая мозговая активность стала предпочтительнее щедрости сердца; все прохиндеи твердят, будто *деятельное Зло лучше пассивного Блага* - У. Блейк - *Active Evil is better than passive Good*. Благо, действующее и уверенное в своей правоте, может быть лишь злом. Ослеплённые делом, как и все прочие, вы не рискуете впасть в галлюцинации. И идол ваш, невозмутимость бонзы, проклят благом, носителем смятенной совести.

Есть лишь два вида существ, которые, перед лицом проблемы Зла, сохраняют чистую совесть: бараны, поскольку они живут в деле, а оно, будучи коллективным, не взывает к их собственной душе, и роботы, поскольку они движутся по алгоритмам, непогрешимым и лишённым духовных сбоев. Мускул и мозг, предоставленные самим себе, - два врага блага.

Душевный покой стал эпидемией, умеряемой казённым негодованием. Смирение и стыд оставили людей надменности и безгрешия. Все писатели молятся на науку, никто не взывает к совести. Л. Фейербах: *Подлинные писатели суть угрызения совести человечества* - *Die echten Schriftsteller sind Gewissensbisse der Menschheit*. Праведное слово исходит из стыдливого признания того, что мечты наши не поддаются воспроизведению ни жестом, ни делом, ни даже словом, которое является, всё же, их последним шансом. Посредственная литература посвящает себя погребению долга мечты и провозглашению прав дела.

Всякий чуткий человек всю жизнь волочит за собой чувство неустранимой вины. В конце концов, её исток усматривают в самом акте нашего появления на свет. Похоже, наше рождение и есть первое преступление человека, как думал Кальдерон. Со времён Софокла это понимают лишь те, кто в своей каторжной жизни чувствуют себя завсегдатаями скамьи подсудимых. А это так нелегко сочетать с очевидным благом рождения. В каждый миг, им видится благодать, несмотря на отягчающее обстоятельство - *досадный сам факт рождения* (*l'inconvénient d'être né*). Человек, который поймёт однажды, что рождён от Бога, удостаивается своей первой благодати и своего второго рождения, подобно Дионису.

Непреложность нашего конечного упадка делает жизненно важной главную задачу философии - сохранение восторга в нашем взгляде на мир (дабы сделать нас *вечно заворожёнными* - *envoûtés éternels* - А. Арто). Хотя наши глубочайшие недуги неизлечимы, философия - это поэма здравия, противопоставленная теоремам болезни. И поскольку ни одна этическая система не спасает нас от упадка, философия может уповать лишь на эстетику, дабы смиренно признать: она тщится выдать косметическое за терапевтическое. Философия должна быть целительным, обезболивающим, одурманивающим лицемерием.

Свободные люди избавились от стыда, сочтя его формой рабства. Чем душевнее мой покой, тем больше я раб своих поступков, но подлинно свободный человек неизменно несёт в себе стыд.

Непокой и фанатизм легче сочетаются с добродетелью, нежели мужество и душевный покой. Лишь негодяи твердят, будто *...добродетель смела, и доброта никогда не боится* — Шекспир - *virtue is bold and goodness never fearful*. Зло же творится бестрепетной рукой и чаще всего в безмятежности, оправданной безупречным рассудком.

В эстетике свет исходит от мира, а тени - от моего созидания; в этике роли меняются: весь мирный свет блага остаётся во мне, а всякая попытка отбросить его вовне порождает лишь трепещущие тени. Счастье - в том, чтобы найти их сносное сосуществование. Чайковский: *Прелесть жизни - чередование света и тени*.

Человек не только невиновен изначально (Ж.-Ж. Руссо), он невиновен всегда, пока остаётся в компании своего сердца, не вверяя свою невинность рукам. Благо есть невиновность чувства, не переведённого в

поступки; зло есть сближение между чувством и актом. У пещерного человека акт был личным, отсюда живучесть его стыда. У современного человека всякий акт социален, отсюда его чистая совесть.

Жить одним лишь делом - значит отождествить себя с муравьём, бараном или роботом; но чтить одно лишь неделание - значит чтить корову. Зло сокрыто в уравнивании дела и мечты; ни покой, ни буря не спасают меня ото Зла, и этот буддист Чоран неправ: *Первопричина Зла кроется в неспособности к квиетизму - Le principe du Mal réside dans l'incapacité au quiétisme*.

Самая сокровенная радость сердца - когда, в лоне своём, оно ощущает присутствие загадочного Блага; в противовес этому, разум полон меланхолии из-за отсутствия светил посреди идей и дел. Дабы созидание моё было равновесным, ему надлежало бы вериться душе - плачущей внутри и радостной вовне.

Узость гаммы сомнения объясняет распложение чистой совести. Ведомое «я», земное, успокаивается, вопрошая себя: мои свершения, приближают ли они меня к моим чаяниям? Неведомое «я», небесное, раздираемо дилеммой: бог я или отребье?

Ничего духовного не обнаружить во зле, оно поражает извне мои интересы, мои вкусы или мою плоть. Единственное интересное зло - то, что рождается из моих внутренних конфликтов: между Благом, угнездившимся в моём сердце, и делом, которое скребётся в моём теле.

Насколько внешняя борьба ради доказательства своего ума или таланта облагораживает, настолько внутренняя борьба между недвижной

мечтой и деятельной возьнёй тревожна и унизительна. Ф. Кафка: *Одно из самых эффективных соблазнов Зла - это призыв к бою - Eines des wirksamsten Verführungsmittel des Bosen ist die Aufforderung zum Kampf*, - отсюда важность ранних капитуляций. Но за ласку воображения следует держаться даже посреди хваток обладателя.

Мы не столь жалки, сколь мерзки - Монтень - *Nous ne sommes pas si misérables comme nous sommes vils*. Сегодня человек не чувствует себя ни жалким, ни мерзким; ему более нечему учиться на твоих уроках стыда. Человек с чистой совестью не может не быть мерзким. С. Лец иронизировал: *У него была чистая совесть. Ни разу не бывшая в употреблении*.

Шекспир: *Одни возвышаются грехом, добродетелью падают другие - Some rise by sin, and some by virtue fall*. Порой это один и тот же персонаж: владетель и надменного равновесия и света, обращённого внутрь.

Одни - праведники, мнящие себя грешниками; другие - грешники, мнящие себя праведниками - Паскаль - *Les uns, justes, qui se croient pécheurs ; les autres, pécheurs, qui se croient justes*. Разница в (не)заданных вопросах. Праведники вопрошают, праведно ли выражен смутный дух чётким актом, - и обретают стыд. Вторые видят в своём акте верный перевод своего прозрачного блага и сохраняют безмятежность рассудка.

Зло может быть метафизическим, физическим или моральным: несовершенство, страдание или грех - Лейбниц - *Le mal peut être métaphysique, physique ou moral : l'imperfection, la souffrance ou le péché*. Можно подумать, что мы на уроках катехизиса: совершенство (природа), блаженство (мир), невежество (невиновность) - вот что потеряли Адам и

Ева. Зло всегда вполне реально, а потому оно входит в божественное совершенство, в отличие от красоты и истины, которые всегда суть искусственные построения.

Бог дал мне совесть, дабы любить благо, разум - дабы его познавать, свободу - дабы его выбирать - Ж.-Ж. Руссо - *Dieu m'a donné la conscience, pour aimer le bien, la raison - pour le connaître, la liberté - pour le choisir*. Не следовало вмешивать разум в то, что его мало касается; свобода же в выборе того, что не имеет ни тела, ни правила, ни высоты, может помочь разве что барану - дабы избавить его от совести, или роботу - дабы у него была совесть чистая.

Истинное счастье человека - быть полезным и иметь спокойную совесть, - Л. Толстой. Это, весьма точно, две самые желанные и роковым образом не достижимые мишени для того, кто целит в высокую радость! И тех мишеней сам автор, к слову, так никогда и не сумел достичь.

Ницше - *Чем тупее глаз, тем дальше простирается благо! Отсюда вечная весёлость народа и скотов! Отсюда сумрачность и сродный нечистой совести грам мыслителей - Je stumpfer das Auge, desto weiter reicht das Gute! Daher die ewige Heiterkeit des Volkes und der Rinder! Daher die Düsterkeit und der dem schlechten Gewissen verwandte Gram der Denker!* Чистая совесть выдаётся в виде премии всякому победителю в жизни. Отсюда причуда мыслителя: втираться в доверие к проигравшим, дабы удовлетворить свою привязанность к неврастении, своё сладострастие в крахе и свою волю к сдаче, дабы оживить свою жёлчь в *описании бедствия* - М. Бланшо - *écriture du désastre*. Дж. Бруно: *In tristitia hilaris, in hilaritate tristis - В печали весел, в весёлости печален*. Звёздное невежество, или *да смеётся мыслитель* - Марциал - *ride si sapis*.

Никакой человек не заслуживает похвалы, всякий человек заслуживает лишь жалости - В. Розанов. *Для одних - жалость, рождающаяся из нежности, для других - жалость, рождающаяся из презрения* - Паскаль - *Pour les uns - une pitié, qui naît de tendresse, pour les autres - une pitié, qui naît de mépris*. Похвала ласкает, жалость же оскорбляет чистую совесть свободного человека, который, в конце концов, перестаёт заслуживать даже порки. Как высечь робота? Быть свободным - значит быть без страстей. Раб же всякой страсти сам себя истязает.

Именно благодаря своему убожеству сердца всякий главарь монетарных хищников преуспевает в своём душевном покое. Расчётливый дух самодовольства вытеснил дух, пробуждающий совести. В. Янкелевич: *Чистая совесть - это постыдная форма убожества - La bonne conscience est une forme honteuse de la misère*.

Эта потребность в раскаянии, коия предваряет зло, что я говорю! - коия его создаёт, - Чоран - *Ce besoin de remords, qui précède le mal, que dis-je ! qui le crée*. Это не воображаемая потребность, но реальный и непреодолимый зов. Чистая совесть следует по стопам блага, не ведая, что оно никогда не воплощается в поступках.

Источники писателя - это его стыд; тот, кто не обнаруживает его в себе или от него уклоняется, обречён на плагиат или критику - Чоран - *Les sources d'un écrivain, ce sont ses hontes ; celui qui n'en découvre pas en soi, ou s'y dérobe, est voué au plagiat ou à la critique*. Чистая совесть - это ощущение совершения n + 1-го шага, перекладывающего вину на n-й; стыд же есть несчастное сознание первого шага, где царит безответственность источников. Кто не умеет бить ключом, становится течением.

Без внешней свободы единственный способ дышать свободой внутренней - это укрыться в одиночестве. Без внутренней свободы, среда одна - стадо.

Путь вырождения: человек грезящий уступает человеку голосующему, человек голосующий - человеку потребляющему, человек потребляющий - человеку с чистой совестью. За сим пределом нет ничего более свирепого.

Самое значимое последствие свободы - безмятежная совесть. Никогда в стране тиранов не пускались в путь низости с таким душевным покоем.

Обратное видение: а что, если Вергилии могли возникать лишь при Цезарях (будь то со скипетром или с притязанием) и никогда - при парламентском режиме? Угасание интеллектуала-универсалиста в обществах, ведомых ничтожествами из адвокатов, нашло бы в этом своё объяснение. И преходящая моя печаль обратилась бы в окончательный траур.

Мечта европейского интеллектуала - чтобы его объявили опасным, чтобы его силились приструнить, чтобы его заклеймили позором, чтобы его упекли в Бастилию, чтобы его проклинали и объявляли врагом общества. Но его собратья вызывают не больше беспокойства, чем профсоюз бакалейщиков (шарлатанствующему Нолену, увенчанному четырьмя отлучениями от церкви, чудаковатому Т. Мору, причисленному к лику блаженных и Ватиканом, и Кремлём, завидуют из-за их нимбов, в коих отказано монтеневскому конформизму). Он не хочет признать, что именно лучшие правят Градом, - весьма досадный факт для обличителя по

профессии или темпераменту. Тем, кто живёт ноем карликов, редко хватает иронии великанов.

Потеря чувства величавого: цели всё более расплывчатые, а средства - инструментальный разум - всё более действенные; растущая потеря интереса к истокам. Симптомы эти всегда предваряли нашествие варваров. Попытка добавить лирической лазури сероватым горизонтам обернулась, в итоге, - ещё большим притоком алых капель и чёрной неправедности. Тупик. Неумолимый рост мирного и праведного робота, который кончит тем, что уничтожит человека.

Удивительная параллель между Германией и Россией: множество юных и мятежных голосов вырвались наружу после катаклизмов Великой войны; гробовое молчание последовало за крушением нацизма и сталинизма. Живучести смирения более не существует; ужас или стыд нравственной совести превращаются в мирную, самоуверенную и бесплодную совесть духовную.

Неопровержимое наблюдение: те, кто вопит громче всех: «Как можно соглашаться с этим миром!», суть нижайшие из конформистов, пресыщенные в своём демократическом душевном покое. Благородство презрительного согласия обитает ныне лишь в голодающих подпольях.

Революционер хотел бы, чтобы всякий слабый мог уповать на солидарность сильного. В. Маяковский: *Чтоб вся на первый крик: - Товарищ! - оборачивалась земля*. Но сегодня, когда равнодушие ничуть не мешает деятельности роботизированного человека, тот хранит свой душевный покой, перед входом на кладбище так и в свой офис. Проблема стала крайне проста с тех пор, как человек стал рассуждающим бараном

или мыслящим роботом. И всегда найдутся надзиратели за системными сбоями, дабы Земля со вполне чистой совестью могла продолжать заниматься своими пакостями, не оборачивая головы. Кто ещё способен сказать, будто *ближний является не в именительном падеже, а в звательном* - Э. Левинас - *autrui n'apparaît pas au nominatif, mais au vocatif*?

Последние попытки привнести нечто священное в дела человеческие обернулись Освенцимом и Гулагом. С тех пор ни отклонений, ни ломок, ни разрывов: единогласное подтверждение или мирное восстановление извечной цели - наживы.

Губительное следствие обретённой свободы: человек впадает в летаргический душевный покой. И неслучайно их часто ставят рядом - будь то сытые обыватели: *Я посвящаю свои уединения моей свободе, моему спокойствию* - Монтень - *Je consacre mes retraites à ma liberté, à ma tranquillité*, будь то пересмешник: *Покой и свободу короли вовсе не даруют, а скорее отнимают* - Вольтер - *Le repos et la liberté, les rois ne les donnent point, ou plutôt qu'ils ôtent*, или же досадующий, влюблённый или тщеславный поэт: *На свете счастья нет, но есть покой и воля* - Пушкин. А жаль, ведь хорошо известно: именно рабы двух господ - Аполлона и Диониса - успешнее всего справляются с благородными задачами красоты и непокоя.

Три способа вознаграждения в обществе: подаяние, кража, жалованье, и соответственно мы в них проявляем жалость, прельщаемся или маемся. Прогресс заключается в сближении этих трёх ролей, и самый очевидный его результат - чистые совести.Производить, преуспевать, наживаться - таковы единственные заботы последнего человека, что ухмыляется над социальными государствами, перераспределяющими кое-

какие подобранные с его стола крохи тем, кто менее удачлив, чем он; в его глазах, заплывших жиром и равнодушием, несчастные сами виноваты в своей лени и нехватке инициативы.

Демократия - это не чума; напротив, она ставит здравые прививки от заражения сущностным сомнением или существующими истинами; она заставляет глотать безобидные успокоительные и прикладывать непроницаемые припарки, делая нас глухими к хрипам зачумлённых. Нет, демократия не содержит ни микробов, ни бацилл, ни вирусов; она учит дышать в стерильной атмосфере.

Я воспеваю мир - и глупость сего жеста простака затапливает меня стыдом. Я бичую его - и стыд от сего жеста мужлана меня заливает. Нужно оставить этот мир там, где он был, и не позволять вставлять себя в его координаты, довольствуясь позой отсутствующего.

В одном обществе свирепствует произвол, в другом - умиротворяет закон. Человек, с одинаковым присутствием добродетелей и пороков, живёт беспокойством и стыдом в первом случае или же упивается чистой совестью во втором. Стадное несчастье, роботизированное счастье. Столетний Э. Юнгер, оставивший в своих последних словах признание: *Моё интенсивное чтение Достоевского сделало меня восприимчивым к беспокойным мечтам - Meine intensive Dostojewski-Lektüre macht mich für unruhige Träume anfällig*, - открыл для себя здравый непокой.

Произвол тиранов в тоталитарном обществе заставляет трепетать любого уклониста, будь он политическим или нравственным; человека там часто ставят лицом к лицу с его смятенной совестью, справедливо или нет. В демократии лишь писаный закон ограничивает человека, отсюда

распложение спокойных совестей у бестревожных прохвостов. Забвение первородного греха, присущего любому акту, удаляет от Блага.

Для ищущего себя разума, идея революции - это героическое изгнание из жалкой родины. Отчизна - это лоно, где я нахожу покой и жду ласкания; революция же - это пламенная душа, вверяющая себя рукам, с увлажнённым и лихорадочным челом, с воспалёнными и сухими глазами. Но не познав изгнания, не привяжешься по-настоящему к своей родине.

Преумножение числа людей с чистой совестью - самая небывалая психологическая черта нашей эпохи; явное уравнение между уважением к писаному праву и чувством невинности стоит у её истоков. Прежде, дабы помыслить себя башмачником или принцем (Дж. Локк), достаточно было опросить своё тело; душа каждого склонялась в сторону башмачника, поскольку мошенничество и нечистая совесть были уделом всех. С упразднением всех привилегий принцев остались лишь категории гражданина и налогоплательщика, кои делают из нас бездушных роботов.

В хорошо управляемом государстве бедность - это стыд; в дурно управляемом государстве стыд - это богатство - Лао-Цзы. Отныне на форумах и в головах угнездился писаный закон, благословляющий богатство, а значит, и бедность. Именно освящённое право задушило стыд как в граде, так и в человеке. Успешное управление сегодня придаёт чистую совесть неимущим ягнятам и пресыщенным волкам. Паскаль: *Не умея придать силы справедливости, оправдали силу - Ne pouvant fortifier la justice, on a justifié la force*. Грубая сила не мешала раскаянию. Оправданная сила вносит покой в низкие души. Не соизволяя смягчить несправедливость, продолжают презирать слабость.

Буржуазия утопила священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, меланхолической грусти в ледяной воде эгоистического расчёта - К. Маркс - *Die Bourgeoisie hat die heiligen Schauer der schwärmerischen Begeisterung, der ritterlichen Begeisterung, der Wehmut in dem eiskalten Wasser derCalculation ertränkt*. Едва сей трепет, переживаемый в джентльменском клубе, его единственном заслуженном месте, едва он выливается на улицу и воспламеняет толпу, как любой порыв затихает, уступая место ужасу и хладу. Энтузиазм улицы сулит тревогу в домах. Священное, провозглашённое коллективно, превращается в идола; оно должно бы пребывать лишь в четырёх стенах.

В любом хорошо управляемом государстве богатство - вещь священная. В демократии это единственная священная вещь - А. Франс - *Dans tout État bien gouverné la richesse est une chose sacrée. En démocratie, c'est la seule chose sacrée*. Но на всякий случай его снабдили двумя маскирующими ипостасями: равенством возможностей (Спасителем видимостей) и правами человека (Святым Духом чистой совести и удовлетворительного пищеварения у сытых).

Наша культура формировалась в гармоничном ощущении времени. Коммунизм отдаёт ему дань своей химерой лучезарного будущего (оставляя, вслед за собой, лишь мрачное прошлое), Америка же стирает его своей сугубо пространственной грубостью, сим *вечным настоящим человечества* - А. Кожев - *l'éternel présent de l'humanité*, претворённым в реальность унижающими деньгами, а не возвышающими чувствами. Америка угрожает не светской культуре, а человеческой природе. Мальро: *Америка не является угрозой для нашей культуры, коммунизм - да - L'Amérique n'est pas une menace pour notre culture, le communisme - oui*.

Глупец боится неизвестного, а в известном находит основу своих плоских уверенностей. Мудрец несёт в себе тревогу известного, механического, того, что иссушает органическое. Высший восторг мудреца обращён к неизвестному или к несуществующему.

Слава Богу, что толпа прозябает в убеждениях; мятеж рождается из сомнения. Нет ничего более безобидного, чем скопище чистых совестей.

Большинство вещей, смутно переживаемых в нашей душе, отстаиваются и закрепляются силою понятий и влагаемого ими смысла; но в конце сего цикла лучшие из этих вещей обретают лишь больше таинственности. При слиянии наивного, формального и мимолётного, при слиянии веса, ценности и дыхания, мы являемся свидетелями вечного возврата того же самого. И мне невдомёк, счастье ли это или убожество. Х. Брох: *Высоту и глубину душа проживает не как упоение или угнетение, но как постоянное возвращение, не покидая своего собственного бытия - Das Oben und das Unten werden von der Seele weder als Beglückung noch als Beschwerden empfunden, aber als die ständige Wiederkehr innerhalb ihres eigenen Seins*.

В том, что касается освещения, земные глубина и высота противоположны своим небесным подобиям: у первых глубина сулит ясность и радость, а высота тревожит своими тенями, тогда как у вторых глубина теряется в нечитаемом, а высота придаёт тени - видимости, а меланхолии - неотразимости.

Со своими вопросами человек оказывается во власти проблемы; в ней можно быть лишь умным. С ответом он растворяется в решении; в нём можно быть счастливым. Но с вопросом сущностным, в котором ни слово,

ни образ ещё не выколупились, можно быть лишь несчастным мудрецом или смятенным глупцом, то есть - быть страстным, пребывать в тайне.

Своим наивным сомнением слабец возвещает конец царствующей, многослойной очевидности, а приходит к очевидности уплощённой. Своими безотчёными уверенностями сильный напоминает о потрясениях сомнения, не имеющих завтрашнего дня, и возводит себе живописные руины, в коих обитает умиротворённое сомнение.

Оптимист противится непостижимому, пессимист печалится о понятом.

Я в роли странствующего рыцаря? Или моя звезда в роли блуждающего светила? На дороге - мои заблудшие шаги? Нет, в моих развалинах - предоставить блуждание моему взгляду, следующему моим гореваниям или восторгам.

«Я» настолько далеко от того, что выставляется напоказ, выражается или делается - будь это другие или я сам, - что желание быть самим собою, сие основание чистой совести, есть заблуждение глупцов. Ну разве что, если бытие - это всего лишь то, что продолжает существовать, когда я закрываю глаза, дабы создать экран, или рот, дабы заговорило моё перо, или когда я опускаю руки, бессильные перед неуловимыми образами.

Чего мне нужно ожидать, когда я помещаю в эпицентр то, что для меня более всего загадочно и непостижимо, - самого себя? - этой безотчётной игры теней, потери ориентиров, головокружения. И как же глупы те, кто твердит: *поместите себя в центр, и истина, праведность и успокоение призовут вас* - Р. У. Эмерсон - *place yourself in the middle, and*

you are impelled to truth, to right and contentment. Древо тоже не имеет понятного центра, что и делает его священным.

За понятием жизни - две радикально разные реальности: рациональный плод опытов и наблюдений за другими и за самим собой, с одной стороны, и с другой - таинственный источник моих волнений, напевов или тревог в самой недостижимой глубине. Именно следуя второй реальности должно слагаться моё слово; первая же есть та самая кисть, что не должна показываться на моей картине.

Даже свет сегодня ищут лишь ради навигации в полной безопасности. Ален: *Тень дерева выражает также азимут и высоту солнца - L'ombre d'un arbre exprime aussi l'azimut et la hauteur du soleil*, - да любая помойка оказала бы ту же услугу! Но дерево лучше всего указывает неустойчивый зенит и тревожную высоту моих теней. Р. Шар: *Я люблю человека, неуверенного в своих целях, каково есть дерево - J'aime l'homme incertain de ses fins, comme l'est l'arbre*.

Каждый ищет название, передающее величие мира, и находит его в зависимости от своих слабостей: мечтатель с ошалелым взглядом зовёт его Тайной, пофигист перед лицом увиденных непостижимых вещей - Абсурдом, смятенный, слышащий потусторонние голоса, - Верою. Развенчание, обрекающее на сложную высоту; ирония, сводящая всё к реальной посредственности; жалость, сулящая воображаемые глубины.

Сознание смиренного разума делает жизненно важным существование в душе источника волнений и беспокойства, punctum pruriens, сего *непокоя, что не даёт умиротворить себя скептическому или критическому взгляду* - Шопенгауэр - *Unruhe, die sich weder durch*

Skepticismus noch durch Kriticismus beschwichtigen läßt. Убеждённость есть сон сознания без сновидений.

Душевный покой - одно из худших душевных состояний, и его избегают благодаря встряске, вызываемой переходом из состояния догмы в состояние сомнения. Дух системы ведёт к штилевой скуке пред лицом кораблекрушения.

Два типа распределения теней и света, кои мне одинаково чужды: тяжёлая тьма на манер Шопенгауэра с её плачами об абсурдности и отсутствии смысла, и сероватый свет на манер Гегеля с его усыпляющей и велеречивой онтологией (сих двух кумовьёв, однако, возносят до небес соответственно Л. Витгенштейн и К. Маркс). Моя искомая гармония - отбрасывание теней в высоту, лишь только я проникаюсь светом, что таится в глубинах. Радуга соткана из восторга, стыда и благородства, а молнии разума разрежают тьму.

Именно глубина неопределённости нашего изначального настроения (*Grundstimmung* Хайдеггера) указывает на его высоту: *беспричинная тревога* (Хайдеггер), мутноватая *тошнота* (Ж.-П. Сартр - *la nausée*), прозрачный страх (толпа) - и таинственное удивление, вбирающее в себя все конвульсии и все тени.

Благородное Да миру - это не безмолвное умиротворение, но ритмичный, мелодичный и гармоничный непокой.

Они видят в мифе о Пещере апологию света, тогда как мне он говорит, что игра теней есть мой единственный оригинал, перевод божественного текста, грамматикой коего я никогда не овладею.

Дж. Бруно: *Umbra profunda sumus, ne nos vexetis inepti - Мы глубокая тень, не тревожьте нас, глупцы*.

Непокой известен тем, кто отбрасывает величественные тени даже от невеликих вещей. Но успокоение избавляет нас от всякой заботы о тенях, без коих не разглядеть ничего великого. Сомнение в себе впрыскивает здравую дозу непокоя. Л. да Винчи: *Quel pittore che non dubita, poco acquista - Художник, который не сомневается, не многого достигает*.

Если душа порождает наши экстазы (тайны), а разум выковывает наши вкусы (проблемы), то рассудок формирует наши убеждения (решения). Совесть, действительно, вмешивается в эту работу: у мудреца сия совесть, смятенная, касается лишь тайн и проблем; у глупца совесть в покое ведёт его к одним готовым решениям.

То, что качество наших уверенностей или наших сомнений зависит от исходящей от них музыки, доказано безмятежной или смятенной убеждённостью Моцарта и Бетховена и религиозным или стыдливым колебанием Баха и Чайковского.

В безжалостной борьбе они доходят до низкой безмятежности; я же цепляюсь за своё высокое головокружение, обязаное моему низкому смирению.

Мы пребываем в двух личинах: пространственной и временной. Предчувствие или тревога толкают нас искать спасения из сей клетки, и я знаю лишь один успешный сценарий: ведомый вкусом к творчеству, несомый дыханием таланта, укрытый во внеземной высоте. Излишне уточнять, что психологическое пространство, в коем мы живём, лишено

вертикального измерения или, по крайней мере, не ведает о небесной полуоси.

Современности удалось сбыть с рук всё, что говорит о страдании. Самые толстые стены отделяют его от больниц, от ближнего, от души. Современное страдание живёт лишь тем вниманием, которое проявляют к нему другие, излечивается лишь вмешательством других, умирает лишь в окружении цветущего здравия других. Когда тревога иссякает в душе, липкая грязь течёт с рук.

Человек был синонимом людей, пока их взаимные сомнения оставались равного размаха. Человек не знает более, куда пристроить свою неудобную нерешительность; люди же выставляют напоказ свои уверенности с беспримерным душевным покоем. Впервые в истории предназначение людей понято верно - стать непогрешимыми и бесчувственными машинами.

Скептики обрекают мир на катастрофы. Он опровергнет их мирной роботизацией и превращением искусства и страстей в музейные экспонаты. Среди них, прочтут и это: *Тот, кто поймёт, что смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге, уже перестанет быть обывателем* - А. Блок.

Обитающие на публичной сцене видят себя жертвами клеветы, заговоров, непонимания, крючкотворства. Стоит взглянуть чуть ближе, и всё сие неистовство сводится к пустякам насчёт даты, прилагательного, гипотезы. Чистые грезят о высокой, мучительной непрозрачности; одни лишь посредственности купаются в плоской ясности с едва заметными волнами.

Один и тот же напев, двухвековой давности, от Бальзака до Чорана: оглушительный крах гибнущего мира, потрясающий всё племя. Я же вижу мирный успех сверхупорядоченного мира, удушающего порыв всякого одиночки. Впрочем, любое свободное плавание просчитывается сегодня с той же предсказуемостью, чти и любая иная непрерывная траектория.

У людей - чистая совесть, но у них нет совести; у них душевный покой, но у них нет души; они принимают близко к сердцу свою силу, но у них нет сердца, - одна лишь сила.

Писатели-интеллектуалы скулят: литература якобы в агонии, она более никому не интересна. Но число тех, кто подлинно любит хорошую литературу, неизменно в последние четыре века. Изменилось соперничество с другими ремёслами; прежде лишь аристократы, полководцы да балерины могли оспаривать у них внимание публики, тогда как сегодня к ним примкнули клоуны, футболисты да высшие чиновники. И нынешние иеремиады издаются завистью шута, а не скорбью художника.

Ритмы и волнения жизненно необходимы для людей; но смысл их недавнего развития - от восторга или тоски одиночки - к коллективному возбуждению.

Смирение противоположно культу меритократии: признать, что существуют люди, более достойные моего статуса и более несчастные, чем я, и устыдиться этого (меритократы избавляются от этго с высокомерием или цинизмом). Стало быть, быть смиренным - это не значит признавать кого-то более могущественным, как полагал Спиноза, описывая смирение собак - *Смирение есть печаль, возникающая из того, что человек созерцает своё бессилие* - *Humilitas est tristitia, homo suam impotentiam*

contemplatur, но, напротив, - более достойным, пусть и более слабым (смирение сильного).

И подумать только, что человек, что сегодня нежится в мирной посредственности и метит лишь в ширь, был некогда ангелом высоты, презирающим всякое падение. К счастью, остаётся женщина, которая всегда инстинктивно тянется к глубине. Ницше: *Женщина должна найти глубину для своей поверхности - Das Weib muß eine Tiefe finden zu seiner Oberfläche*.

Я часто забываю, что стать окончательно бараньим или роботизированным человеческому стаду мешает именно беспокойство; а значит, если вы хотите ускорить сей необратимый процесс, продолжайте нанимать пастуха из стоиков или картезианцев.

Жизнь должна быть рисуемой в виде радуги, и мои выплески жёлчи связаны с нехваткой лазури. Почему в этом мире, что устроен лучше, чем когда-либо, излияния эти по-прежнему столь неудержимы? Мир моего детства являл два господствующих цвета: красный и чёрный, там, где сегодняшний выставляет лишь серый. Палач и чудовище уступили место барану и роботу одной той же серости. Неужто серый цвет не вобрал в себя все прочие цвета?

Органические связи человека с волнующим, тревожным и незримым исчезли в угоду его механическим связям с собственной видимостью и с деньгами. Каждый былой рыцарь записался в кавалерию Святого Георгия.

В Античности можно найти равных Данте, Леонардо, Микеланджело, но не найдёшь равного Баху. Именно вникание в музыку

делает нас современными в прямом и высоком смысле этого понятия. Мысль о том, что страсть, страдание или тревога могут служить темами для прекраснейших мелодий, к коим свелась бы жизнь, - сия мысль ни разу не пришла ни в одну античную голову.

Гуманизм - это не дух свободы, что успокаивает, но душа, смущённая тем, какое место неумолимо занимает в её соседстве робот.

Всякий человек обречён на падение - нравственное, физическое или социальное, но поскольку большинство прозябает в посредственности, падение это проходит почти незамеченным. Гераклит утверждал, что чем выше высота твоего падения, тем оглушительнее будет твоя слава. Оставим славу, подумаем о головокружении или, лучше того, о музыке раненых пернатых, о лебединой песне, прежде чем скатиться на уровень конченых рептилий.

Кто заслуживает сегодня большего внимания нашего пера: люди или книги? Я всё сильнее склоняюсь ко второму выводу. Жизнь людей стала столь предопределённой и безличной, столь лишённой того, что по-человечески небесно или по-божественному книжно. Книга же, будь она венцом жизни или истоком созидания, есть вернейшее выражение наших талантов или нашего бессилия, наших тревог или наших радостей. Я знаю, что даже книга в наши дни становится столь же скучной, что и жизнь, то есть посвящённой исключительно реальности. И отнюдь не завтра прочтём мы *Сентенции* нового Петра Ломбардского.

Жизнь всякого человека можно свести к поиску обители для его души, и современная эволюция помещает суть этой затеи во всеобъемлющее страхование от любых бедствий. Но строители приходят к

результату ещё более убогому: всякий Замок, или крепость, или даже твоё собственное «я» под конец окажутся заселены скукой. Свои порывы или тревоги спасают лишь посреди уже готовых полуфабрикатов руин.

Все нынешние сытые обыватели - от философов до певцов, от учёных до футболистов, от публицистов до художников - призывают нас негодовать: как можно жить на X евро? Насколько же на сей раз Древние благороднее со своим единодушным осуждением гнева (*de cohibenda ira* - *обуздание гнева*)! При условии, однако, не соскользнуть в гнусную душевную безмятежность.

Дабы утишить наше бодрствование, выдумали стену, а дабы утишить наши сновидения - кровлю. И позабыли блаженство кочевника - спать под открытым небом.

Два решения, дабы жизненные проблемы больше не угнетали меня: вписаться в ритмы нового решения или же позволить новой музыкальной тайне меня вознести. Л. Витгенштейн вопрошал: *Можно ли жить так, чтобы жизнь перестала быть проблематичной? - Kann man so leben, daß das Leben aufhört, problematisch zu sein?* - инерция покоя рук или дрожи крыльев.

Если я пекусь о своём собственном древе так же, как и о человеческом лесе, я поставлю рядом с Ненавистью к воспроизводимому мою первозданную Стыдливость, и именно на этой оси я сложу музыку своих гипербол. Для одного из наименее музыкальных философов, Спинозы, ненависть и раскаяние были двумя коренными врагами рода человеческого. Признаюсь, что я предаюсь им в своём odium humani generis (ненависти к роду человеческому), и оставляю вас в вашем равнодушии и в

душевном покое. Угрызения совести, столь тонко прочувствованные Ш. Бодлером, есть лишь случайная форма, в коей стыд выступает первоочередным шагом.

Опошлённым именем «опасность» ныне именуют меркантильные риски, а «рабством» - неспособность составить собственный оригинальный бизнес-план. Свободой они зовут всякую возможность обустраиваться, а рабством - самоограничение или желание служить другим. Этой иронии Древние бы не поняли. Латинская пословица гласит: *Potior visa est periculosa libertas quieto servitio - Свобода, полная опасностей, милее спокойного рабства*.

Техника - это разум и свет, но, дабы применять её, человек вынужден отрекаться от своего лица и своего взгляда. Серое развитие - самое коварное. О. Шпенглер: *Эра, отмеченная техническим интеллектом, деньгами и взглядом, устремлённым на факты, есть совершенно бездушный американизм - Ära, geprägt durch technische Intelligenz, Geld und den Blick für Tatsachen, ein vollkommen seelenloser Amerikanismus*.

Стоицизм желает свести наши успехи и неудачи к одинаковой безмятежности чувств. Высота, напротив, ищет в них предельного непокоя и предельного накала. М. Пришвин: *Удача - это мера счастья в ширину, а неудача - есть проба на счастье в глубину*, - и когда эти меры и пробы выливаются в музыку, значит, высота счастья имела там своё царственное место.

В реальном человеке всегда обнаруживают нерасторжимое слияние паскалевых зверя и ангела; Достоевский и Ницше пытались их разделить: герои первого суть исключительно звери или ангелы, а у второго ангел -

сверхчеловек - призван восторжествовать над зверем - недочеловеком. Но люди поступили хуже: они принизили ангела и утихомирили зверя, продукт оказался опасно похож на барана, прежде чем превратиться в робота.

Прежде спор о странствии противопоставлял парус якорю, дабы сердце наше вверялось зыби или покою. Сегодня это вопрос кабин, тарифов, расписаний. Перевозки души, застрахованные до порта прибытия.

Потенциально всякий человек обладает виртуальной высотой, доступ к коей, к несчастью, перекрыт присутствием бесстрастных людей. Высота даётся человеку трепещущему. Будда: *Те, кто будут искать прибежища лишь в себе самих, достигнут Высоты. Но им надлежит быть беспокойными*.

Упоение, экстаз, тревога - таковы нормальные состояния души; едва равновесие или гармония навестят её, как она переходит в рассудок или в разум. Но с тех пор как человек отвернулся от источников, потерял вкус к ритмам и предался инерции и алгоритму, он живёт лишь трезвым рассудком, где стал неотличим от робота. Паскаль: *Мы автоматы в той же мере, что и разумы - Nous sommes automates autant qu'esprits*, - в отсутствие души разум становится ещё одним автоматом.

Не огорчайся тому, что люди тебя не знают; огорчайся тому, что ты не знаешь людей - Конфуций. Всё, что можно знать о человеке, можно внушить сегодня машине. Огорчительно то, что человек теряет интерес к тому, что непознаваемо в нём самом. Познанное - уже в видимости, непознанное - ещё в сущности.

Высокая, богато одарённая духовность ничуть не страшится света, нисходящего на массы - Гёте - *Die hohe reich dotierte Geistlichkeit fürchtet nichts mehr als die Aufklärung der unteren Massen*. То была ложная тревога. Свет расточился; ни церковь, ни стадион, ни хлев на то не пожаловались. Бояться должно лишь распространения прекрасных наших теней в сей фототропной среде.

Р. У. Эмерсон: *Выражение счастливого и умного лица есть конец культуры* - *An expression of the happy and clever face is the end of the culture*. Ваша культура не ведает подлинного страдания. Она не ведает размолвок между разумом и блаженством. Бедствия казначейства и глупость налоговых инспекторов уже служат механическим питомником для культуры, испытывающей нехватку потрясений и тревог. Сколько сухих аварий вырядилось здесь в преодоление пустыни!

Ирония - это вежливость чувства гармонии: умерять чрезмерность, сдерживать излияния, удерживать у корня взлёты, добавлять меланхолии в порывы.

Те, кто более всего застят мне вид на жизнь, - не кретины и не лжецы, но честные вещатели честных и громоздких истин. Приходится задаться вопросом, уж не от глупцов ли придёт пробуждение совестей.

Те ищут покоя, хваля бунт и тревогу. Я же возвожу свою мирную башню из слоновой кости посреди моих смиренных руин. Покой служит ей формой, дабы лучше уберечь бурлящую суть. Глубины обречены на невозмутимость звуковых волн, а высота - на волнительность музыки. Я. Бёме неправ: *Кто печётся лишь о своём покое, не ведает собственных*

глубин - *Wer sich nur um seine Stille kümmert, kennt seine eigene Tiefe nicht*, - прежде всего, он не ведает божественной высоты.

Ирония неверия: не верить в чудеса, дабы тем сильнее им удивляться и содрогаться пред ними. Ибо тот, кто в них верит, проживает их невозмутимо.

Любопытное заблуждение самых неистовых поэтов, пленников своего благородства - Байрона, Гёльдерлина, М. Лермонтова: литания о свободе и покое.

Легче всего опровергнуть мечту; потому-то библиотечные крысы, накапливая знания, выигрывают в трезвости и скуке. Но для влюблённого в упоение чувств больше знания означает больше простора для метафор; танец радостей и скорбей оттого лишь богаче нюансами и дерзновениями.

Одна из ролей философии - усыплять, баюкать совести, дабы они грезили вместо того, чтобы считать. Быть врачевателем (Платон), терапевтом (Цицерон: *Философия есть лекарство от боли* - *Doloris medicina est philosophia*), хирургом (Эпикур, чья философия обещает здравие души) или страховщиком (*primum non docere* - *прежде всего не навреди*) - всё то же шарлатанство, ибо недуг бытия - и мышления - неизлечим, в особенности у неподражаемых, кои не могут извлечь выгоду из бараньего правила - *similia similibus curantur* - *подобное лечится подобным*. *Философское утешение Боэция вселяет в человека не столько радость, сколько безболие и смирение* - В. Янкелевич - *La consolation philosophique d'un Boèce installe en l'homme non pas tant la joie que l'anesthésie et la résignation*. Смирение в реальном приносит порой господство в идеальном, как говаривал великий любитель Боэция, лицемер

Казанова: *Единственным моим удовольствием было упиваться химерическими проектами - Mon seul plaisir était celui de me repaître de projets chimériques*.

Душевный покой - цель ничтожная, не достойная истинно ироничного ума, что анти-иреничен. Л. Толстой: *Спокойствие - душевная подлость*. Оно делает безжизненной не только душу, но и разум. Хайдеггер: *...словно смутная ностальгия... философия есть противоположность всякого успокоения - ...als Heimweh nach... Philosophie ist das Gegenteil aller Beruhigung*. Античный мудрец, утверждая обратное, смыкается с современным глупцом. Разум есть непокой; непокой есть праведное отношение к жизни, наставлял Кьеркегор.

Три предпосылки для того, чтобы голос разносился как можно дальше: больше внутреннего дыхания, лучшая внешняя акустика, лучшие усилители звука. Прежнему глупцу приходилось надсаживать криком грудь или барабанить перед принцами; современный глупец, умиротворённый, более шумен благодаря микрофонам и камерам.

Отношению мудрость-безумие недостаёт симметрии: если безумный Сократ - это действительно Диоген, то умиротворённый Диоген стал коммерческим директором или зам-префектом.

Самые крупные схоластические говоруны сегодня - это те, кто приписывают молчанию добродетели глубины и величия и воспевают его всеобщность и всепонимание. Какие гимны одиночеству и тревоге слагаются на их коллоквиумах, завершающихся званными обедами! Сытые интеллектуалы, опьяняющиеся разочарованиями.

Я произвожу в себе благословенное опустошение, наполняясь лишь тем, что меня исчерпывает. Х. Джебран: *Чем глубже скорбь врезается в ваше существо, тем больше радости вы можете вместить - The deeper that sorrow carves into your being the more joy you can contain*.

Две трактовки коварного и ироничного дельфийского императива *Познай самого себя*: глупцы приходят к пошлому ликованию, ложно рассудочному - *Я нашёл себя*, мудрецы - к унылой меланхолии *Я потерян*.

Чем больше я ставлю на силу, тем мрачнее пессимизм, что неизбежно из этого вытекает. Сравнить хотя бы с оптимизмом, что сопутствует мыслям, рождённым из слабостей и сдач. Пусть моей идеей-силой станет: бегство должно всегда фигурировать среди моих главных рефлексов.

Главное преимущество душевного покоя - создавать наилучшие условия, дабы описывать свои потрясения.

Душевный покой может стать разновидностью того мёртвого штиля, что парализует парусник. К счастью, рано или поздно даже самое крошечное изменение сердечного или атмосферного давления приносит волнение душе или телу.

Сколько бы я ни выстраивал неопровержимую систему, доказывающую, будто лучшие мои взлёты рождаются из глубокого гения, обширной тревоги или высокого одиночества, мой ироничный разум легко замещает её иным обоснованием, где фигурируют лишь мелкое уязвлённое самолюбие или мелкие дефекты. Именно так надлежит поддерживать здравый критический дух.

Некоторые скорби выражаются лишь через смех; некоторые радости лучше всего переводятся меланхоличным словом; это и зовётся иронией - заветный простор и гармония противоположностей. Отказ пасть в посредственность выражения из-за нехватки средств, и даже надежда выйти из испытания возвеличенным в силу самоограничений.

В каждом есть доля пользователя орудий, строителя и вдохновителя. Художник создаёт, поэт кричит, человек страшится или верит. Три стадии восхищения или тревоги, с зеркалом или с бритвою.
Если я хочу, чтобы меня вёл лунный свет, или желаю узреть зарю раньше других, я должен быть готов нести синяки, на челе и на душе, и часто иметь глаза, полные росы.

Один из лучших видов ума заключается в том, чтобы оберегать как можно дольше состояние обетования, поддерживать невыразимую жажду вместо того, чтобы сдерживать данное слово. Слова дают для того хорошее средство. С глупостью всё куда проще: сытость глаз и жадность идей. Ум - ожидание, жажда, удивление.

Прежде чем оглушить нас в тысячный раз теми же парменидовскими, картезианскими или гуссерлевскими нелепостями, занудные философы высказывают предосторожность, заверяя нас в своей привязанности к тревоге и бунту и в своём равнодушии к книгам других.

Ницше: *Цель иронии - унижение, посрамление - Der Zweck der Ironie ist Demütigung, Beschämung*. Стало быть, надменность и чистая совесть суть её мишени - удивительно и верно! Ничто не потеряно окончательно для человека, что высоко несёт свой стыд.

Я читаю сей кафедральный перевод Спинозы: *Свобода противоположна принуждению, а не Необходимости* - монументально, прекрасно и ложно; я выстраиваю учёную реплику в духе: *свобода есть, возможно, внешняя необходимость; принуждение же должно быть необходимостью внутренней* (замечая мимоходом пропасть между необходимостью-законом и необходимостью-нуждой). В самый последний момент я спохватываюсь, что перевести-то тщились всего лишь простодушное: *Deus ex solis suae naturae legibus, & a nemine coactus agit - Бог действует только по законам Своей природы и никем не принуждается*, - мелочно, уродливо и верно - и взрываюсь стыдом и смехом… Смех сей отдаёт жёлчью, стоит нам услышать, будто спинозизм есть свет истины, ведущий от тревоги ложной жизни к радости свободных людей… Библиотечная крыса - в роли спасителя орлов, сов и соловьёв!

Псевдофилософское пустословие о знании, размышлении, истине - ребячество, заставляющее учёных улыбаться. Тогда как две единственные, подлинно философские области - человеческая тревога и язык - покинуты философами в угоду шарлатанам-социологам и шарлатанам-лингвистам.

Совершенная литература замышляется двоими: талантом, возбуждённым покладистой и изобретательной речью. То есть детородство. И с толикой ироничной и тщетной скорби я мыслю себя обречённым на односторонне творение, ибо французская речь остаётся мраморно-холодной пред моими отчаянными соблазнами.

Быть философом - значит игнорировать непосредственную причину своих неудач и открывать самые дальние причины своих радостей. Этой метрике недостаёт двойственного неведения, проповедуемого Плотином: *У сердца свои причины, чтобы доводить до дрожи сам рассудок*.

Обретённый Бог умиротворяет, искомый Бог - беспокоит. Бог ощущаемый, необретаемый, несуществующий - восторг, восхищение, любовь.

Единственный предмет, в коем можно прочувствовать и лягчайшую близость и тревожнейшую даль, - лик другого. Взгляд в прямом смысле принимает обличье бездонной тайны. Л. Витгенштейн: *Взгляд нельзя оторвать от лица - Den Blick kann man vom Gesicht nicht trennen*. Лицо - зеркало сердца, сего бедного сердца, в которое норовит вселиться машина, что не довольствуется больше своим внедрением в ноги, руки и мозги. Вскоре этикетки станут выразительнее лиц. В. Ключевский: *Прежде дорожили лицом и скрывали тело, ныне ценят тело и равнодушны к лицу.*

Да, Бог создал также глубину и широту, дабы взращивать там людей воинственных и победоносных, но именно в высоте оставил Он капитулянтов и ангелов. Сие, быть может, прозрел Иов: *Бог творит мир на высотах Своих*. Глубокие расчёты победителей их изобличают; для побеждённых в высоких битвах, для ангелов, *упование есть алиби смирения* - Р. Энтовен - *l'espoir est l'alibi de la résignation*.

Молитва: не знать, кому она адресуется, не владеть её языком, не уметь объяснить её тайну, не иметь сил избавиться от тревог и болей, не знать, кто же говорит во мне, - и из сего апофатического душевного состояния должно возникнуть самое верное утверждение. Достаточно было бы одной-единственной молитвы. Мейстер Экхарт: *Единственной молитвы: «Благодарю Тебя!» было бы довольно - Das einzige Gebet: «Ich danke dir!» würde genügen*.

Бог - самый земной из наших призраков. Он никогда не обитал ни в наших храмах, ни в наших Замках. Избавление от Него не отнимает у мира никакой тайны и не обрушивает на людей никакого нового соизволения. А то, что хлев от этого превращается в машинный зал, - не моя проблема.

Вера, как и всё великое, может проживаться на трёх уровнях: тайна в созидании, проблема в смерти, решение в религии - восхищение, тревога, порядок - выбирай же между восторгом, параличом или скукой.

Перед лицом мира человек проходит три этапа: ученичество, фамильярность, тревога - вдали от мира и приближаясь к нему, слившись с миром и властвуя над ним, чуждый миру и проклинающий его или благоговеющий перед ним - издалека. Любопытно, что отношения с Богом следуют путём прямо противоположным. Урок? В чём бы то ни было избегать фамильярности, то есть забвения алгоритмов или ритмов.

Стадная и регламентированная вера формировалась вокруг мифов или ритуалов: жертвоприношение смятенных или верность подневольных. Но подлинная вера должна бы исходить из разума уравновешенного и свободного, повелевающего смятеньями или потёмками души. Создают посредством теней и в тенях, верят - во свете, озаряющем одновременно душу и разум. Г. Тибон: *Вера состоит в том, чтобы никогда не отрекаться во тьме от того, что привиделось во свете - La foi consiste à ne jamais renier dans les ténèbres ce qu'on a entrevu dans la lumière*, - верность во тьме столь же прекрасна, сколь и жертвоприношение при свете.

Слишком хорошо известны тревога героя и безмятежность жреца. Я приветствую безмятежного мученика и смятенного мистагога. А что, если

Сам Бог выказывал нехватку уверенности и по образу человека был столь же хрупок, как и он? И величие философа заключалось бы в том, чтобы приносить Одному или другому - трепещущее утешение, а не безликий покой?

Имя, которое я хотел бы дать идеальному миру, - неутолимая жажда Бога. Имя, сулимое моей эпохой, - Общая Сытость. Мир без умиротворяющего конца, мир без тревожащего голода.

Утешение - не в реальном сознании того, что Бог печётся о наших земных бедах, но в том, мимолётном, что участие наше в деле красоты или блага оправдывает или облегчает наши небесные тревоги.

Наука моего спасения - сознание моего падения, ещё одна из тех осей, кои заслуживают, чтобы я не цеплялся на ней за одну лишь крайность, но наделил её одинаковой интенсивностью. Забота о спасении ведёт к активизму, созиданию, переизобретению священного; упоение падением влечёт к нигилизму, бунту, тревоге. Объединить их в едином взгляде - триумф человеческого над божественным!

Ведомое «я» измеряет расстояния, неведомое «я» создаёт близость. Измерение успокаивает, созидание потрясает. Э. Левинас писал, что *близость есть не состояние, не покой, но непокой, отсутствие места* - *La proximité n'est pas un état, un repos, mais une inquiétude, un non-lieu*. Подлинная близость божественна; я не знаю источника и конечной цели её влечения.

Взгляды, о коих я говорю, - не мои взгляды; я чувствую себя судимым взглядом, что меня и преображает. Я становлюсь театрален.

Пусть даже сквозь замочную скважину, а вовсе не из царской ложи, Зритель всматривается в меня. Пантомима становится моим искусством. И дело вовсе не в *дерзости орла, за коим более не присматривает ни один бог* - Ницше - *Adler-Mut, dem kein Gott mehr zusieht*, а в тревоге летучей мыши в её внезапно ожившей Пещере, где она приняла бы стены за верное зеркало. М. Мерло-Понти: *Я чувствую на себе взгляд, что и есть второй, более глубокий смысл нарциссизма* - *Je me sens regardé, ce qui est le sens second et plus profond du narcissisme*.

Религия есть вздох угнетённой твари, душа бессердечного мира, дух бездушных порядков, - К. Маркс - *Die Religion ist der Seufzer der bedrängten Kreatur, das Gemüt einer herzlosen Welt, der Geist geistloser Zustände*. Нынешний пресыщенный мир выставляет на всех ярмарках своё здравствующее сердце. Эта эпоха управляется бесплодным и торжествующим разумом; законсервированная религия приспосабливается к общим правилам потребления скоропортящихся продуктов, без души и без разума.

Божественная звезда занята озарениями или чёрными дырами, погибелями или возгораниями нашей души или нашего разума. Крылья больше нуждаются в огне, нежели во свете. Г. Тибон: *Божественная звезда озаряет душу путешественника, а не путь* - *L'étoile divine éclaire l'âme du voyageur et non le chemin*, - и пусть твой фонарь помогает тебе искать дорогу или человека; путь же к Богу не покидает твоей мечты, недвижной и нездешней.

От несчастья не умирают, им живут, от него жиреют, - Г. Флобер - *On ne meurt pas de malheur, on en vit, ça engraisse*. Жиреют и оживляют словари. Посмотрите, напротив, как счастье или весёлость прозябают,

среди засушливости словарей и рядом с живучестью печали. То был *аппетит, коий никакое несчастье не способно насытить* - Чоран - *un appétit qu'aucun malheur ne rassasie*. Несчастье есть тот фонтан, зачастую вымышленный, подле коего так любят умирать от жажды.

Европеец хочет сосредоточенности для своего рассудка и свободы - для своего сердца. Покой как итог. Унамуно: *¡Ser libre es creer serlo! - Быть свободным - значит верить, что ты свободен!* У русского всё наоборот: он хочет шири для своего поступка и фатальности для своего чувства. В итоге - бунт. Быть свободным - значит уметь более не верить.

Самое гуманистическое из посланий - чеховское: сострадание и томление охватывают вас, не ослабляя вопрос об интеллектуальной или социальной правдоподобности его потерянных и невероятных героев. Кто более всего лишает нас человеческого начала? - рассудительные и занудные социологи и философы. Дабы понять Чехова, нужно сказать себе: пиши он сегодня, его жалость, его печаль и его лиризм нашли бы столько же, если не больше, материала.

Единственная подлинно христианская философия это философия русская, ибо она переполнена тревогой, непокоем и покаянием: глубина жалости и высота иронии скрещиваются в ней посреди горя и ужаса, тогда как на Западе царит хладная тяжесть социальных дерзновений и деловых инициатив.

Социальные и духовные разнообразия трудно сочетаемы. Так, для некоторых Россия предстаёт как *минимум разнообразия при максимуме пространства* - М. Кундера - *Minimum de diversité avec maximum d'espace*. То же самое отмечают и в России, когда глаз останавливается лишь на

предметах цивилизации - комфорте тела. Непокой души покоится на предметах культуры. Но такой взгляд может быть недоступен даже специалистам по византийской истории. Россия - единственная страна в мире, где пропасть между цивилизацией и культурой непреодолима.

Чем больше смятенных совестей у принцев мира сего, тем лучше чувствует себя искусство, коему меценаты благоволят лучше, нежели министерства. Великий грабёж, коему предались недавно русские олигархи, сделал их сон тревожным, что сулит в России скорое возрождение хорошо оплачиваемых талантов, пока Закон, а значит, и душевный покой, не заставит сих спонсоров вернуться к одной лишь наживе.

Русофобы всегда откопают казака у Достоевского или Л. Толстого (и вплоть до итальянского гимна: *il sangue polacco bevé il* cosacco - *польскую кровь пил казак*), но случай чисто европейского гения, каким был Чайковский, их стесняет, тут требуется усилие. М. Кундера: *Чайковский: красота вне знания - это воля нравиться, эффективная музыка, своего рода сентиментальная демагогия искусства* - *Tchaïkovsky : la beauté en dehors de la connaissance, c'est la volonté de plaire, une musique efficace, une sorte de démagogie sentimentale de l'art*. Музыка, пересыпанная силлогизмами, тщащаяся оттолкнуть и терпящая в том неудачу - прагматический жанр подёнщиков - именно такой род музыкальности надлежит рекомендовать сим моськам политиканствующей рёва. *Никто лучше Чайковского не выразил это сочетание устремления к бесконечному и тревоги пред судьбой, которое характеризует Россию* - Д. Фернандес - *Nul mieux que Tchaïkovsky n'a exprimé ce mélange d'aspiration à l'infini et d'angoisse devant le destin, qui caractérise la Russie*.

В глазах русских спокойная философия, столь восхваляемая европейцами, есть такое же заблуждение, как и трепещущая бухгалтерия. Ни один русский не блистал в сем неблагодарном ремесле; лучшие русские умы предаются *лепечущему лиризму романтиков* - В. Янкелевич - *au lyrisme balbutiant des extatiques*.

Смирение заставляет тебя отрекаться от мужества (*De-mut*), сулит тебе покой (*с-мирение*), обращает тебя к перегною (*humus*, что также стоит у истоков человека - *homo*) - и под конец отождествляется с высотой, где покой редок, а уныние часто.

Видимость призрачна во французском языке (apparence), светоносна в немецком (der Schein, от scheinen - светить, озарять), очевидна в русском (видимость, от видеть); именно поэтому французский скептик смятен, немецкий - восторжен, а русский - уверен.

От конкретного к абстрактному, от деятельного к пассивному, от необходимого к невозможному: consolation сулит подкрепление силе (*solacium*), *Trost* - доверие (*trauen*), утешение - тишину (тишь).

Тревога немцев (*die Angst*) глубока, русских (*тоска*) - высока; и всё же слова *angustia* (теснота) и тесен происходили от узости, что продолжает господствовать во французском языке.

Француз, как и Древние, метит в равновесие и успокоение; русский скучает в душевном покое. Не умея толково размышлять, он у себя в непередаваемом возбуждении. *Немцы восторженно воодушевляются медитацией вместо того, чтобы успокаиваться* - Стендаль - *Les Allemands s'exaltent par la méditation au lieu de se calmer*. И почему бы не

пойти на компромисс, обрекая рассудок на затишье, сердце - на восторженное воодушевление, а разум - на размышление?

У русских преобладает минор - Шопенгауэр - *Bei den Russen herrscht das Moll vor.* Подлинная жизнь, как и подлинная литература, состоит сплошь из музыки; меланхоличный тон имеет больше шансов поведать нам о прекрасном и благом, нежели тон ликующий. Что же до истины, для неё довольно и языка программирования.

Достоевский: *Русскому скитальцу необходимо всемирное счастье, чтоб успокоиться*. Едва я увязаю в частном, как меня тотчас тянет к интересам вселенского блаженства. Ни пустыня, ни паломничество не утишают смятенной совести русского человека, он повсюду уповает на глубокий сон, дабы в нём забыться. Но взгляните, посмотрите, как чистая совесть и механическое возбуждение кишат в иных краях, где коллективное счастье, некогда диковатое, а ныне столь славно одомашнено!

Славянская душа и русская музыка: печаль без боли - П. Клодель - *L'âme slave et la musique russe : une tristesse sans douleur. В мире без меланхолии соловьи принялись бы отрыгивать* - Чоран - *Dans un monde sans mélancolie, les rossignols se mettraient à roter*, - и голосовать! Посмотрите на них, ликующих, в механических стаях. Легче выжать слёзы, практикуя боль без печали; боль щиплет кожу, печаль - сердце.

Чему в России донельзя недостаёт экзотики - так это самой жизни; она там предстаёт бессловесной печалью, страданием без прикрас, напевом без фраз. *В России любовь - это экзотика* - Цветаева. Но ведь и всё сущностное там экзотично; вместе с любовью сию пестроту хранят:

поэзия, мечта, смерть, то есть - бесконечность. Едва возникает предел, как русский превращается в шута.

Вся Античность заключена в определённых и непреложных горизонтах. Русский же предпочитает мираж, несущий следы его сомнения и его непокоя. Непокой апокалиптичен, мираж - мятежен, и оба разрушительны. В Европе они конструктивны. О. Шпенглер: *Та исконная русская пра-ненависть Апокалипсиса к античной культуре - Jener urrussische Urhaß der Apokalypse gegen die antike Kultur.*

Л. Витгенштейн - *Россия: страсть что-то сулит. Наша болтовня, напротив, бессильна - Russland : die Leidenschaft verspricht etwas. Unser Gerede dagegen ist kraftlos*. Но ошибкой было бы вообразить, будто сие обещание можно сдержать, тогда как прекрасно оно, лишь когда поддерживается абстрактно. Любой экономист тебе скажет: чем решительней страсти удалены от дел человеческих, тем лучше чувствуют себя покупательная способность и даже социальная справедливость. И если в общем душа исчезает из дебатов, сия перипетия замечается и печалит лишь бесконечно малую часть распадающейся элиты.

Как пророчествовал Э. Юнгер - *Русскому ещё предстоят жатвы. В ходе сего преображения уверенность, как прежде ужас, будет исходить от него - Dem Russen stehen die Ernten noch bevor. Im Laufe dieser Verwandlung wird Sicherheit, wie vordem Schrecken, von ihm ausstrahlen*. Сей душевный покой, что уже принизил французского рыцаря и немецкого романтика, внедрится ли он в русского поэта или мужика?

Два способа оглядеть противоречия автора: бросать их ему в лицо, искать диалектику или поминать эволюцию? Принимать их за метафоры,

удерживая лишь радости или тревоги их возникновения, отворачиваясь от того, что устанавливается в конце пути, трактовать их как два древа и не искать их общего леса.

Ещё одна причина держаться образа древа: мне хотелось бы, чтобы меня открыли как древо неизвестное, вне всякого леса, без прослеживаемого промысла (каковой есть у физических элементов или видов насекомых), с непреложностью корней, тревогой вершин, упованием цветов, свежестью ветвей, тенистостью, смирением завершить путь, в одну прекрасную ночь, в каминном пламени или на костре Феникса.

В стаде прячут свои тревоги, свои низости, свои видения, добиваются механического душевного покоя, коего не ведают пещерный человек, отшельник или мизантроп, изнывающих от тоски в постыдном одиночестве. Падшие понимают, почему в больших городах умирают так же, как и живут, - в суете или в бесчеловечном одиночестве, с заглушёнными угрызениями совести.

Тревога есть, быть может, самое загадочное, необъяснимое ощущение: никакая ссылка на смерть, на боль, на угрозу, на стыд её не проясняет. Она встроена в жизнь и лишь отражает её заботы. В частности, при всяком зове высоты. Ф. Кафка: *Наша тревога перед восхождением в более высокую жизнь и есть сама эта жизнь* - *Unsere Angst vor dem Aufsteigen in ein höheres Leben ist die seine*.

Дабы передать почти те же самые чувства, больше интенсивности заключено в страхе, нежели в мужестве, в тревоге - нежели в беззаботности пред лицом смерти, оттого и идёт моё предпочтение, отданное первому подходу.

Для писателя одно из полезнейших применений ума заключается в том, чтобы оберегать иллюзию, будто писание есть спасительное общение с тем, что лежит по ту сторону смерти и тревоги, тогда как труд сей столь же обманчив и ограничен, как и любая отупляющая или заглушающая работа. Жить без иллюзий - удел умов посредственных, будь они хоть трижды крепки.

Уже невозможно вообразить автора, что имел бы успех, благодаря излияниям своей меланхолии; стадное ожидание сводится к забавности и развесёлости. Ностальгический тон героев и поэтов (и даже Ч. Чаплина или де Фюнеса) исчез, ибо нет более ни героев, ни поэтов. Люди удержали урок наставника роботов - Спиноза: *Под злом я понимаю всякий вид печали - Per malum intelligo omne tristitiæ genus*, - весёлость механического блага бьёт через край.

Что лежит у оснований человечности? На 90% они общи для поэтов, консьержек, промышленников, докеров, учёных - страх страдания, потребность в любви, тревога смерти, радость открытий и свершений, тепло дружбы. Но педанты продолжают свои схоластические литании в пользу первооснов и обвиняют в манерничанье тех, кто держится лишь за форму. Я должен отказаться от освещения основ, с этой миссией кто угодно справится и без меня; я стою лишь формой своих теней.

Истину ищут, поскольку она полезна и утешительна в жизни; не-истина, то есть мечта, вожделенна, даже будучи бесполезной и тревожной. Шопенгауэр сказал бы, что первая принадлежит реальной воле, а вторая - воображаемому представлению.

Как уповать всерьёз на обретение покоя или истины, если два великих специалиста в сей материи, вопрошённые об истине, ответили лишь улыбкой и молчанием - Будда и Христос!

Прежде невежество спасало от беспокойства, и милые вымыслы баюкали наше блаженство. В наши дни чистая совесть опирается на знание, а блаженное состояние - на безаппеляционной истине, а не на робком вымысле. Невежество есть неспособность к новым радикальным подстановкам, унификациям. Неспособность, идущая от восприятия известного как константы, тогда как ум заключается в умении легко угадывать в каждой мирной константе несколько будоражащих переменных. Больше констант - больше скуки и покоя.

Ничто кроме поиска истины не дарует покоя — Паскаль - *Rien ne donne le repos que la recherche de la vérité*. Ты и не подозревал о подлинной правоте сего вздора! Отчего так часта чистая совесть у всех нынешних прохвостов? - оттого, что каждый вовлечён в сей жалкий поиск. Ничто не приносит столько головокружения и стыда, как поиск добра; ничто - столько головокружения и блаженства, как поиск красоты.

Гёте: *Вредная истина, я предпочитаю её полезному заблуждению. Истина исцеляет боль, которую она в нас возбуждает - Schädliche Wahrheit, ich ziehe sie dem nützlichen Irrthum vor. Wahrheit heilet den Schmerz, den sie in uns erregt*. Заблуждение мечты эту боль поддерживает! Жить без боли - первейшая цель унылых искателей истин. Жизнь соткана из изъянов и кипений, кои чаще вымышлены, нежели достоверны.

Два повествования господствуют в Истории: повествование о страдании слабого и о славе сильного; в ней недостаёт напева одиночки, в

котором речь шла бы лишь о его благородстве - ни о слабой славе ни о сильном страдании.

Не зная страдания и не располагая досугом, публика не замечает поэтов; в сем безболезненном и суетливом обществе поэты обречены на небытие.

Метя в итоги жизни, философия оказывается на избитых тропах; ограничиваясь путями, она несёт в себе лишь техничность искусства; одна лишь высота начал придаёт ей статус благородной утешительницы, влекущей нас к небосводу и избавляющей от зуда общих горизонтов, где врождённое ценнее обретённого. Единоличное искусство, смыкающееся со всеобщей жизнью.

Сущностная тревога и сущая страсть суть благороднейшие знамения нашей человечности - ещё один повод презирать скептицизм. Секст Эмпирик: *Скептицизм исцеляет от двух бедствий, кои терзали человечество, - от беспокойства и догматизма*.

Сдаётся мне, что ад - это свет, прозрачность, невозможность одиночества, мука неисполнимой мечты; рай же был бы ночью, радостью теней, отчизной мечты, источником дерзновений. Сладострастие мыслей и волнений можно испытать лишь ночью.

Башня из слоновой кости, где аристократ мнит себя сверхчеловеком, изначально была лишь руиной, куда наведывались нищета или стыд недочеловека из подполья. Аристократ - это тот, кто способен увидеть сверхчеловека и человека из подполья на одной и той же оси, равнонапряжённую на всём её протяжении, или, вернее, на всей её высоте.

Как убога философии мышления и акта по сравнению с философией страдания или вздоха!

Любовь сложна, а потому в ней угадывается и реальная доля, временная, и доля воображаемая, пространственная. Когда воображение равно нулю, остаёшься в компании одной лишь одномерной реальности, убывающей линейности.

Поскольку серьёзность есть первый враг счастья, ирония должна бы служить самоограничением, оплотом против натисков серьёзности и увёрткой на пути к счастью.

Перед лицом наших неудач возможны два подхода: тяжесть печали или благодать лёгкости; ирония же выступает их компромиссом - улыбающейся меланхолией.

Человек-творец роковым образом становится меланхоликом из-за собственных густых теней; утешить его - значит донести до него света. Если к тому же ты поэт, ты станешь силиться извлечь из шума или равнодушия жизни её мелодии и тайны. И к слову, сие суть две единственные задачи доброй философии и даже поэзии. Пушкин: *Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв*.

Я вижу, что находя оправдание итогам моих поступков и мыслей, я помещаю их в разряд посредственностей. Отсюда моё безусловное служение началам, беззащитным, неразумным, неоправдываемым. Поэт, а значит, и философ, творит лишь в несотворённом, утешает лишь безутешное, пьёт лишь из недоступных источников.

Мечта: созидательный порыв Красоты или любовный порыв Блага. И поскольку всякое реальное созидание и всякая реальная любовь отрываются от нематериальной мечты, всякая мечта души завершается ностальгией, грёзой рассудка, поиском утешения.

Кара за избыток порядка - роботизация; когда постигают её ужас, соглашаются с тем, что для общественного мнения хюбрис, беспорядок, карался бы лишь немезидой, правосудием.

Венки, гирлянды, хороводы объясняют «как», «когда» и «где» общих празднеств или трауров; цветок без «почему», вспышка без длительности и звезда без места суть удел краткой неги или долгой ностальгии. Уземляющие цели или возносящие самоограничения.

Именно в латиноамериканской сельве, в реальной борьбе за свободу, смутную, но упоительную, Р. Дебре испытал сильнейший восторг в своей жизни. Мои же восторги проистекали преимущественно из абстрактных мечтаний. Что до свободы, я ценил её лишь конкретной. Я открывал её, упоённый, в тот миг, когда вступил на французскую землю, избавляясь от тяжёлого омерзения ко всему реальному и учась лёгкому вкусу воображаемого. Р. Дебре желал примирить логику мысли с логикой акта - цель, которую я всегда считал невыполнимой и обманчивой. Р. Дебре страдает от ностальгии прошлого и пресности будущего; я же наслаждаюсь своей вневременной меланхолией. Но, увы, чего стоит моя хрупкая воображаемая гармония рядом с его вполне реальными ритмами!

Страдания наши относятся либо к нашей реальности, либо к нашим мечтам. В первом случае они заурядны и вытекают из общечеловеческого

удела. Во втором - они пускают в ход нашу чуткость, наше воображение, наш ум; ими не делятся, ничто коллективное их не озаряет; их содержание и их интенсивность нимало не зависят от нашего опыта заурядных незадач.

Счастлив может быть лишь тот, чьё прошлое хранит нечто священное, неопровержимое, хоть и необретаемое, - прекрасную женщину, прекрасную мысль, прекрасный пейзаж. Воспоминание, более нежели текущий миг, перехватывает мне горло и сгущает мою слезу.

Счастье есть дело душевного состояния, а не состояния дел; в отсутствие душ культ счастья равен по глупости лишь его проклятию.

Как должна бы рождаться бережная и кроткая ирония? - видеть спад благородных начал и понимать, что, для рассудка, начала эти были обречены. Стало быть, иронии пристало быть плачем, таящим в себе неисповедимое утешение.

Высота противопоказана счастью; она есть сосуществование неизбежного страдания и вымышленного блаженства, земного стыда и небесной гордости, жертвоприношения света и верности тьме. Счастье же кроется в ровном головокружении восхождения.

Я никогда не завидую людям высоты, ибо высота - это одиночество, а одиночество - это страдание. Я позавидовал бы скорее деревенщине, что пребывает в неведении своей жалкости и нежится в безотчётном счастье.

Бог создал угрызения совести без совершённого греха, дабы даровать нам мечту о падении. Люди же создали раскаяние в совершённом грехе, дабы мы отталкивались от него ради чаяния побед.

Писание есть, быть может, самый действенный эрзац любви, идущей ко дну, или мучительного изгнания. В. Набоков - *Потеря родины оставалась для меня равнозначной потере возлюбленной, пока писание не утолило томления*. Писать - значит переизобретать; а вымышленные любови и патриотизмы - прекраснее всех, будь они даже наименее достоверны.

Именно угасание душ объясняет отсутствие великих чувств. Тела более не общаются ни с кем, кроме рассудка. Ничтожные плотские неурядицы сочетаются с духовной посредственностью, тогда как прежде *всякое наслаждение и всякое страдание приковывали душу к телу* - Платон.

Если бы не таинственные ограничения, таинственная гармония сводила бы нас с ума от радости. Тексты без шифра, кои мнят ниспосланными славным Богом, говорят о безумии счастья. Но во времена сомнений код ограничений применяется к текстам несчастья. Очевидность ограничений толкает нас к созиданию, очевидность же счастья позволяет лишь воспроизводить.

Две радикально отличные трактовки Зла, сопровождающего любой поступок: первая - со стороны человека, расплачивающегося за свой поступок, прямо или косвенно, - явное страдание по причине несправедливости, непонимания, жестокости; вторая - со стороны человека, совершающего этот поступок, - смутный стыд по причине неизбежного зазора между тем, что замышляется как основа его мысли, и тем, что выдаёт форма её претворения. Подлинное Зло сокрыто именно в сей второй трактовке.

Возбуждение, рождённое любопытством или тревогой, находится у истоков математических или философских теорий; математика выстраивает систему путём развёртывания аксиом, а философия - путём свёртывания афоризмов. Ж. Делёз наставлял, что *доктрины исходят из ран и витальных афоризмов - Les doctrines viennent de blessures et d'aphorismes vitaux*.

Сегодня академический философ, подобно инженеру или адвокату, живёт под кровом, где царят безмятежность, объективность, душевный покой. Что думать о тех, для кого, по выражению Г. Шпета: *Философия - тревога, притязание, беспокойство, - философ не имеет пристанища*?

Утешение не подкрепляет моих сил, оно придаёт незримый ореол моим слабостям, неизбежным и благородным.

Рассудочная роль утешения должна бы заключаться в поддержании невесомой меланхолии, в противоположность слишком тяжёлому падению или слишком лёгкой эйфории.

Своим падениям я ищу утешения, не делимого, чаще всего, ни с кем или, вернее, рассматриваемого под только моим углом зрения. Коллективные обманы суть опиум, я же требую амброзии, сберегаемой для существ божественного склада.

То, что исполнимо, должно быть исключено из круга моих потенциальных средств утешения. Впрочем, подлинный поиск верного утешения начинается с рассматривания утешительного ничто. Ницше: *Из всех утешительных средств страждущим ничто не приносит такого*

блага, как утверждение, будто для их случая нет никакого утешения - Von allen Trostmitteln tut Trostbedürftigen nichts so wohl als die Behauptung, für ihren Fall gebe es keinen Trost.

Легко найти место посреди людей, где я обрёл бы покой, облегчение, временное тепло. Человеческая драма - в превратности сего места, его обесценивании, его ветхости, его руинах. Нужно искать его или, лучше, возводить в ином мире - воображаемом, где трепещут самые сокровенные и священные из моих привязанностей, таких как любовь или творчество. Обитель, что презирала бы время, ведала бы лишь рождения и кончины и что приютила бы моё утешение. Шекспир писал в сонетах: *Но счастлив я: люблю я и любим и от любви своей неотделим - Then happy I, that love and am beloved where I may not remove nor be removed*.

Я отличаюсь тем счастьем, что создаю, нежели тем несчастьем, что претерпеваю. Стало быть, мне надлежит дольше задерживаться на напевах, нежели на слезах. Единственные страдания, что заслуживают моего утешения, почти вымышлены, поскольку разыгрываются между уравнивающей реальностью и неповторимой чуткостью, и где вторая кончает тем, что сдаётся. Счастье есть утешение, торжествующее и мимолётное.

Глаз наших довольно, дабы изобличать земной ад, но требуется верный взгляд, дабы возвещать небесный рай.

Лукреций, нелюдимый и меланхоличный, и Эпикур, лучезарный и жизнерадостный, излагают одни и те же, довольно сероватые истины, но каков блеск душевных состояний! Достаточно было скользить над

бесстрастными истинами и останавливаться только на высоте душ, томящихся тоской или объятых блаженством.

Состояние моей совести, состояние как натуры так и культуры, должно быть смятенным, полным меланхолии, сожаления, смирения, стыда. Вот почему их чёртовы добродетели, призванные, по определению, приносить чистую совесть, не внушают мне ни зависти, ни симпатии.

Нужно оставаться насмешливым и бесчувственным к несправедливому драматизированию трюизмов; нужно оставаться меланхоличным и чутким к справедливой банализации героизма.

Никого не ужасающий, никого не электризующий ад, - одна из причин посредственности, замещающей собой бездны и небеса.

Источники утешений изливаются близ меланхолии, а не восторга. Б. Расселл : *Будучи меланхоликом поначалу, он под конец ищет бесплотного утешения в какой-нибудь философской системе* - *Melancholy at first, he is seeking ultimately the unreal consolation of some system of philosophy.*

Страстные люди, не находя достаточного рельефа в окружающей посредственности, узнают себя во взлёте или падении грёз, в головокружении или в страдании. Философ - это тот, кто умеет создать между ними непрерывную ось. *Живое существование станет страстью в религиозном смысле* - Сартр - *Vivre sera la passion, au sens religieux*.

Счастье - это умиротворённый взгляд на безвозмездное Благо или на дражайшее Прекрасное. Но тоска туманит этот взгляд, и разум с роковой

неизбежностью эту тоску порождает. Если ты ищешь счастья, заставь же замолчать тяжеловесный разум, дай волю легкокрылой грёзе, коя составляет единственное человеческое утешение - пусть нечестное, тёмное, усыпляющее, - но не божественное ли?

Не покой души должно нести в себе истинное утешение, но, напротив, - даровать причины для трепета в те мгновения, когда угрожающе надвигаются однообразие или серость.

Я бы не назвал утешением слова поддержки в момент, когда утрата уже совершилась. Именно ослабление моей чувствительности перед лицом блекнущего Прекрасного, умолкающего Блага и пошлеющей Истины делает утешение насущным. Это эфемерное утешение поместило бы меня в недосягаемых крайностях - в высоте творения или в глубине тварного. Утешение - это живость тетивы, даже в отсутствие целей и стрел.

Моё ведомое «я» орудует в горизонтали; моё неведомое «я» грезит по вертикали: в глубине формируются его радости, к высоте устремляются его меланхолии. И поскольку ведомое «я» назначает свидание неведомому на высоте, оно извлекает из этого лишь страдание. *Достигая наслаждения моего глубинного «я», прикасаешься к немой ране* — Р. Шар - *Atteindre la jouissance de mon soi profond, l'on touche à la plaie muette*.

Два враждующих клана слагают философскую речь - один стремится к объективности, другой - к субъективности. Первый клан с величайшей серьёзностью изливает галиматью вокруг знания, бытия и непротиворечивости - галиматью, редко освещённую хорошим стилем. Второй, немногочисленный и скорее ироничный, черпает вдохновение в одиночестве, страдании и языковом творчестве отдельного человека.

Количество, очевидно, на стороне первого клана, но интеллект - это качественный и почти исключительный аватар второго.

Для современного робота, будь он инженером, автомехаником или философом, жизнь - это формулировка, доказательство и применение истин; то есть полное противоречие тому, что некогда именовалось витализмом. В итоге я противопоставляю этой механической жизни поэтическую грёзу: формулы как форму, доказательства как музыку, применение как взлёт. Прочь мертвящие истины - да пребудут меланхолические состояния души!

Утешение - в разбитой бурей жизни вновь увидеть горизонт духа, парус сердца и дыхание души.

Спасение: чистая совесть, мирная покорность судьбе, незапятнанный свет - любые поиски этих блаженств всегда глупы. В противовес им - утешение: истина хлада и тени в смятенной душе перед лицом искомой ласки, воспоминания о тепле исчезающего Блага или о мерцании оживаемого Прекрасного.

Жизнь - это дело и глаза; мечта - это отрешённость и взгляд. В жизни страдают; в мечте утешаются. *Аскеза, а не колыбельная: такова жизнь во Благе* - В. Янкелевич - *Ascèse et non berceuse : telle est la vie morale*. Оставим аскезу жизни, будем искать утешение в колыбельной грядущей мечты, скорее эстетической, нежели нравственной, - ars consolandi.

Раненые уравнивающей, уплощающей жизнью несут в себе стыд, переводят свою волю к власти - в аристократизм мечты. Но воля противоположна и добродетели и силе, и смысл имеет лишь в

действительности. В действительности НАШИ БЕДЫ искажают, уничтожают добродетель, эту дочь силы и здоровья.

Кто испытал наслаждение творчества, для того уже все другие наслаждения не существуют - Чехов. Тот же закон применим к любви и к мечте.

Одиночество предаёт тебя меланхолии, ибо, оказавшись в нём, все твои добродетели теряют смысл, и ты беспричинно остаёшься в компании одних лишь своих былых низостей. Только глупцы или лицемеры ищут одиночества.

Ни сердце, ни душа не имеют ни своей логики, ни своих слов, ни своих идей; у них есть лишь их состояния, идущие от блаженства до страдания. Перевод этих состояний - задача художника; для сохранения определённой гармонии правило золотой середины кажется здесь наиболее уместным. Вот почему меланхолия, эта середина, равноудалённая от крайностей, подходит для этого лучше всего.

Дух может (и, пожалуй, даже должен) быть мрачным, но сердце должно быть светлым. И утешение во тьме заключается в том, чтобы показать несколько лучей света, пусть даже эфемерного, заставить дух уступить сердцу, проявить слабость. *Даже самая большая сила духа утешает не так надёжно, как его слабость* - Vauvenargues - *La plus grande force d'esprit nous console moins promptement que sa faiblesse*.

В ранней юности горделивые разочарования - знак зарождающегося благородства, наивного, но многообещающего; в старости сварливые разочарования свидетельствуют о неизлечимых мелочности и глупости.

Родной язык - последнее убежище одиночки. Для французского писателя, ставшего добычей одиночества, французский язык - нежное и ласкающее утешение; для немца или русского это утешение запечатлено меланхолией: *Во дни сомнений, ты один мне опора, свободный русский язык* - Тургенев. *Die deutsche Sprache ist der treueste Trost meines Lebens gewesen* - Г. Гессе - *Немецкий язык был самым верным утешением моей жизни*.

Утешение: замечая, как жуткое равнодушие заполняет твои чувства, повернуться к своей юности и воскресить верность её восторгам или жертвенность её отверганий.

Чем радостнее зрелище мира, воспринимаемое твоими глазами, тем меланхоличнее музыка, которой твой взгляд сопровождает это зрелище. Прекрасное соседствует с ужасным, а радостное - с меланхолическим. Отсюда обязанность художника быть человеком оси, а не крайностей.

Я читаю у учёных писак о причинах, побуждающих их писать, и нахожу там: искать истину, иметь что сказать, выразить свой гнев, передать факел будущим поколениям. Что за вздор! Я задаю себе тот же вопрос и прихожу к этому смущающему признанию: я пишу, потому что иначе моё одиночество становится невыносимым. У пресыщенных людей эффект одиночества обратный: *Omnia respuo nec quicquam habeo tolerabilius quam solitudinem* - Цицерон - *Всё мне претит, и нет для меня ничего более сносного, чем одиночество*.

Погружённый в толпу, ты теряешь свою неповторимость; ты начинаешь интересоваться общими вопросами и стенать по поводу общих

хлопот, тогда как одиночка увлечён лишь ответами и внимателен лишь к страданиям, исходящим из его собственного нутра.

Романист обставляет комнату по своему выбору - гостиную, спальню, кухню, - дабы его читатель точно знал, где герои ищут свой коробок спичек. Кто же ступит ногой (взглядом, мыслью, образом) на мои обнажённые руины, наводнённые моими тенями, где каждый волен сам изобретать эпоху, драму, тоску или воодушевление?

У философов я не ставлю высоко ни знание архитектора, ни ловкость каменщика; я предпочитаю им ремесло утешителя руин.

Самым естественным местом для утешения кажутся руины (мечты, любви, влечения). И они могут переживаться как праздник. Руины - это Ничто на месте того, что некогда воспринималось как Начало. Ничто величественное или священное. *Радости нашей юности, воспроизводимые памятью, похожи на руины, освещённые факелом* — Шатобриан - *Les plaisirs de la jeunesse, reproduits par la mémoire, sont des ruines vues au flambeau*.

Объективная жизнь должна быть ностальгической, а субъективное искусство - меланхоличным. Идеальным местом их встречи кажутся руины. Вечное искусство ласкало бы там временную жизнь; жизнь глубины пробуждала бы там искусство высоты. Всё - под открытым небом.

Невыносимая скука - описывать реального человека; непреодолимое наслаждение - оставаться в компании человека невидимых грёз, существующего лишь в устремлении к недосягаемому, в неизречённой любви, в бесполезном благородстве, в невыразимой меланхолии, в

неизбежном одиночестве. Только музыка способна приблизить нас к этому; вот почему я избегаю шума реального и преследую мелодию идеального.

Весёлость - убожество слабых умов; мой ответ одному благодушному мыслителю — А. Монтерлан: *Меланхолия - роскошь бедных душ - La mélancolie est le petit luxe des âmes pauvres*. Как может невежда, лишённый жизненно важных органов или обрекающий их на порочное употребление, судить о грациях или нищете душ? Всякому человеку, имеющему душу, знакома меланхолия, и он умеет пользоваться слабостью рук. Дураки не знают ни бьющей через край радости, ни благородной скорби. *Hilaritas excessum habere nequit, sed semper bona est ; et contra melancholia semper mala* - Spinoza - *Весёлость не может иметь излишка, но всегда хороша; и наоборот, меланхолия всегда дурна*.

Я никогда не встречал несчастных дураков.

В немецком и русском языках слово *грусть* несет в себе поэтическую ауру; во французском же оно имеет весьма дурную репутацию, обозначая кого-то скучного, тусклого, неуклюжего. Француз предпочтёт быть горьким, нежели грустным.

Меланхолия ближе к упованию, чем к отчаянию; и поскольку всякая благородная поэзия меланхолична, Чоран неправ: *Entre la poésie et l’espérance, l’incompatibilité est complète - Между поэзией и упованием существует полная несовместимость*.

Беды обитают в посредственности, за исключением, быть может, того одиночества, которому сопутствует благородство. Радости могут рождаться в глубине, но их зрелость может утвердиться лишь на высоте.

Вся совокупность прекрасной музыки содержит лишь три темы - меланхолию, величие, одиночество. Каждому артисту, понявшему, что музыка должна присутствовать в любом искусстве, следовало бы держать в уме эту обязательную триаду.

Вера в мечту и терпение в жизни - два условия утешения, опирающегося на тайну, несуществующую и прекрасную, и на реальность, ужасную и очевидную. Музыка часто отвечает этим требованиям. *Нужно терпеть и верить, и вдохновение явится тому, кто сумел победить своё нерасположение* - Чайковский.

Достоевский хочет быть утешителем других; Ницше хочет оставаться безутешным; я же хочу быть утешенным самим собой, утешителем.

Цель благородного утешения - перейти от реального пессимизма к воображаемому оптимизму; но чтобы её достичь, нужно заново начать жить в мире, населённом самыми недосягаемыми грёзами и самыми чистыми воспоминаниями.

Пессимист обрекает свой слух на шумы мира и проникается к ним отвращением; оптимист же обращён внутрь себя, обретая в глубине собственной души эхо мира - эхо избирательное, верное и музыкальное. Первый почти всегда принадлежит к стаду и лицемерит; второй - одинок и наделён воображением.

Несчастье обыкновенного человека - в том, что его идеи вступают в противоречие с реальностью; счастье необыкновенного человека - в верности своим грёзам, рождённым вне какой бы то ни было реальности.

Идеи не утешают; утешают лишь напоминания о грёзах. *La brève saison des idées, le long trajet vers la sensation, suffisamment ponctué de saveurs, pour qu'on y trouve de quoi se consoler* - Р. Дебре - *Краткий сезон идей, долгий путь к чувству, достаточно размеченный сладостями, чтобы найти в них чем утешиться*.

Твои ноги, твоё сердце и рациональная часть твоего ума находятся на земле, и они неизбежно принимают участие в склоках между реформизмами и консерватизмами в юдоли слёз, в шумной посредственности. Но твои крылья, твоя душа и иррациональная часть твоего ума возносят тебя на высоту, что отрывает тебя от забот дня сего и заставляет внимать вневременной музыке, где пение, вздох, рыдание обходятся без актов.

Совершенная музыка - это равновесие между пейзажем (рельефы, высоты и пропасти) и климатом (от меланхолии до гимна). Литературе следовало бы черпать в этом вдохновение.

Разочарования и экстазы привязаны к событиям, к вещам; но меланхолия - это рок благородных душ.

Прекрасная меланхолия чаще сопутствует цветам, что тянутся вверх, нежели опадающим листьям.

Возбуждения, эйфорические или повергающие в отчаяние, туманят образ твоей звезды и ослабляют её притяжение. *Я предпочёл меланхолию уповающую и стремящуюся той, что отчаялась* - ван Гог - *J'ai préféré la mélancolie qui espère et qui aspire à celle qui désespère*.

Я - дитя снега, цепенящего взлёты и укорачивающего простор. Пустынность приносит жар - и бесплодной глубине и пророческой высоте. И то, и другое покрывает одиночество меланхолией чистоты или миражей.

Одиночество среди свободных людей переносить тяжелее, чем вынужденность быть постоянно окружённым рабами; этому я научился в Европе после России. *Il est plus insupportable d'être toujours seul que de ne le pouvoir jamais être* - Монтень - *Невыносимее быть всегда одному, чем никогда не иметь возможности побыть одному.*

В широте своей души русский сеет томление и муку; в глубине своего сердца немец погружается в тайны и многословие; на высоте своего духа француз сублимирует легковесность и стиль.

Меланхолия - это эхо зова твоей звезды, услышанное твоей душой в безмолвии твоего духа.

В странствии по жизни мне больше всего не хватало бы не руля, не штурвала, не компаса, а мерцания моей звезды, позволяющего мне отбрасывать свои живые тени на всё высокое или глубокое - на мои почитания или мои крушения.

Многие из моих грёз тянулись к реальности; лишь одна увенчалась успехом - эта книга. Многие из моих желаний искали дружбы; лишь одно стало реальным - дружба современника, благороднейшего в мире. Достаточно причин, дабы чувствовать себя счастливым. Счастливым трагически, поскольку этому счастью суждено угаснуть, не оставив ни

малейшего следа; но утешение в том, что экстаз породы выше чем показ народу.

Моя мечта заключается больше не во мне самом, а во взлёте к цели, недосягаемой и неизречённой, которую я зову своей звездой; утешение же состоит в том, чтобы вернуть этому далёкому и угасающему свету немного его былого блеска, а моим теням - чуть больше сгущённости.

Утешение - это всегда вызов реальной жизни. То, что ложно в реальности, утешение навязывает мечте. *Kurz ist der Schmerz und ewig ist die Freude* - Ф. Шиллер - *Скорбь мимолётна, а радость вечна*.

Меланхолия рождается в душе, но она заражает дух, который принимается обшаривать память в поисках Источников, - тщетно. Быть может, именно эта неудача и отличает меланхолию от грусти.

Разделять радости мира - дело пустяковое, но разделять его заботы - опасно. Тертуллиан предлагает дурную профилактику, призывая нас сохранять свою скорбь, когда мир радуется, и радоваться, когда мир грустит. Радости разделяют, но не скорби.

О правильном употреблении иронии и жалости: иронизировать над страданием тех, кто скуден воображением; проникаться жалостью к страданию тех, кто нищ в делах материальных.

Противоположность утешению - это равнодушие, довольство своим мирным состоянием, забвение того, что утешение необходимо. Беспокойство об исчезающей мечте должно сопутствовать тебе при любом непокое души.

Одно и то же угрызение совести терзает меня, будь то в пороке или добродетели; зверь или ангел шепчут мне советы и сопровождают мои шаги.

Непоправимое в жизни требует зоркого мужества отрешённости; непоправимое в мечте исправляется утешением, верностью химерам.

На первый взгляд думаешь, что музыка или страсть должны служить делу радости; однако потом обнаруживаешь, что, когда они велики и прекрасны, именно меланхолия составляет их ядро, их смысл и их цель.

Никакое благородство людей, которых я встречал в своём бытии человека дела, - благородство родовое, интеллектуальное, сентиментальное - не превосходит в моих глазах человека мечты, по чистоте, высоте или драматизму - благородство моей матери-вдовы. Просторабочая на страшном, полуразрушенном заводе в самой глуши Сибири, на земляном полу, со станками и заданиями, предназначенными для дюжих мужчин. И ни единой жалобы; по вечерам - её меланхолические песни или чтение сказок; ночью - её глухие рыдания, от которых я цепенел. Днём - разруха, голод, паразиты. Вкус к ласкам и свободе пришёл ко мне из этого ужаса, помноженного на мою долю безотцовщины.

Lo viso mostra lo color del coro - Данте - *Лицо проявляет цвет сердца*. Чужой в стране верноподданичества и лжи, чужой в стране свободы и истины. Грезить о братстве чувств, размышлять о братстве духа и не находить братьев. Ни у кого нет взгляда, подобного моему, - на интеллект, на язык, на утешение, на вкус, на Благо, на трагедию, на экстаз. Жить среди одних несхожих - какая меланхолия, какое планетарное одиночество. Не

скатиться к отвращению и презрению - такова моя каждодневная задача. Пока - успешная, ибо я несу в себе столько восхищения невидимым, моим единственным духовным пропитанием.

Самые прекрасные качества сердца, души, духа сводятся в конечном счёте к одному и тому же - к искусству ласк, что выражают, соответственно, любовь, благородство, талант: озарённое лицо, меланхолический взгляд, высоко поднятая голова.

Есть столько лучезарных вещей, кои меня печалят, и столько тёмных образов, кои приводят меня в экстаз. И всё же всякая прекрасная мечта меланхолична, а всякая реальность - неисчерпаемая тайна.

Человеческое сознание слагается из двух областей: реальность, которую следует передавать в теориях, и мечта, которую следует претворять в музыку, - воодушевление и меланхолия, поддерживаемые языком и утешением, единственными предметами, достойными философии глубины или высоты.

Любовь, как и музыка, одаряет нас одиночеством и слезами; и всё же это опустошение ведёт нас к вратам рая.

То, чем пренебрегают все философы, - это явный выбор понятийных осей, для размещения на них своих ключевых слов. Одно из таких слов-паразитов - жизнь. На другом конце оси у так называемых виталистов угадывается абстрактное размышление, эрудиция, знание, тогда как её наиболее интересным обитателем является мечта, что делает жизнь синонимом реальности. Таким образом, этот термин, страсть, становится

архи-размытым, поскольку, применительно к жизни, он может означать одержимость успехом, а применительно к мечте - взлёт к высоте.

Взгляни на лик холодный, в нём жизни нет; но как былых страстей заметен след - Боратынский. Ты хочешь, чтобы музыка исходила из твоих строк, но твой инструмент всегда будет несовершенен - нескольких струн будет не хватать из-за недостатка таланта, ума или вкуса. Именно так ты будешь вынужден восполнять этот изъян музыкальными хитростями, и, к примеру: *передавать акценты радости в тоне, посвящённом вздохам* - Шатобриан - *...rendre les accents de la joie sur le ton consacré aux soupirs*.

Ты должен выбирать между созерцанием и творением, следовательно - между реальностью и мечтой. Либо ты воспринимаешь мир глазами идиллическими (ибо мир возвышен) или сатирическими (ибо этот мир также полон ужасов), либо ты создаёшь мир своим элегическим взглядом (ибо ты должен будешь его покинуть).

Не красота, но высота возвещает рождение мечты с её обетом чистоты, любви или меланхолии. Высота начинается с прикосновения твоей звезды и с удаления твоих земных забот.

Дебют краха разыгрывается на путях приземлённых; те же, кто увлечён просторами, претерпевают кораблекрушение. На первых нужно упражняться в покорности судьбе, на вторых - искать бутылку с описанием бедствия. Смирение перед утраченной силой волка или пафос последних запечатанных слов, лебединой песни.

Романтизм и его опора - душа - суть первые жертвы американизации Европы. С. Вейль знала это, но кто в наши дни стал бы её слушать?

Ты замечаешь, что искусство и высота покидают небо и сближаются с землёй; лиризм мёртв, устаревшие понятия - бесконечность и вечность - больше не заставляют сердца биться, они отбивают такты машин. Твоя ностальгия мешает тебе верить собственным глазам, которые читают: *Der Künstler ist die Ewigkeit, die die Tage von oben durchdringt* - Рильке - *Художник - это вечность, чья высота пронизывает наши дни*.

Существуют тайны Творения и тайны творения человеческого. То, что герметично лишь для непосвящённых (или невежд), зовётся мистикой. У Источника тайн лежит внесение личных, мечтательных представлений в среду, отведённую под общие банальности. Но как можно придерживаться бессвязных размышлений? Дело в том, что в людях *живёт ностальгия по непроницаемости* - *...on a la nostalgie de l'imperméabilité* — Сартр.

Механическая ложность может оказаться мистической истиной. Ностальгия обращена к реальному; меланхолия едва задевает идеальное. Ностальгирующий по априорной непроницаемости - ремесленник; меланхолик апостериорных теней - художник.

Единственная действенная вера - та, что рождается из обретения заново ускользающей мечты: credo quia consolans (верую, ибо утешает). Ничего сверхъестественного в этом объекте культа нет.

Искать надежду - питаться возможным; уповать - поддерживать жажду невозможного.

Когда уделяешь больше внимания реальным катастрофам, нежели иллюзорным утешениям, то видишь в максимах *аксиомы сумерек* - Чоран -

axiomes du crépuscule. Для тех же, кто делает противоположный выбор - как я, - максимы суть апории рассвета.

Несбыточная надежда, зависящая лишь от твоей веры, была бы неразрушима; она именовалась бы упованием. Поскольку всякая материя, как и всякий дух, обречены на конечное разложение, упование обращено лишь к вневременной мечте - противоположности реальности.

Моя меланхолия Начал - точная противоположность их меланхолии конца света.

Болезнями века именовали затяжные меланхолии душ; сегодня же говорят об эффективности или о здоровье текущих версий - версий одноразовых, версий роботизированных умов.

Гамма грустных мелодий, скорее нежели триумфальные гимны, подходит для выражения крайнего счастья (грустные глаза Арагона). *I am a Coward, I cannot bear the pain of being happy* - Дж. Китс - *Я трус, я не могу вынести боли счастья*.

Люди столь глупо последовали дурному совету Шекспира: *Should my thoughts be sever'd from my griefs - Пусть мои мысли отделятся от моих скорбей*, что сегодня мысли без меланхолии роботизируются, а стенания без идей обараниваются.

Счастье любви кроется в тревожной близости, которую, однако, создаёт необозримая даль; несчастье рождается из рокового приступа одиночества, приходящего из ниоткуда и не порождённого никаким иным чувством. И всякое одиночество - несчастье. *Оригинальность любви в том,*

что она делает счастье неотличимым от несчастья - Чоран - *L'originalité de l'amour est de rendre le bonheur indistinct du malheur.* Неразличимость происходит оттого, что сопровождающие их тайны обретаются на одной и той же смутной высоте.

На всё, что больше тебя, ты отвечаешь не смехом сокрушения, но слезами почитания.

Влюблённые чередуют даль, астральную и холодную, и близость, интимную и жгучую, головокружение или страдание. *Принимая меня за близкую, вы мне сделали много зла, принимая меня за чужую, вы ко мне выказали только доброту* - Цветаева - *Considéré comme proche, vous m'avez fait beaucoup souffrir, considéré comme étranger, vous ne m'avez témoigné que de la bonté*.

В своём поиске юношеских восхищений ты слишком рассчитываешь на пищу; и когда ты понимаешь, что возбуждающие приправы были бы куда более полезны для сохранения твоих грёз, часто оказывается слишком поздно. *Всё притупляется: и пища, и грёзы* - Чоран - *Tout s'affadit : aliments et rêves*. Смутная совесть и меланхолия совместимы с благородным счастьем. Но все Мудрецы думают наоборот: *Es gibt zweierlei Art von glücklicher Gemütsverfassung: das gute Gewissen, das stets fröhliche Herz* - Кант - *Есть двоякого рода счастливое душевное устроение: чистая совесть и всегда весёлое сердце*.

Самые навязчивые воспоминания приходят от уязвлённого чувства Блага, заставляя всплывать стыд и упущенные возможности любить. Прекрасное и Истинное быстрее теряют свою актуальность.

Жизнь прямолинейна, а мечта соткана из вечных возвратов, из Начал. Вольтер прав: *Qui n'a pas l'esprit de son âge, de son âge a tous les malheurs - Кто не обладает духом своего возраста, тот несёт в себе все несчастья своего возраста*. Как и Сенека: *Male vivunt qui semper vivere incipiunt - Плохо живут те, кто всегда только начинает жить*, - полная противоположность мечте!

Для современной чувствительности быть счастливым - значит быть (само)довольным. Этот мир счастлив, а мечта в слезах; и тем лучше для обоих: первый, сытый, оставляет в покое вторую, которая питается своими меланхолиями. Гротендик был слишком пессимистичен: *Горе миру, где мечта презираема - Malheur à un monde où le rêve est méprisé*.

Меланхолия служит для преодоления грусти угасающих страстей. *Только в тоске мы победны над скукой* - Цветаева.

Будь то северный олень, жаба или соловей - именно соблазн дарует смысл их музыке. И поскольку эти песни предполагают одинокую рамку и дозу меланхолии, столь естественные для влюблённого человека, музыка была среди первых орудий зарождающихся умов, ещё столь поэтических. Неудивительно, что в Античности она фигурировала в математическом квадривиуме.

Во всём том, что сегодня по инерции продолжают именовать литературой, легко добраться до смысла, но мечту там не найти. Всё повествуется, ничто не поётся. По меньшей мере, никто не отстраняется от реального с большим презрением или равнодушием, чем я. И никто не создаёт столько мелодий для мечтаний, сколько я, - и я печально одинок, как тот, кого причислили бы к разряду «без определённых занятий»,

напевающий свои песни в своих четырёх стенах, под мостами, среди засушливых и пустынных холмов. Одиночество - единственное кораблекрушение, исключающее спасительное всплывание.

Моя родина - не историческая, не географическая, не лингвистическая, не психологическая. Нет границ на планете под названием Высота, где каждый житель одинок и ни с кем не делит свою звезду; со своими соотечественниками там общаются на искусственных языках - тональностях, мелодиях, интенсивностях, вздохах или слезах.

Если ты умеешь воспринимать любой триумф как крах, ты больше не будешь делать различия между проигранными делами и делами выигранными. Ты отвернёшься от финалов и посвятишь себя Началам.

Ты обречён действовать, зная при этом, что доза Зла впишется в любое дело; поэтому тебе редко удаётся выбрать воздержание - и от своих вынужденных деяний ты сохранишь лишь угрызения совести.

Всякая добродетель дел, под достаточно высоким взглядом, рассеивается. И скрытые пороки дел рассеиваются лишь в силу метафор - этих словесных ласк души, утоляющих смятение обманутого сердца.

Я чувствую себя чужим повсюду, будь то в пространстве или во времени, по эту сторону границы или по эту сторону смены тысячелетий. Я больше не знаю целого, частью которого я бы являлся; я воспринимаю лишь скопища, к коим мне нечего добавить.

Невежество всегда возобладает над деликатностью, как ирония - над лиризмом. Вот почему я предпочитаю миннезингера идальго.

Чтобы издатели соизволили опубликовать твои несвоевременные и внетопонимические заметки, тебе следовало бы быть столь же стадным и глупым, как лауреаты Гонкуровской премии или мастера философии. Когда ты оцениваешь всю безмерность этого грязного компромисса, ты сохраняешь верность собственному не поддающемуся классификации голосу.

Большинство моих написанных слов стремятся быть не читаемыми, достоверными или передаваемыми, но - слышимыми: меланхолией или стонами, претворёнными в мелодии.

Слёзы, вызванные падением Берлинской стены у чувствительных душ, были продиктованы не одной лишь радостью обретения свободы, но также, и даже в большей степени, грустью от созерцания того, как рушится благороднейший гуманистический идеал - братство смиренных. Бесслёзные люди первыми извлекли из этого выгоду.

Только страдание (унижение, нищета, одиночество) или внешняя угроза (тираны, дикари, фанатики) могли бы заставить меня вернуться к массе мне подобных. Однако и то, и другое приняло слишком экономическую и недостаточно идеологическую или цивилизационную окраску. Посредственность, а не величие или благородство. Посредственность без глубины. Одни и те же видения общества у философов и у автомехаников. Интеллектуал, превращённый в налогоплательщика. Патриот, которого не найти за пределами стадионов.

Опыт показывает, что вздох и слеза отражают состояние души, наиболее частое у всех и в любое мгновение - вопрос лишь в степени

сознания; поэтому выставлять свой собственный напев, гордый, одинокий и меланхолический, не значит быть эгоистичным, элитарным или нарциссичным, но означает быть скромным и смиренным.

Плоть пребывает в сиюминутном, а дух - в воспоминании. Эхо глубже, чем голос, тень оригинальнее, чем свет, временная меланхолия выше пространственной ностальгии.

В беспричинной меланхолии сквозит необъяснимая нежность, которая подобна воспоминанию о рае, потерянном и забытом.

Когда меланхолическая слеза заставляет тебя ощутить окружающую сухость, это хороший момент, чтобы искать упование, которое возвысило бы твою слезу и украсило твою меланхолию.

Твоя ностальгия: ты хочешь разделить взлёт, тон, темы, что оживляли твою юность; ты хочешь снова увидеть лица их свидетелей; не имея под рукой зеркал, ты легко входишь в свой собственный прежний образ, чего ты не можешь проделать с увядшими или мёртвыми лицами других. Вместо встреч, коллективных и радостных, ты проживаешь опустошение, одинокое и тёмное.

Одиночество даёт понять важность ограничений в выборе объектов, достойных нашего взгляда; оно подталкивает нас прогонять несущественное, отдавать предпочтение иронии и предаваться меланхолии.

В последнее время мы видели, как сформировались две коалиции: гневливый оптимист заключил союз с флегматичным презентистом, а меланхоличный пессимист - с эмоциональным сангвиником. Эмоция и

меланхолия в полной агонии уступают сегодня сцену одним лишь возмущённым деятелям настоящего.

В трёх сферах признания - интеллектуальной, профессиональной, сентиментальной - у меня есть глубокие причины, дабы стенать о своих неудачах, и высокие причины, дабы чувствовать себя ими увенчанным. Во всех трёх я пережил краткие ослепительные искры ночи, заставляющие забыть долгую тьму дня.

Пессимист - это человек без вертикали, что сужает свои горизонты и делает всё потустороннее угрожающим, неопределённым. Оптимист - это человек, знакомый с вертикалью и отрывающийся от горизонтали; он лишь зритель кораблекрушений внизу; хозяин глубины глаз, он упражняется в высоте взгляда.

Высота - это мечтательное состояние, позволяющее тебе с иронией скользить над всеми вершинами или безднами завоеваний или поражений, которые имеют значение в жизни, - меланхолическое наслаждение.

Глубокое воодушевление духа и высокая меланхолия души - это трудное сосуществование заставляет искать общее земное жилище, похожее, увы, на руины.

Отчаяние

Поскольку очевидно, что никакое спасение не может исходить от нас самих, мы цепляемся за внешние чудеса, дабы обрести в них прибежище для наших преждевременных скорбей. К счастью, неведомое «я» также пребывает вне нас и может служить мишенью для нашего упования. Разве зло страдания - это не призыв о помощи со стороны *другого «я», чья внешняя чуждость обещает спасение?* - Э. Левинас - *...l'autre moi, dont l'extériorité promet le salut*.

Агония угасающего упования или экстаз нарастающего отчаяния - эти хиазматические движения требуют противоположных темпераментов, а чтобы запечатлеть их - даже противоположных талантов: меланхолических штрихов, сотканных из разрывов, или непрерывного, сангвинического тона; искусства сумерек или искусства рассветов.

Философия не учит ни умирать, ни жить; она претворяет в музыку отчаянный гул смерти, равно как и шелест жизненной надежды; и эта музыка заставляет нас петь вместо того, чтобы декламировать, танцевать вместо того, чтобы ходить, декламировать поэзию вместо того, чтобы рекламировать прозу. Философия - это прикладная поэзия.

Я знаю, что искренне воспевают упование лишь агонизирующие слабаки; чтобы вновь обрести живительную силу, нет ничего более стимулирующего, нежели отчаяние. *...die Allmacht eines Verzweifelten - всемогущество отчаявшегося* - Гёльдерлин.

Моё жилище - это не катакомбы, но руины, поскольку именно жизнью, а не смертью занято там прошлое; оно грезит там о настоящем и плюёт на будущее. Катакомбы обращены к глубине отчаяния; руины обрекают себя на высоту упования.

Парадоксально, но именно покой души вернее всего предает нас отчаянию, тогда как прекраснейшее упование обещано тому, кто трепещет среди порывов. Покой заставляет слушать шум (или наше убожество, как сказал бы Паскаль), тогда как сам непокой рождает музыку.

Их литании о страдании, тоске и отчаянии, разумеется, пробуждают не жалость мою, а иронию: их опасности надуманы, смысл, который они придают своим поражениям, жалок, их убежища лишены благородства, а язык - бескрыл и блекл. Им следовало бы посвятить себя живописанию блаженств, где у них было бы больше шансов удержаться в пределах средней меры зевоты читателя.

Тоска, конечно, ведёт дальше, чем упование, но упование удерживает меня на большей высоте.

Оптимизм: утреннее упование перед лицом вечернего отчаяния, ночная грёза перед лицом дневной реальности. Пессимизм: *Он с утренними предчувствиями вечерних катастроф, я с ночными тревогами о дневных радостях* - Н. Берберова.

От конечной перспективы духа к бесконечному чувству души: ужас - это не преувеличение скорби, но предел любви или прекрасного; упование - это не сублимация желания, но оболочка отчаяния; творчество - это не смысл сознательного труда, но слепая вера или безумие.

Мыслители посвящают себя поиску достоверностей и спокойствия, тогда как единственной достижимой вещью остаётся подобие утешения - трепет: трепет перед творчеством, трепет перед жизнью, трепет перед смертью. Культивировать упование - значит оправдывать трепет. И подумать только, что некогда утешение было главным жанром лучших философов - жанром, неведомым современным занудам. В Античности благороднейшая духовная мудрость именовалась pharmakon - искусство исцелять, утешать.

Вера и любовь - эти осязаемые опоры наших упований - покидают подлые сердца людей. Упование - это зов и притяжение химер, и то, что заменяет его в наших сердцах, есть расчёт - приманка видимого. Упование - это та грёза, которая держит твою душу в бодрствовании (Аристотель), апофеоз побеждённой души: *L'espérance est la plus grande victoire, que l'homme puisse remporter sur son âme* - Ж. Бернанос - *Упование - это величайшая победа, которую человек может одержать над своей душой*. И даже его агония: *Se déshonore quiconque meurt escorté des espoirs, qui l'ont fait vivre* - Чоран - *Позорит себя всякий, кто умирает в сопровождении надежд, коими он жил*.

Слишком легко воспевать тьму того, что по определению темно: ночь, смерть, Бога, - моего неизменного света достаточно, чтобы оставаться им верным. Но тьма упования, мечты, ангела может очаровывать лишь благодаря начертанным мною теням.

Всякое страстное дело и всякая глубокая мысль в конце концов повергают нас в отчаяние; и упование может придти лишь из мечтаний, кои позаимствовали страсть у дел и превратили осмысленную глубину в

осмысляющую высоту. Всякое устремление к финалам принесёт нам беду; только культ мечтательных Начал дарует нам утешение.

Мы можем восторжествовать над отчаянием, пока у нас ещё остаются запасы бездн для наших будущих падений, запасы пустынь для осушения наших течений или запасы бурь, чтобы устыдить наши затишья. Чувства, достойные памяти, - это те, что снабжают жизнь либо лучезарным отчаянием, либо непроницаемой надеждой.

Avere un libidinoso gusto dell'abbandono è una premessa di feconda vita interiore - Ч. Павезе - *Обладать сладострастным вкусом к отрешённости - предпосылка плодотворной внутренней жизни*. Отчаянию отведено прекрасное место в любом хорошем тексте в качестве мишени для иронического опровержения. Финальное отчаяние, *второе отчаяние* (Паскаль), мета-отчаяние - это неспособность преодолеть отчаяние.

Как мне избавиться от отчаяния? - жить в Открытом и увлекаться лишь перспективами, теряющимися за пределами этого Открытого. Всё, что принадлежит миру замкнутому, является источником скуки. Это Открытое ближе к Закрытому Валери, нежели к Открытому (*entborgen / aléthéia / несокрытость*), явленному Хайдеггером. Страсть - это желанное, невозможное и воображаемое слияние моего взлёта и моих пределов: Платон - *Разрушение есть страдание; возвращение же к своей сущности составляет удовольствие*.

Натяжение моих струн должно определяться вневременной мелодией, которая звучит над моей душой, а не отчаянием или надеждой, что тяготеют над моими днями. Истинное упование устремляет мою душу к прошлому, а истинное отчаяние - к будущему. Моей тетиве следовало бы,

пожалуй, не теряя своего натяжения, забыть о луке и встать на службу лире, подобно Аполлону или Гераклиту.

Что значит уповать? - отдавать себе отчёт в том, что никакая причина не оправдывает моего воодушевления, в котором я продолжу упорствовать. Ставить на несуществующее. *Чтобы быть отчаявшимся, нужно прежде уповать на невозможное* - Валери - *Pour être désespéré, il faut avoir espéré l'impossible* - прекрасное упование узнаётся по его согласию с прекрасным отчаянием.

Трудно оправдывать монументальное «да» миру - а это и делает его священным. Так легко пускаться в поношение, хныканье, упоминать смерть или мстительного Бога, валяться в грязи нелепиц и задыхаться в отчаянии. Да здравствуют надежда, изумление и радость от красок, мелодий, сострадания и благородства!

Истинное отчаяние кроется в пресности возможного. *Отчаяние - это цена, которую платят за выбор невозможного замысла… достичь той ледяной точки сознания абсолютного поражения, нести в сердце этот груз проклятого* - Г. Грин - *Despair is the price one pays for setting oneself an impossible aim … to reach the freezing-point of knowing absolute failure and to always carry in his heart this capacity for damnation* - это иго обязательно, но легко, особенно когда знаешь, что для достижения такой цели вполне достаточно средств лежачего положения. Тем не менее невозможный замысел должен пробуждать лишь прекрасную надежду.

Отчаяние - это не жертва тому, какими мы хотели бы быть. Скорее, это место жертвоприношения, откуда ярче всего поднимается то, что тяжелее всего: наша тревога или наш стыд. И всё же в состоянии

возбуждения лучше навещать руины, нежели храмы. В руинах страдание помогает определить истинный ранг людей.

Жизнь соткана из восхищения Вещью (лицом или образом) и бессилия ее передать или к ней приблизиться. Следовательно, она соткана из надежд и отчаяний, из твёрдых позиций чувства и робких поз духа.

Прекраснейшую песню слагают вовсе не надежда и не отчаяние, а дуэт между нулём и бесконечностью взгляда (*Тьма в полдень* - Дж. Кестлер - *Darkness at noon*). То они парализуют друг друга, то подменяют, то друг другу исповедуются. Отчаяние - учитель, обучающий нас пению, а надежда - его ученица.

Истинная надежда вне времени: это вера в смысл или красоту, более великие и высокие, чем те, о которых вещают наши чувства или наш дух, и которые принимает наша душа. Это не ожидание возможного, но согласие с невозможным. *Человеческий дух - великий творец чудес* - Монтень - *C'est un grand ouvrier de miracles que l'esprit humain*.

Люди бессознательные, живущие смехом и танцем, - самые счастливые на земле! Из неспособности наслаждаться возникает забота о знании, о власти или о желании, забота, неизбежно ведущая к отчаянию. Беда в том, что за юношеским смехом всегда следует смех сквозь слезы (буквально: жёлтый смех).

Комедия - доказать, что любое погружение в глубины, как и любой взлет ввысь, могут быть сведены к плоскости повседневности. Трагедия - спасти отчаянную глубину или высоту надежды, спасая их от этого падения.

Одна из первостепенных функций философии - художественное утешение нашего поражения перед лицом жизни; следовательно, она не может быть ни игрой, поскольку игра есть прежде всего жажда наживы, ни серьёзностью, ибо всякая серьёзность ведет к несчастью, унынию, отчаянию. Платоновское определение философии как серьёзной игры ниже всякой критики. Разве что он иронически пожелал сделать из неё углубление трагедии. При естественном освещении жизнь - это зловещий марш наших трагических теней, тогда как философия была бы искусственным светом, превращающим его в танец - не менее трагический, но благородный. *Всякая благородная музыка порой действует на нас как детский смех, а порой - как глубочайшая, бездонная скорбь* - Г. Гессе - *Es gibt keine edle Musik, die nicht zu manchen Stunden wie Kinderlächeln und zu anderen Stunden wie tiefste Todestrauer auf uns wirkte*. Этот критерий следует применять ко всем искусствам; у человека бывает два рода слёз - перед лицом высокой надежды или же глубокого отчаяния; а художник - это землекоп или искатель наших лучших родников.

Искать как сбежать от одиночества - значит бежать от мысли о смерти. Все средства хороши: обрести власть возводить эшафоты, погрузиться в молитвах, написать книгу, утонуть в прекрасных глазах, установить древо или состояние. Это самая уравнивающая, самая лучезарная и самая отчаянная перспектива. Отсюда проистекает интерес к тому, чтобы навязать себе собственное и безвозвратное изгнание. Любое прибежище ведёт лишь к самому себе.

Тайна - когда я располагаю струнами или фибрами, позволяющими расслышать музыку Творения; проблемы - обнаружение узлов; решение - развязывание. Если следовать этой хронологии в области философских

гармоний, я доживу до финала - до тишины или бесстрастного шума. Мораль: зная финал всякой виртуальной надежды и всякой реальной агонии, отказывать им в любом интеллектуальном развязывании.

С надеждой нужно принимать взгляд на стакан и наполовину полный и наполовину пустой: чувствовать себя скорее выжившим, чем умирающим от отчаяния, причём надежда находится позади, а не впереди.

Талант завораживает и тем самым отводит мысль от смерти, порождая надежду. *Культивируя талант, общество приносит жертву надежде* - Ж. Прудон - *La société, en cultivant le talent, fait sacrifice à l'espérance*. Теперь вы понимаете, почему сегодня все переполнены лёгким и болтливым отчаянием - общество в процессе поиска клиентов делает ставку на посредственность.

Безнадёжность должна бы внушать отвращение к любому действию, но посмотрите на ее адептов: по уши в липкой суете и топчущих мечту. Надежда должна бы озарять действие ореолом, но я вижу ее героев замершими перед лицом увядающей мечты (акт и агония - два слова одного происхождения!). Надежда безмолвной тьмы, безнадёжность кричащего света.

Прежде философ начинал свой путь как человек, потерянный в густом лесу идей; паника диктовала направление его побега - почти случайное, но единственное. Прерывистый крик обозначал приступы его отчаяния. Ныне леса исчезли; идеи вылились в заводы и конторы актов; механические ритмы отмечают академический путь вплоть до ближайшего предоплаченного крематория.

Не стоит рассчитывать на жизнь в грядущих веках; жить без расчетов - в обратимости вневременных чувства и надежды. Больше чем беглый взгляд в прошлое, именно пинок будущему делает живым и благородным твой нынешний порыв, этот шедевр мастерства. Веками тешили себя иллюзией, будто владение прошлым поможет лучше построить органическое будущее; нынче известно, что будущее принадлежит тем, кто всё забыл, - людям чисто механического настоящего.

И суеверие, и атеизм умаляют наши надежды, суля нам будущее лучшее или даже светлое. Благородная надежда рождается из осознанно сокрытого будущего - ибо оно реально и чудовищно - и из настоящего, смысл которого сосредоточился бы в мечте, соединяющей взгляд и творство.

Россия - это страна, где люди одиноки, каждый с миром внутри себя, каждый полный тьмы, дали, неопределенности и надежды - Рильке - *Rußland - das Land, wo die Menschen einsame Menschen sind, jeder mit einer Welt in sich, jeder voll Dunkelheit, voll Ferne, Ungewißheit und Hoffnung*. Как может лавочник, человек толпы, преисполненный ясности, примитивной определенности и расчёта, не питать неугасимой ненависти к такому миру? Увы, этого мира больше нет: истреблены - аристократ, защищавший его, интеллектуал, оправдывавший его, и мужик, живший им.

Всякий человек тянется к радости. Окружающая его толпа обращает эту радость в буйство, глупость - в гогот, ум - в иронию, одиночество - в единственное истинное отчаяние: невозможность разразиться смехом сообща. *О, Одиночество, радостная компания грустных!* - Сервантес - *¡Oh, Soledad, alegre compañía de los tristes!*

Первейший поиск человека - это поиск решительного утешения в форме образа, мысли или веры, видимых и постижимых другими, то есть идола. С течением веков любой идол трескается, повергая всякого завсегдатая форумов в отчаяние. Единственное прочное утешение таится в руинах одиночества, где моя звезда затопляет меня неразгадываемой надеждой. Dum spero, spiro… Читаемость всегда ввергает в отчаяние; те, кто не доходят до конца чтения, наивно полагают, что понимание утешает. Утешают загадки.

Финал реализма - это жалкая свобода от всякой иллюзии, которая очернила бы все опровергнутые надежды. Дорожи романтизмом, его генезисом - отбеливанием хоть и доказанного отчаяния. *Надежда дарована нам ради отчаявшихся* – В. Беньямин - *Nur um der Hoffnungslosen willen ist uns die Hoffnung gegeben*.

Первую половину жизни мы тратим на то, чтобы избавиться от парочки тяжеловесных глупостей и склонить чашу весов в пользу разума. Во второй же половине мы поступаем наоборот - с удесятерённым изумлением, ввергающим либо в мрачное отчаяние, либо в радостную иронию.

Любая попытка утвердить художественную вневременность привносит в наши полотна это предательское время (*падение во Время* - Чоран - *la chute dans le Temps*). Мы бессознательно стремимся придать ему совместимость, и так рождаются тона, свойственные утру, дню, вечеру или ночи - началу, свету, падению или отчаянию. Но сущностное остаётся по ту сторону тона, и за чорановской мрачностью угадывается так много лучезарных видений.

Цени вершины за их панику и отчаяние, дабы тем усерднее лелеять в них свое спокойствие и свою надежду. Не слушай Шекспира: *В высях тебя подстерегает опасность, у их подножий ты будешь жить надеждой - The lowest stands still in esperance, lives not in fear.*

Три лика человека - дело, чувство, мышление - кажутся совершенно разобщёнными и развиваются по независимым законам; письменность тщетно пытается объединить их невозможными созвучиями; тот, кто понимает это, неизбежно избирает катастрофу в качестве их общего, но мнимого фундамента. Катастрофа - это приговор толпы, пробуждающий стыд, беспокойство, безнадёжность.

Страдание делает нас чувствительнее к цветам, нежели к овощам: *Одинокая роза, посаженная отчаянием* – Байрон - *A single rose, planted by Despair.* Сент Экзюпери: *Одинокая роза, ради которой нельзя умереть*. Роза с хорошей памятью (*никогда не видавшая смерти садовника* - Б. Фонтенель - *n'a jamais vu la mort d'un jardinier*). Роза - это сад, где прячутся деревья *не дальше утра* - Ф. Малерб - *l'espace d'un matin*. Чтобы не опередить вечернюю грусть, *срывай, красавица, розы* - Вергилий - *collige, virgo, rosas*…

Моё отчаяние должно быть одновременно чистым (стоицизм), высоким (героизм), глубоким (аскетизм). Чистый стоицизм способен скрывать незаслуженное благополучие, чистый героизм - слепое рвение, чистый аскетизм - духовное несварение.

Истина - это состояние равнодушных глаз (погружённых в осуществлённую возможность), и в качестве таковой она противостоит как мужеству (ратующему за глаза, воспалённые во имя иного возможного),

так и утешению (пристрастию закрытых глаз, чтобы в вышине грезить о невозможном). Мирные и объективные глаза неумолимо ведут к глубокому отчаянию. Жить невозможным - секрет утешения.

Здешнее отчаяние и тамошний оптимизм проистекают из одного источника. И в застойной жизни я могу угадать отблеск своей звезды. Взгляд должен принадлежать звезде, а не дороге и даже не руинам; пусть они затоплены отчаянием и тенями, мой взгляд должен хранить память о свете, пусть даже угасшем. Оптимизм - это уверенность в том, что ты не так несчастен, как думаешь.

Рыдать, перечитывая себя, в этой туманной смеси гордости, смирения, величия, отчаяния и приобщения к божественному замыслу; сотню раз я переживал эту слезливую и неотразимую причуду, которую ведал один лишь Ницше, перечитывая своего Заратустру, и которую могли бы знать Бах и Моцарт, будь они менее домоседливы или глупы.

Искусство отрицания: одни видят в отчаянии отказ от недостаточной надежды и впадают в это отчаяние; другие противопоставляют ему надежду тонких и тем возвышают свой взгляд. Оптимизм дураков деморализует, пессимизм мудрецов оживляет.

Переживать надежду как прекрасное поражение разума. На полюсе, противоположном современному отчаянию, переживаемому как невесёлое торжество разума.

Лучшая колыбель для обретения новорождённым отчаянием собственного голоса - пустота; но *когда умирает надежда, возникает пустота* – Л. да Винчи - *il vuoto nasce, quando la speranza more* -

бесплодная пустота, оставляющая нас безмолвными. *То, что следует непосредственно за страданием, - это пустота* - О. Шпенглер - *Was dem Leiden auf dem Fuße folgt, ist die Leere*, которую глупец заполняет своим слабым голосом, тогда как мудрец приглашает в неё голос божественный.

Человек отчаивался, ибо божественная искра, мерцающая на дне его души, была бессильна и бесполезна во внешней тьме. И его утончённая истина унижалась грубой ложью рыночной площади. Но с тех пор как общественное просвещение и справедливость водворились в человеческих делах, предоставленный единой истине человек скучает: *Без утешающей его лжи человечество погибло бы от отчаяния и скуки* - А. Франс - *Sans le mensonge, qui la console, l'humanité périrait de désespoir et d'ennui* - человек погибает, но роботизированные люди скучиваются.

Когда я вижу бесстрастный расчёт, наполняющий без всяого трепета жизнь роботизированных людей, я задаюсь вопросом: не была ли животворящая надежда дарована лишь отчаявшимся?

Иллюзия - строить свое равновесие на напряжении, созданном парой: я с одной стороны, а друг, любовница, книга - с другой. Ничто не заслуживает доверия вне триад: я, бездонный источник (голос, слух, глаз, замысел), эхом коего я являюсь, и, наконец, душа целей, дух, сберегающий мои эхо на прекрасной высоте. Источник одиночества триадичен; одиночество потерянного «я», одиночество молчания истоков, одиночество утраты крыльев. Почтенное одиночество, или непочтительное отчаяние, - это незаменимая утрата одной из этих трех вершин. А когда станет недоставать второй вершины, бьёт час постыдного одиночества или, вернее, неисцелимого отупения. Бинарное же одиночество зачастую не более чем стадное: не хватает пастуха или овец.

В философии к вопросу относятся как к болезни - Витгенштейн - *Der Philosoph behandelt eine Frage wie eine Krankheit*. И есть в философии эксперты по диагностике - социологи по темпераменту, терапевты общего профиля по средствам - политики жеста, маратели историй болезни - хроникёры духа. Когда понимаешь, что осевой недуг неизлечим, отворачиваешься от отчаянной дозилогии и предаешься полной надежд нозологии. *Иные оставляют яды, другие - лекарства. Трудно рассудить. Надо пробовать* - Р. Шар - *Il en est qui laissent des poisons, d'autres - des remèdes. Difficiles à déchiffrer. Il faut goûter* - у одних чуешь первородный цветок, у других - серость рецептов или завещаний.

Все хорошие вещи - возбудители жизни. Даже всякая хорошая книга, написанная против жизни - Ницше - *Alle guten Dinge sind Reizmittel zum Leben, selbst jedes gute Buch, das gegen das Leben geschrieben ist*. Ж. Расин: *Моя единственная надежда - в моём отчаянии - Mon unique espérance est dans mon désespoir.* Именно талант и трепет, будучи мастерами сближений, уравнивают за и против, надежду и отчаяние. Так называемый ужас влечет за собой невыразимую надежду. Лицом к лицу с жизнью - то, что зовётся убаюкивающим действием; его прекраснейшая панорама - волнующая высота.

Рациональное утешение не может быть ничем иным, кроме глупости, слепоты или трусости. Непротиворечивый разум неминуемо приходит к отчаянию и истерии перед лицом ужаса нашего умирания. Благое утешение действует наперекор разуму, но пользуется им как инструментом: именно разум делает нас верными таинственному и непереводимому Благу, и он же заставляет нас жертвовать прозрачной этикой ради непроницаемой эстетики - этих двух источников утешения.

В моей родной деревне хлопочут люди иной масти и плотности кожи или снов, возделывающие ароматы или ухаживающие за скотиной, чуждые мне, люди с непонятными смехом и плачем, с языком, не имеющим уз с твоим детством. И. Кублановский: *Возвратясь в свой или нет край замороженный, ночью, когда ближе рассвет* - чем лучше я поддерживаю обещания рассветов, тем меньше дорожу отчаянием сумерек.

В эстетике отчаяние - это отчаяние слабости, отказа быть самим собой; в этике отчаяние - это отчаяние самоутверждения, отчаянного желания быть собой – Кьеркегор. А в мистике отчаяние - это тот факт, что всё наше «я» - это безнадёжная альтернативность, это - другие, то есть ад. Мистик - тот, кто умеет вырваться из социальной природы языка.

Глупец мнит себя способным быть добрым и справедливым; мудрец понимает, что самое существование понятий добра и справедливости доказывает их трагическую недостижимость. Ложная надежда и истинное отчаяние. Эпикур ничего в этом не понял: *Справедливый пребывает вне тревоги, тогда как несправедливый поражен ею в высшей степени*. Именно прилив крови к лицу заставляет меня чувствовать близость справедливости: чем невиннее я себя ощущаю, тем более я виновен.

Смеяться и плакать одновременно: *Ирония: уравновесить скептическое отчаяние и стоическую гордыню* - В. Янкелевич - *Ironie : renvoyer dos à dos le désespoir sceptique et l'orgueil stoïcien*. Неужели ирония - это смеющийся культ слезы?

Католики и мусульмане (в отличие от православных и протестантов) помещают между раем чувств и адом смысла - сущностное Чистилище.

Этот созидательный промежуток следовало бы поместить не в примиряющее время, а в обратимое пространство: уметь жить то в аду, звучащем райскими надеждами, то в трагически отчаянном раю.

Изгнанник может носить свою родину на подошвах - которые он вытер бы перед любым святилищем. Он может носить её на руках - тогда она была бы сиротой, коей он ищет могилу; он может её же носить в сердце, кровоточащем при каждом приливе отчаяния. Изъян, недуг или уродство выдаются стигматами языка.

Счастье - это итог, сходимость, выражающая преемственность. Страдание же - это разрыв, неопределенное начало, приоткрытая дверь в неизвестное. И искусству, и жизни так необходимы безнадёжные и непредсказуемые начала. *Бог посылает нам отчаяние не для того, чтобы прикончить нас, а чтобы пробудить в нас новую жизнь* — Г. Гессе - *Die Verzweiflung schickt Gott nicht, um uns zu töten ; er schickt sie, um neues Leben in uns zu erwecken*.

Скажи мне, в каком состоянии ты позволяешь себе распуститься - в опьянении? в ясности? в отчаянии? - и я скажу, чего стоят твои творения. Ирония кажется излюбленным состоянием лучших умов. Лелеямая жажда, испрашиваемое хмельное упоение - прямо противоположное тому, к чему призывал Аристотель: *мы должны покидать жизнь как банкет - ни жаждущими, ни пьяными*.

Четыре уровня восприятия отчаяния чеховских героев: они валяются в праздности (far-niente), они не знают, что делать, они сострадают тому, что неминуемо погибнет, они видят фатальную непереводимость бытия на

язык поступков. Любовь, благо и искусство как самые пронзительные примеры существа, обреченного на непонимание.

Не следует видеть в надежде средство для успокоения моей тревоги; обе они образуют единую ось - подобно тому как нигилизм образует ее с принятием мира, - ось, ценность которой определяется высотой, на которую я ее возношу, и силой напряжения, поддерживаемого мной в ней.

Едва я возношу свою возлюбленную, свой взгляд или свою надежду на огромную высоту, за пределы умопостигаемых ценностей, как необъяснимая тревога или даже ужас хватают меня за горло. *Страдать - значит уделять чему-то предельное внимание* - Валери - *Souffrir, c'est donner à quelque chose une attention suprême*. Рай, возможно, есть пресность обыденного; а доступ к великой красоте ведёт в ад.

Какой бы смысл ни вкладывали в «опиум для народа» - приостановку вопрошания, веру или надежду, - даже самый утончённый ум не избежит этой жизненной потребности; его опиумом станет: догматика - чтобы успокоить свою тревогу, софистика - чтобы потешить свое самолюбие, ирония - чтобы чередовать их. Тревога протягивает руки, мольба углубляет вещи, надежда возвышает взгляд. *Во всяком случае, надежда ведёт дальше, чем тревога* - Э. Юнгер - *Auf alle Fälle führt die Hoffnung weiter als die Furcht*, что и объясняет эффект опиума для интеллектуалов.

Все человеческие эмоции свелись к расчётам, включая тревоги и надежды, которые некогда обретали смысл лишь перед лицом того, что не существовало или оставалось таинственно неизвестным. Глупое определение Гёте: *Обыватель, переполненный тревогами и надеждами, - до чего же он жалок!* - *Ein Philister, mit Furcht und Hoffnung ausgefüllt. Daß*

Gott erbarm'! - описывает вовсе не мерзавца, а прекрасную душу, к тому же больше не существующую.

Как ты можешь ещё стремиться к душевному покою, зная, что прекраснейшие из принципов обречены на самое унизительное падение? Когда возвещают о торжестве принципов, я подозреваю обнародование закона против мошенников или получение вознаграждения поверх всяких надежд.

Тревога, не исчезая, начинает говорить на языке надежды; сомнение, не утрачивая остроты своей проблемы, превращается в утешительную тайну - именно так я представлял бы себе благодать. Благодать - это ласка концов и начал, смирений и бунтов. Ласка - противоположность обладанию или владычеству. Ласка, в которой Сократ видел лишь спутника чувственного и умопостижимого, тогда как гедонисты (*Филеб*) возводили ее в ранг принципа, необъяснимого, но остро ощущаемого.

Надежда существует не для того, чтобы исчезла тревога, но для того, чтобы на общей оси расстояние между ними было наибольшим, а напряжение - наисильнейшим; так чтобы эта ось стала бы одной из струн, на которых зазвучит моя музыка. Впрочем, тревога работает параллельно: она делает надежду выше, точно так же как надежда делает тревогу глубже.

Музыка жизни всегда ностальгична: перед лицом слишком далёкого детства, слишком высокой надежды, слишком глубокой слабости; и её звучание печально, однозвучно или цинично. Художник может отказаться от воспроизведения этого шума и производить лишь музыку; именно так поступает Чоран. Но музыка Чехова объёмнее, ибо она включает в себя

шум, чей ужас или скука обыгрываются в контрапункте его музыкой. Обращаясь к Европе, русский охотно признаёт, что находится посреди *оазиса ужаса в пустыне скуки* - Бодлер - *une oasis d'horreur dans un désert d'ennui*.

Прежде чем внушать нам энтузиазм или надежду, честная философия должна выставить на передний план загадку или хрупкость наших связей с сущностным и сделать преходящее поводом для восхищения тем, что непреложно, и любить его. Философы еврейского происхождения в Австрии, России, Германии, Франции, носящие в глубине души многоликую ностальгию - по истории, языку, географии, культуре, - внесли огромный вклад в это философское благородство.

Благородство было возможно, поскольку было возможно искусство - то есть эстетическая дистанция между реальностью, творением и чувством. С гибелью искусства - то есть с его слиянием с единственным, что имеет значение ныне, - реальностью, все аристократические гербы могут быть выброшены.

Чудо человека заключается в том, что он наделен в точности тем, что позволяет переживать мир как чистую музыку и буть то инструментом (талантом), то исполнителем (умом), то слушателем (сердцем), то композитором (душой). Парадоксально, но глаза в этом не участвуют, и тем не менее именно взгляд позволяет увидеть это чудо. Именно взгляд и память делают человека смертным. *Человек есть смертный Бог* - Трисмегист.

Ж. Кокто видит, как дерево растёт в глубину: *Вырежьте свое имя на древе, и оно вырастет до самого надира* - *Gravez votre nom dans un arbre,*

qui poussera jusqu'au nadir - это исключительная особенность древа - каждый выбирает то измерение, к которому привязан его взгляд; чего никак не скажешь о суровой плоскости мрамора.

Реальная жизнь находится между слишком высоким и слишком низким, между невозможным и тем, что годится лишь на свалку; чтобы всмотреться в ее, я должен смотреть перед собой, на уровне человеческого роста, а не на высоте деревьев, где изобилуют мертвые листья или зов светил; нереальная жизнь - там, непредсказуемая. Моя жизнь - это листва и кора; моя смерть - плод. *Интеллектуальный фундамент моей эстетики - Философия нереальности* - О. Уайльд - *La base intellectuelle de mon esthétique est la Philosophie de l'Irréalité*.

Человек, каким его задумал Провидение, есть нечто Открытое - то есть он может устремляться к недостижимой бесконечности, не покидая себя. И это возвышенное восхождение означало божественное присутствие. Но современный человек стал Замкнутым и провозгласил смерть Бога; отныне всё в нем лишь конечно: *Конечная природа человека стала его концом* - М. Фуко - *La finitude de l'homme est devenu sa fin*.

Чем больше я стану искать у своих современников успеха моих лучших Начал, тем мелочнее станет поступь моего ума и тем унизительнее - окончательное падение моей души. Угнездиться в руинах - единственной обители, где я могу оставаться пастырем мечты, любви, поэзии. Сила, признание, строгость - это ценности, проповедуемые моей смертной частью; бессмертная же часть должна заботиться лишь о моей звезде и иметь мужество оставаться при ее увядании и угасании. Но моя зловещая эпоха в лице своих роботизированных профессоров провозглашает, будто

единственно верная философия заключается в понимании того, что преуспевающая жизнь смертного неизмеримо выше неудавшейся жизни Бессмертного.

В древе соединяются четыре стихии: *От корня своих истоков человеческая душа простирается через гумус бытия к кругу звёзд, вознося к вышине свой тёмный источник, посвященный Нептуну и Вулкану, опуская в глубину свою прозрачную цель, посвященную Аполлону, ветвясь подобно дереву* — Г. Брох - *Des Menschen Seele reicht aus ihren Wurzelabgründen im Humus des Seins zum Sternenrund, aufwärtstragend ihren poseidonisch-vulkanisch finsteren Ursprung, abwärtstragend das Durchsichtige ihres apollinischen Zieles, baumgleich sich verzweigend* - какой великолепный путь - от земли твоей жизни, воды Нептуна, огня Вулкана, воздуха Аполлона - к древу твоего творения! Что напоминает четырёхгранную надгробную речь, которую ты посвятил агонии Вергилия: воде прибытия, огню падения, земле надежды, эфиру детства.

Совершенствование моих знаний или способностей не требует никакого волевого усилия, оно почти механично. Речь идёт не о том, чтобы стремиться к сравнительному совершенству, а о том, чтобы сделать ставку на превосходнейшую степень моего неведомого «я», которая есть не что иное, как воскресение провозглашенного мёртвым Бога.

Чтобы придать себе славы, они наделяют своего противника зловещими чертами врага истины и справедливости. Мой же противник - миролюбивый человек, следующий путем истинного, справедливого и даже прекрасного. В Стране Нежности благоустройство дорог уступает место астрономии, обеспечивающей наилучшую связь. Сирано,

оглушённый лакеем, простирающий свой плюмаж к звезде и не желающий никакой иной опоры, кроме древа.

Вся Античность - дань уважения стаду. Даже фонарь Диогена не освещает правильную сторону кожи (следует провести два эксперимента: погашать фонарь или обращать внимание лишь на его агорофобные тени); он высмеивает несуществующего платоновского человека, вместо того чтобы обличать существование агорафильных людей, пусть даже на дне бочки. Культ бороды в ущерб детству. Предпочтение камня древу, чердака - подполью. Смерть как событие, а не как душевное состояние. Никакого предчувствия молитвы. То подлинно глубокое, что есть в наших европейских душах, мы в большей степени должны Христу, нежели Периклу. Как называются Афины без Иерусалима? - или Рим без Афин? - США.

Чтобы исторгнуть душу из тела, одному нужны несколько нот или слогов, другому - убийство одного из этих сиамских близнецов, третьему - выдернуть общий электрошнур, питающий их.

Тот, кто искусно обращается с датами своего рождения, с лёгкостью мирится с неведением даты своей смерти.

Нападать прежде всего на несуществующее: после рождения мечты или смерти Бога - стремиться вдохнуть жизнь в сам взгляд.

Для каждого человека наступает час, когда он должен вновь вернуться в свои руины - Гёте - *Für jeden Menschen kommt der Zeitpunkt,*

von dem an er wieder ruiniert werden muß. Сожалеть о рухнувшем здании или приветствовать зов звезды? *Человек есть бог в руинах* – Р. У. Эмерсон - *A man is a god in ruins*. Благословенные руины, чем становятся храмы или башни из слоновой кости при известии о смерти Бога (Ницше) или смерти человека (А. Кожев или М. Фуко), или, что лучше всего, о твоей собственной смерти (Г. Блох о смерти Вергилия).

Отвращение от того, что не вмещается в одно мгновение – Валери - *L'horreur de ce qui n'entre pas dans un instant*. Радость от того, что в него помещается, годится разве что на эпитафию, завещание, признание. Те же, кто ратует за длительность или развитие, столь многословны, что никакая плоскость не окажется достаточно просторной, чтобы их приютить.

Противоположности, в обоих членах которых присутствует и низость и высота, не представляют интереса. Диады, которыми не стоит злоупотреблять: бытие - ничто, присутствие - отсутствие, внутреннее - внешнее, суетное - осмысленное, необходимое - условное, тождественное - иное. Не упускать из виду: благородное - низкое, прекрасное - серое, музыкальное - плоское. Монады, которых следует избегать: смерть, прогресс, наблюдение. К чему стремиться: интенсивность, чудо, взгляд.

Они исчерпали идею Божественности и, находя «я» слишком прозрачным, переключились на сокровенное Бытие - менее человечное и чуть менее глупое, чем Существование, - чьим Пастырем якобы выступает «я». Человек будто бы призван стать существом грядущим, сводимым к истории, автор умер, а вселенная отражается в языке, причем онтология стирает метафизику. Вот истоки нового антигуманизма.

Герменавт, в конечной и механичной череде переплетённых деревьев, не нуждается в небе; метафизик довольствуется бесконечным небом, чтобы восхищаться рождением и смертью корней, цветов и вершин.

Глаз представляет нашему взору двухмерное пространство; реальное пространство имеет три измерения; разум легко может вообразить четырехмерное или даже бесконечномерное пространство, которого лукавый добрый Бог, возможно, пожелал нас лишить. Но как свести к общему знаменателю или обобщить временную ось? Загадка времени столь же неразрешима для разума, сколь загадка блага - для души. Самое завораживающее - это не изменение, не становление материи, а место, само бытие ушедшего мгновения. Огонь времени - всепожирающий, все поглощающий, делающий любую материю вечным возвратом на круги своя, всё исцеляющий. Хе является ли Феникс, сообщник Хроноса, его единственным живым образом? Любое мгновение прошлого - даже меньшее, чем пепел, - истинное ничто, истинная пустота, истинное отсутствие.

Мир есть лишь духи и атомы, а не воля и представление; философия же представляет собой либо кантату воли (и тогда она освобождает нас, подобно религии, из тисков смерти), либо симфонию - словесную или материальную, художественную или научную, - вращающуюся вокруг представления (возносящую нас над любым частным шумом жизни).

История философии пишется в зависимости от места ее упражнений: высота Блага, Прекрасного или Истинного (от Гераклита до Монтеня); плоскость методичного или естественного (от Декарта до Лейбница);

глубина человеческих пределов (от Канта до К. Маркса); высота нашего взгляда и дыхания (Ницше). Зная, что любая глубина в конце концов всплывает на поверхности, следует приветствовать любое возвращение к высоте - пусть даже ценой гибели ее прежнего обитателя.

Стереть это наименование «любовь к знанию», прилипшее к цели философии, чтобы вписать в неё реальное знание - Гегель - *Dem Ziele der Philosophie ihren Namen der Liebe zum Wissen ablegen zu können und wirklich das Wissen zu sein*. Кое ты назовёшь абсолютным знанием, где тщетно было бы искать знание или абсолют (как в *Науке логики* - что должна была бы называться *Логос и эпистэме*, то есть *Дискурс и знание*, *От разума к рассудку*, - где не находишь ни науки, ни логики). У философии есть лишь две цели: утешение смертного и демаркация ценностей между реальностью, языком и представлением. Знание - дело экспертов; философу же необходимы лишь интеллект и талант.

Секрет превосходства письменности над жизнью: где найти в жизни эквиваленты круглых скобок, кавычек, многоточий? Обладая уверенностью своей финальной точки, жизнь отсекает любую ироническую веру.

Мысль живет не здоровьем или жизненностью, но ясностью и гордостью - Ж. Бодрийяр - *La pensée ne vit pas de santé ou de vitalité, mais de lucidité et d'orgueil*. Гордость должна была наделить ее лаконизмом, а ясность - иронией, тогда как она многословна и серьёзна. Ей следовало бы стать парадоксальным искусством, порождающим священную жизнь в заботе о нашей неизлечимости, между тем как она тяготит нас пороками, которые обличает собственная ясность.

Три породы писательских губок: те, что обращаются к современникам (временное решение), к равным (пространственная проблема), к самому себе (жизненная тайна). Универсальное послание рождается лишь у последних: Ницше, Валери, Чоран. И их кончины странным образом разделены каждый раз ровно полувеком...

Фатальная наивность Чорана - вкладывать в самый последний шаг суть своих парадоксов. К тому же его последний шаг всё тот же - обрушение; это геометрическое однообразие не разделяет участи тех, кто следует эллиптическим началам, нагруженным неизвестными и непредсказуемыми траекториями, которые каждый прочерчивает в зависимости от своих касательных - самоубийственных или упоительных.

Живопись, музыка и поэзия мертвы как зонды или букеты оперенной души. Но никогда еще они не подвергались столь скрупулезному зондированию и высушиванию со стороны дипломированных мозгов.

Чувство, возвышенное благородством и расширенное интеллектом, стояло в центре поэзии Рильке, Р. Шара и Б. Пастернака. Эта поэзия умерла, уступив место поэзии словарей, междометий и ономатопей.

Всё оцеплено, опустошено, загажено журналистикой. Никаких следов А. Жида или Валери во французской словесности. Чоран в последней конвульсии завершает агонию буквы, которая представляет собой отныне лишь перезаполненное кладбище без возможности продления кредитоспособных концессий.

С пером в руке следует походить на кота, у которого всегда есть за что себя упрекнуть: кража (плагиат), убийство (отца), трусость (уклонение, нежелание идти до конца).

Коллективный синтетический образ вытеснил скульптурный образ одиночек. Никакого невыразимого порыва - лишь последовательность фрактальных глаголов. Они говорят, вещают, рассуждают вместо того, чтобы петь. Смерть искусства спровождалась смертью Бога; образ в своем иконоборческом падении повлек за собой угасание всякого кастового дыхания.

Отцовский и божественный зов лежит в истоке художественного творчества; но именно в состоянии оставленности, сиротства, обретается, Бог весть почему, свобода художника; следовательно, провозгласить смерть Бога - значит признать первичность искусства.

Хронологически поэзия и живопись были первыми искусствами на Западе; и ныне они первыми испускают дух, а музыка, по всей вероятности, присоединится к ним; что объясняется истощением арсеналов в той же мере, что и падением вкусов и оскудением талантов. Литература и философия выживают получше, благодаря невежественной журналистике и учёному педантизму, действующим от их имени.

Уединённые богадельни, успехи социальной гигиены и высокомерие самодержавного мозга сделали человека столь могущественным, что искусство оказалось излишним и взялось прикрывать своим престижем

здравое и благополучное ремесло. *Есть ли искусство нечто иное, как признание нашего бессилия?* - Р. Вагнер - *Ist die Kunst etwas anderes als ein Geständnis unserer Ohnmacht?* Художник - это тот, кто чувствует себя существом смертным, но несущим бессмертное послание. Ремесленник действует так, будто он бессмертен, и передает лишь следы смертного существа.

Письмо должно преследовать лишь одну цель - отдаваться зову прекрасного. Любая иная мотивация была бы сродни потребности самоутверждения или размножения, инерционным зудом. Жизнь должна завершиться моей книгой. Она неизменно служит спасательным кругом, но мне необходимо ощущать угрозу бездн, чтобы этот круг был не столь бесполезен и декоративен, как якорь и парус. И на обломках моего корабля прочтут эпитафию У. Фолкнера: *Он создавал книги и он умер* - *He made the books and he died*.

По инерции к искусству продолжают проявлять интерес в зависимости от аукционных продаж, платных музейных посещений, оформления конференц-залов или издательской индустрии, тогда как интуитивно чувствуется: произведения искусства - это *прекрасные плоды, сорванные с дерева* - Гегель - *vom Baume gebrochene schöne Früchte* - древо прекрасного умерло, повсюду распространяется лес истинного.

Книга - это не только кладбище имён, но и родильный дом слов, где отцовство зачастую оспаривается, акушерские щипцы применяются массово, а первые звуки заставляют думать вовсе не об избавлении от бремени, слёзах или жалобах, а о зевоте.

О дистанции между жизнью и искусством: дабы не стать зародышем тления, образ, увековечиваемый стилем, должен быть помещен на саркофаг, а не внутрь мумии, нынешней или будущей.

Из моего пера проистекает как то, чем владеет мое известное «я», так и то, что электризуемо моим неведомым «я». Этот фон подобен той Леде, что способна порождать смертное и бессмертное, подчиняясь либо глубокой свободе, либо высокой несвободе.

Глаз и ухо общаются с разумом; когда, в ходе перехода от чувственного к умопостигаемому, бесстрастный ум преображается в кровоточащее сердце или потрясенную душу, мы сталкиваемся с Благом, которое терзает нас, или с красотой, которая нас возвышает. Во втором случае, если предмет чувства суть творение человека, мы имеем дело с искусством. Смерть искусства возвещается угасанием душ. Как много произведений искусства являют собой отныне лишь чисто весомость доверия, а не мысли.

Упадок искусства объясняется не избытком механичности в средствах - фотографии, кинематографе, электронике, - а недостатком органики в началах - порыве, эмоции, благородстве.

Состояние современной поэзии (версификации), живописи, музыки предкладбищенское; и следующий катафалк ожидает театр (в лице англичан), архитектуру (в лице французов) и философию (в лице немцев). В литературе и зрелищах выживает лишь развлекательная и пошлая

тональность, призванная возбуждать сытых. Причина та же: угасание поэзии как душевного состояния в отсутствие душ. Они стремятся шокировать умы, тогда как искусство есть страсть и дар ласкать души.

Своим стремлением провозгласить красоту мир, рождённый на полотнах художников до импрессионистов, бросал вызов миру реальному. С тех пор робот, бесчувственный к любой красоте, машет кистью или ослиными хвостами, и всё так уродливо, холодно, механично в этой индустрии, ставшей убогой наследницей паддшей живописи.

Любая литература, отказывающаяся шагать рука об руку с наукой и философией, есть литература человекоубийственная и самоубийственная - Бодлер - *Toute littérature, qui se refuse à marcher fraternellement entre la science et la philosophie, est une littérature homicide et suicide*. Сводные братья ладят редко (ветреный ум заигрывает с необходимостью, разумом или иллюзией - где тут начинается ублюдок?). Наука позволяет открыть красоту всего, что ведёт к человеку; философия вусвечивает красоту одинокого человека; литература возводит в культ его изгнание (век скуки интересуется лишь ублюдками - социальными науками, философией или литературой!?). Противоположность самоубиению в литературе именуется овеществлением.

Похищено у Леонардо: *Искусство рождается из принуждения, живет борьбой и умирает от свободы* - А. Жид - *L'art naît de contrainte, vit de lutte et meurt de liberté*. Это древо сливается с моим: искусство рождается из свободы, живёт принуждением и умирает в борьбе. В унифицированном древе смерть отождествляется с принуждением, рождение - с борьбой, жизнь - с вольностью.

Любой продукт - страховка, зерно или произведение искусства - должен прислушиваться к рынку, если хочет выжить. Глухота одиночки обрекает его на банкротство. И не рассчитывай на старьевщиков или букинистов. Одинокое искусство умерло в начале прошлого века, а лицемерный культ художественных поражений возник лишь в наши дни.

Все траектории человеческих чувств завершаются в одиночестве - как чувства скорбные, так и радостные. Оно служит вместилищем для того, что, отвергая пресность и посредственность, устремляется к крайности, вплоть до отпевания.

Круг одиночества дурно очерчен в словах: *без роду, без племени, без очага* - Гомер. Я нахожу в себе явное родство с прошлым; я признаю высокий порядок в настоящем; я готовлюсь к великому пристанищу в будущем. Одиночество - это невозможность соединить их в одном месте, в одно время.

Для одних жизнь - сцена, для других - храм, для третьих же - больница или мастерская. Либо голые стены без зрителей, масок, марионеток или струн, а совсем рядом с дверью - зеркало, крест, кинжал.

Известно, куда ведет погоня за красотой: из ее темных глубин любой славный Орфей возвращается без Эвридики; Психея заблудилась, отыскивая прекрасный лик Эрота; Демокрит, ослеплённый подаренным взором, выкалывает себе глаза; за неимением света Эмпедокл бросается в Этну.

Полноценно жить: под знаменем стыда, жалости и энтузиазма, вдохновляемых благородством и формулируемых интеллектом. Но ныне это лучший рецепт полной смерти, окончательного одиночества, поскольку я превращаюсь в древо факела, чуждое лесным ларам: русская пословица - Лес по дереву не плачет.

Для человека укоренённого облетание листвы или увядание цветов суть сезонные перипетии; они сохраняют свой вневременной пафос лишь для вырванного с корнем скитальца, внезапно ощутившего себя лишённым почвы.

Я знаю, что мои руины - соломинка, не лучше любого другого средства спасения, но, в отличие от иных видов кораблекрушения, я не изобретаю здесь ни угрожающих глубин, ни враждебных течений, ни непредвиденных пробоин, ни астролябических ошибок; я здесь и проектировщик, и тюремщик, и беглец, и могильщик.

Дерево есть руина леса; оно представляет собой отрицание - пункт за пунктом - *родины, приюта, колыбели, гнезда и могилы, каковыми является лес* - Г. Гессе - *Der Wald war Heimat, Schutzort, Wiege, Nest und Grab*; оно есть изгнание, уязвимость, безродство, падение и возрождение.

Чтобы ощутить подлинное чудо жизни, необходимо быть безвозвратно погруженным в чёрное одиночество и окончательно примириться с отсутствием какого-либо бога, который придал бы смысл столь бескрайной пустоте вокруг твоего тела, твоего сердца, твоей души.

Чтобы судить о ценности жизни, должны ли мы приблизиться, на той же оси, вплотную к точке, стремящейся к смерти?

В этом мире глупцов прекраснейшие слова обречены на сиротское существование; художник интуитивно догадывается об этом и занимается своими найдёнышами с удвоенной нежностью и почти из милосердия, с заботой, какой заслуживает любое близкое, дорогое существо, агонизирующее в пустыне под немым небом.

Мечта, которую я запечатлеваю, - это я сам. Плотин призывал вылепить собственную статую, однако рекомендовал взгляд в качестве мимолётного резца, чтобы оставить тупицам возможность оплакивать великих мужей без изваяний и статуй на публичных площадях. В конце концов, это, пожалуй, единственный способ разрешить проблему фетишей и идолов (благородство и интенсивность Ницше - на пьедестале мертвого бога).

Я передаю взоры моего ума или изливаю состояния моей души - я формулирую свои позиции, свои призывы, или же принимаю свою позу, свое лицо - глубокая жажда братства или высокий фонтан, где я обречён оставаться один, умирать один.

Древний человек большую часть времени проводил в компании других, что не мешало ему обладать индивидуальностью. Сегодня человек чаще всего остаётся один, наедине с собой, но в его внутреннем мире раздаётся лишь мычание стад, избавляющее его от необходимости иметь собственный голос. Убеждённый, что он произносит речь *pro domo*, он

извергает лишь отголоски *pro vulgo*. Баран, у которого даже смерть предопределена, называется роботом.

Фрукты зовут семью, друга, коллегу; цветок на своём месте только в одиночестве: в руке влюбленного, на лугу, на могиле. *Роза не принадлежит никому* - *Niemandsrose или Роза-Никому* (П. Целан и О. Мандельштам). *Ничей сон под столькими вЕками* - Рильке - *Niemandes Schlaf unter so viel Lidern*. Она - климат, она заставляет забыть о временах года: *Роза умирает не в сезон* - Гораций - *Rosa seram oretur.* Короче говоря, роза невероятная - *Всегда невозможной кажется роза* - Гёте - *Unmöglich scheint immer die Rose*.

Слово «пустыня» имеет больше разнообразных значений, чем «древо»; сетования на растущую пустоту, пустынную пустоту идей, интеллекта или идеалов - прочтение самое банальное и глупое. Пустыня съёживается. Главным образом из-за неспособности видеть или вызывать миражи, а также из-за модернизации и обобществления одиноких караванов снов. *Горе тому, кто прячет в себе пустыни* - Ницше - *Weh dem, der Wüsten birgt*, ибо он умрет от жажды за неимением оазиса.

Я был бы непрочь, если бы моя траектория напомнила, в обратном порядке, траекторию А. Рембо: странствия и дикость в начале, а под конец - создание нескольких *Иллюминаций* и пребывание в течение нескольких *Сезонов в аду.* И единственный общий пункт между этими крайними жизнями - слова: *Не пишите «Артур» на конвертах... Как я несчастен... Довольно виденного, довольно бывшего, довольно знаемого - уйду под землю - N'écrivez pas Arthur sur les enveloppes… Comme je suis malheureux… Assez vu, assez eu, assez connu – j'irai sous la terre*.

Образ, который преследует меня: умирающий Коперник, чья рука ласкает обложку только что вышедших из печати нечитабельных *Вращений*, Коперник, уносящий с собой свои юношеские секреты, свои пифагорейские секреты, свои вымышленные секреты. Разве вечный возврат не должен был называться, этимологически, перманентной революцией?

Обитель мёртвых отделена от жизни болью (Ахерон), ненавистью (Стикс), плачем (Коцит, приток Ахерона), огнём (Флегетон, приток Ахерона), забвением (Лета, приток Ахерона или Стикса). Я подозреваю, что Стикс тоже впадает в Ахерон.

Ценность бурного появления - мысли, женщины, воодушевления - раскрывается в нежности его сумерек.

Я обеспечиваю ореол и высоту прекрасному чувству, когда воспеваю траур по нему в тот самый момент, когда оно близко к достижению своего пика: *Мудрость - духовная помощь в работе скорби* - П. Рикёр - *La sagesse, une aide spirituelle au travail de deuil* - помощь, состоящая в превращении в ритуальное жертвоприношение того, что является лишь запрограммированной, мучительной и анонимной кончиной.

Страдая от одних и тех же телесных недугов, исповедуя одинаковый романтизм перед лицом истории, женщины или Античности, умерев в том же юном возрасте - какие невероятные параллели между Байроном, Пушкиным и Дж. Леопарди!

Обрядное преимущество руин - лёгкость возведения на них алтаря без страха задохнуться.

Прометей, Сократ или Иисус стремятся сделать радостным ожидание последнего дня, обставив его знаком жалкого «до свидания». Лучше бы нам научиться петь величественное прощание каждому дню, прожитому на подъёме, и ждать, чтобы каждый день пел нам о чуде дня первого.

Достигнув экстатической стадии всего прекрасного или великого, у тебя равные основания, чтобы чувствовать блаженство или быть готовым повеситься - вопрос вкуса или стиля; Чоран голосует за второй исход, более лёгкий, Ницше - за первый, более трудный, а я не исключаю ни того, ни другого, я ищу их объединения. Но нужно уметь достигать экстаза.

Два рода объективности: объективность человека, отвернувшегося от божественного, и объективность божественного, отрывающегося от человека. Дело глаз и риторики либо взгляда и интеллекта. В любом состоянии, сведённом к человеческому, объективность всегда найдёт отличный повод, чтобы повеситься. В любом состоянии, обращенном к божественному, объективность воспоёт блаженство. И это будет то же состояние, те же обстоятельства.

Будь я сторонником опьянения одними этикетками, трезвые палачи лишат меня бутылок. И мои послания останутся без спившегося конверта, без уносящей его волны. Я мечтал плыть трезвым, а поплыву пьяным, не успев применить этот славный рецепт: *То, что ты поклялся сделать*

пьяным, делай трезвым - Э. Хемингуэй - Always do sober what you said you'd do drunk.

Мы живем подобно Диоскурам: при сомнительности наших истоков, наша бессмертная часть сплетается со смертной, мечтая завершить свой путь новым созвездием в скорбящем небе.

Хотя любое жизненное предприятие завершается крушением, роль знания в нём может быть совершенно разной: наполнить трюмы добрым сокровищем, паруса - добрым дыханием, бутылки, бросаемые в море, - добрым пафосом.

Я могу допустить, что Слово, подобно найденной им форме Ласки, было в Начале, но, очевидно, оно совершенно бессильно перед Концом - ни одно словесное произведение не сравнится с *Реквиемом* Моцарта, последним Трио Ф. Шуберта, *Патетической* Чайковского. А что, если в Начале мы были глухи, а даже первая Ласка была музыкальной?

Если ты хочешь говорить о жизни серьёзно, вообрази себе Землю без музеев, библиотек и даже ухоженных кладбищ. Тогда ты поймешь, почему лучшие жесты художника наполнены ужасом и стыдом.

Чтобы умерить твою склонность к патетическим терминам, представь рану личинки, скорбь воробья, одиночество сороки, страдание паука, самоубийство стрекозы. Считаешь ли ты себя более достойным быть увенчанным ореолом этих разумных качеств? И пусть эпопеи твоего известного «я» подчинятся прозопопеям твоего «я» неизвестного.

Чтобы составить представление о том, что толкает нас писать, нужно найти книгу, являющуюся лишь посланием на дне бедственной бутылки. Одни найдут в ней призыв, другие - передачу, третьи, самые прозорливые, - попытку превратить даже наш последний шаг в музыкальное произведение. Писать - значит продлевать в музыке эхо наших воспоминаний-начал.

Бессмертие - образ слишком глупый, чтобы служить утешением; но вера в зов прекрасного способна заставить забыть обезоруживающую достоверность истинного. Этот зов лежит в сердце метафоры вечного возврата, которая была бы *суррогатом веры в бессмертие* - Ницше - *ein Ersatz für den Unsterblichkeitsglauben*.

Жизнь: в каждый миг и при любых обстоятельствах можно выстроить цепь причин или взглядов, заслуживающих изумления. Но мы упускаем их чаще, чем замечаем: *Жизнь подходит к концу, и ты видишь, что она была поучением, в котором ты был невнимательным учеником* - В. Розанов.

Именно природа моей открытости миру определяет род страдания, которое неизбежно за ней последует. Преимущество руин перед крепостями, фалангами или жилищами в том, что самые драматические выходы - через дверь или окно, то есть действие или созерцание - мне заказаны; мне остаются лишь воображаемый кров или реальное подполлье, чтобы молиться своей звезде или проглатывать своё раскаяние. Воскрешения происходят не в коллективных плоскостях, а в пустых небесах или опустошённых гробницах.

Злоупотребление кавычками - симптом графомании; злоупотребление вопросительными знаками - симптом бесплодия; злоупотребление восклицательными знаками - симптом глупости. Свою неизлечимую болезнь лучше всего утверждают мужеством многоточия, в котором каждый может пребывать в подвешенном состоянии слова: подцепить капельницу и пытаться оживиться, забыть лекарства, ласкать лечащий флакон и насмехаться над отталкивающим антибиотиком.

Искра кажется единственным художественным воплощением света: высота ее вспышки, пафос её смерти, глубина тьмы, принимающей и хоронящей её. Мерцание должно быть предоставлено волнующемуся взгляду, а не созерцающим глазам. Освещение подходит для гостиных и лабораторий, но обесценивает руины - идеальное место для наших сумрачных писаний и чтений.

Однажды я замечаю, что слух занимает слишком много места в моей этической жажде чистоты; я открываю, что оптическая жажда неистощима, и падаю у фонтана взгляда - фонтана, ставшего руиной, фонтана, пробуждающего смертельную жажду и потребность в выживании словом или нотой.

Выслеживая смертные истины, упускаешь из виду бессмертную мечту. Истина - в неумолимом компасе, держащем курс на смерть без сновидений, в то время как наши лучшие мечты рождаются из бутылки бедствия. Как я понимаю тебя, брат мой, пусть на наших бутылках и не было в точности одинаковых этикеток: ты со своим кальвадосом и Млечным Путем, я - со своим арманьяком, гасконским флоком и звездой.

Где происходит изначальное явление истины: в топическом времени? апофатическом ничто? - в орфическом взгляде, ведомом любовью, на пороге ада и смерти.

То, к чему стремятся в жизни, связано с морем: подумайте о маяке, буе или бутылке. Спасать других, спасаться самому или же, наконец, признать свое поражение в патетическом послании неизвестного назначения.

Я вижу своё письмо как убежище умирающей мечты; я прихожу к архитектуре руин как к единственной не слишком душной рамке; и в конце пути узнаю, что даже руины можно будет рассматривать как товар. Как стали ими гора и древо после слоновой кости.

До тошноты скучно читать рассказы о завоеваниях и возмущениях, написанные заурядными перьями; но какой прилив энтузиазма вызывают переливчатые картины, нарисованные побеждёнными и смирившимися самоубийцами!

Поэзия питается страданием; и если она умерла сегодня, то не из-за газовых камер Освенцима, а из-за того веса, который приобрели производители газа, и лёгкости их переквалификации в изготовителей удобрений, песен, программного обеспечения, фильмов.

В шахматной партии, которую ведёт с нами такой упорный противник, как время, самые компетентные первыми замечают неумолимо

предрешённое поражение, отсюда меланхоличный и смиренный тон, который они принимают, не дожидаясь финального унижения (сдаться, по-английски - to resign). Остальные суетятся и тешат себя иллюзиями насчет шансов противостоять тому, кто бессловесно доминирует над ними.

В поисках лекарств от наших недугов философ должен подражать шарлатану, берущемуся исцелить хворь, с которой справился бы только хороший врач, тогда как шарлатан должен посвятить себя неизлечимому. *Люди требуют от меня пути спасения, исцеляющего слова* - Эмпедокл - и именно в прекрасном тупике смертные души возрадуются твоему невозможному и неотразимому спасению.

Подлинный потоп в наших низменных роботизированных краях покрывает необитаемый остров души. И эта книга - Ковчег, в который забираются все ещё живые виды, говорящие прощай своему утраченному миру.

Гегелевское примирение, основанное на преодолеваемом отрицании, совершенно нелепо, ибо противоположности никогда не сливаются не только в духовном мире, но даже в материальном. Любая идея - древо; если оно открыто к обмену в братском мире, оно сольётся с древом-братом, и получившееся новое древо покроется новыми неизвестными и будет готово к новым объединениям; если же оно посреди пустыни, ему нужно искать утешение, утишающее его агонию.

Когда жизненный цикл продиктован дневным соком, *надежда - хороший завтрак, но плохой ужин* - Ф. Бэкон - *a hope is good breakfast but*

bad supper. При затяжном уходе в ночной сон приоритеты меняются. Лебединая песня лучше сопровождает благую надежду, чем крик петуха, ибо за ней следует песня Валькирии. Лебедь - греческий и индусский, петух - германский и латинский...

Ад - это либо минералогическая экскурсия в компании барда, либо неврологическое погружение в дом мёртвых в компании тюремщика. Философия - это заставить сожительствовать в тебе гуляку и каторжанина.

Любое течение идей или жестов вызывается сегодня мощным и однообразным полем действия, где плюсы и минусы служат лишь вращению всё той же машины. Для человека мечты, эта лебединая песня в пустыне кодов, завершается скрипучим короткометражным клипом или фальшивой нотой.

Прекрасное есть не что иное, как начало страшного - Рильке - *Denn das Schöne ist nichts als des Schrecklichen Anfang*. Мы видим, что прекрасное ни с чем не скрещивается, и открываем ужас своего подлинного одиночества - отсутствие уха для твоего послания. Укрощая этот ужас, становятся художником. Дж. Леопарди переворачивает роли: *Ужас - свойство производимого красотой впечатления - È proprio della impressione che fa la bellezza – lo spaventare*. Хайдеггер переворачивает хронологию: *тайный ужас перед обликом всего изначального - geheime Furchtbarkeit vor der Gestalt alles Anfänglichen*, что наша эпоха, кажется, оправдывает: *нет больше красоты, кроме как во взгляде, устремлённом на ужасное* - Т. Адорно - *es ist keine Schönheit mehr außer in dem Blick, der aufs Grauen geht*. Но именно Ницше ставит всё на свои места: *нет прекрасной поверхности без ужасной глубины - es gibt keine schöne Fläche ohne*

schreckliche Tiefe. Макдуфу (*Horror, horror, horror*, язык не может назвать тебя) вторит Гамлет (*words, words, words*); и это уравнивание происходило не вчера: *Аид тождествен Дионису* - Гераклит. Пегас родился из крови Медузы.

Покинуть мир таким, каким его нашли, - мир вещей. Жить в мире, где *ничего не происходит* - *poems make nothing happen* - У. Оден. Не стремиться ни преобразовывать, ни переоценивать; известно, что даже попытки перевести «в-себе-и-для-себя» во «в-моём-и-для-меня» в конце концов приводят к тому, что тебя захлёстывают время и пространство, от которых не зависит неизвестное «я», недвижное и безнадёжное в пространстве, стоящее выше объектов и субъектов, сущности и существования.

Действия - опухоли пространства, как здравый смысл - опухоль времени. Это неудачи на пути, их нужно пустить на самотёк, дать им умереть собственной смертью. Неудачи на старте, неудачи *основополагающие* (échecs *fondateurs* - Сартр), или неудачи конечные, неудачи *имплекса* (échecs d'*implexe* - Валери) - единственные, способные послужить уроком и задать меру длительности твоего раздражения.

Мы любим дерево, ибо оно - чреда рождений и смертей, умеющая обойтись без интерлюдий дел.

Мечта, увы, недоступная: жить тем, каков я есть, ведь я живу становлением, которое никогда не идентично порождающему его существу. Но неверное прочтение существования - я есмь то, чем я живу - еще хуже,

поскольку мои жесты и слова ищут полноты или глубины, тогда как мое существо никогда не покидает высоты. Жизнь застывает, забывает или теряет свой порыв - мимолётная жизнь без вечного созидателя.

Любое действие имеет один смысл во времени (там оно называется поступком) и иной смысл - вне времени; их привязывают к бытию или становлению, жизни или смерти, спасению или абсурду. И поскольку искусство есть попытка вдохнуть жизнь, принести забвение или утешение, оно должно заставить забыть время.

Для глупца, жизнь полна ужаса и бессмыслицы, так он оправдывает скверну собственных дел; мудрец применяет те же эпитеты к предпосылкам красоты и мечты, чтобы сделать свой энтузиазм и восхищение ещё более таинственными. Жизнь духа, социальная жизнь слишком полны смысла и прозрачности; жизнь души, художественная жизнь предлагает благословенное пустое пространство, где должна зазвучать нерассудочная и непроницаемая музыка.

Моё слово, мой поступок, моя мысль не могут ни скрыть, ни перевести мое неизвестное «я»; лишь то, чего я избегаю (ограничения), или то, что предшествует моему первому шагу, может смутно указать на него, как графическое дерево напоминает древо, как вздох свидетельствует о душе, как завещание приоткрывает смерть.

Именно музыка требует недвижности; что за музыку могу я слушать в движении? - полковой, ярмарочный или траурный марш. Но всякая прекрасная музыка говорит мне о моих поражениях, в то время как я ношу

в себе, как и все, потребность в победе, которую приносят лишь уединение и неподвижность. И на очная ставке с музыкой, недвижной, *я бросаюсь навстречу поражению, ибо лишь стремительность убеждает* - А. Бадью - *précipite vers une défaite, car seule la précipitation vaut preuve*, убеждает в доказательстве моей победы.

Переживать бури и касаться бездн, не покидая берега, вздыхать - *Suave, mari magno…* (Лукреций) - и говорить себе, что лучшие корабелы находятся на берегу. Чтобы иметь право на эту мизансцену, нужно было плавать и тонуть, и понять, что в масштабе неба и берега, они, пловцы и утопленники, равноценны. Ницше неправ, толкая философа на тонущий корабль - променять свои руины на обломки? Для доказательства умения в навигации, кораблекрушение - не самоцель, а роковая неизбежность. *Navigare necesse, vivere non necesse* (Плутарх) - пусть с этим мирятся ганзейцы или интернавты, дело обмена, меркантильного или игривого.

Столько заклинаний о том, что каждый поступок в жизни должен совершаться так, будто он последний. Между тем художник, завидующий Богу, видит его первым, и отнюдь не последним. *Проживи свой день так, будто он первый и последний* - Ангелус - *Lebe deinen Tag als ob es dein erster und dein letzter wäre*. Мудрец, ищущий эха, останавливается на предпоследнем. Остальные накапливают n+1-ые.

Тебя толкают к отметкам твоей территории: к радиусу действия летающего - добавить зону атаки пресмыкающегося. Дать понять, что злоупотреблениие близостью вызовет неизлечимый укус или насмешливое удушение.

В гробнице своих дел человек больше не помышляет о воплощении в слова, поскольку видит вокруг себя лишь слова отмирающие, целиком на стороне дел.

Достойный отказ от борьбы продиктован не страхом проиграть и даже не его неизбежностью, а невозможностью встретить ангела или дьявола и наплывом баранов и роботов на всех аренах. Прежде чем обнажить меч, подумай о конце Аякса: путаница с переоценённым стадом, стыд, безумие, самоубийство. Но, возможно, всё это лишь потому, что он был единственным героем *Илиады*, которому не помогали мстительные боги. *Если Бог хочет тебя погубить, он сначала лишает тебя рассудка* - латинская пословица - *Quem deus vult perdere, dementat prius* - ищи же благосклонности богов или соучастия ангелов.

Сегодня, единственный способ спасти человека - сделать его слабым. Любая сила, переживаемая как опьянение, отныне ведёт к чистой совести и потому является источником мерзостей. Их хладнокровному опьянению пресыщенных денежной манной я предпочитаю безумное опьянение жаждущих у хорошего фонтана. Гордецы возомнили себя Александром Македонским: «то, что меня не убивает, делает меня сильнее, подпитывает меня» - без взятия на себя риска. Или же тореадорами жалких арен - *lo que no mata engorda* - испанская пословица - *То, что меня не убивает, меня усиливает.*

В любой момент жизни, когда ты пытаешься подвести предварительный или окончательный итог, следует говорить себе, что ты шёл ложным путём, каковы бы ни были расстояние, смысл или границы,

которые ты соблюдал или которыми пренебрегал. Еще проще убедиться в том, что следует хранить достойные руины, неподвластные возрасту. Их единственная заслуга - вынесение тебя за пределы времени. Ничего хорошего в путях материальных; у блага лишь одна обитель - идейная.

Я не стремлюсь ни к пустоте, ни к переполнению, мне не по себе от навязывания явных, но непреодолимых границ. Не хочу быть сосудом, хочу уметь принимать форму всего, что меня влечёт, и наполнять им себя до предела. Чем решительнее освобождаемся мы от вещей тяжких или привязывающих, тем свободнее взмахи наших крыльев и шире наши горизонты. Если хочешь жить в словах, будь мёртв для вещей.

Если *мы должны идти вперед, пусть даже с риском разбиться в конце пути* - Г. Мелвилл - *we have to go on, on, on, even if we must smash away ahead* - я не знаю, что здесь смешнее: смысл гонки, состояние суетящихся сердец или ничтожность эпитафии.

Чтобы напомнить людям Свой великий замысел, Бог пожелал сделать безжалостно и загадочно неизвестным - существо, в которое они влюбятся. *Любить - значит видеть человека таким, каким его видит Бог* — Цветаева - никогда не зная, что было первоначально - любовь или тайна. Среди языческих богов, Купидон был последним из родившихся; по правилу last-in-last-out, смерть Бога (богов) означала бы смерть любви.

Ад имеет свои багряные круги, рай - свои розоватые спирали с перепадами, напоминающими мне мои Начала - грех или упоение. В иронической перспективе оба - лишь царство мёртвых, где Одиссей,

Орфей, Сизиф и, возможно, Иисус были хорошими проводниками. И подлинные возвраты кроются в головокружении, а не в заурядном воскресении.

Глубокое смирение в сочетании с высоким восхищением очерчивают ось философского утешения. *Смирение облегчает любые недуги без лекарств* - Гораций - *Levius fit patientia; quidquid corrigere est nefas*. Принять за бальзам паллиатив или яд.

Любовь - святая простота или беззащитная ересь; на костре ли, в иконостасе ли, она то Феникс и пепел, то тёрн и слеза; смерть и воскресение, принятые за болезнь.

Пепел мало что говорит нам об огне и еще меньше о дереве. *Любовь: один год огня и пламени, тридцать - пепла* - Л. Висконти - *L'amore: fuoco e fiamme per un anno, et cenere per trenta*. Когда воображению не хватает дуновения, да, к тому же, когда ты вовсе не птица Феникс (см. М. Цветаеву), эту пропорцию не перевернуть.

Любовь: мужчины от нее умирают, а женщины ею живут; мужчина жаждет движения, а женщина - недвижности. И настоящая любовь заставляет замереть; женская любовь в самозабвенье, мужская - в увлеченье.

Они думают, что любовь умирает от жажды из-за нашей неспособности наполнить её фонтаны. Но виноваты в этом не наши хлопоты вокруг мутных источниках, где мы утоляем жажду мелкую.

Любовь чище, когда ты умеешь умирать у своего первоисточника, созданного для поддержания жажды подлинной.

Любовь - это память о невидимом, понимание невыразимого, здоровье неизлечимого. *Любовь рождается из памяти, живёт интеллектом и умирает от забвения* - Р. Луллий.

Нектары или эликсиры с приправами - таковой должна быть единственная пища любви. Как только из гурмана она превращается в чревоугодника, она воплощается в здоровье и даже не замечает остановки головокружения. Такая смерть - утрата вкуса. Как только язык любви начинает слишком интересоваться вкусом пищи, та становится пресной. Глаза и уши - лучшие стражи дворца любви. *Голод приправляет пищу* - Цицерон - *Cibi condimentum fames est*.

У влюблённого, свобода претерпевает тот же переворот, что и интеллект; *любовь порабощает людей свободных и освобождает рабов* — Р. Луллий. Одним она даёт фонтан и цепь, другим - питьевую воду и гигиену, а лучшим - жажду, от которой они умирают.

Любимое существо незаменимо, пока удаётся убегать от времени, то есть оставаться влюблённым. Именно любимое существо создаёт это место - место вне времени, рождающееся и умирающее вместе с любовью.

Со времён Иисуса известно, что Бог есть Любовь (Эрос), но К. Маркс противопоставляет ему Полемос, Ницше - Диониса, З. Фрейд - Танатос. Подозрение убивает любовь.

То, что переживалось как тайна, однажды понимается как проблема - траектория угасающей любви, конечное решение её изначальной загадки.

Любовь - не всеохватывающий свет, а искра, угасание которой может пройти незамеченным, когда внутренний жар начинают оценивать по внешним социальным датчикам. Её идентичность склоняется в предложном падеже, а потомство спрягается лишь в простом прошедшем времени.

Любовь понимающая, а не безотчётная, заставляет считать; её длящиеся часы заставят не замечать мимолётные минуты. В дыхании такой любви, вместо вдохновения и воздыхания, послышится несдерживаемое чиханье.

Что любит и восхищается сегодня? С увяданием Блага, замененного кодами, сердце стало ненужным и передало свои функции разуму. С угасанием душ (*агония европейской души* - Валери - *l'agonie de l'âme européenne*) дух остаётся единственным судьёй Прекрасного, ставшего миловидным в угоду ожиданиям рассудочной и расчётливой толпы.

Оглушительным летом я буду часто путать свой голос с голосом других. Гимническая весна и элегическая осень приведут меня в движение, в то время как я ищу недвижности. *Если я люблю тебя, то лучше зимой, чем летом* - Ницше - *Wen ich liebe, den liebe ich Winters besser als Sommers*. С падением ртутного столба стало легче переживать своё падение в погребальное одиночество. Приспустить гирлянды рождения, привести в

транс умерших - задачи мрачной иронии. *Подальше от людей, умирающих по сезонам. Осень* - А. Рембо - *Loin des gens qui meurent sur les saisons. L'automne*. Носитель своего климата не рассчитывает на вечную весну, обещанную Заратустрой.

Любовь, женщина, образ выигрывают от того, что в них видят лишь неприкасаемых призраков. И мёртвый Бог - Бог, потерявший всякую необходимость отсылки к реальности, Бог, ставший призраком, - соединяется с лучшими источниками прекрасного у истинных творцов.

Бердяев - Любовь - полёт, разрушающий всякое устроение. Она - состояние души, отказывающееся быть древом; появление гнезда или кокона, не говоря уже о корнях, соках или плодах, знаменует её крах. Она доказывает, что высота может существовать без глубины.

В начале все мысли отданы любви. Позже вся любовь отдана мыслям - Эйнштейн - *Am Anfang gehören alle Gedanken der Liebe. Später gehört alle Liebe den Gedanken*. В начале мысль - пылающие глаза; под конец любовь - взгляд без пламени. Чем больше думаешь, тем меньше любишь. Но чем лучше думаешь, тем лучше любишь. В любви, как и в жизни, memento initii лучше, чем memento finis.

Любовь живет словами и умирает от поступков - Цветаева - *Liebe lebt von Worten und stirbt an Thaten*. Скудная литература - заканчивать словами, а не мелодией; скудная жизнь - жить поступками, а не мечтами; скудная философия - следовать слову среди близких проблем и не слышать далёкую тайну: *Философия живёт проблемами, как человек - пищей* -

Новалис - *Die Philosophie lebt von Problemen, wie der Mensch - von Speisen* - музыка, мечта, тайна - первые жертвы утолённой жажды.

В будущем мире не будет моральных угрызений: каждый будет свободно жертвовать по меньшей мере 7% доходов на благотворительность, никогда не потребует свыше 3% годовых по кредитам, выданным собственным детям, и перечислит надлежащие суммы на счёт матери, отправленной в богадельню. От веков искусства перешли к веку-доллару (de l'art au dollar).

Когда моя душа отвлекается от мотивов действия, благо предстает искушением и даже падением (*Искушение хуже убийства* - Коран). Я начинаю сомневаться в происхождении крыльев, скрывающих мой горб и мой стыд. Я учусь носить душу на перевязи.

Как бы они ни выходили за пределы прекрасного и безобразного (Бодлер) или добра и зла (Ницше), доброта и красота, неотделимые от души, настигают нас всех. Самые тупые, или самые скорые, или самые глухие из нас воображают, будто сталкиваются при этом лишь с худосочной истиной или пресной сутью, и начинают вопить о смерти Бога, хотя в результате этой встречи мельчает их собственная жизнь в пользу одного лишь серого вещества.

Я не понимаю, как, убивая призрак, можно делать вывод о смерти Бога. Я не вижу ни намерения, ни оружия, ни места. Стыд был бы не правдоподобным следствием, а непосредственной причиной всех этих путаных заявлений. И исток стыда неизменен: мучительный разрыв между

мышлением и действием, между образом и словом, между высотой чувственного и плоскостью умопостигаемого.

Следовало бы реабилитировать репутацию осла или коровы: эпопея о терпении и иронии или поэма о сострадании. Рождение и смерть Европы также отметили решающим присутствием парнокопытных: в образе насильника-быка с согласием золотого тельца. Когда замалчивают поэзию, то, что остаётся, до удивления похоже на мычание. *Жалость относится к сердцу так же, как поэзия к воображению* - Ж. Жубер - *La pitié est au cœur ce que la poésie est à l'imagination*.

Равнодушие возведено в ранг добродетели, проистекающей из истинной любви. В этой двусмысленности узнают себя жалкие актёры и великие наблюдатели, причем мерзость братается со святостью в выборе центра этого равнодушия, в котором у вечного «Да» столько же места, что и у вечного «Нет» (*everlasting Yea and Nay* - Т. Карлайл).

Что остается после смерти искусства (предлагающего чистоту красоты) и после смерти Бога (призывающего к чистоте Блага)? - чистое торгашество!

Истинная культура заключается в переоткрытии следов первородного греха. Стоит лишь почувствовать себя незапятнанным, как человек тут же покрывается пятнами варварства. Но падшее величие души кроется не в прошлом, а в недосягаемой вышине, которую не способна заменить ни одна глубина. Время не искупает того, чего лишает нас пространство. Люди преувеличивают вредоносность первородного греха и недостаточно

настаивают на чудовищности греха конечного - на убийстве красоты, совершающемся на наших глазах.

Тау - знак сострадания. Чтобы понять, насколько оно обширно, посмотри, как оно высоко - П. Клодель - *Le Tau, signe de la compassion. Pour comprendre combien elle est large, regardez comme elle est haute*. Существует и другой знак креста, ещё более высокий - это X, знак сомнения (вспомните сомнение Высшей игры в *Сонете на X* Малларме!). Предпочесть косой крест Святого Андрея чёткам Святого Антония! Предпочесть Святого Филиппа с его распростёртым крестом - Святому Андрею! Но самая прекрасная страсть (или мука) - это сострадание, встреча живой иронии и мёртвой жалости.

Место свободы - подлинный пробный камень для людей: где оно - в мире, в человеке или в потусторонности?

Коммунизма могут желать лишь поэты, насаждать его - убийцы, а удерживать - слабоумные.

Зарождающаяся свобода всегда трогательна; юная свобода манит; зрелая свобода отвратительна. К счастью, свобода никогда не бывает старой - подвергаясь бесчисленным пересадкам всего жизнеспособного, в период своей зрелости она оказывается уже лишь мумией. Тирания же умеет хранить вечную юность лжи.

Тирания прокрадывается через намерение неспособного (ласковых мечтателей, убийц или поэтов) навязать нечитаемое (милосердие,

благородство). Способный же (ученик Гермеса) вытесняет его в открытом соперничестве, арбитром которого выступает толпа.

Человек, чьи права вы провозглашаете, - это человек отживший, сведённый к существу абстрактному. Первое право живого человека заключается в том, чтобы не быть обязанным своим достатком собственной силе, но опираться на человеческую солидарность. Князь П. Кропоткин шел ещё дальше: *солидарность, этот великий двигатель, увеличивающий во сто раз творческую силу человека*.

Поддержка Гитлера могла быть лишь эгоизмом того, кто желал оказаться среди сильных; поддержка к Сталину было прежде всего альтруизмом, состраданием к слабым. Беда лишь в том, что бенефициарами этих порядков стали ни сильные, ни слабые, а доносчик, убийца и подхалим.

Во все времена люди догадывались, что *собственность - это кража* (П. Прудон - *la propriété, c'est le vol*), но совесть богачей сегодня чиста, поскольку писаный закон отныне оправдывает любую их мерзость, а моральный закон мёртв - впрочем, по тем же причинам, что и угасающее искусство, за недостатком меценатов с нечистой совестью.

Одним из демократических приёмов для привлечения людей на свою сторону стало почти полное исчезновение унижения человека при сохранении его принижения. *Люди так глупы, что их нужно тащить к счастью* - Г. Бернанос - *Les hommes sont si bêtes, qu'il faut les traîner vers le bonheur* (Вольтер и Д. Юм придерживались того же мнения). Деспотизм

тиранит молчаливое большинство, не унижая ропщущее меньшинство; демократия унижает безгласное меньшинство, не тиранизируя большинство, которое всегда умело оркеструется стадным инстинктом. Добрые души всегда услышат музыку там, где какой-нибудь маргинал истории хрипит, задыхается или испускает дух.

Сначала приветствуют революционера, прикончившего гиену, волка, ворона; но затем приходит очередь голубей или кротов: *Скорее головы канарейкам сверните - чтоб коммунизм канарейками не был побит!* - В. Маяковский. Когда заходит речь о сворачивании шей (канарейке, волку, акуле, насекомому, паразиту), в авангарде крестового похода рискует оказаться свинья. Так оно и случилось. Но если пытаешься выпрямить собственную шею, превращаешься в гиену. Так случилось в другой стране. Наклонить шею? - разве это решение? Отказаться от лебединой песни?

Если тираны и умножают братские могилы (отец народов опустошает земли), то лишь потому, что идеальное единодушие обретается только на кладбище. Позже поняли, что ярмарка достигает того же результата с гораздо меньшими разрушениями.

Свобода особенно прекрасна, когда она невидима или тайна. Стоит ее потребовать или объявить, как она становится осязаемой, подобно алгоритму. Но ритм или песня свободы от этого слишком часто превращаются в лебединую песню.

С исчезновением святого елея и костров сакральное утратило свою торжественность, а вместе с ней и ужас. Рыцарский дух и подлость

вступили в механическое соучастие, усвоив урок: *Помажь подлеца - он тебя оцарапает. Оцарапай подлеца - он тебя помажет* - Ф. Рабле - *Oignez vilain, il vous poindra. Poignez vilain, il vous oindra*. Помазанному поэту больше некого царапать.

Могильщики, наивные и озарённые - прекрасные идеи: политический романтизм Ленина и Гитлера; художественный романтизм Писсарро или Малевича, Шёнберга или Малера. Так завершаются две тысячи лет блужданий гуманизма и величия, направления и высоты взгляда. Отныне всё доверено мозгам, мускулам и когтям. Умер именно романтизм, а вовсе не тоталитаризм или академизм.

Ягнёнку, застигнутому в его зыбком убежище, волк преподносит мудрое правило: *Тот, кто отказывается от свободы ради безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности* - Б. Франклин - *They that can give up essential liberty to obtain a little temporary safety deserve neither liberty nor safety*. К счастью, сегодня осталось так много заброшенных руин хищнических аппетитов, в которых прячутся ягнята умершего Бога.

Самые страшные люди - те, кто устремлён к раю через истребление неверных, диссидентов, отступников.

Коммунизму не удалась его агония, и эпоха распродает свои мечты оптом - Р. Дебре - *Le communisme a bâclé son agonie et l'époque solde ses rêves en vrac*. Это должно побудить нас ни с кем не делиться своими мечтами: чем шире разделяема мечта, тем больше обломков она оставит эпохе.

Революции - это времена, когда бедняк не уверен в своей честности, богач - в своем состоянии, а невинный - в своей жизни - Ж. Жубер - *Les révolutions sont des temps, où le pauvre n'est pas sûr de sa probité, le riche de sa fortune et l'innocent de sa vie*. При нашей демократии бедняк уверен в своем состоянии, богач - в своей жизни, а невинный - в своей честности. Мы выиграли в серости и тривиальности.

Леса предшествуют народам, пустыни следуют за ними - Шатобриан - *Les forêts précèdent les peuples, les déserts les suivent*. Точнее говоря: исходная вышина, дерево и мираж открываются перед людьми; могильная глубина, лес и пустыня замыкают их путь.

Государство тем сильнее, чем успешнее оно способно удерживать в себе то, что живет и действует против него - Валери - *Un État est d'autant plus fort, qu'il peut conserver en lui ce qui vit et agit contre lui*. Сегодня против Государства выступают все, и никогда ещё оно не было столь слабым. Его прежними противниками были разбойники и мечтатели. Мечта умерла, а разбой стал цивилизованным и улыбчивым.

Лучшие встречи - ночные. Лучшие прощания - дневные. Пусть первый шаг будет непостижимым, а последний - незабываемым. Ночью сближают зыбкие контуры; днём настроение сердца разлучает.

Свет, который освещает, или свет, который ослепляет: первый полезен для глаз, бесполезен для взгляда; второй жизненно важен для взгляда, смертелен для глаз.

Чего именно не знает Нарцисс? - что существуют другие лица? что лицо принадлежит не ему? что лицо создано не им? Как только находишь ответ, ты перестаёшь быть нарциссичным, то есть познаёшь себя, то есть умираешь.

Душа живет неутолёнными жаждами и незаполненными пустотами. *В каждой живой душе есть пустота, глубокая жажда во всех нас* - А. Кестлер - *There is a vacancy in every living soul, a deep thirst in all of us*. Лишь мёртвые души переполнены уверенностью, но их пресыщение неглубоко.

Тени, как и мечты, не пользуются популярностью в наши дни. Человек также вытесняется людьми, подобно тому как бодрствование выгнало сон, а неон - тени. Человек - это сон тени или: *Мы - тень сновидения* - Пиндар. Человек воссоединился с другим великим мертвецом - Богом - в вопиющем несуществовании. Свои мечты мы теперь толкуем в свете экранов.

Идеальная неопределённость была бы одновременно великой и слабой. *Какая грандиозная слабость - пребывать в неуверенности относительно того, в чём суть твоего бытия и каков должен быть его конец?* - Ж. Лабрюйер - *Quelle plus grande faiblesse que d'être incertains, quel est le principe de son être et quelle en doit être la fin ?* Только сильнейшие умы могут позволить себе культивировать эту благородную слабость; уверенность же слабых в этом вопросе проистекает не из принципов, а из жалкого самомнения.

К чему мне ясные и отчётливые идеи, когда речь заходит о любви, страстях, смерти, прекрасном и добром, о тайне, окружающей всё грандиозное? Пусть, в крайнем случае, они занимаются истиной - этой второстепенной и плоской стороной существования, проживаемого объёмно и первостепенно!

Что делать с полученным светом? Я вижу тех, кто греется близ него, его отражает или пересказывает, и понимаю, что прекраснейший способ жить им - неприметно положить или зарыть его на самом дне самого себя. С неотвратимым следствием: я стану излучать мрак.

Развязка - ясность решения, завязанный узел - строгость проблемы. *Жизнь есть непрестанное развязывание узлов. Надо не скучать этим и не ожидать гладкой нитки* - Л. Толстой. Будь я Гордием с его лихорадочным топором или Ариадной с её ловкими пальцами, пусть зов тайны сопровождает меня - сквозь струну-тетиву, её музыку или стрелы.

То, что не зафиксировано, - ничто. Зафиксированное мертво - Валери - *Ce qui n'est pas fixé n'est rien. Ce qui est fixé est mort*. Прекрасная диалектика творения! Философ-поэт творит лишь в бесформенном, которое ему выгодно накапливать, избавляясь от того, что уже обрело форму. То, что не входит в грамматику, ничего не выражает. Зафиксировать - значит привязать семантическую мозаику к синтаксическому синтаксису. Подчинённая одному синтаксису, любая правдивая речь мертва. То, что фиксируется в пространстве, будет приведено в движение во времени. Фиксируя, мы доказываем нашу способность к метаморфозе. Стремиться зафиксировать в пространстве - значит стремиться к совершенству во

времени. Грядущая свобода бытия или необратимая ностальгия становления. Переплексия перед неуловимым движением и *отвращение ко всякой фиксации* - Ницше - *ein Widerwille gegen alles Festbleiben*.

Чем сильнее человеческое общение сводится к космополитичным, визуальным образам без музыки, тем больше слово теряет в вес и аудитории. Быть может, ему лучше умереть, как зерну, чем быть приставленным к минералогической коллекции рядом с распятым мотыльком или обесценившимся алмазом.

Когда мудрец интересуется истиной, это порождает путаные признания или несправедливые завещания. Для людей истина мыслима лишь в виде кодов и инструкций по применению. Для людей противоположность найденной истине - невежество; для мудреца - истина искомая. Пусть укоренённые истины хоронят своих мертвецов, а ты оживи их с помощью языка.

Среди поражений человека самая роковая потеря - утрата его божественности (то, что другие назвали смертью Бога). Пока жрец, клирик или мирянин обращался к невидимым призракам, прихожанин мог убеждать себя в их виртуальном присутствии; но с тех пор, как он вещает лишь перед налогоплательщиком, ни одна вуаль, ни один экран больше не отражают тайну - суровая реальность охватила всё.

Нынешнее варварство объясняется смертью мечты. Точнее говоря, её абортом в раннем детстве. Дискредитация сказки, чудесное, задушенное приторностью, электронная игра, вытеснившая анахроничную игрушку.

Места, которые сегодня больше всего нуждаются в бунтарях, - это детские сады, и имена им Андерсен и Ш. Перро. Шекспир, Пушкин и Монтень знали об этом: Наши главные наставники - кормилицы.

Близок час, когда самые роковые поступки будут совершаться в виртуальном режиме. Когда-то плотские или духовные распри улаживались в реальном времени ударами палицы или обряда. Сегодня убивают и исповедуются все более телематически.

Ничтожность нашей эпохи объясняется не тиранией наук и не увяданием искусств, а людьми, порвавшими всякий контакт с благородством и двумя его увядшими объединяющими древами: поэзией и страстью. Ужас этих людей в том, что они возомнили, будто познали и покорили свое земное «я», в то время как людям небосвода так непросто понять самих себя.

Реальный человек - электризующая мишень; потенциальный человек - магнетизм стрел и натяжение тетив; виртуальный человек - механический или электронный, без жизни стрел и без смерти мишеней. Отступающее начало, спекулирующее начало, вычисляющая середина.

Любой сегодня способен проблематизировать жизнь, не говоря уже о предлагаемых им масштабных решениях; редкостью же стало умение по-прежнему угадывать в ней тайну. Люди делают из этого предмет гордости, наивно и надменно провозглашая смерть Бога - хотя на деле это лишь факт истощения религиозного воображения или смерти бессмертия: любые поиски Бога, исторические или метафизические, стали алгоритмическими,

шарлатанскими или идолопоклонскими; отвернувшись от мечты, мы остаёмся один на один с голой реальностью.

Они заполняют свою пустоту тем, что составляет жизнь: работой, суетой, признанием; тогда как принципиально важно создавать и поддерживать в себе пустоту, в которой продолжал бы звучать голос не умершего Бога, Бога живого - Бога мечты и музыки.

Заметка о происшествии в форме отчёта или протокола - вот доминирующий сегодня литературный жанр, поскольку люди всерьёз восприняли политкорректный вердикт о том, что после Освенцима писать стихи - варварство, а мечтательность, даже в прозе, больше не востребована.

Жизнь взгляда проходит через три этапа в зависимости от своего вдохновителя: другой, Бог, собственное «я». Как ни странно, онтогенез здесь повторяет филогенез: подобно жизни отдельного человека, люди пережили отказ от элитарной тирании (прощай, мэтр расы), затем смерть коллективистского Бога (прощай, спаситель масс), прежде чем провозгласить царство индивидуалистического «я» (здравствуй, продукт класса). Для конкретного человека этот путь может быть плоским, нисходящим или восходящим; в лучшем случае - у танцора - он следует линии: решение (другой), проблема (Бог), тайна (собственное «я»), а не наоборот, как у счетовода.

В самом драматическом смысле слова Бог мёртв означает человек мёртв; не в том смысле, что божественная душа в нас перестала биться, а в

том, что её больше не слышно. Жизнь людей отныне так полна шума и незначительности, что никакая небесная музыка их не достигает, их не возвышает.

Две тысячи лет истории человека, разрываемого между зверем и ангелом, которые обитали в нем, вечно ссорясь. Сегодня люди, констатировав смерть Бога, избавились от ангела, оставшись в компании лишь зверя. Приручённый и выдрессированный, он превращается в робота. Зверь - это опыт, выучка, а противоположность ему всегда именовалась чистотой, то есть - гласом ангела.

В чём мы вышли из Истории? События и замыслы правителей сегодня сопоставимы с таковыми в любые другие эпохи. Громогласные голоса, призывающие к величию и благородству, продолжают существовать в тех же пропорциях. Что действительно изменилось, так это общественная сцена, с которой эти взгляды или голоса воспринимаются народами. Элитарное место с крайне ограниченным доступом превратилось в ярмарку, в галдёж, откуда выступают лишь средние, статистические, посредственные, сиюминутные показатели - низкая природа восторжествовала над высокой культурой.

Убьёт человека не недочеловек и не сверхчеловек, а - люди. И не из-за их безумия, а из-за безумия человека, бунтующего против разума роботов и баранов.

Когда-то жили острыми ощущениями, затем их стали симулировать, а сегодня, когда герой и шут исчезли со сцен и даже с улиц, их

вырабатывают. Но без былого трепета и без величавого занавеса эти продукты ценны на рынке, но не представляют никакой ценности сами по себе.

Эволюция умов обладает силой инерции, уводящей гораздо дальше, чем эволюция литературы. Современная литература: забывшая почему стихов, беспомощная в единоличном кто и барахтающаяся в общем что. Когда я вижу, что умы одержимы одной механичной формой, забывая об органичном содержании, я говорю себе, что сегодня убивает дух, а буква-то, быть может, только и может оживить.

Искусство окончательно отреклось от своего сакрального статуса и подчинилось мирскому закону. Всемогущая экономика осквернила цвета, мелодии и мысли; эффективное вытеснило компетентное; визуальное высмеяло невидимое; статистический вердикт подменил художественные жюри; улица заменила сцену. Но ценой этих пересадок, протезов и инструментов обеспечено выживание, пусть даже идентичность персонажа и заносит его теперь в семейство ремесленников, роботов или домашней прислуги. И тот, кто говорит о воскресении или восстании, думает вовсе не о крестах и баррикадах, а об отважных инвесторах.

У поэта весь мир - колыбель, у героя - могила; о началах мечтают, за финалы бьются; разделенные, эти виды деятельности возвышают, слитые воедино - опускают.

Сюрреалисты стремились примирить и слить мечту с реальностью. Действительно, без мечты любая реальность - лишь до-реальность.

Понятно, что, в конечном счёте, вовсе не до-мечта пережила смерть мечты и торжество реальности.

Я оправдываю внешнюю машину: она сделала всё, чтобы отдалить человека от быка, коршуна и осла; не её вина, если человек позволил вертеться внутри себя внутренней машине - роботу, подражающему барану. *Машина убила Человека, Человек сделал себя машиной, он функционирует и больше не живёт* - М. Ганди.

Человеку доступны две удивительные формы: его собственная форма (которая по сути является самой глубиной), в целом общая для вида и служащая для наполнения божественного сосуда, и форма его творения, где его сингулярность и талант занимаются самим сосудом. *Я не сотворил тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты, вольный и чтимый мастер самого себя, сам сформировал себя в ту форму, которую предпочтешь* - Пико делла Мирандола - *Nec te celestem neque terrenum, neque mortalem neque immortalem fecimus, ut tui ipsius quasi arbitrarius honorariusque plastes et fictor, in quam malueris tute formam effingas*.

Без периодических костров библиотека становится столь же скучной и пагубной, сколь и диплом без книг. Особенно если не остаётся иного способа призвать человека искать собственную красоту или хотя бы истину других. Когда-то люди сжигали библиотеки из-за одной единственной Книги, содержащей все их ценности. Я не доверяю ценностям, которые переливают из одного сосуда в другой; они должны рождаться и умирать между одними и теми же обложками.

Если любое течение и несёт в себе поэзию, то рыбаки и рифмоплёты, некогда одинокие мечтатели, превратились в стадных насмешников, отвернулись от текущей и чистой воды высот и валяются в солоноватых клоаках с текучей слизью низостей - криминальных сводках, в сетях и на форумах.

Душа и разум - две функции одного и того же органа, который то в эстетике, то в арифметике. При упоминании вещей, которых нет на свете, но которые требуют формы, или перед лицом вызова вещей разумных, которыми предстоит овладеть. С гибелью поэтов первая человеческая функция стала почти атавистической. Трезвый Сократ предвидел это: *Поэт задаёт душевным устремлениям дурное направление, льстя тому, что есть в душе неразумного* - отныне в одноразмерном органе ориентации и траектории вычисляются, но больше не воспеваются. Перевод в прозу, до боли напоминающий похороны.

Взрослые больше не мечтают снова стать детьми; дети мечтают лишь поскорее стать взрослыми, довольные в долгом пребывании среди одних решений, без проблем и тайн. Когда-то дети не знали взрослого мира, а взрослые умирали детьми - несчастными в своей краткой тайне.

Когда-то высота искусства и глубина философии целились на звёзды, что восхищало наши глаза и взгляды и заставляло стыдиться наши руки. С тех пор как эти мишени установились в одной заурядности нашего земного существования, царит технико-научное разумение. Исчезновение стыда влечет за собой ненужность любого утешения. Трезвый расчёт во взгляде

лишает былого головокружения. Вместо Бога следовало бы оплакивать искусство и философию.

Душевный мир заменил и Ненависть, и Дружбу, в которых Эмпедокл видел начала миров; мир крутится без заминок, забывая о жизни.

История провозглашается долей, которую люди уделяют царствам разума и/или мечты. Античность живет лишь разумом; Возрождение разбудило мечту; Просвещение достигает баланса между ними; романтизм возомнил, что может провозгласить торжество мечты; современность - это возврат к разуму, но без античного благородства, без порыва Возрождения, без элегантности Просвещения; это погребальный звон задушенного романтизма.

Сегодня модно критиковать прогрессистов; однако в ценностях, которые сами критики ценят больше всего - свободе, эффективности, правах человека, - прогресс очевиден, несмотря на несколько жутких провалов. При этом они не замечают самого отвратительного падения, характеризующего нашу эпоху - смерти поэзии, вследствие угасания душ.

Люди оставили поиски Гильгамеша и смирились со своей земной, смертной участью, где их либо приканчивают как баранов, либо перекрашивают под роботов.

Варварство - это руина, а не зачаток - Ж. де Местр - *La barbarie est une ruine, non un rudiment*. Наших варваров движет вперёд не забвение и не разрушительное безумие, лишённое чувства меры, а неспособность жить в

монументальном Граде как среди руин или в гробнице. Сменяющие друг друга стройки и развалины лишают жизненной силы, расколдовывают и оскверняют чистое время руин.

Как жизнь и искусство форматируют настоящее? Жизнь ведает накалом событий, а искусство приносит краски прошлого и музыку будущего. Именно смерть искусства оставляет жизнь единственным судьёй существования. Факты оскверняют пыл и мечты.

Возможна ли «Илиада» с порохом и свинцом? - К. Маркс - *Ob die «Ilias» möglich wäre mit Pulver und Blei?* Мы увидели бы меньше плутовства и больше сомнений, как это было в *Войне и мире*. Но с атомом и компьютером она стала бы кратким отчётом о выполнении задания. Гомер часто сравнивает гибель своих героев с падением деревьев; сегодня же скорее подумают о бойне.

Поэзия привносит игровую норму в состязание красок воображения; ирония - это арбитр, уравнивающий победителя и побеждённого перед тем, как они погрузятся в серость жизни, где сама игра жалка. Ирония и игра должны прежде всего заботиться о своем первом этимологическом ребёнке - об ил-люзии (il-lusion), искусстве капитуляции перед реальностью. Философия же, натуженно обучая нас умирать или жить, упускает из виду необходимость научить нас играть - легко.

Ирония дерева: даже самый исчерпывающий символ творения страдает от близости собаки. Впрочем, тут можно утешиться - у соперницы древа, у горы, есть свои облака: *Сентиментальная ирония: собака, воющая*

на луну и одновременно мочащаяся на могилы - К. Краус - *Sentimentale Ironie ist ein Hund, der den Mond anbellt, dieweil er auf Gräber pißt*. Умным головам порой случается изъясняться анатомическими пузырями: Сартр на могиле Шатобриана. Где ещё можно прочесть эти патетические мольбы, высеченные на античных надгробиях: *Sacer est locus; extra meiite*? Во время потопов или кораблекрушений куда важнее выпускать голубей, чем плевать на могилы...

Ирония литературной критики: палач, обеспечивающий долговечность обезглавленных произведений.

Каждое театральное слово - а оно единственное переживает представления жизни - должно давать прочувствовать, что оно тоже покинет сцену.

Медиология касается знания, которое передаётся и наследуется, то есть не мудрости. Последняя, будучи нормально устроена, умирает на кресте, а то и в родах или на дне колодца. Но, в отличие от невежества, она поощряет посещения своих кладбищ, где соседствуют призраки и воскресшие.

О злоупотреблении отрицанием отрицания: Ницше лишен иронии и веселья, но, провозглашая, что исходит из иронии (слово это, по крайней мере, изначально означало «просьбу»), видит свое отрицание в серьёзности, отрицает её, чтобы впасть в веселье, в которое, как он полагает, он приводит недоверчивую публику. *Едва ли можно всерьёз оставаться наедине с самим собой; мы не вешаемся лишь потому, что мы*

легкомысленны - Вольтер - *On ne peut guère rester sérieusement avec soi-même ; c'est parce qu'on est frivole qu'on ne se pend pas*.

Из неспособности продвигаться вперед часто рождается праздное воспевание горизонтов; из неспособности находить прелесть в простоте - тяжкое погружение в глубины; из неспособности держаться на ногах - убийственный призыв высоты.

Сожалею, что платье больше не делает монаха. Помните первый предмет, из-за которого современники Сократа или Иисуса переругались после их смерти? - это была их хламида. Их глаголы же суть лишь побочные воскресения.

Я должен быть готов к тому, что любые великие деяния - от самопожертвования до самоубийства - будут описываться в терминах гигиены жизни. Истинное, Доброе, Прекрасное и Любовь - скелетообразно волочатся в структурах интерсубъективности.

Мои руины никогда не бывают пустыми: либо это принцип разрушил чувство, либо чувство разрушило принцип. Выживший занимается похоронами дикаря или варвара: *Дикарь презирает искусство, варвар бесчестит природу* - Ф. Шиллер - *Der Wilde verachtet die Kunst, der Barbar entehrt die Natur.*

Музыкально-патобиологическое происхождение натянутой струны твоего маскарадного лука: пугающая лёгкость, с которой воображение в любой момент находит превосходные причины либо отыскать верёвку,

чтобы повеситься, либо перебирать струны лиры, воспевая твое блаженство.

Вещь, предмет, субстанция, сущность, существо, сущий, бытие, Единое, Бог - когда мне удаётся обращаться со всеми ними как с объектами, я могу провозгласить смерть Бога как итог вечного возврата Того же, раскинутого в тысяче граней: *В бесконечности - вечное возврат того же самого; на небесах многое становится Единым, системой* - Гёте - *Wenn im Unendlichen dasselbe sich wiederholend ewig fließt, das tausendfältige Gewölbe sich kräftig ineinander schließt*. Semper aeternum внешних начал возможно лишь благодаря semper idem внутренних (воз)рождений.

Забвение бытия - парафраза смерти Бога, и для обоих этих изъянов соответствующие средства, забота и интенсивность, синонимичны. Как ни странно, даже обитель у них одна - язык! Но оба они, быть может, суть лишь неспособность прочесть в нём вечный возврат Того же.

Где доля истины более желанна, чем вся истина целиком? - в поэзии, в декольте, в смертельном диагнозе.

Строить руины, предназначенные для жизни. В их обитателях будут ошибаться, считая их лишь призрачными. Это человеческая глупость видит в каждом призраке мертвеца.

Руины - больше не развалины Замка, а ремонт хлева или вычислительного центра, до которых доведены современные жилища. Руины демонстрируют фундаментальную связь с прошлым, становясь

обсерваторией звёзд и зная, что, подобно им, они обречены на угасание; но вместо того, чтобы источать суетный свет, они заливают небо - сдержанными тенями.

Мои руины - компромисс между церковью и гробницей, где переплетаются открытость неба и замкнутость земли, вовне призванных и вовнутрь избранных, вертикаль сводов и горизонталь корней, червь сомнения и несомненный червь.

С тех пор как мудрецы пугают нас своими смертельными истинами, от которых еще никто не умирал, но чья гримаса продолжает вызывать толки, *женщины избегают мудрецов как ядовитых животных* - Эразм - *puellae sapientem haud secus ac scorpium horrent fugiunt*. Когда женщина позволяет себя этим заразить, она приобретает способность ставить множество проблем, утрачивая при этом способность обнажать тайны: *Женщина умна лишь в ущерб своей тайне* - П. Клодель - *La femme n'est intelligente qu'au détriment de son mystère*.

Столько слюны изведено на обличение превращения публичной сцены в ярмарку; сегодня эта сцена перенеслась в машинные залы - без пестроты зевак, без базарного гама торговцев. Гробовая тишина сделок между живыми машинами, просчитанных машинами настоящими.

Я чувствую себя ближе к производителям очков, чем к аналитикам глаза или синтезаторам природы. *Ad instrumentem* - противоположность *ad hoc*, и скорее ближе к *ad hominem* или *ad rem*, которые после мимолётных *ad laudem* и *ad libitum* слишком часто завершаются лишь *ad nauseam*, а то и

ad digitum, прямо перед отправкой *ad patres*. Вкус - в выборе вещей (*ab ovo*), интеллект - в орудиях (*ab actu*), высота - в доле человека (*ad oculus*), а то и женщины - *ad foeminam*.

Для того, кто трясёт шеей, вместо того чтобы двигать головой, «страсть начинается как паутина и заканчивается - доброй веревкой» - Талмуд. Страсть - это тетива натянутого лука или струна твоей лиры.

Ирония - это аномальное развитие, которое, подобно развитию страсбургских гусей, в конце концов убивает индивида - Кьеркегор. Сравните с нормальным, бараньим чувством притяжения, напичканным профилактической уверенностью, шагая - не колеблясь и не жалуясь - на бойню. Скука смертоносных норм толкает к оживляющей иронии.

Ирония взгляда оживляет всё, даже угасший или похоронённый взгляд. Достоевский - *Скептический взгляд убивает всё, даже и самый взгляд*.

Партия вещей (*parti des choses*) торжествует повсюду (*отвратительна в своём апофеозе* - *Интернационал* - *hideux dans leur apothéose*!). Для победителей, блаженных прозаиков, выбор лежал между живым предметом и мёртвой схемой. Им никогда не понять, что жизнь или смерть идей возвещаются и поддерживаются лишь благодаря партии слов.

Между обнажающимся интеллектом и наряжающимся словом мое возбуждение сильнее от второго. Первый оставляет у меня впечатление пугала на пустышке или скелета на механическом кладбище.

Лексическая нищета на службе у воображения: слово *la corde* (струна/тетива/верёвка) во французском применяется к скрипке, луку и самоубийце. После каждой встречи, я могу развешать на ней свои промокшие крылья.

Иронией убивают, жалостью воскрешают. Надо уметь их сочетать: анафема или молитва, казнь или оратория - Запад или Восток.

Удивительное совпадение между моими двумя центральными философскими задачами - утешением человека и размышлением о языке - и двумя разновидностями хайдеггеровского бытия: заботой *бытия-к-смерти* (*Sein-zum-Tode*) и раскрытием бытия, приютившегося в языке (*Haus des Seins*).

Всякая мысль есть диалог, но среди всех диалогов самый полезный для точности и оправдания мысли - диалог с другими языками. Греческий помог немцам культивировать абстрактное; латынь научила средневековых авторов лаконизму; немецкий сделал более поэтичной мысль французов и русских. Американский сегодня благоприятствует горизонтальности, плоскости, прозе - тому, что является смертью мысли.

Один человек умеет решиться на мысль, другой делает ей детей, третий держит её у купели, четвертый навещает её на смертном одре, пятый хоронит - Г. Лихтенберг - *Einer zeugt den Gedanken, der andere hebt ihn aus der Taufe, der dritte zeugt Kinder mit ihm, der vierte besucht ihn am Sterbebette, und der fünfte begräbt ihn*. Слово - кадило и чудотворец -

единственное, что ускоряет этот путь, не сокращая биографии и не продлевая сожалений.

Слово подобно дереву, остававшемуся бесплодным годами, может снова зацвести и принести плоды - Гёте - *Ein Wort, wie ein Baum, der jahrelang unfruchtbar war, kann wieder blühen und Früchte tragen*. Корчевание, обрезка, глубокая стрижка - всё это часть того же арсенала воскресения. Всё поистине живое можно сравнить с деревом. Быть мастером слова - значит уметь создавать для него времена года и климат.

Подобно тому как межзвёздный свет долго мчится сквозь вселенную, прежде чем достичь нас, искажённый образ твоей звезды прорисовывается лишь после твоего ухода - Рильке - *Denn wie das Licht von manchem Sterne lange im Weltraum geht, bis es uns endlich trifft, erscheint erst lang nach unsrem Untergange von unsrem Stern seine entstellte Schrift*. Не отчаивайся же посылать свет своей звезды в пустоту и учись расшифровывать мерцание уже потухших чужих звёзд.

Чтобы действовать, Богу нужна ширина (ваших церковных дверей); чтобы внушать страх - глубина (наших уединений); чтобы существовать - высота (твоего взгляда - вот почему Он мёртв в глазах толпы).

Речь движется по ломаной линии между утраченным словом и обещанным... Сад - это слово, пустыня - речь - Ж. Деррида - *L'écriture se déplace sur une ligne brisée entre la parole perdue et la parole promise… Le jardin est parole, le désert - écriture*. Хорошая речь, чтобы лучше сохранить своё лицо, стирает свой след (жертвоприношение глубины-тяжести в

пользу высоты-благодати); она сосредотачивается в изломе пунктира. Внедорожная пустыня письменности бережёт миражи - эти сады слов, где падали, молились, испускали дух.

Бог ни не удаляется (Хайдеггер), ни не умирает (Ницше), ни не затмевается (М. Бубер), поскольку Он прячется либо в безмерном, либо в вневременном. Бог заслуживает того, чтобы существовать лишь в священной пустоте безымянного. *Бога я познаю только через несовершившееся* - Цветаева.

Бог, который умер - это Бог зданий, храмов, церквей; живой укрылся под землей или на опустевших небесах, где Его ощущает лишь человек подполлья, где Его видит лишь человек руин.

Быть может, Бог - единственное несуществующее понятие, которое навязывается с одинаковой неотразимой очевидностью как во мне самом, так и вне меня. И я начинаю искать Его вовне, опираясь на своё нутро. *Никто не может искать Тебя, кто уже не нашёл Тебя. Ты хочешь быть найденным, чтобы тебя искали* — Св. Бернар - *Personne ne Te peut chercher, qui ne T'ait déjà trouvé. Tu veux être trouvé pour être cherché*. Но едва мне начинает казаться, что я нашёл Его, как я принимаюсь подыскивать Ему имена и маски вместо того, чтобы продолжать обращаться к Нему в пространство. Он - безымянный Лик, вездесущий и отсутствующий, который оживляют мои глаза и уши. *Увидеть Бога - смерть; угадать Его - жизнь* - Х. Моргенштерн - *Gott schauen ist Tod; Gott erraten ist Leben*. Ни взгляд, ни воображение не обнажают Его; лишь чудесное покрывало свидетельствует о Его неизречённой или

непознаваемой очевидности: *О богах я не в состоянии знать ни того, что они есть, ни того, что их нет* - Протагор.

Перед лицом недостигаемой божественной асимптоты мира любое человеческое приближение к ней незначительно. Но они замазывают асимптоту (бесконечность), чтобы заниматься исключительно своим конечным толкованием, hic et nunc, где hic слишком осязаем, а nunc - неуловим. Смерть Бога - это не торжество человеческой конечности, а призыв защищать бесконечность - но теперь - уже водиночку.

Начав с понимания того, что никакая внешняя сила не может ответить на самые жгучие вопросы моего существования, я заканчиваю признанием того, что и никакая внутренняя сила тоже не в состоянии выразить мою сущность. Наёмные убийцы - известное «я» и «я» неизвестное - дают этому двойному отчаянию метафорическое название смерти Бога.

Всякий официальный Бог есть идол, сумерки которого и возвещают его смерть; Бог мудрецов - икона: они приветствуют мрак, возвеличивающий их свечу. Идол - основа и тело; икона - форма и лик. Понятие или образ.

Чтобы утверждать, будто Бог мёртв, есть лишь одно средство - доказать, что в Начале был Случай, а не божественный Толчок. Чтобы заключить, что конец - в роботе и баране. *Где нет Бога, там нет места и для человека* - Н. Бердяев. Воля же или властность - лишь безобидные клички Бога.

Никакая статуя - понятийная, метафизическая, историческая - не выдерживает критического подрыва, на который пускается камикадзе террориста-разума. Для того, для кого руины суть символ упадка, факт ясен: Бог мёртв. Но если манящие руины были извечно твоим убежищем, твоим алтарём и твоей исповедальней, никакое потрясение не обрушит твоего межзвёздного идола.

Даже высвободившись от всякой бесконечности, мистическая вера и поэтический взгляд всегда найдут достаточно опор в голой действительности; когда глубокий Бог внешности умирает, воскресает высокий Бог нутряного.

Быть творцом - значит изобрести собственный язык, язык-источник универсального, переживаемый как бессмертный; а поскольку мы привыкли видеть в Боге обоснование всего универсального, творец начинает с провозглашения того, что Бог мёртв. *Бессмертные смертны, смертные бессмертны* - Гераклит.

Бог умер, поскольку человек освоил умное слово и разучился безумному пению. *Бог - что-то вроде восторженного и ужасающего безумия людей* - Ницше - *der Gott wäre der entzückte und entsetzte Wahn der Menschen*. Поэзия, музыка, мечта - лишь безумия, спасающие нас от одиночества; Бог - это невозможность одинокого пения; в то время как ни слово, ни даже крик больше не достигают божественного слуха. Нет, Бог пения, переполненности, отказа от силы - этот Бог не мёртв. Если бы Он был мёртв, я был бы обречён на монолог - ощущение, немыслимое для почитателя мелодий.

Для сыновей священников - Ницше или Чорана - смерть Бога столь же серьёзна, что и морская болезнь, от которой страдает сын моряка, но над которой должны смеяться те, кто держится земли или твёрдых небес.

Весьма наивная легенда, которую поддерживал даже Ницше: некогда будто бы существовали высшие ценности, свидетельствовавшие о божественном присутствии в делах людей, но которые рухнули в результате нигилистических переоценок, и созданная таким образом пустота оправдывает факы смерти Бога. Эти ценности никогда не существовали. Куда драматичнее то, что исчезли векторы - эти носители порывов и энтузиазма, башен из слоновой кости, храмов и руин.

Стадный Бог оказался столь же уязвимым, что и любая прекрасная идея. Он почил под ударами человеческой мелочности, стадной в целях, жадной в средствах и равнодушной к ограничениям. К счастью, Бог перестал вмешивается в это и уединился в своё завидное несуществование.

Почему одновременно с идолами темнеют, затмеваются или даже умирают Боги? Потому что мы разучились видеть прекрасные сны посреди бела дня; и ночи с сумерками исчезли с человеческих циферблатов.

Религия - не болезнь (Ленин) и не невроз (З. Фрейд) детского возраста, а взрослое предприятие. Не опиум (К. Маркс), а успокоительное, точнее - обезболивающуу, вводимое уколом стыда. Пациент - простаки, лишенные этой отупляющей заботы и брошенный на произвол невыносимой беды, - ищет самоубийства.

Следует признать, что тело - лишь наша поверхность, наша глубина вверена разуму, а высота - душе. Но, чтобы оставаться верными себе, оба должны пройти через телесное жертвоприношение, подобно Богу Отцу и Святому Духу перед искупительным Крестом, на котором испускает дух Сын. И поэзия - подражание Страстям: *Души смотрят с высоты на ими брошенное тело* - Ф. Тютчев .

Нам обещают спасение в плоти, но в чём именно - в кости, в мышце или в мозге, то есть в форме, силе или памяти? Или в жёлчи, слезе или поте?

Ничего читаемого во мне не исходит от моего неизвестного «я»; я лишь получаю через него явное вдохновение и испытываю к нему устремление чувства. Пока я чую себя носителем этой тайны, я не скажу, что Бог мёртв.

Утратить ощущение далёкой или близкой бесконечности - так можно определить смерть Бога и/или неизвестного «я» у нечестивого и озабоченного человека. *Из-за утрачивания больших расстояний всё стОит одинаково далеко и одинаково близко, без расстояния* - Хайдеггер - *Durch das Beseitigen der grossen Entfernungen steht alles gleich fern und gleich nahe, ohne Abstand*.

Ничто не превосходит дерево в метафорических толкованиях: я погружаюсь в его корни, чтобы расписать его кроны, питаюсь его соком, чтобы воспевать его цветы, разжигаю в нём жажду света в тени его ветвей.

В дереве волнуются земля и небо, божественные и смертные - Хайдеггер - *Im Baum wallen Erde und Himmel, die Göttlichen und die Sterblichen* - хотя у людей всё упрощается: затмение божественного возвещается всеми и повсюду, умирание человеческого волнует не больше, чем износ полупроводников, голос неба становится неслышимым - людям остаётся лишь единство Единого, бедной земли, то есть чего-то банально плоского.

Я мыслю лишь Бога покоя; руки благоговеют перед Богом трапезы и пресыщения, а разум - перед Богом кончины.

Ничего священного никогда не замечалось в реальности; священное появляется лишь в сфере фантазмов. Даже *Pater Noster* не призывает освящать самого Бога - а лишь Его имя. Впрочем, его *небо* следует читать как *высота*: Бог является нам лишь тогда, когда наш взгляд устремляется по вертикали из глубины Земли ввысь небес. И поскольку любой взгляд рано или поздно ниспадает вниз вместе с нашими крыльями, всё священное бренно.

Для одних Бог был надсмотрщиком, а для других - коллегой. Его смерть для первых означала, что всё сравнялось - благородство и низость, глупость и ум, шум и музыка, а для вторых - что их собственная требовательность в творчестве возросла, не смея больше уповать на небесную благодать. Смерть Бога прояснила нашу принадлежность к очагу: стаду или одиночеству.

Тщетное занятие для поэта - бросать вызов божественному бессмертию и всевластию и думать, что поэт весит больше бронзы. Бронза

теряет в весе под суждением пространства; всевластие не посягает на права богов - эти суждения во времени.

Пока кумир - Бог, спасение, бессмертие, смысл жизни - стоял на ногах, утешительный образ прогресса, сближения, победы позволял тебе держаться за ходьбу или за дорогу. Но когда свершилось неизбежное, и твой кумир повержен в руины, самый жизненважный вопрос на закате жизни гласит: что поставить на его место? Множество решений, столь же эфемерных: провозгласить свое неведомое «я» новым Богом, одурманить себя культом творения или опьянеть в головокружении накала. И осознать, что возделывание своего огорода или пестование учеников сводится к той же обезболивающей глупости.

Культура выражается в уважении или интересе, питаемом к несуществующему, например - к Богу. Нынешняя бескультурность похоронила столько прекрасных снов вместе с безумиями, суевериями и заблуждениями.

Как избавиться от одержимости глубиной, чтобы сохранить от нее одно головокружение? - опустошив море (что для Ницше равносильно смерти Бога), отнеся к разряду неизвестного то, что претендовало на непознаваемость; обнажённые бездны делают нас честнее фальшиво-обещающего или таинственного лика (называемого Валери *тихим кровом* - *ce toit tranquille* -, скрывающим *высь* - *l'altitude*). Так высота станет единственным подходом к недостижимому, к мечте. *Земля, разочарованная глубиной, бережёт зародыши высоты* - Овидий - *Tellus seducta ab alto retinebat semina caeli*.

Даже без Бога они самоуверенно продолжают искать спасения, вместо того, чтобы смиренно изыскивать лишь утешения перед лицом столь ужасающей пустоты. Обманчивый перезвон начал, устремлённый к неведомому Богу, лучше, чем верный погребальный звон неверных завершений, уготованных тебе Богом известным.

Глубокий дух видит Проектировщика и Мыслителя; высокая душа чувствует Творца и Утешителя; плоский же разум лишь механически исполняет алгоритмы, ему больше не нужны ни дух, ни душа. И поскольку мы живём при диктатуре разума, Бог провозглашен мёртвым.

Лучшее определение взгляда: соприкосновение с жизнью - чудо! Все уверения глаз - то-бишь разума, о нашей оставленности или о смерти Бога, - уверения, сметаемые взглядом. Всякое ощущение абсолютного одиночества есть абсолютная слепота. *Человек не одинок; одиноко лишь мышление* - Г. Бенн - *Der Mensch ist nicht einsam, aber das Denken ist einsam*.

Как только у нас обнаруживаются крылья, как нас зовёт даль. «Когда у души появляются крылья, она начинает парить в высях» - Платон. Без привлечения крыльев душа быстро чахнет.

Наша жизнь сводится к двум плоскостям - механической и божественной. Эффективность или Благо, норма или закон, полезное или прекрасное, решение или тайна, масштаб или высота, производство или сотворение, событие или инвариант, инерция или начало. Торжество механики было названо смертью Бога.

Бог вездесущ: в материальном предмете (в реальности), в руке, которая за него ухватывается (в средстве), в функции присвоения (в цели), в выборе значимых предметов (в ограничении), в создании предметов (в Начале). Вездесущ для взгляда, пуст - для глаз. И всякое органическое чудо угасает в механическом крахе: роботы провозглашают мёртвым этого невидимого и видимо несуществующего Бога.

Природа людей лишена Бога; она повсюду знаменует утраченного Бога - и в человеке, и вне человека - Паскаль - *La nature des hommes est déchue de Dieu ; elle marque partout un Dieu perdu, et dans l'homme, et hors de l'homme*. Жалким был бы тот рай, в котором человек больше не испытывал бы ни стыда в глубине себя, ни трепета перед красотой вне себя. Бог не умер, пока вас не покидают ни румянец на челе, ни лазурь в душе.

Человек, которому чуждо чувство таинственного, подобен мертвецу - Эйнштейн - *Derjenige, dem die mystische Empfindung fremd ist, ist ein toter Mensch*. Человек почувствовал это, укротил тайну, навязав ей понятность проблемы и разумность решения. Ему больше не нужны ни палка, ни хлыст, чтобы придти в движение.

Если сам Бог мёртв, то мир, преданный цифрам, продолжает существовать и всюду включает в свои расчёты человека - Хайдеггер - *Wenn Gott tot ist, die gerechnete Welt bleibt noch und stellt den Menschen überall in ihre Rechnung*. Свобода сыграла свою зловещую роль: между мечтой и расчётом человек выбрал расчёт, утвердив смерть единственного заслуживающего доверия Бога - Бога недоказуемой мечты (а не того Бога

ценностей, пусть даже подлежащих переоценке, провозглашённого мёртвым Ницше). Остальные хуже человека: *Мир создавался, пока Бог вычислял* - Лейбниц - *Cum Deus calculat, mundus fit*. Знаки, символы и мифы оцениваются отныне в генезисах, а не в экзегезах.

Боги умирают лишь оттого, что пребывают среди нас - Р. Шар - *Les dieux ne meurent que d'être parmi nous*. Грех, следовательно, заключается не в том, чтобы отходить от Бога (А. Камю), а в том, чтобы к нему приближаться. Когда знаешь своих святых, почитаешь уже не их. Бог мёртв, ибо мы его увидели. Л. Шестов - *Сказавший: «Бог существует» теряет Бога*. В облаках или под крышами наша мысль достигает его и тем самым попирает. Бога следует доверить словам, низвести до формул. Жизнеспособность Бога измеряется количеством почитаемых тайн: древние допускали всякую тайну, чтобы обращаться к Богу; христиане сохранили лишь одну; современные люди исключили их все, чтобы придти к выводу: Бог мёртв.

Я открываю для себя трогательный лиризм недавнего Нобелевского лауреата по литературе (!), Б. Дилана: *Я научился ненавидеть русских; к счастью, у нас есть бомба, чтобы обратить их в химическую пыль, и мы сделаем это, не задавая вопросов, поскольку Бог на нашей стороне* - *I've learned to hate Russians. We got weapons of the chemical dust. Fire them we must. You never ask questions, when God's on your side*. Бог Гермес, вооруженный ответами, противостоит Христу с его обезоруживающими вопросами.

Запад больше празднует Рождество, чтобы приветствовать обещание сказочной жизни; Россия цепляется за Пасху, за смутную память мечты о

жизни. Компромисс, пример которого нам подал сам Герой: сделать из своей жизни встречу Яслей и Креста.

Крах советской России - это падение Третьего Рима. Первый обещал цивилизацию, второй - веру, третий - великодушие. Гуманизм - именно он, а вовсе не коммунизм, мёртв - он не имел никаких шансов быть несомым чем-либо благородным. Чтобы выжить, ему следовало бы объединиться с торговцем, которого в наших Римах сдерживали солдат, монах или хам. Солженицын - *Крушение гуманизма - главный итог нашей эпохи*.

В Азии почитают отца; в Европе его убивают; в России им пренебрегают, систематически воображая себя ублюдками.

Самая гнусная из европейских неблагодарностей перед лицом русского холокоста Второй мировой войны: нация, истерзанная кровожадным режимом и влачащая чёрную нищету, подвергается вторжению самой мощной и лучше всех в мире оснащённой армии, целью которой является колонизация и порабощение славян, а средствами - физическое истребление и уничтожение всякой культуры. Весь народ чувствует себя униженным и, приняв вызов, яростно сражается за свое достоинство и выживание, теряет 25 миллионов жизней и завершает войну победителем в Берлине. Вся Европа в 1945 году видит в русском своего спасителя, заслуживающего вечного восхищения и признательности. Сегодня всё забыто: оказывается, то были две мерзкие диктатуры, сцепившиеся между собой во имя высшего блага американской демократии - единственного победителя в этом противостоянии Добра и Зла, а русский якобы оказался на неверной стороне…

Христианская кротость погубила Рим, коммунистическое великодушие повергло Россию. *Москва, как и Рим, - это нечто грандиозное* - *Moskau sowohl wie Rom sind grandiose Sachen* - последняя искра в мозге Ницше в тот день, когда безумие окончательно погасило её в Турине при виде избиваемого кнутом коня - того самого Ницше, который воспевал достоинства кнута и обличал пороки жалости! Тот самый образ, что погрузил его во тьму, озарил Раскольникова. Отныне человечество будет требовать от своих подмастерьев-спасителей лишь процентную ставку или норму прибыли - спасение в преобладании чистогана.

По случаю кончины СССР забили последний гвоздь в крышку гроба Истории (чтобы похоронить её прямо рядом с Богом и искусством, скончавшимися чуть раньше), то есть в крышку гроба человека, который живёт одной одушевлённой мечтой. *Гегель ошибся на 150 лет: Конец Истории - это не Наполеон, это Сталин* - А. Кожев - *Hegel se trompa de 150 ans : la Fin de l'Histoire, ce n'est pas Napoléon, c'est Staline*. Покончено с трепетом братства и благородством равенства; дорога свободна для единственного выжившего - робота, справедливого, свободного, сытого.

Русская история простирается на четыре континента; для некоторых ее азиатские и американские главы остаются вовсе без Истории: *Выбросим Сибирь; нам нечего делить с ней, поскольку она находится вне Истории* - Гегель - *Sibirien ist wegzuschneiden. Sie geht uns überhaupt nichts an, weil sie außerhalb der Geschichte liegt*. Эти слова жалкого мелкого буржуа заставили плакать великого Достоевского на его сибирской каторге, ибо в его глазах они означали смерть европейского бога, смерть подлинной свободы. Правда, в моей собственной каторге, где Достоевский женился, никакой

абсолютный дух мне не явился - являлись лишь души. Но не Гегелям писать Историю душ. *Упрямое основание бытия было устремлено к Сибири ссыльных, к Поэзии, Изгнанию и Земле Человеческого Достоинства* - П. Целан - *La tenace raison d'être était tournée vers la Sibérie des Exilés, vers la Poésie, Exil et Terre de la Fierté de l'Homme*.

Французские философы-подмастерья, животно настроенные антирусски, ищут в недавних русских экспедициях на Кавказ единственные параллели с тем, что Пол Пот творил в Пномпене, а Гитлер - в Варшаве. Так четка и безапелляционна их граница между правыми и неправыми. Я не знаю, куда они помещают забытых героев Ленинграда и Сталинграда, замученных неправедными варварами, но мне было бы жаль детей Дрездена, Берлина или Хиросимы, погибавших от рук варваров праведных.

Русские: самоубийцы от избытка счастья, убийцы из милосердия, люди, которые обожают друг друга, чтобы окончательно расстаться, предатели по усердию или смирению - Х. Борхес - *Los rusos: suicidas por felicidad, asesinos por benevolencia, personas que se adoran hasta el punto de separarse para siempre, delatores por fervor o por humildad*. В то время как всякий робот и всякий баран следуют разумности лаборатории или бойни. Между любовью и любимым человеком русский выбирает то, что эфемернее всего на земле и долговечнее всего на небесах.

Русский коммунизм является скорее русским, чем коммунистическим, именно поэтому французам следует опасаться его - Мальро - *Le communisme russe est russe avant d'être communiste, c'est pourquoi les Français doivent s'en défier.* Следующий век не будет ни веком наций, ни веком интернационализмов, он станет торжеством

единственного преуспевающего Интернационала - Интернационала торговцев. Впрочем, смерть Бога (возвращения которого ты, напротив, предсказал как триумфальное событие жизни) деонтологически облегчила неуклонное моральное утверждение чистогана; кто еще помнит, что *торговец никогда не угоден Богу* — Св. Иероним - *homo mercator nunquam potest Deo placere*?

Истина никогда не бывает живой. Как только мы позволяем жизни (реальности) войти в модель (хранительницу истин), разрывается эпистемический разрыв (в языке или в модели) и устанавливается новая система истин. Истина монотонна, вневременна, лишена жизненного движения (*истина скелетична* - Гегель - *leblose Knochen eines Skeletts*): *В логике нет становления, ибо в логике есть лишь бытие* - удивительная техническая строгость Кьеркегора.

Ложь обречена на зачатие, судорогу или агонию; истины же пользуются бесплодным, безвкусным, безвременным здоровьем. Следовательно, относительно природы вещей заблуждаются те, кто полагают, что *истина - это нескончаемая агония* - Ф. Селин - *la vérité, c'est une agonie qui n'en finit pas*, ибо истина всегда минеральна, но никогда не жизненна.

У истины нет долговечных противников, которые искали бы с ней ссоры: *Истина никогда не торжествует, просто ее противники вымирают* - М. Планк - *Die Wahrheit triumphiert nie, ihre Gegner sterben nur aus*. Единственные заслуживающие доверия противники стареющей истины - охотники за истинами живыми. Когда они издыхают, начинают поклоняться мумиям, превращённым в роботов.

В тщательно похороненной истине поселяется здоровый червь сомнения - идеальная приманка для ловли знаменитого шекспировского карпа.

Этапы обесценивания истин: очень скоро я перестаю возбуждаться при упоминании чужих бессмертных истин - тех, что существуют сами по себе или даруются. Затем мне становится скучно с моими собственными смертными истинами - теми, что я задумываю или создаю. Предпочту определенностям и целям сетей мое собственное древо неопределенностей и начал.

Прекраснейшие эпизоды в странствии идеи - это воскресения, угодные Отцу-Слову (ибо Дух-братоубийца, имеющий где-то в облаках враждебную идею, всегда может быть оправдан).

Люди живут доказательствами: подлинными, поддельными, глупыми. Эта плотность банальностей превращает их в яд, и поэзия, увы, больше не играет роль противоядия, каким в прежние, тёмные времена были сами доказательства. *Доказательства - это противоядие против яда свидетельств* - Ф. Бэкон - *Proofs are an antidote for the poison of witnesses*. А. Смит: *Энтузиазм и наука играют со смертью и смеются над ней*.

Любое изменение языка (язык = речь + представление) влечёт за собой смерть определённых истин. Изобретательность людей и утверждение истин в овладеваемой реальности губят истины хрупкие. Следует обратить изречение обессмысленных педантов: *Fiat veritas, pereat*

vita - заниматься вечной и таинственной жизнью, чтобы избавиться от отживших и плоских истин. *Истина может заболеть, но она никогда не умирает окончательно* - Сервантес - *La verdad puede enfermar, pero no morir del todo*. Ей делают столько пересадок переменных, что честнее было бы сменить ей идентичность.

Познание осадка, присущего всем фильтрам и нектарам, он не научит ничему, что стимулировало бы мою будущую жажду, которую я приберегу для своего взгляда, дабы не выветрить свои опьянения. Нужно оставлять несколько последних капель на дне любого кубка; та же чистота должна сопровождать мои надежды и мое отчаяние.

Самые возвышенные наслаждения посещают нас благодаря преодолённым предвестникам страдания: любовной тоске, одинокому отчаянию, ущемлённому самолюбию. В каком состоянии оказался бы человек, если бы был лишен боли? - в летаргии - Кант!

Если я дорожу звездой своего счастья, её не заменит никакая лампа; твердо стоящие на земле ноги заставят меня жалеть о поднебесных крыльях. Надежда - это никогда не спускающаяся на землю звезда. В недостижимой, но жизненно важной надежде нуждается больше всего неутешимый.

Непосредственное, обыденное страдание, имеющее очевидную связь с реальностью, не заслуживает того, чтобы на нём задерживаться, как и всё то, что является лишь фатальным. В противоположность реальному, благородное страдание неразумно, оно - плод чувствительности,

общающейся с потусторонним. У глупцов надежды, как и отчаяние, полны причин и материальных оснований. Истинное отчаяние глубоко, истинная надежда высока, в то время как реальное выражается лишь масштабом - в общем и целом плоским.

Хочешь ты того или нет, но бодрствующий мозг - лучшая колыбельная для отчаяния и лучший толкователь надежд души.

Оживляющее отчаяние или смертоносная надежда: первое рождается из осознания того, что лучшие порывы твоей души, как и самые пронзительные прозрения твоего ума, обречены на распластание в окончательной плоскости; вторая рассчитывает на расчёт предвосхищающего разума. Первое зеленеет пером, второе окрашивает его в серый цвет. Но расчётливое отчаяние хуже дармовой надежды.

Отчаянная уловка неудачника: помещать свои поражения на низких кухнях или в стойлах, в то время как самые оглушительные происходят в самых уважаемых местах - в подпольях.

Всё, что мне удаётся уединить - человека, мысль, чувство, - быстро превращается в отчаяние. Надежда, то есть великое «Да», заключается в почти слепом погружении во Всё.

Художник - тот, кто умеет воссоздавать миры; именно поэтому отчаяние, отвращающее нас от привычного мира, является союзником художника. Впрочем, если надежда обещает нам новый мир, она служит той же цели.

Наша способность к анализу неумолимо ведет к неопровержимому отчаянию; к счастью, наша способность к синтезу производит несколько хромых, но спасительных иллюзий. Философ должен выполнять лишь две функции: синтетика утешений или аналитика языков. Аналитический философ по определению исключён из первой гильдии.

Философ учит нас прежде всего возвышать надежду; поэт - углублять отчаяние. Вот почему первому дано право на хлеб, вино и даже университетские кафедры, а второй изгнан из устных экзаменов на рыночных площадях. Последнему остается лишь опьяняться этикетками запрещённых флаконов.

Sola fide манит людей прекрасным горизонтом, а *solo dolore* - прекрасной высотой; *sola ratione* или *sola mens* позволяют воспроизвести их виртуальные, нечестивые и безболезненные эрзацы.

Невозможно избавиться ни от отчаяния, ни от веры; но на гамме, которую они образуют, философскому таланту дозволено сочинять музыку утешения. Надежда - это лишь хрупкая вера, возведённая поверх уверенности в отчаянии: *Противоположность отчаянию - вера* - Кьеркегор.

Жизнь - это весы с двумя чашами: та, куда складываются наши изумления и надежды, и та, где накапливаются наши боли и апатия. Бог, по-видимому, пожелал довольно справедливого распределения между этими двумя чашами, но оставил человеку свободу в выборе точки опоры

коромысла. Лучшая форма этой свободы называется иронией; именно она делает рычаг страдания кратчайшим и возвещает надуманный перевес надежды.

Бог пожелал, чтобы творение жизни, даже прожитой великим одиночкой, было симфоническим. Нехватка хотя бы одного инструмента может испортить ее безвозвратно. Добро и зло, надежда и отчаяние, небеса и земля должны присутствовать в ней, пусть даже будучи вымышленными от начала до конца. Соло - самый глупый, даже смехотворный жанр.

Сколько литаний и жалоб философов об отчаянии - этом естественном, очевидном, общем для всех состоянии, в то время как надежда и мечта - состояния искусственные, изобретённые, редкие и ненадёжные, что должно было вызвать к ним интерес подлинно философских перьев, посвящённых утешению, а не опустошению.

Чтобы воспеть единственную надежду, достойную нашего голоса - надежду неявную, нужно познать отчаяние вполне явное и немое.

Еще одна ось, заслуживающая равно напряжённого взгляда - изумление / отчаяние (у надежды же есть иной антипод - цинизм, и это другая ось, менее философская и более вероносная). Чем глубже отчаиваешься, тем выше изумляешься. Л. Шестов - *Пока человек удивляется – он еще не коснулся тайны бытия*. Только отчаяние подводит его к пределам сущего - и поскольку бытие и сущее барахтаются в плоскости, следует даровать изумлению и отчаянию право сохранять свою глубину и высоту - те пределы, что хранят тайны.

Надежда достойна своего имени, когда ее сосуществование с отчаянием плодотворно, от этого она даже выигрывает в напряжённости. Она есть удержание твоего взгляда в высоте, и этот взгляд вневременный и потому чужд ожиданию: *Больше ничего не ждать - первая жизненная мудрость* - Ницше - *Erste Lebensklugheit – nicht mehr zu warten*.

После определения своеволия, главная заслуга Достоевского - в том, что он понял: человека отличает не какая-то одна единичная, недвусмысленная и бесспорная ценность, а целая двусмысленная ось, ценность же является лишь её частным случаем: от падения до спасения, от надежды до отчаяния, от ангела до зверя. Но единственным, кто понял и претворил в жизнь это страшное и подлинное наблюдение, был Ницше. Растерянность и стыд Достоевского, благородство и стиль Ницше, совесть и талант, но у обоих - одно и то же место страдания и искусства.

Первая функция нашей воли - создание надежд, в то время как *безусловное отчаяние обрушивается на нас помимо нашей воли* — В. Янкелевич - *le désespoir inconditionnel s'abat sur nous, malgré nous*.

Ничто не трепещет в античном смирении; и его достоинство слишком драпировано либо в безупречный разум, либо в дыры его тоги. Чувствуется здание, построенное отрицанием и на нём же: против паники, истерики, плача. Хорошее смирение должно сопровождать хорошую надежду. Искусство: создать такую акустику, где стон достигнет высоты и напряжённости потустороннего, интимного и далёкого величия. Никаких мавзолеев или триумфальных арок - этих мест молчания и отказа, но Замки в Испании - те места отголосков, выживаний и встреч.

Отчаяние, увы, неизбежно заливает нас. Чтобы сдержать его и удержать голову над водой, в нашем распоряжении есть лишь ирония и философия; странным образом Ч. Чаплин переиначивает причину и следствие: *Если ты не обращаешься к отчаянию, ты предаешься либо философии, либо юмору* - *If one doesn't turn to despair, one resorts to either philosophy or humour.*

Основывать свое видение на конечных целях сулит лишь отчаяние и/или цинизм. Держаться за надежду - это короткое и прекрасное утешение - можно лишь не покидая начал, то есть оставаясь последовательным нигилистом.

Истинное розовое утешение, как и добрая голубая надежда, должны вмешиваться в самый момент страдания или отчаяния, а не после. В будущем все черно. То, что тебе нужно для утешения, у тебя уже есть; чтобы разглядеть это, подними свой взгляд повыше.

Отчаяние рационально, чётко и неопровержимо; надежда безумна, туманна и хрупка. Чтобы надеяться, нужно иметь веру, то есть душу; чтобы отчаиваться, достаточно иметь ум.

Всякая добрая философская речь пишется в тревожной ночи и незаметно принимает форму ласки. Чем экстатичнее надежда, тем мягче и скрытнее должна быть ласка; именно так возрастают возбуждение и блаженство, когда я мудро спускаюсь по этой лестнице обещаний: спасение, прощение, утешение. Из сотериолога и педагога превратиться в

параклета - утешителя. Утешение - это ласка благородных. И добрая философия - *верховная утешительница обескураженных душ* - Боэций - *summum lassorum solamen animorum*.

Однажды, неизбежно, всякое истинное утешение и всякий истинный разум перестанут тебя удовлетворять; тогда хорошая философия - то есть мета-утешение или мета-разум - заключается в вере в то, что эта нехватка обусловлена слабостью твоего таланта, а не мощью отчаяния.

Утро надежды или вечер отчаяния - лучшие теневые часы для письма или живописи; проблема в том, чтобы уметь оставаться в этих часах, не впадая ни в безумие ночи, ни в банальность полудня, и оставаться автором собственных теней.

Страна разума и чувства пересекается тремя родами путей: путями истины, движимыми пунктами назначения, которые неизбежно будут носить имя отчаяния; путями добра и красоты; живыми началами или маршрутами, ведущими к руинам или тупикам, но несущими надежду. Надежда - хрупкость прекрасного или доброго, торжествующая над прочностью истинного.

Энтузиазм может идти рука об руку с самым отчаянным мнением о мире, какое у меня есть (*Нет любви к жизни без отчаяния от жизни* - А. Камю - *Il n'y a pas d'amour de vivre sans désespoir de vivre*), ибо лучший источник моих порывов может целиком находиться во мне самом, в моём взгляде. Какой энтузиаст похоронного дела - Чоран! Какими были Паскаль и Кьеркегор. Надежда или безнадёжность сияют лишь на вершинах! И

обречены на плоскую заурядность, как только целятся в глубину. Философия должна посвятить себя пробуждению вкуса к вершинам, касаясь при этом глубин своими корнями.

Критерии для оценки итогов моей жизни: углубляя их, констатирую плачевный провал; их возвышая, вижу одни успехи. Но аргументы сопоставимы по весу; отсюда и равновесие между моими восторгами и моим стыдом, моей надеждой и моим отчаянием, моей гордостью и моим смирением.

Когда истоки надежды и отчаяния начинают совпадать, мы, вероятно, оказываемся в плоскости, ибо надежда высока, а отчаяние - глубоко.

Надежда идеалиста - это не ожидание, это смирение перед красотой. Отчаяние материалиста - это неудавшийся бунт.

Равные шансы рухнуть в сторону надежды или отчаяния, скептицизма или догматизма, братства или ненависти - вот что приносят вершины, ощущение высоты, в противоположность ужасной плоскости, мирной или безумной: А. Ахматова - *После отчаяния наступает покой, а от надежды сходят с ума*.

Встать по ту сторону глубины, вне всякой протяжённости; опуская глаза, не забудь их закрыть.

Самый ожидаемый дар небес - спасательный круг, надежда. Вот почему возникает искушение переживать мир как кораблекрушение.

Благородство духа узнается по присутствию и напряжённости в его взгляде или в поступках на той оси, что тянется от очевидности отчаяния к трудности надежды. Слабые заблуждаются в лесу отчаяния, а сильные обретают себя в древе-утешителе. Интеллект оправдывает присутствие этой оси, а талант приносит в неё напряжённость.

Днём любая башня из слоновой кости оскверняется визитами зевак, соседей или водопроводчиков; ночью руины неотличимы от свалок; моя обитель должна менять архитектуру в сумерках и на рассвете, если я хочу ее навещать, а не просто жить в ней. Призрачность сопровождает ось надежды: надеяться посреди теней Башни и отчаиваться в свете Руин.

Что губит наши прекраснейшие надежды, так это наши прихоти, желания и мечты, воображающие, будто они способны воплотиться; освободиться от этой пагубной иллюзии, временно погрузившись в глубокое отчаяние, в конце концов возвращает нам высоту надежды; в этом искусство Чехова или Чорана (сами авторы об этом не подозревали).

Идеалист (Г. Марсель) наставляет: отчаяние возможно; материалист (Конт-Спонвиль) бормочет: отчаяние необходимо - до тех пор, пока ваши несчастные отчаяния облачены в логические категории, они действуют как снотворное! Насколько же мне ценнее беспричинная надежда, облечённая в прекрасные метафоры, чтобы бодрствовать посреди руин!

Надежда рождается из восхищения; одно из глубоких восхищений связано с хорошо живописанным отчаянием; эта задача возложена на дух

философии и душу поэзии. Низкое восхищение связано с почитанием героизма - этой противоположности духа и души.

Дух направляет действие, душа внушает мечту. Душа создаёт надежду, дух приводит к отчаянию. *Всякая попытка жить по духу неизбежно ведет к отчаянию* - Г. Гессе - *Jeder Versuch, nach dem Geist zu leben, führt unfehlbar zur Verzweiflung*.

Аполлоническая философия невозможна, она должна быть дионисийской, то есть пронизанной Эросом, из которого ей следует черпать вдохновение для усмирения наших отчаяний; сладострастие, хотя бы лишь воображаемое, глубже любого подлинного отчаяния.

Чем выше мое духовное отчаяние, тем выше моя надежда душевная. Чем глубже копает мой дух, тем выше устремляется моя душа.

Ты проповедуешь динамизм - тебя ждет жестокое отчаяние; ты проповедуешь воздержание - тебя ждёт нудное отчаяние. Благороднейшая функция воли состоит в поддержании надежды - той, что верит: без сакрального, одной случайной волей, не достичь ни добра ни красоты. Надежда - это лишь вера, в то время как отчаяние проистекает лишь из пороков в доказательствах, что недостойно философа.

Ужас встретится на пути любого активизма: в безднах мысли, в плоскости действия, в полёте мечты - отчаяние, скука, падение. Последний путь, очевидно, самый приемлемый. Так поставь же мысль на её место - иронией; приструни действие - принуждением.

Отчаяние должно делать мой взгляд более проницательным; надежда же желанна лишь тогда, когда ослепляет.

Надежда - это утешительный головокружительный обрыв на дороге, ведущей в никуда, или, лучше сказать, путь доступа к вещам невозможным и несуществующим, без которых всё обречено на отчаяние. *Если человек не надеется на нечаемое, он не откроет его, ибо оно неисследимо и лишено путей доступа* - Гераклит.

Юноша отчаивается перед потайными дверьми; старик надеется на заброшенных крышах; но жизнь вершится сегодня - без надежды и отчаяния, в зрелом возрасте, между стенами деловых кабинетов.

Несчастье распределено среди людей более или менее справедливо. Нас отличает способность переносить его. Именно его сублимированные тени определяют нашу открытость к счастью и ту высоту, на которой могут сосуществовать отчаяние и надежда.

Человеческий вид превосходит всех в производстве того, что порождает самое безвозвратное отчаяние; вот почему я склонен видеть в своей надежде - легкой, алогичной и парадоксальной - благодать, богословскую добродетель: она устремлена к несуществующему, пусть даже божественному.

Моя надежда - это вера в свет, который никогда не воссияет на моем лице и не покинет пределы моей души; она принадлежит ночи моего

отчаяния. *Надежда - дневная, упование - ночное* - М. Серр - *L'espoir est de jour, l'espérance est nocturne*. Упование - дело человеческое, а вовсе не божественное, но оно столь же нематериально, сколь божественное Благо, вложенное в наши сердца, не касаясь наших жестов.

Кадуцей - странный символ страдания: змея и крылья, фатальность и случай, Демон и Тюхе. Быть может, надежда - это вовсе не крылья, а змея? Крылья возносят нас к отчаянию.

Надежда и отчаяние сосуществуют во мне, поскольку происходят из разных органов: сердце или душа - для первой, дух или тело - для второй. Истоки тоже различны: божественные или человеческие. Мы отчаиваемся в действии, надеемся в мечте. *Действовать в негативном нам еще навязано; пребывать в позитивном нам уже дано* - Ф. Кафка - *Das Negative zu tun ist uns noch auferlegt, das Positive ist uns schon gegeben*.

Отчаяние убывает по мере уменьшения моих ожиданий от небес; я начинаю с того, что приписываю им величественную роль защитника, затем - ироничную роль сообщника и, наконец, - скромную роль читателя. Исчерпав и отбросив эти роли, я не найду иных судей или мерил, кроме собственного взгляда - отца надежд, прекраснейшая из которых рождается из небесного одиночества; земное одиночество сулит лишь ужас.

Человек был бы всемогущ, если бы его отчаяние было состоянием, способным длиться - Дж. Леопарди - *L'uomo sarebbe onnipotente, se potesse esser disperato tutta la sua vita*. К счастью, Бог снабдил нас иронией, чтобы мы вкладывали лучшее из себя в нашу слабость!

Мужество и борьба приветствуются при столкновении с проблемами отчаяния; для состязания с тайнами, ведущими к надежде, предпочтительнее утешение.

Для духа, неизбежно стремящегося к силе, любое страдание унизительно; оно может быть искупительным для души, склоняющейся перед нашими слабостями. Христианское утешение могло бы стать философским, если бы оно было обращено к безнадёжному настоящему, а не к полному надежд будущему.

Высший человек остаётся верен надежде - Еврипид. И даже принося е*ё* в жертву, он знает, что она - Феникс, и станет почитать ее среди пепла.

Эпикур близок к Благу, ибо страдает телом (он был очень болен), и к наслаждению души (рассудительной, мудрой), в то время как именно телесное наслаждение (в ослеплении чувств) и душевное страдание (перед лицом невоплотимости Блага) позволяляют нам открыть их и почитать.

Обычная надежда убаюкивает наивного, отчаяние держит мудреца начеку. *Несчастным служит утешением невозможность быть утешенными* - Сервантес - *A todos los desdichados sobra, a los cuales suele ser consuelo la imposibilidad de tenerle*. И худшим бедствием было бы отсутствие бедствий (Гёльдерлин). *Истина счастья рождается на фоне неудач* - К. Ясперс - *Die Wahrheit des Glücks entsteht auf dem Grunde des Scheiterns*. Отчаяние наивного - это уходящее счастье; надежда мудреца -

искусство смеяться над своими неудачами. *Несчастен тот, кто не умеет переносить свое несчастье* - Биант - отчаяние убийственно лишь тогда, когда недостаёт невесомых надежд.

Когда ты архитектор руин, здание не может называться «обещанием дохода», но лишь «бесполезным терзанием». *Книга, которая, разрушив всё, не разрушает самоё себя, терзала нас напрасно* - Чоран - *Un livre qui, après avoir tout démoli, ne se démolit pas lui-même, nous aura exaspérés en vain*.

Юность - чёткое и мелкое отчаяние и вера в прогресс (на оси ценностей, перевес шагов в направлении добра, по сравнению со злом); зрелость - смутная и благородная надежда и владение вечным возвратом того же самого (искусство, становясь жизнью, придаёт равной насыщенности всей оси). Широкая этика уступает место глубокой эстетике и высокой мистике.

Не следует пытаться победить отчаяние, чтобы затем безмятежно практиковать обретённую заново надежду. Ничто не может помешать духу придти к глубокому отчаянию, но в решающие моменты нужно уметь превратить дух в душу, которая одна способна слепо и божественно предаваться высокой надежде.

Метафизическое упование, о котором я здесь говорю, становится поистине прекрасным, когда оно подкреплено абсолютно физическим отчаянием, затрагивающим благородные, но невозвратимые ценности. Именно тогда, когда ни одна опора больше не позволяет бросить хотя бы

одну искру на тупиковое будущее - то есть когда лишь внутренний, безвозмездный и безответный нигилизм предлагает свои ресурсы моей музыке и сквозь внешнюю неясность являет неразборчивую кротость, - именно тогда надежда братается с моей тревогой, становится утешением и уверяет меня, что мои трепетания, затерянные для глаз и рассудка, несут смысл для души, возвышаясь над фактами, расчётами и даже страстями. Это упование не претендует на человеческую глубину, оно обитает в недосягаемой божественной выси.

Этюды по стечению обстоятельств - так понимали поэзию Вольтер и Валери. Натягивать время от времени лук и не бояться дойти до цели, не опустошая колчана. Главное - не в стрелах и не в мишенях, а в прикосновении к тугим тетивам и их верном натяжении. *Надежда - это летящая стрела, остающаяся на дне колчана* - Кьеркегор.

К чему мне глубина идей, не сопровождаемая высотой слов? К чему тяжесть содержания без изящества формы? Я мог бы оценить это, превратить в материю или продукт, но я не смог бы извлечь из этого музыку, которая одна способна удерживать меня в благородном состоянии надежды или отчаяния, в противоположность пресности или равнодушию.

Крохи ума достаточно, чтобы в конце любого пути прочитать отчаяние. Славный ум, действием или цинизмом, заглушает это отчаяние. Благородный ум открывает своего добрейшего союзника - душу, носительницу химер и вдохновительницу надежд, вне дорог, вне времени, вне самого желания, - внутреннюю ласку, то есть теплоту без подпитки и свет без источников.

Заботы моего известного «я» утихают благодаря смирению, фатализму или иронии; в утешении нуждается лишь мое неизвестное «я». *Страдание - призыв о помощи другого «я», стон мольбы об утешении* — Э. Левинас - *La souffrance : l'appel au secours de l'autre moi, le gémissement d'une demande de consolation*.

Большее знание сулит лишь большее отчаяние; но большая высота всегда означает большее страдание. *Чем выше существо, тем глубже должно быть его страдание* - Шопенгауэр - *Je höher ein Wesen ist, um so tiefer muss es das Leid empfinden* - это всегда тягость и никогда - благодать.

Если кто-то утешает тебя своей музыкой - словесной или духовной, - ты назовёшь его учителем. И поскольку боль никогда не покинет тебя, ты всегда будешь испытывать потребность в своём учителе. *Человек - это животное, нуждающееся в господине* - Кант - *Der Mensch ist ein Tier, das einen Herrn nötig hat* - только я бы добавил, что эта потребность проистекает из ангела, коим человек тоже является.

Следует избегать напыщенности пропастей и бездн как ложных утешений и раз и навсегда понять, что любое падение оседает в плоскости, в необратимом отчаянии. Именно в высоте нуждается истинное утешение в форме невесомой мечты.

Любое рациональное сосуществование реального и воображаемого ведет к отчаянию; надежда может родиться лишь из разрыва между ними. Либо ты будешь активен в реальном, освобождённом от воображаемого, в

овечьем спокойствии или алгоритмике робота, либо ты будешь утешен в мечте, устремлённой к небосводу и без горизонтов.

Чтобы понять, что надежда благородна лишь в своей пассивности, нужно испытывать активное отчаяние.

При дневном свете ясное отчаяние заливает мои глаза; ночная тьма пробуждает мой взгляд, и он раскалывается смутной, но прекрасной надеждой. Переставлять местами времена года - значит рождать недоносков. И раз уж истинное творение соткано из теней, говорить следует лишь сквозь ночь.

Мое существование состоит из двух частей: жить в реальном и мечтать в воображаемом, демократия разочарований и аристократия восторгов, неопровержимое отчаяние и призрачное упование, горизонты, слишком низкие для души, и небосводы, слишком высокие для ухода. Удерживаться в пустоте их пересечения; любое слияние их помыслов или желаний ведет к катастрофе разрушения смысла здравого или осквернению священного.

Единственное действие, избавляющее меня от Зла, - действие художественное, творчество. Разучиться творить - все равно что разучиться любить: худшее из страданий. *Страдание заключается в уменьшении способности действовать* - П. Рикёр - *La souffrance consiste dans la diminution de la puissance d'agir* - для любого другого типа действия это лишь тоска, и слабость там может стать источником счастья или благородства.

Душа стремится к блаженной амброзии, но дух примешивает к ней яд отчаяния. И поскольку страдание сопутствует любому животворному питью, мудрость заключалась бы в том, чтобы найти верную дозировку, превращающую яд в полезное лекарство.

Тот, кто не нуждается в утешении, - баран или робот. Как и тот, кто не трепещет при виде божественной красоты нашей планеты. *Утешения мировой гармонии вызывали во мне возмущение* - Бердяев. Возмущение, как и любое отрицание, - самая банальная форма современного конформизма.

Главной функцией интеллекта должно было стать смягчение натиска вполне реального отчаяния, пронзённого моим страданием и попранным Благом, и усиление воображаемого утешения, проистекающего из моего эстетического взгляда и творчества.

Чуткий и наделённый воображением человек всегда найдет высокую причину - тайную или открытую, - чтобы найти утешение. Лишь сытые посредственности хнычут по поводу своего бездонного и неизлечимого отчаяния. *Быть непоправимо несчастным - постыдно!* - Л. Шестов.

Они перечисляют несовершенства, промахи, ужасы мира (задача по силам любому глупцу) и делают вывод о его абсурдности, призывать возмущённую душу заменить дух, ставший сообщником худшего. То, что зовётся - жить фактами, которые тем не менее суть лишь библиотека сигналов, отнюдь не противостоящая чувствительности, умеющей превращать глаза реального во взгляд воображаемого.

Радости не выдерживают испытания вертикальностью: глубина сводит любую надежду к бездонному отчаянию, высота заставляет открывать источники слёз. *Нужно иметь высоко вознесённое сердце, чтобы лить определённые слёзы* - Шатобриан - *Il faut avoir le cœur placé haut, pour verser certaines larmes*.

Любой творец знает напор отчаяния, которого не в силах сдержать никакой авторитет - ни знание, ни власть, ни Бог. И тем не менее жажда утешения не угасает и находит свое эфемерное и скрытное удовлетворение в попытке наделить человеческое творение интенсивностью творения божественного, с которым оно в итоге сливается: *Какое утешение - представление Бога в становлении!* - Ницше - *Was für ein Trost in der Vorstellung eines werdenden Gottes liegt!*

Истина - препятствие, а не союзник в моём поиске утешений. В жизненных вопросах душа испытывает невозможную надежду там, где истина, подкреплённая рассудком, доказывает неминуемое отчаяние.

Легко быть смиренным, когда презираешь себя. Легко любить себя, когда ты горд. Но как отчаянно и почти невозможно - любить себя И БЫТЬ смиренным!

Мое утешение заключается в создании ангела красы мечтой о высоте или в самой мечте, там, где в реальности царят пустота, мрак и бездонное отчаяние. Подобно тому старцу, что утешал крестьянку, потерявшую ребёнка: Достоевский - *Не утешайся и плачь, только вспоминай, что*

сыночек твой - ангел - я и есть старец, и крестьянка, и мечта. И высота, оплакивающая своего мёртвого ребенка.

Лишь в отказе от неумолимого разума формулируется истинное утешение; следовательно, оно обязано своим рождением определенной форме безумия; альтернатива известна - хандрить в подлинном отчаянии. *Лучше вверить свою жизнь безумию, чем искать крюк, чтобы повеситься* - Эразм - *Satius stultitia vitam exigere, an trabem suspendio quaerere*.

Поэтическая чуткость заставляет нас размышлять об абсолютном инварианте нашего существования - трагической траектории всех наших прекрасных порывов, будь то сентиментальные, интеллектуальные или художественные. На любых дорогах наступает миг, когда никакая воля, никакое мужество, никакое действие уже не в силах избавить нас от сокрушительного ощущения краха, изнеможения, истощения, уплощения. Самое драматичное в таких случаях то, что рассудок понимает и одобряет этот спад, находя для него неопровержимые обоснования. Тут мы можем рассчитывать лишь на душу - робкую, иррациональную, капитулирующую, но благородную. Не поднимая глаз, она заставит нас выпрямить взгляд. Не опровергая отчаяние настоящее и прошлое, она затопляет нас... вневременными надеждами. Истине остается лишь нести свою тяжесть, тогда как неизъяснимому Благу и непостижимой Красоте надлежит даровать нам благодать.

Действие, сопутствующее надежде, либо обнажает в ней банальную нехватку, либо обрекает ее на еще более глубокое отчаяние, чем прежде. Б. Пастернак - *Надеяться и действовать - наша обязанность в несчастье*.

Долг должен уступить ценности и полагаться на несуществующее больше, чем на существующее.

О правильном распределении времён года между духом и душой: дух метит в осенний урожай и предается летнему труду; душа исходит из зимнего, отчаянного диагноза, чтобы предаться весенней надежде, тем более что к ней присоединяется пробуждённое сердце.

Чем больше знаешь, тем сильнее отчаиваешься; чем лучше не ведаешь, тем сильнее надеешься. Знание путей или принуждение начал.

Причины нашего отчаяния очевидны, фатальны, банальны, общи, отнюдь не случайны; надо быть глупцом, чтобы находить в их познании великую радость (Спиноза). Будучи все до единой горизонтальными, они могли хотя бы лучше подвести нас к вертикальности наших упований.

За надеждой, как я её вижу, нет ни рая, ни гордо поднятой головы, ни искупления вины, ни выравнивания дорог - есть лишь взгляд, умилённый, отчаянный, вечный - взгляд на недостижимое Благо и непостижимую Красоту. Взгляд, которому суждено угаснуть, но тени моего творчества стремятся продлить грандиозный свет Творца, сопровождавшего меня в этой страшной, но чудесной жизни. *Нет* выражает лишь мою земную обиду, *Да* свидетельствует о моём небесном почитании.

Истинное отчаяние проистекает из верной определённости, а не из скверного сомнения. Сомнение - источник скверных надежд. Сомнения и уверенности - дело рассудка; но именно душа с её мечтами и

головокружениями открывает нам благие надежды, лишённые рассудительности и обещаний.

Путь ясности ведет к отчаянию, к бездушию, к машине. Не солнце приносит утешение, а густой туман. *Туман предстаёт как утешение одиночки; он заполняет окружающую бездну* - В. Беньямин - *Der Nebel erscheint als Trost des Einsamen. Er erfüllt den Abgrund, der um ihn ist*.

Мое подлинное отчаяние - не враждебность судьбы и не слабость моих средств, влекущая за собой крушение, а медленное и неудержимое нисхождение того, что в юности моей мечты было великим, чистым, таинственным и благородным, - нисхождение к банальности, увяданию, ничтожности, серости.

Философская позиция: признать, что первая функция языка - поэтическая, и человеческое утешение должно опираться не на факты, а на мечты; поэт, принимающий это, поэтизирует в философском ключе. Философствовать метафорами ведет к тому же результату.

Чтобы молиться, забыться, успокоиться, нужны идолы; даже в одиночестве проявляются *idola specus* - *идолы Пещеры* (Ф. Бэкон), которые у философов превращаются в *idola theatri* - *идолы Театра*. Прочие довольствуются *idola tribus* - *идолами Племени*, или *idola fori* - *идолами Рынка*.

Два душевных состояния испытывают моё мужество или воображение - вопиющее отчаяние, доступное моему разуму, или беглая

надежда, увиденная моей душой. *Смирение бывает двух родов: одно коренится в отчаянии, другое преклоняется перед непобедимой надеждой* - Б. Расселл - *Resignation is of two sorts, one rooted in despair, the other in unconquerable hope*. Истинное мужество - превратить эту недоступность в великую надежду, в порыв к несуществующему!

Поиск утешений через собственные метафорические абстракции - таково философское призвание. Штатные философы лишены её и передают две профессорские занудности: пережёвывать речи древних или выставлять напоказ страсть к жизни, якобы противостоящую абстракциям духа. Но их жизнь - это жизнь благоустроенных книжных крыс. Красивая жизнь рождается лишь под пером поэта и, в особенности, поэта-философа. Непоэтам не следует ступать в пещеры философов.

Опьянение - земля уходит из-под ног; тоска - рушатся мои горизонты; головокружение - небосвод принимает мои мечты. Быть может, головокружение - единственное утешение, которое я могу подарить моим заблудшим ногам и слишком зорким глазам.

Бескрылый мудрец выбирает между сончасом и тоской; поэт окутывает мечтами первую и развивает в высоту вторую.

Трезвое искусство холодит ничтожностью описываемого им мира; иллюзия величия и благородное утешение могут прийти лишь от опьянения: *Опьянение искусством способнее всего завуалировать ужасы бездны* - Бодлер - *L'ivresse de l'art est plus apte à voiler les terreurs du gouffre*.

Душа, стряпающая эфемерные утешения, поворачивается спиной к истине; дух, преданный истине, ведёт лишь к неминуемому отчаянию. *Чувство не в силах превратить утешение в истину, а разум не преуспевает в обращении истины в утешение* - Унамуно - *El sentiment no logra convertir el consuelo en verdad, ni la razón tiene éxito en convertir la verdad en consuelo*.

Искусство есть мастерство владения языком, а жизнь - поиска утешений; эти две заботы точно соответствуют призванию хорошей философии. Б. Пастернак - *Философия должна быть скупою приправой к искусству и жизни*.

Почтальон моего упования должен быть несуществующим - подобно тому Ангелу, вестнику Благой Вести, этой мистификации, стирающей тем не менее столь многие пагубные очевидности.

Истинное утешение не устраняет неизбежного, неизлечимого страдания; оно делает сносным его сосуществование с порывом - пусть даже к угасшим звездам. *Сопоставь фатальность с сопротивлением фатальности - и ты познаешь удивительные высоты* - Р. Шар - *Juxtapose à la fatalité la résistance à la fatalité ; tu connaîtras d'étranges hauteurs* - сопротивление, примирённое со смирением, назовётся утешением.

Время вопиющего бедствия вспыхивает на форумах и пробуждает в тебе - зверя; ангел сопровождает твое одиночество, дабы утешить тебя прозрачным упованием.

В раю абсурдна надежда; в аду - отчаяние. И поскольку в реальной жизни (а не в грезящей) всё тяготеет к адским исходам, в ней следует развивать искусство утешения, абсурдное для глаз и спасительное для взгляда.

Жертвоприношения (как и верность) - всего лишь поступки, они не могут служить опорой для утешения, становящегося достоверным лишь тогда, когда оно отсылает нас к мечте. *В верности мы учимся тому, как никогда не быть утешенными* - Р. Шар - *Dans la fidélité, nous apprenons à n'être jamais consolés* - во вневременном, обители утешения, нет ни «никогда», ни «всегда».

Мудрец ищет утешения лишь в том, что лишено надежды. *От безвыходных бед он уже нашел лекарство* - Софокл, хотя это лекарство скорее наркотик или плацебо.

Под утешением я понимаю гармоничное согласие между далёкой тайной Блага и Красоты перед лицом близкой и убийственной проблемы Истины. Но возможно, иное утешение состоит в том, чтобы научиться жить невежественным смехом, не ведающим плача. *Искусство будет смехом интеллекта, как это сличалось у Платона, Моцарта, Стендаля* - Дж. Штайнер - *Art will be the laughter of intelligence, as it is in Plato, in Mozart, in Stendhal* - но оставим в покое интеллект...

Человек вообще - пустое понятие; универсализм имеет так много граней. Француз видит человека размышляющим, немец - вычисляющим,

русский - страдающим (он носит в себе гений искусства страдать). И поскольку, какова бы ни была человеческая траектория, в конце нас ждет страдание, русский - пожалуй, самый универсальный из людей. В. Соловьёв - *Почему умнейшие из европейцев искали утешения, надежды и души в России? Не потому ль, что русский ответ касается человека в целом?*

Отчаяние - продукт рассудка, а поскольку последний редко задерживается в России, там чаще встречаешь надежду - вечно смутную, вечно монументальную, вечно обманутую. Б. Шоу, возвращаясь из России: *Я покидаю эту страну надежды, чтобы вернуться в страны отчаяния - I leave this land of hope and return to the countries of despair* - даже не подозревал, до какой степени этот крик, восторженный и триумфальный, был на деле горьким и печальным юмором.

То, что прекраснодушные наблюдатели именуют в русских смирением и терпеливым страданием, оборачивается ленью и равнодушием, что повергает расстраивает просвещённого наблюдателя, вынужденного воображать там скрытые великие ценности, тогда как *некоторые ценности никогда не могли взрасти там, где нельзя страдать* - Валери - *certaines valeurs n'ont jamais pu grandir là où l'on ne peut souffrir.* У хамов лишь мелкие ценности - зависть, труд, праздники - полезны для рода человеческого.

В самые отчаянные моменты моего существования материнская жалость приносила мне ценнейшее облегчение, я переживал её как ласку, как утешение в подлинной жизни, той, что находится «не здесь». *Знают ли*

звёзды жалость? Мать - знает, и да будет она вознесена выше звёзд! — В. Розанов.

Безмятежность открытых, ищущих глаз ведёт к тревоге; беспокойство закрытых, находящих глаз сулит надежду.

Трагедия - в утрате интенсивности наших прекраснейших порывов. Возможны два подхода: смирение в одиночестве или изобретение ласк - скромных, сентиментальных, духовных, - которые ты расточаешь или получаешь. Л. Шестов - *Так как, рано или поздно, каждый человек осуждён быть непоправимо несчастным, то последнее слово философии - одиночество* - оно может оказаться лишь предпоследним, предшествующим надежде.

Отчаяние присутствует как в искусстве, так и в жизни; в искусстве его облагораживают пением, в жизни - смягчают лаской. Финальная ласка - лебединая песня.

Утешать - не значит возвращать страсть к проявлениям жизни, а вкус к начинаниям в мечте. *Бог посылает нам отчаяние, дабы пробудить в нас новую жизнь* - Г. Гессе - *Die Verzweiflung schickt uns Gott, um neues Leben in uns zu erwecken* - речь идет скорее о новой мечте.

Надежда проверяется опытным путём, а отчаяние доказывается; и раз уж я ставлю эмоцию выше истины, я ищу надежду даже ценой потеснённых истин. *Отчаяние более обманчиво, чем надежда* - Вовенарг - *Le désespoir est plus trompeur que l'espérance* - нужно быть круглым

дураком, чтобы надеяться, благодаря истинам. Философские истины слишком смехотворны, а жизненные - слишком ужасны.

У души, увы, нет собственного языка, поэтому писать за тебя, к несчастью, берётся дух. Одна из первых функций духа - ясность, все более глубокая и безнадёжная, в то время как душа погружается во всё более высокие тьмы, несущие надежду. *Лишь тёмные формулы позволяют надеяться, когда всё ясное - ужасно* - Valéry - *Seules, d'obscures formules permettent l'espoir, quand tout ce qui est clair est terrible*.

Смех обязательно ведёт к отчаянию; но у слёз всегда есть шанс нас утешить. Л. Шестов - *Кто умеет плакать, тот умеет и надеяться*.

Творить душой - значит избегать шума и издавать лишь музыку; жить по душе - значит искать утешения. Творить по духу - значит искать отточенный язык; жить по духу - значит страдать. *Всякая попытка жить по духу неизбежно ведет к отчаянию* - Г. Гессе - *Jeder Versuch, nach dem Geist zu leben, führt unfehlbar zur Verzweiflung*.

Прекрасная, пусть и эфемерная надежда открывает тебе двери рая - искусственного или подлинного. Мы знаем, пред каким входом Данте призывает оставить всякую надежду, даже хорошо рассчитанную. Не надеяться - значит не уметь/разучиться любить.

Прекрасная музыка лишь омрачает безутешных; она всегда - лишь неудачная попытка утешить; но она призывает тебя искать утешения не в отблесках света, а, быть может, в воспоминаниях о прекрасных тенях.

Сакральное и благородное суть дело души и представляет собой фундамент наших лучших надежд. Отчаяние - всегда банальность, к которой хочет привести нас дух, невежественный в отношении величия и гения.

Утешение - не в душевном покое, а в обретённой заново гордости пережитых некогда страстей, в порыве к угасшим звездам.

Дух объективно судит, душа творчески живёт, сердце субъективно страдает. Творец должен следовать за Чораном: *Наша способность жить есть функция заглушаемого нами отчаяния - Notre capacité à vivre est fonction du désespoir que nous étouffons*.

Все философы, равнодушные к поиску утешений, - люди бессердечные. У Ницше утешение - это устремление к сверхчеловеку, к божественному, к несуществующему в итоге, - самое благородное из утешений!

Благородные перья сеют надежду, которая способна расти лишь ввысь и которую возделывают лишь мечтатели. Вульгарные перья сеют стадное отчаяние, чтобы сгонять в плоскость всех, кто прозябает. Первые обращаются к одиночкам; вторые - в поисках эпигонов - к людям действия.

Они видят свое отчаяние в отсутствии/присутствии бесконечности, которую не умеют одухотворить. Бесконечность сытых и болтливых - не более чем пустая шутка. Единственная метафизическая бесконечность

кроется в расстоянии между Благом, обитающим в нашем сердце, и теми местами, куда наше действие хочет Его поместить. Наше величайшее несчастье - в угасании нашего взгляда, этого устремления к несуществующему, облекаемому нашим благородством, следуя по ступениям: память, тоска, надежда.

В утешении нуждается ослабленная жажда, а не отсутствие источников. Не ум, разверзающий бездны, вернёт тебе надежду, а душа, освобождающая твою звезду из застилающих ее туч. *В размышлении кроется неиссякаемый источник утешений* - Новалис - *Nachdenken enthält eine unendliche Quelle von Trost* - которые очень скоро окажутся пресными, тогда как утешение есть возвращение вкуса к жизни или мечте.

Ласка проистекает из слабости или надежды; можно ли вообразить ласку, рождённую силой или отчаянием?

Всегда есть прямые причины для отчаяния и нет ни одной - для надежды. И все же мудрость жизни заключалась бы в том, чтобы отчаиваться без последствий и надеяться без причины.

Парадоксально, но те, кто ищет душевного покоя, лишь рассуждают, и конечный итог их рассуждений - отчаяние - вполне их удовлетворяет. Те же, кому нужны трепет и дрожь, обретают их в диафановой надежде.

Мечта, питая твои лучшие жажды, заставляет брезжить надежду; реальность же, претендуя на утоление твоих желаний, лишь усиливает твое отчаяние. Р. Шар слишком оптимистичен: *Реальность порой утоляет*

надежду; именно поэтому надежда выживает - *Le réel quelquefois désaltère l’espérance ; c’est pourquoi l’espérance survit*.

Смягчать страдание звёздной мечтой, укреплять благородство словесной мудростью - таковы величайшие темы высокой философии. *Философия есть не что иное, как сострадание и мудрость* - Данте - *Filosofia non è altro che amistanza e sapienza*.

Нужные жалость и утешение могут быть обращены только к тебе самому, ибо тебе никогда не узнать истинных истоков чужих горестей. Ни у влюблённых, ни у друзей никогда не сходятся дороги, ведущие к боли или отчаянию.

Сомнение ума погружает тебя в глубину; сомнение сердца - в муки. *Любить - значит избегать сомнения, жить в очевидности сердца* — Г. Башляр - *Aimer, c'est échapper au doute, c'est vivre dans l'évidence du cœur* - любовь рождается в тревоге сомнений и выживает лишь благодаря нежности очевидностей.

Человек способен любить лишь то, что таинственно, - Бога, жизнь, женщину. Ни высокие радости, ни глубокие страдания не способны влюбить его в себя; своей удручающей ясностью они ведут его лишь к скуке.

Рано или поздно каждого человека захлёстывает отчаяние; посредственность реагирует на него делом или покорностью; мудрец же, или человек мечты, ищет надежду - раб или свободный человек. *Истинная*

свобода начинается по ту сторону отчаяния - Сартр - *La vraie liberté commence de l'autre côté du désespoir.*

Истинная надежда гнездится лишь в мечте; поэтому утратить всякую надежду - значит предаться голой реальности, то есть плоскости.

Энтузиазм позволяет жить нашими прекрасными слабостями; это противоположность ренановскому тезису: *Доктрины отчаяния порождают мощное пробуждение человеческих сил - Les doctrines désespérées produisent un grand éveil des forces humaines*.

Без надежды страдание - лишь мрачная пытка, а жизнь сводится к инертности, слепому случаю и скуке. Но надежда прорастает лишь в свободном человеке: *Забота о свободе мыслима лишь для существа, которое все еще живет надеждой* - А. Камю - *Le souci de liberté ne se conçoit que chez un être qui vit encore d'espoir.*

Тоска подстерегает того, кто слишком много смотрит на других; отчаяние селится в том, кто слишком пристально смотрит на себя самого. Когда эти две напасти сходятся в одном человеке, он превращается в нытика, ворчуна и брюзгу - короче говоря, становится столь же скучным, как и все остальные.

Знать - значит постигать *почему*; верить - значит доверяться *как*. Надежда - это верность своему неведомому «я»; отчаяние - это принесение его в жертву ради «я» познанного. Они дополняют друг друга, придавая рельефа жизни.

Реальное пребывает в плоскости и глубине; идеальное заполняет и плоскость и высоту. Именно на крайностях самое место нашему энтузиазму, в то время как плоскость - обитель наших отчаяний, отвращений и пессимизмов. Ошибка глупцов в том, что они живут энтузиазмом в плоскости и безразличием к вертикали.

Большинство тех, кто пытается разжалобить нас рассказами о своем отчаянии, всего лишь передают мелкие проблемы пищеварения, твёрдости и нервной системы. Создавать удачные полотна отчаяния удается лишь благополучным аристократам.

Кьеркегор, Достоевский, Ницше: столько истеричных срывов растут прямо из их собственной беспомощности. Экстаз, отчаяние, мистика - эти темы следовало бы оставить людям крепкого здоровья или донжуановской натуры.

В публичной сфере энтузиазм ведет к отчаянию; в сфере интимной - к лучезарной надежде.

Мгновения счастья - будь то сентиментального, творческого или грезящего свойства - следует помещать на недосягаемую для поступков и даже мыслей высоту. Тогда они послужат точками опоры для надежды в тот день, когда это счастье иссякнет. Высота защищает от разочарований, неизбежных для земной алчности.

Философия способна оправдать восхищение, но никогда - счастье; философия - это щит перед лицом несчастья. *Философия имеет ценность*

лишь перед лицом отчаяния - Т. Адорно - *Philosophie ist einzig noch im Angesicht der Verzweiflung zu verantworten*.

При физической беде, твёрдая вера может придать бодрости, но вряд ли - утешения. Утешение справляется только с нематериальной скорбью - с медленным увяданием наших страстных грёз.

В любом экстазе пессимист видит сублимированную тревогу; оптимист находит в любой тревоге повод для экстаза.

Терпение мешает нам трепетать - как в удушающем отчаянии, так и в светлом порыве надежды.

Вернуть надежду - вовсе не значит подсластить пилюлю; это значит привлечь внимание к золоту мечты и обойтись без пилюль реальности.

Медленное и неумолимое нарастание отчаяния в реальной жизни должно пробудить скрытную надежду - то есть утешение воспоминанием о тающей мечте. *Надежда - это движение души, свидетельствующее о глубочайшем отчаянии в отношении реального положения дел* — Ж. Бодрийяр - *L'espérance est un mouvement de l'âme qui témoigne du plus profond désespoir quant à l'état réel des choses*.

Изгнать реальность из круга своих забот - вот какой должна быть твоя первая реакция на отчаяние; отчаявшийся должен укрыться в мечте. *Избавиться от реальности - вот что исцеляет. Надежда навещает лишь безутешного* - Т. Адорно - *Das Tröstliche – dem Dasein sich abzutrotzen. Hoffnung ist am ehesten bei den Trostlosen*.

Ты подвластен отчаянию, поскольку редко покидаешь реальность - эту фабрику твоих бед. Твоё убежище - твои мечты, которые ты претворяешь в слова или ноты. *Мои партитуры рождаются из моих бедствий* - Бетховен - *Ich schreibe Noten aus Nöten*.

Глубочайшие переломы в наших душевных состояниях происходят на границах: тревога - на границе между психическим и реальным; надежда - между мечтой и пережитой явью. Мудрые и скучные люди не покидают тёпленького ядра окружающего однообразия и не смеют приближаться к границам.

Мудрость - это искусство знать, какому именно отчаянию мы должны принести утешение. Чем меньше думаешь о телесных язвах и чем глубже склоняешься над кровоточащими ранами мечты, тем ты мудрее.

Утешение - это не практическое лекарство от реального зла в настоящем, а волшебное пробуждение симптомов мимолетного счастья в прошлом.

Надо заполнить самые живые клетки нашей памяти следами наших прошлых восторженных состояний духа. Именно этими следами однажды придётся заполнить надвигающуюся пустоту настоящего, чтобы отдалиться от тревоги и обрести утешение.

Признание (социальное, интеллектуальное, сентиментальное) - фальшивое утешение, точно так же как скука (корпоративная, деловая, идейная) - фальшивое отчаяние; и то и другое - удел тех, кто засиживается на форумах. Нужно построить себе в эфире одинокую обитель наподобие

руин или башен из слоновой кости, чтобы заниматься там аскетизмом разума или буйством мечты.

Легче отречься от причин благодушия, чем от причин паники. Лучше замахиваться на то, что труднее, искать утешения в затуманенной высоте, чем искать доказательства в прозрачной глубине.

Верность ускользающим мечтам питает нашу надежду; жертвоприношение дел, выгодных в реальности, доказывает нашу свободу.

Зверь внутри тебя, никогда не покидающий реальность, тяготит и повергает в отчаяние; твой ангел, укрывшийся в мечте, - вестник надежды. *У каждого человека есть свой ангел, который следует за каждым его шагом, утешает и поддерживает его* - А. Франс - *Chaque homme a son ange, qui suit tous ses pas, qui le console et le soutient*.

Погружённые главным образом в реальность, люди поддаются отчаянию; даже Валери видел высшую цель художника в том, чтобы доводить до отчаяния. Обращённый к мечте прошлого, поэт обретает надежду настоящего.

Отчаянные миазмы могут исходить лишь от слишком пламенного сердца или чересчур ледяного ума, но никогда - от чистой и пылкой души. Но у кого еще осталась душа?

В душе безбожника, коим я являюсь, мечта занимает то место, которое верующий отводит раю, - убежище и конечную цель надежды. В уме же, где лютует реальность, расцветает отчаяние - преддверие ада.

Любое место было бы адом, не будь оно раем - К. Марлоу - *All places shall be hell that is not heaven*.

Все те, кто чертил маршруты спасения для услужливого человечества, кончали в тупиковых муках. Им стоило бы ограничиться одинокими утешениями, которые все до единого коренятся в твоих Началах, в твоём недвижном взгляде на твою недвижную звезду, в твоём недвижном порыве.

Укрытие в высоте позволяет предохранить себя от изгнания в пространстве (разлуки с родиной) и изгнания во времени (разлуки с эпохой). Дух - на горизонтах, душа - в поднебесье. Глаза цепенеют перед глубиной реальности; взгляд же порождает энтузиазм высокой мечты.

Поэзия - это волшебное утешение, подменяющее отвращение к реальности влечением к мечте, устрёмленной в воображаемое прошлое.

Ты должен заранее принять как данность, что человечество в любой его форме - будь то общество, орда или толпа - способно на любые ужасы, которыми нас с избытком потчует история. Поэтому любое разочарование в людях, за которым следуют негодование, презрение, самоубийства или ненависть, - это невежество и глупость слабых или потенциально стадных умов.

В свободной стране мелкие неурядицы вызывают столько шумных бунтов. В тирании же - даже посреди ужасных страданий - царит стыдливое молчание и раздаётся так мало жалоб. Коллективное несчастье

переживается свободно или раболепно провозглашается официальным счастьем.

К самоубийству должно подталкивать не неизбежное отчаяние в действительности, а угасшая надежда в мечте.

Над тобой простирается вовсе не то небо, что устрашает твой рассудок или ободряет твою душу. Чтобы повернуться к первому, ты должен поднять глаза; чтобы отдаться второй, ты должен поднять взгляд. Первый, страж темноты, углубляет твоё отчаяние; второй, обитель твоей звезды, возносит тебя к надежде.

Любое страдание взывает к надежде; и она может возродиться через посредство одной из стихий: воды Тантала для утоления твоей жажды, огня Прометея для накала твоего пламени, земли Антея для опоры перед лицом неба, воздуха Орфея для приближения к твоей звезде.

Все дороги, ведущие к отчаянию, - это протоптанные тропы, они составляют общий удел людей. Именно поэтому потеря иллюзий вовсе не трагична, она предательски-водевильна; их же невольное увядание - подлинная трагедия. К счастью, истинный трагический дух умеет возвращать надежду - ту мечту, что предотвращает соскальзывание в отчаяние и делает трагедию счастливой.

Неспособность ощутить чудесную тайну мира - это интеллектуальная слепота (в худшем случае - примитивный материализм), которая неизбежно ведет к отчаянию; в то время как восхищение этой тайной или даже благоговение перед ней - источник единственной,

мистической надежды. Уповающие живут началом всего высокого; слепые оплакивают финалы - непостижимые, плоские или абсурдные. *Наша душа носит в себе зародыши отчаяния в безверии, в бессмысленности целей и результатов* - В. Кандинский - *Unsere Seele birgt in sich Keime der Verzweiflung des Nichtglaubens, des Ziel- und Zwecklosen*.

Человеческая тревога столь фатальна, а психика столь податлива, что любые шарлатанские учения способны так легко её поглотить, подчинить и... принести облегчение! Деревенщине достаточно религии, посредственности - психоанализа, образованному человеку - системной философии.

В политике любой приступ теоретического неба (К. Маркс) начинается с практического, кровавого и грубого сваливания в ад, прежде чем растечься в плоскости убожества.

Напрасно противопоставляют надежду отчаянию: второе бьётся в реальности, первая поёт в мечте. Два толкователя, столь часто противостоящих друг другу, - дух и душа.

Подобно тому как взгляд дополняет глаза, мечта сопутствует жизни. Глаза без творения подобны жизни без утешения; созидающий взгляд должен обрести утешение в мечте.

Состояние духа, наиболее действенное против отчаяния, я назвал бы учёным невежеством. Чем больше ты занят универсальными знаниями или собственным выживанием, тем уязвимее ты будешь перед лицом экзистенциальной тревоги.

Желание нацелено на состояние вещей или идей, а надежда - на состояние души; первое требует действия, вторая - мечты. Поскольку любое действие несет в себе долю Зла, путь, берущий начало в желании, ведет к отчаянию; любая мечта как зов непереводимого и недостижимого Блага может жить лишь нематериальной напряжённостью.

Первые мечты, рождённые оптимистической надеждой, взывают к жертвам во имя второстепенного; последние мечты, возрождающиеся в отчаяном пессимизме, вдохновляют на верность главному.

Боль

Страдания, которым я сочувствую больше всего, - суть изъяны мечты: нехватка слуха (слова теряются), нехватка губ (слова не складываются), нехватка взгляда (слова не взлетают). Танец образов именуется мечтой, их пешее шествие - бодрствованием. Именно грёзы порождают страдание (а не наоборот, как считал Л. Арагон - *la souffrance enfante des songes*); бодрствование делает его безжизненным или безболезненным.

У боли есть свои источники. Разгляди в них свое отражение, но не взбудораживай их и, тем более, из них не пей. *Острейшая из болей - та, причиной которой являешься ты сам* - Софокл.

Фонтан несбыточного утоления - это увековечение благородного принуждения, подобного абсурдному замыслу Сизифа.

Боль - в выставленной напоказ клетке, в тесной темнице или в бескрайнем одиночестве. Я познал их все и до сих пор не знаю, какая из них опустошительнее.

Лучшее в нас не имеет ни языка, ни вещателя, ни силы - это страшное открытие лежит в источнике подлинного страдания. Общаться с небом лишь посредством нашей кожи (а дух и язык суть её клеток) - словно Бог есть не словоохотливая любовь, а безмолвное страдание.

Страдание в позитиве или в негативе: острое чувство, облачённое в слова или взгляды и не пробуждающее никакого сочувствия; тупой жест, плод случая и равнодушия, навлекающий на меня окончательные ярлыки.

Сердце расширяется лишь под лезвием страдания. Игла желания его углубляет, тиски одиночества - возвышают. Счастье - это ни отсутствие желаний, ни утолённое желание, но само желание.

Боль должна писаться симпатическими чернилами; под вновь обретшимся светом должны угадываться её черты и характеры без единого разлома.

Жизнь лучше всего орошается слезами. На заре, в юности. В сумерках же наступит очередь пота - горячего или холодного - или, что еще лучше, чернил: эмфатических или симпатических.

Чего стоит взгляд перед лицом раны, шрама? - Удвоить вопль? Забинтовать рану? К книге-боли, книге-шраму всегда необходимо добавлять книгу-взгляд. *Каковы глаза, таково и тело* - Гиппократ.

Страх порождается вовсе не осмысленной ценностью жизни. Само существование этого цепкого страха подсказывает цену жизни спорной, не понятой до конца.

Боль не делает человека ни лучше, ни глубже, но она оставляет нам свободный выбор между предельной высотой и предельной низостью. И низость так часто похожа на глубину: *Лишь крайняя боль принуждает нас*

спуститься в нашу последнюю глубину - Ницше - *Erst der grosse Schmerz zwingt uns in unsre letzte Tiefe*. Как же дорого мне другое, противоположное прибежище: *Давайте страдать, но страдать на вершинах!* - Гюго - *Souffrons, mais souffrons sur les cimes !*

Сначала начинаешь верить, что наши несчастья обусловлены случайностями и что внешняя логика приведёт нас к радости. Позже начинаешь верить в слепую судьбу. В конце концов понимаешь, что именно наша сущность несет в себе счастье или несчастье как завершение воли, в высоте, заданной верой. И мы бываем счастливы или несчастны в зависимости от высоты нашего взгляда, а не от встреченных на пути предметов.

Мои мечты никогда не держались на ногах, и мои руины - вовсе не руины идеалов (в которых барахтался молодой Чоран), они суть единственный футляр, укрытый от аппетитов мелочного обывателя - тебя, самодовольного или рассудочного. Я предпочитаю привычку к своим руинам вот этому: *Живут в руинах собственных привычек* - Ж. Кокто - *Ils vivent dans des ruines de leurs habitudes*.

Слово *страдание* некогда подходило лишь возрасту Вертера с его слабым сердцем. Сегодня оно сочетается лишь с третьим возрастом с его изношенным мотором.

Ребёнок не нуждается в утешении, именно поэтому утешение делает его буквально счастливым, то есть наслаждающимся бесполезным. Я должен поступать так же со своей книгой. И встреча между ними (и *liberi*, и *libri*!) стала бы моим идеалом!

Страдание - это бессвязность. Я пытаюсь заполнить этот разлад музыкальным словом. Рана от этого, как правило, лишь зияет пуще прежнего, но окружающие запоминают лишь новую мелодию. Ту самую, что способна молвить: *Ты переполняешь меня, как кровь свежую рану* — Г. Бенн - *du füllst mich an wie Blut die frische Wunde*.

Перед лицом несчастья, сводящегося к жалкой покупательной способности, у меня иссякает сочувствие, ибо я заранее знаю: лучшее лекарство кроется в большем стяжательстве и в механизации общества. Я восприимчив лишь к несчастью немощи жить (своей) мечтой и необходимости скрывать свой стыд. У реальности и мечты нет общих подобластей; когда они взаимодействуют как сообщающиеся сосуды (чем больнее ранит меня реальность, тем крепче выходит мечта), мечта эта - убога, пусть даже сильна.

Поддерживать в неприкосновенности безотказное уныние, умножать знаки заброшенности, не распускаться в погоне за деморализующей праздностью.

Именно слабость слуха или бледность нашего слова, а вовсе не стыдливость объясняют немоту нашего страдания. Лишь на той высоте, на которой звучат наши стоны, страдание обретает священность.

Следует признать, что страдаешь ты чаще всего не оттого, что тебя не понимают или что ты ты вписываешься в их ряды, а просто-напросто из-за обыденного невезения. Особенно с тех пор, как в царстве машин каждое бросание кубиков запрограммировано.

О мои неприкасаемые мечты, сумерки коснулись вас, и рассвету нечего в вас рассеивать.

Нынче нет толку быть в ударе, нужно быть везунчиком; над тем, кто мается, смеются, а в чести - те, кто устроился со всеми удобствами.

Всё счастье сводится к своему источнику, который в лучшем случае по-волшебному скрыт. Глупец быстро мутит его, мудрец же превращает в недоступный ключ, поддерживающий его жажду. Любовь возникает из этой жажды, которая и есть самый подлинный источник любви. В страдании же источник неважен: глупец видит его в своём окружении, на коего и изливает свою жёлчь; мудрец - в проявлении собственной хрупкости и все укоры обращает самому себе.

Без боли, воспеваемой в песнях, и без тупиков, из которых надо искать выхода, нет поэта. Не умея отыскать неподдельное страдание, сегодняшний поэт принимается вынюхивать бессвязную ложь - чьи-то козни, наваждения, злоупотребления. Тогда как вполне реальная, но пресная истина простирается до горизонта: *Существуют истины, само доказательство которых свидетельствует об отсутствии ума* - К. Краус - *Es gibt Wahrheiten, durch deren Entdeckung man beweisen kann, daß man keinen Geist hat*. Журналистика - это жуткое завершение и угасание всех поэтических порывов, оживлявших три тысячи лет мечтаний.

Беглый сирота, я не раз был близок к тому, чтобы, подобно многим моим сородичам, подохнуть от голода, холода или от рук каторжан и разбойников, среди которых я родился. Но в невесёлый скрип моих

сегодняшних слов, та ледяная эпоха не внесла и сотой доли того, что, много позже, принесла теплота сытых блюстителей общественного порядка.

Сиротский дом, нищета, голод, холод, насилие, дикость - столько невзгод, прожитых воочию, в самой плоти, мешают мне изобретать их в воображении! Прекрасное имя страдания применимо лишь к нашей чувствительности - нематериальной, вневременной, призрачной.

Как бы блеск глаз ни взывал к изначальному ликованию рая, нам необходима их соль, дабы напоминать о финальном обещании ада. *Никто не возносится на небеса с сухими глазами* - английская пословица - *No coming to heaven with dry eyes*.

Поражение - наш общий удел, оно составляет самую основу нашего бытия. Три способа обращения с этой напастью: хандрить над ней (бараны), анализировать ее (роботы), отбрасывать на мрак её истока светозарный блеск наших форм (поэты).

Моя жалкость открыта перед моим сердцем, и мое милосердие не несёт ему ничего кроме меня самого. Когда ты Орфей по представлению, ты становишься Нарциссом по толкованию. *Невозможность для художника - изобразить милосердие* - Кьеркегор.

В конечном счёте, причина любого реального страдания или наслаждения с лёгкостью сводится к чепухе, недоразумению, промаху. В них не сыщешь ничего, что стоило бы восхищения или желания, что опровергает стоицизм. И если трагический рассказ трогает нас, то лишь

благодаря стоящему за ним прекрасному вымыслу; не причинная глубина, а словесная высота облагораживает раны. *Лёгкая боль словоречива, глубокая - безмолвна* - Сенека - *Curae leves loquuntur, ingentes stupent*.

Глыба машинного разума подавила науку и искусство; Чтобы коснуться наших душ, дыханию Бога осталась лишь одна *отдушина* (*le trou* - С. Вейль) - человеческое страдание. Им измеряют свою глубину Любовь и красота. М. Ростропович - *Страдание, в искусстве, - необходимо* - но привносящая высоту благодать дополняет высотой глубину палитры художника.

Истинное страдание несовместимо с воздетой к небесам рукой или обширной ареной: *Страдать - значит претерпевать* - Э. Левинас - *souffrir est un pâtir pur.* Такому страданию подобало бы обитать в высокой башне из слоновой кости с глубоким подпольем; навещаемая призраками прошлого, она превратилась бы в руины будущего.

Порой кровоточащая очевидность терний позволяет нам обнаружить тайную или распускающуюся розу. Ремесло, теряющее былую доходность: собиратель терний, *arbiter elegantiarum - Один собирает терни, другой - розы - Hic spinas colligit, ille rosas*.

Да, я разделяю их уверенность, что, один против всех, ты не можешь быть прав, но тут же меня доконает горькое размышление: мало того, что ты, наверное, не первейший, но ведь, к тому же, с твоим копьём не скрещивалось ни одно другое. И в конце концов я создам собственную арену, которая за неимением павлиньих перьев и дам будет всё больше походить на руину.

Живописать несчастье, как зануда? Язвить над ним, как шут? Разыгрывать его, как актер? Соединив эти три дара, я получаю единственное долговечное лекарство - иронию.

Тот, кто барахтается в пресности буден, видіт в жизни одну безрадостность; величие жизни - чётко и ясно - усматривают лишь те, кто брошен в горнило страдания. Пирронисты и Паскаль видят и то, и другое одновременно, что делает их чистейшими софистами.

В жизни бедность и страдание всегда развращают; в искусстве они избавляют нас от скуки и гордыни. Хороший художник должен голодать или, по меньшей мере, уметь вызывать жажду и поддерживать её.

Мой взгляд предан выси; но я не могу ни достичь её, ни вынести то, что она мне отбрасывает, - в этом двоякий источник страдания.

Созревание вкуса почти не влияет на нашу способность к счастью. Зато наше несчастье открывает в зрелом вкусе столько бездонных источников.

Шаги (первый, промежуточный, последний) совершаются по соответствующим шкалам: удовольствие - боль, экстаз - страдание, рай - ад. Со смирением первой следовать второй, метя в третью!

Сладострастие - это возвышенное искусство заставлять ощущать глубокую тяжесть и высокую благодать, оставаясь при этом на поверхности. Между тем как я не в состоянии вообразить высокое

страдание; точно так же я помещаю радость только на высоте, и никогда - в глубине. И Ницше: *Сладострастие глубже даже сердечной боли - Lust ist tiefer noch als Herzeleid* - справедливо остаётся с воображаемой проекцией, а не с реальным оригиналом. В другом месте он еще точнее: *Людей можно классифицировать по глубине, до которой способно дойти их страдание - die Rangordnung, wie tief Menschen leiden können*, но высота их радостей различает их гораздо острей.

Слёзы реальности, оружие воображения, чары языка - высота, глубина, обширность - полноценная жизнь есть движение, туда и обратно, в этих трех измерениях, отмеченное проекциями: на нашу плоскость, на твои стрелы, на мои точки.

Неопределяемая боль, худшее из страданий, проистекает из неведомого источника, затопляет меня стыдом, изливается в застойную недвижность, и я теряю почву под ногами. Мои гордые руины мельчают и оказываются жалкими развалинами.

В любом писательстве угадывается место письма, архитектурный стиль его обители. Письмо руин оживляет укрощённое прошлое, где оно восстанавливает башни из слоновой кости. Оно сознаёт финальную тризну любого здания, посвящённого величию; оно насмехается над нашими стенами, дверьми, окнами и даже над нашими подпольями.

Я познал на собственной шкуре все формы страдания, поддающиеся красноречию чувствительных перьев, и признаю, что эти страдания не внесли почти ничего в глубину моих заметок . Именно тому, чего мы никогда не переживали - например, нашим грёзам, - мы обязаны своей

сутью. *Наш характер определяется скорее нехваткой определенных переживаний, нежели реальным опытом* - Ницше - *Unser Charakter wird noch mehr durch den Mangel gewisser Erlebnise als durch das, was man erlebt, bestimmt*.

Перед лицом боли философы познания либо пытаются убедить меня, что я вовсе не страдую, либо подносят терапию шоком или обезболиванием. Философы страдания призывают меня прожить его сполна, в музыке - будь то погребальной или развесёлой. А. Герцен - *Мы не врачи, мы боль* - становится понятно, почему Ницше, потеряв рассудок, возомнил себя А. Герценом.

Мудрецы куда сильнее подвержены страданиям, чем глупцы; первые, храня тайну, живут среди изобретаемых ими проблем, а вторые - прозябают среди решений, доставляемых другими. *Боль - всегда вопрос, а удовольствие - ответ* - Валери - *La douleur est toujours question et le plaisir - réponse*.

Две главные человеческие потребности - живописать или ныть. Когда не умеешь живописать, живописуешь лишь хныча; когда не хочешь хныкать, хнычешь лишь живописуя.

Культ поддержания напряжения: не видеть ни в счастье, ни в страданиях ничего окончательного, переживать их встречу на такой высоте, где их схватывает одно головокружение.

Слуга идей и хозяин слов - такова поза поэта, и он непременно несчастен, поскольку *счастье - в середине, не в слуге, не в господине* —

Ж. Баиф - *bonheur gît en médiocrité, ne veut ni maître ni valet*, и *Поэту не дозволено быть посредственным* - Гораций - *mediocribus esse poetis non concessere*. Меч или цепи - культура железа, с которой плохо уживается aurea mediocritas.

Где, в диаде *phusis - logos* (этих двух единственных субстанциях подвижной реальности) поместить трепет? В материи, тронутой духом, или в духе, терзаемом материей? *Где искать реальное? Нигде, кроме как в гамме эмоций* - Чоран - *Où chercher le réel ? Nulle part, si ce n'est dans la gamme des émotions*.

Боль - поистине наше шестое чувство, но каждый помещает её орган там, где чувствует себя наиболее уязвимым: в ненасытном тщеславии, в непостоянной любви, в неукротимой душе, в расчётливом мозгу.

Доброе, великое, истинное будят понятные и выверенные страсти, прекрасное же повергает нас в противоречивое состояние. Прекрасное вызывает ужас, головокружение и смешанное с болью удовольствие. *Оно отводит далеко от блага; прекрасное принадлежит взгляду* - Плотин - а мы живём нашими глазами без головокружения. Даже самое утончённое удовольствие рождается из ограничений: *Следует искать не всякое удовольствие, а лишь то, что метит в прекрасное* - Демокрит.

Природа страдания функционально обусловлена нашей вертикальностью: у славных пахарей оно рассеивается в бескрайней поверхности; у сильных умов оно глубоко, то есть имеет веские основы; оно бьётся, подобно всякой высоте, доступной одним ангелам, этим вырванным с корнем скитальцам земли. Наивно полагать, будто *причина*

страдания - *невежество* - Далай-лама - поскольку счастье, знание или крылья способны сместить место наших терзаний, но отнюдь не их размах.

Страдание, отсылая нас к первоисточникам, напоминает нам подспорья осей: к глубине начал, к протяжённости средств, к высоте принуждений; любое движение начинает восприниматься как первородное, что порождает иллюзию, будто для понимания необходимо страдать.

Плакать про себя помогает проглотить собственный стыд - стыд за слёзы, которые ты не пролил. *Богу ведомо, что никогда не нужно стыдиться наших слёз* - Ч. Диккенс - *God knows that we need never be ashamed of our tears*.

Пока удовольствие, то есть ласка, щекочет мои чувства или разум, я не нуждаюсь в философии; ни одна философская речь не приближает меня к наслаждению, она скорее обезболивает, нежели возбуждает; гедонистическая философия - сплошная бутафория.

Чем выше моё удовольствие, тем глубже будет мое страдание, привносимое в мое существование роковым, непостижимым и страшным равновесием человеческой природы. И исчезновение благородного страдания у людей объясняется серостью их радостей. *Лёгким удовольствиям - лёгкие страдания; огромному счастью - неслыханные беды* - Бальзак - *Aux légers plaisirs, légères souffrance ; aux immenses bonheurs, des maux inouïs*.

Философ может быть терапевтом неизлечимого или аналитиком невыразимого; он может научить нас воспевать здравие несчастья,

живописать невидимое благополучие вместо того, чтобы заявлять о банальном - вот мудрые ограничения! Пусть другие предаются глупому проекту исцеления или врачевания второстепенного, философ должен остановиться на утешении существенного.

Вопреки или благодаря свирепости остготов, гестапо или НКВД узнали мы *Утешение философией* Боэция, *Смерть Вергилия* Г. Броха, *Архипелаг* Солженицына?

Насколько серьёзность в конце концов разрушает всякое счастье, настолько же она полезна перед лицом страдания. Блаженство - это улыбчивая благодать; утешение - мрачная тяжесть. Ирония защищает счастье, но оскверняет страдание. Но анти-ирония (провозглашение пыткой того, что является лишь досадной неприятностью) - ещё хуже; она - тяжёлая неуклюжесть скептиков.

Паскаль был, пожалуй, единственным за всю историю, кто обладал одновременно и добрыми глазами, и добрым взглядом, духом утонченным и духом геометрическим, которые обычно исключают друг друга и проявляются лишь при нежданной встрече интеллекта со страданием.

Счастье, пусть даже полностью вымышленное, заставляет нас ощущать наше божественное Начало, но вполне реальное страдание тут же напоминает нам о начале человеческом. Цветаева - *Богом становишься через радость, человеком через страдание*.

Несчастье - это объяснимый факт; страдание же - тайна, наравне с благом: сомнительные истоки, смутные доводы, бедственные финалы.

Искусство - ремесло безжалостное, ибо оно возвышает нас от животного несчастья до божественного страдания. Шарлатаны куда полезнее для общественного здравия: *Вершина того, до чего может дойти человек, - это свести свое истерическое бедствие к обычному несчастью* - З. Фрейд - *Das Beste, was man erreichen könne, sei - das hysterische Elend auf das allgemeine Unglück zurückzuschrauben*.

На фоне монументального успеха мира живописать в миниатюре форму моих бедствий; в позе побеждённого победить торжествующий мир. Самый благодатный материал для озвучивания моей музыки высоты - тишина падений; даже если я не нахожу руин под рукой, их следует изобрести, чтобы полюбить их голые стены, полупрозрачные крыши и загадочную акустику.

Любая мысль о жизни обязательно превращается в яд. Три возможные реакции: больше не прикасаться к этой мысли (прозаики), изобретать себе обезболивающие противоядия (мудрецы), вкушать её (поэты), вводя под кожу в художественных дозах, дабы превратить эту мысль в безобидный возбудитель.

Счастье - дитя рассудка; именно поэтому в этом роботизированном и бездушном мире ликование бушует в иссушённых краях, забывших о слезах. *Было бы сердце, а печали найдутся* - В. Ключевский.

Музыка - единственная поэтическая форма, в которой величайшее счастье переживается с ощущением величайшего краха: блаженство, тонущее в слезах, сковывающее порыв. Несчастье, пережитое в музыке, становится трагедией, возвышающей сердца. *Кто любит музыку, тот*

никогда не сможет быть до конца несчастным - Ф. Шуберт - *Wer die Musik liebt, kann nie ganz unglücklich werden*.

Страдание всегда искривляет наш плавный уклад, но часто оказывает благотворное или иконокластное влияние на форму наших растрёпанных грёз. *Страдание надломило и согнуло меня, но лишь затем, чтобы придать мне лучшую форму* - Ч. Диккенс - Suffering: I have been bent and broken, but into a better shape.

Страдание чаще оскверняется метафорами, нежели освящается какими-то риторическими формулами. Маркиз де А. Кюстин, мастак по части словесных безделушек, путал страдание даже с дидактикой: *У русских есть привычка, но нет опыта несчастья - Les Russes ont l'habitude et non l'expérience du malheur* - однако же русские чертовски преуспевают в счастье, вовсе им не владея.

Счастье - это ощущение полезности моих крыльев: *Наше счастье всегда в полёте. У него нет гнезда, одни лишь крылья* - П. Элюар - *Notre bonheur est toujours en vol. Il n'a pas de nid, seulement des ailes*.

Между тем в уютно обустроенных гнёздах вылупляются рептилии несчастья. Одним - мудрость и высота, другим - судьба.

Человеческое нутро принадлежит к числу тех несуществующих вещей, которые содержат наши лучшие трепеты; их внешние волны превращаются в человеческое тепло или артистическую музыку. *Человек начинается там, где, излучая радость вокруг себя, внутри он принимает страдание* - М. Пришвин.

Все страдают от несоответствия необъятной воли и скудной мощи. От этого легко избавиться, когда поймёшь, что воля и есть мощь: до тех пор, пока хочешь страстно, можешь виртуально.

Душа заселяет тело: жилец не ведает возраста; стареет лишь жилище. Возраст - это место, отводимое окнам, крыше, стенам. Глаза юноши всматриваются в прохудившуюся крышу; старик, запертый в стенах, цепляется за дверь.

Величайшее утешение заключается не в том, чтобы утирать слезы, не в том, чтобы осушать их и не в том, чтобы иссушать их источник, а в том, чтобы делать их священными.

Древо боли, пуще горы или неба, помогает постичь вертикаль: с болью у корней и счастьем в цветах наши взоры оказываются обращены ввысь.

Сердца продолжают биться, души продолжают страдать, но внимание людей сводится лишь к измерению их частот и к включению анестезии: музыка отныне принадлежит к разряду внешнего шума, а боль числится по ведомству профессиональных или семейных неприятностей.

Счастье - вопрос лёгких уверенностей; именно поэтому счастливая нечисть плодится повсеместно, тогда как страдание метит чело и душу того редкого человека, который не ведает мостиков между мечтаемым благом и благом совершённым. *Когда не поймёшь, добрый ли человек или злой, можно смело сказать, что он - несчастный* - В. Ключевский.

Благо и наслаждение вовсе не апофатичны и ничем не обязаны обучению Злу или страданию. Радость, как и благо, застилает наш фон, то неведомое «я», без прямой связи с болью или делом - тот таинственный источник, не постигаемый ни проблемой страдания, ни её разрешением в деле (а ведь именно дело и есть Зло).

Страдание, дабы вести к счастью, должно быть облечено в священные образы, а не развиваться в притворных причинах: священничество тут ценнее учительства. Ничто не учит ни страдать, ни быть счастливым - их обретают, не ища.

Какое наслаждение для творца ощущать тайный источник своих лучших находок - в самом себе или, что ещё лучше, в своем неведомом «я»! Это осознание посещает меня между ночью моей звезды и днём моего дела, на рубеже между порывом и стыдом. Днём или ночью - человек страдает: *Какое жгучее наказание - носить самого себя день и ночь, как собственного свидетеля* - Ювенал - *Poena vehemens, nocte dieque suum gestare in pectore testem*.

Форма есть радость; любое же содержание оборачивается страданием - так не лучше ли придать страданию словесную форму, дабы моя звезда отражалась и читалась и в моих чернилах и в моей слезе?

Наука занимается тем, что изыскивает решения; вокруг языка и страдания сосредотачиваются проблемы, хотя любое их решение остаётся призрачным и временным. И именно эти две сферы предаются истинной философии, источая метафоры и утешения. Философия находит в них не

истину, но благо и красоту. Те, кто этого не понимает, повторят вслед за Г. Галилеем: *Preferisco trovare il vero di una cosa minima che dissertare dei massimi sistemi senza fondamenti - Предпочитаю найти истину в самой малости, нежели рассуждать о великих системах без основания* - великие вещи ценны своими вершинами, малое же довольствуется корнями.

Прекрасное и ужасное, не умея ужиться вместе, чередуются, сменяют друг друга и питаются взаимным притяжением. Есть время живописать и время хныкать. Если же я попытаюсь делать и то, и другое, я буду обезображен, *изъязвлён скорбью - этой язвой красоты* - Шекспир - *stain'd with grief, - that's beauty's canker.*

Чехов полагал, что *счастье было бы невозможно без молчания несчастных*. В нынешнем медийном галдёже мы расслышали, что ничто из заслуживающего сострадания не было сокрыто этим благотворным молчанием. Отсюда - распложение сытых несчастных и счастливых одиночек. Последние вкушают тишину - сию привилегию аристократов.

Сверхчеловек - это тот, чьё согласие с жизнью не омрачено никаким страданием, а чувство - свободно от всякой обидчивости.

Мы все сходимся в том, что не в силах нести всё горе мира. Но из этого, одни обретают стыд, а иные - мудрость. Эта мудрость приняла масштабы эпидемии или мутации. В этом кроется исток угасания всех разновидностей жалости.

Нелепость их поисков мудрости, как наивысшей мишени философии, наводит меня на мысль, что быть мудрецом - значит не вешаться, несмотря

на соблазны, значит пытаться выложить свою жизнь в прекрасных метафорах: словесных, дельных или сентиментальных. И в самом деле, мы вновь находим здесь те самые два предмета, что лишь и достойны философской речи, - утешение и язык.

Почему нежность - эта частица моего тела и сердца - пробуждает в памяти пламя жертвенных даров? Да потому, что она рождается из огня поражения, коим меня клеймит другая часть моего тела и сердца, преданная на поругание, на стыд. И поскольку социальный успех сделался всеобщей манией, нежность впервые в истории исчезла из всех сфер, где у ума был шанс преобразиться в душу.

Разочарованиям подобало бы поражать лишь рассудок и оставлять нетронутыми примиряющие экстазы души. Всё проистекающее из разочарований покидает пределы лирического и водворяется в механическом. Если я разочарован даже в призрачном, значит, я дурно грезил.

Каждому элементу - свой тип поражения: падение - для земли, самопожертвование - для огня, тяжесть - для воздуха, утопление - для воды. Им и спасение своё присуще. В воде, к примеру, спасаются лишь хватаясь за соломинку. Всё, что плавает или отяжеляет, - топит.

Мне нет дела до их писательских страданий! Единственное, что я ценю в своих заметках, - это боязнь перед призраком скуки, стекающей с моих страниц. Страдать в кабинетах, *зевать на кресте* - Чоран - *bâiller sur la croix* - две современные напасти. Их мания: купаться в мнимом страдании посреди вполне реального мирного жития. И подумать только: в

предыдущие века усердствовали в изобретении мнимой сладости, посреди страданий вполне реальных! Писательство - чистое наслаждение, когда владеешь своим предметом. Даже собственному бессилию можно придать пронзительную тональность.

Духовная победа над страданием или посредством него - оба эти пути к христианскому спасению одинаково тщетны: первый - по причине средства (усмирять страдание подобает душе, а не духу), второй - по причине невозможной цели (страдание унимается лишь смирением). В страдании следует видеть божественное принуждение, помогающее обратить наши лучшие взгляды к мечте, а не к реальности.

Они находят, что гений, благодаря своему безупречному вкусу, - это и есть само здоровье. Гений, безусловно, никогда не заразителен; он заключается в новых способах врачевания старых ран. Вкус же - в выборе ран наиболее глубоких.

Чем выше подымаются мои отвращения и мои страдания, тем легче я изрекаю гордое «Да» жизни, поскольку все оси ценностей горизонтальны; вертикальны лишь мой вкус и мой взгляд, то есть мой талант и моё творчество.

Вопреки причитаниям неженок, страдание вовсе не возвышает нас - оно сокрушает, унижает или одурманивает. *Ось «действовать - претерпевать» пересекает перпендикулярно ось «я - другой»* - П. Рикёр - *L'axe de l'agir-pâtir recoupe perpendiculairement l'axe soi-autrui* - пересечение это обычно происходит на плоскости. Лишь восходящая ось от известного «я» к неизвестному сулит вертикаль.

Высшая мудрость - позволить увлечь себя в небеса тем, что лишено земного веса. Искусство небесного утешения в безвыходных земных ситуациях.

Человек плачевно сводится к своей коммуникативной функции: он излучает всё больше сигналов (описательных и аргументативных) и всё меньше симптомов (целительных или болезненных).

Сколь жалки и наивны те провозглашения философов, что видят в страсти к познанию мотив своих упражнений! Я усмотрел бы его скорее в желании ласкать: ласкать с кроткой жалостью - человеческое страдание и ласкать с гордым стилем - язык открытия мира.

Страдание гнездится в глубине, а счастье селится в высоте; дабы их уравновесить, надлежит снабдить их, соответственно, высокой жалостью и глубокой иронией.

В банальной жизни тело страдает, разум вычисляет, душа дремлет. В жизни высокой душа предается изумлению, разум - страданиям, тело - ласке.

Философы нас не препарируют и не исцеляют; они вмешиваются на стадии диагноза и, ежели тот обнаруживает следы неизлечимого, предлагают обезболивание, а не лекарства. Тщательное препарирование мозга порой помогает исцелить душу. Посредством нескольких духовных кровопусканий философы обнаруживают, что те способны залечить наши сокровенные ушибы лучше всяких реальных кровопролитий.

Душа - это дух, позволяющий голосу тела проникнуть в себя; тело же - эхо страдания или наслаждения, то аполлонического, то дионисийского. Дух, отторгнутый от тела, мутирует в робота; тело, ведающее лишь себя и игнорирующее дух, обращается в барана.

Душа питается таинством страдания и благородством наслаждения. Угасание же голоса души в современном дискурсе объясняется мелкостью сиюминутных забот. *Что сокрушает душу бесповоротно, так это посредственность боли и радости* - Р. Роллан - *Ce qui abat irrémédiablement l'âme, c'est la médiocrité de la douleur et de la joie*.

Первейшая забота человека - быть утешенным, но ни одно разумное утешение не переживёт большого страдания. Мыслимо лишь утешение эстетическое или поэтическое, то есть привязанное к иллюзиям или грёзам; преуспеть в нем - значит быть философом вдвойне: излучать сострадание и слово.

Два крыла доброй философии проистекают прямиком из двух ликов, являемых нам жизнью: с одной стороны, она есть собрание наших фиаско, с другой - грандиозное полотно совершенства, кое надлежит живописать или переложить на музыку. Отсюда двоякая забота о ласках и языках.

Поскольку финальное крушение неизбежно, я должен обставить всё так, чтобы унизительная сдача переживалась как изысканное отречение: кровоточить как простолюдин, подписывать как монарх.

Философ: ни врач, ни целитель, но утешитель неизлечимого.

Чем глубже наши поиски познания, определённости, мирового порядка, тем выше предстанет перед нами его финальное безмолвие. Лучший интеллект ведет лишь к ещё большему ужасу.

Философия, достойная наших восторгов, оправдывает лишь две амбиции: синтез утешений и анализ языка. Утешение - упование, исключающее всякое действие; язык - посредник между реальностью и представлением, осколок обители нашего взгляда на Начала и концы. *Философия провозглашает принципы наших высочайших упований и наших взоров на крайние, на последние цели* - Кант - *Die Philosophie verheißt die Grundlage zu unseren größten Erwartungen und Aussichten auf die letzten Zwecke*.

Спиноза и Лейбниц держатся стороны счастья и радости, Шопенгауэр и Кьеркегор - стороны страдания и отчаяния, Хайдеггер и Чоран - стороны скуки и экстаза, но лишь Ницше удается связать эти концы, венчаемые интенсивностью жизни и искусства, где этика уступает место эстетике. Основа жизни одушевлена благом, но форму ей создает прекрасное - искусство.

Каждый из нас носит в глубине себя неизъяснимые и неутешительные образы; вот почему мы нуждаемся в философии - утешительнице невозможного и музе языков из запределья мыслей.

Коль скоро моё жилище меблировано одними реликвиями, коль скоро страдание занимает в нем почётное место, а счастье нисходит ко мне лишь от сияния светил, я вправе назвать свое пристанище руинами и начертать

при входе слова Диогена: *Нищета обитает здесь. Да не войдёт сюда несчастье*.

Финальный крах всего грандиозного столь достоверен, что вместо того, чтобы вести человека к счастливой жизни (этой лжефилософской бессмыслице всех зевак), философии следовало бы стремиться сопровождать его в несчастье, умеряемое лаской.

Конкретное страдание и абстрактный интеллект - единственные сферы, где философии есть что сказать: философия утешения и философия языка. Напротив, так называемые философии природы, опыта, бытия, духа, познания, свободы, истины надлежит предать земле и забвению.

Для поэта ад - это мир, воспринимаемый как механический гул в отсутствие органической музыки; добро и красота, оцениваемые по слепой тяжести поступков и оценок, а не по ценностям и благодати.

Какого утешения жду я от философской речи? Истины и определённости, что ввели бы меня поглубже в сердцевину жизни? Или образов и грёз, что оторвали бы меня от земли и оставили перед лицом заоблачной выси? (В ответ Витгенштейну, не находящему особого утешения у Ницше).

Утешать - не значит заполнять пустоту, оставленную утратой. Утешать - значит творить священное, проводя в сознании такую черту, по одну сторону которой оказываются неотвратимый ужас и неоспоримая красота - лицом к лицу с безразличным или безутешным. Утешение - великое братство в безвременье.

Двойное отрицание в определениях: счастье есть отсутствие несчастья; несчастье же есть отсутствие музыки в твоём восприятии мира, его холодное молчание или беспорядочный шум.

Для описания ада Данте располагает неисчерпаемым запасом имён и фактов, но едва он берется за Рай, как у него иссякают краски и примеры. Подобно ему, все блаженные водворяют туда лишь своего Учителя и/или Беатриче.

Типы падений, коих следует избегать: Мойра, подвизающаяся ремеслом Пенелопы; Сизиф, переквалифицировавшийся в труженика у Данаид; Пифия на службе у Гермеса.

Философия есть дело утешающей души или словесного духа; не ведая пронзительной жалости и музыкального языка, невозможно быть философом. В создании понятий, в приверженности истине, в мастерстве бытия академический философ ни на йоту не превосходит автомеханика.

Страдание облагораживает мудреца и развращает глупца. «Дурная доля хорошего заставляет его поднять взор к небу; благополучная доля дурного заставляет его опустить голову к земле» - Саади. Отсюда - ностальгия пернатых и хорошее расположение духа пресмыкающихся.

Они кичатся повествованием о проницательности, тогда как воспевание иллюзии куда точнее отвечает центральной миссии мудреца - утешать заблудших, а не тех, кто жаждет отыскать себя. Топтаться в бодрствовании, в то время как наша божественная обитель - в грёзах.

Тест на молодость: быть непонятым или непризнанным - значит сделать поиски высшего понимания и избирательного признания еще более истовыми и лихорадочными. Когда же тебе всё равно или когда ты копишь чёрную жёлчь в холодном презрении - ты уже стар, каков бы ни был твой возраст.

Лицемерие моей позы потерпевшего крушение: отвергнутый при попытке взойти на борт кормчим иль даже вольным гребцом, прикованным каторжанином, наёмной сиреной - я выдумываю штормы и необитаемые острова среди потерянных остовов былого корабля, no с уже недоступным океаном.

Вглядываясь в вещи лишь ради их описания, в конце концов теряешь сам взгляд. *Человек грезит лишь затем, чтобы не разучиться видеть* - Гёте - *Der Mensch träumt nur, damit er nicht aufhöre, zu sehen*.

Философия - это танец, а не ходьба, деятельная высота, а не пассивная плоскость; она дарует надменный взгляд руинам и глубокие шаги - подполью. Даже суровый Гегель усматривал в философии *почтенную руину, в коей разум избрал себе обитель* - *eine ehrwürdige Ruine, in der sich der Verstand angesiedelt hat*.

Ежели кораблекрушение и стало поворотным событием моих записок, то вовсе не оттого, что я скверно выстроил свой чёлн и не оттого, что штормы бьют меня пуще иных, но потому, что единственным сосудом благородного письма мнится мне бутылка, брошенная в океан. К тому же поза потерпевшего кораблекрушение помогает волей-неволей - и даже от

всего сердца - распроститься с ящиками фальшивых мощей, оставленными на обломках жизни.

Углубляясь в мысли о причинах, упускаешь из виду врачевание следствий на высоте.

Вдоволь насмеявшись и выплакавшись с Дон Кихотом, я возвращаюсь к опыту Робинзона: но вместо того, чтобы ожидать, пока море случайно изрыгнет меня обратно, я принимаюсь готовить собственное кораблекрушение вне всякого времени, выбираю его широту и ту реальную глубину, над которой в последний раз узрю сентиментальную высь, оседлаю волны, стану гоняться за образами и вылавливать слова, дабы доверить их бутылке для срочных вестей.

С тех пор как любое судёнышко жизни сделалось непотопляемым, метафора обязательного кораблекрушения утратила былой престиж, утянув за собой на дно и послания в бутылках. То, что некогда воспринималось в сердце как незаменимое и непоправимое, ныне чинится механически либо выбрасывается на помойку ради сменных одноразовых деталей.

Благородное страдание безутешно; именно поэтому мне дела нет до религии, победы и дела. Я уповаю лишь на ласку.

Мои блаженства и страдания - лишь мгновения без продолжения, искры в ночи моей памяти; единственное чувство, что беспрерывно проникает в течение моей жизни и озаряет её светом зловещим и неугасимым, - это чувство стыда. Обязанность совершать то, чем я не являюсь; жажда быть тем, чего я не совершаю; способность не быть тем,

что я творю - из слияния сих инстинктов и родилось сознание ценности по ту сторону деяния и бытия - в созидании.

Страдание: осознание того, что на пути к несчастью ты не совершил ни единой ошибки. Педантичное следование категорическому императиву - евангельскому или кантовскому, - сему туманному и наивному всеобщему закону (даже если б он существовал), отнюдь не оградило бы тебя от зла.

Я задыхаюсь в этом мире, ибо в его подпольях больше не обитает подлинное страдание, а на его кровлях не звучит ни одна истинная молитва. Я задыхаюсь посреди их окон и дверей, альковов и дата-центров. Истинно страдать я должен лишь от самого себя: *Терния, собранные мной, принадлежат посаженному мной древу* - Байрон - *The thorns which I have reap'd are of the tree I planted*.

Сердце сотворяет из твоей жизни рай, разум представляет его адом, а душа истолковывает как чистилище; равновесие между ними тремя необходимо для полноценного бытия. Доля ада остаётся стабильной, и единственный риск исходит от разрастания фальшивых раёв. Добрый папа Римский заблуждается насчёт опасности: *Церковь существует затем, чтобы заклинать наступление ада на земле*.

Некогда быть интеллектуалом означало поучать и обличать. Ныне доброго интеллектуала узнают по его признанию в том, что внешние обстоятельства никогда еще не складывались столь благополучно. И жёлчь его, через болезненное пережёвывание искусственных обид, отныне стекает внутрь. Быть неудачником - значит не уметь обуздать собственную хворую селезенку.

Мои руины - тот самый срез пограничных ситуаций, где царит мир и терпит крах моя свобода. Место озарений через крушение (*Erhellung im Scheitern* - К. Ясперс; *the happy failure* - Г. Мелвилл).

Современные речи жалки не потому, что их вопросительные знаки недостаточно глубоки, а потому, что они разучились пользоваться высшими восклицательными знаками. Крик, вздох, стон сделались столь же плоскими, что и молчание.

Древо жизни, сведенное к одним лишь стволу, ветвям и соку (Р. Луллий), годится лишь для иллюстрации канализационной системы. Куда девать цветы и, пуще того, мёртвые листья? Коралл Ч. Дарвина не давал на это ответа, увлекая в глубину то, что разум возносил в вышину. Древо познания ведет лишь к обширным форумам или в глухую чащу; я же более всего люблю древо одинокого человека - на высоте его руин. К. Леонтьев - *Всё болит у древа жизни*.

Прекраснейшие музыкальные фрагменты служат прежде всего возвеличению наших бед. *Бах и Бетховен воздвигали храмы - в вышине; я же стремился лишь возводить обители, в коих счастливые люди чувствовали бы себя как дома* - Э. Григ. Высота - обитель лучших, изгнанников, безутешных, тех, кто стремится к счастью через страдание (*durch Leiden…* - Бетховен; *zum Leiden bin ich auserkoren* - Моцарт).

Нашим четырем ипостасям - человек, человечество, недочеловек, сверхчеловек - соответствуют четыре стихии: воздух, земля, вода, огонь. Их общим пристанищем, где они могли бы пережёвывать свои поражения,

стали бы руины. Икар, Антей, Одиссей, Прометей на морском берегу, хлопочущие над огнём маяка, униженные тяжестью земли и грацией воздуха. Утешать потерпевших кораблекрушение высотой огня.

Реальность - предметная область любой философии, сама же философия в неё не погружается и в ней некомпетентна. Всякая философия реального, и в особенности бытия, обречена на тоску, ежели не сводится к поэзии. Добрая философия должна заниматься нашими недугами и нашими словами, взлелеянными и пережитыми в воображении и через него.

Всякая философия, нацеленная на невежество, несправедливость, беспорядок, ложь, насилие и находящая их невыносимыми, - тупоумна. Философия должна целиться лишь в одно из прекрасных таинств: в страдание, коего ждет облегчение, либо в метафору, ждущую переживания.

В каждом из нас живут два персонажа: страдающий и диагностирующий, пациент и врач. И наиболее полезные моменты для нашей страдающей души и утешающего разума - суть ролевые рокировки между ними. Гиппократ и Чехов явили этому разительные примеры.

Единственные начала, достойные философа, суть: страдание (Достоевский), благородство (Ницше), язык (Валери). Начала логическое (Аристотель), методологическое (Декарт), диалектическое (Гегель) - суть лишь промежуточные ступени и потому незначительны.

Тот, кто пишет ради похвалы своим подвигам, - всего лишь ремесленник; любую цель преследует та же амбиция. Художник пишет,

чтобы любить самого себя в поражении. Паскаль усматривал счастье даже в петле висельника.

Сострадание - благороднейшее из чувств, противоположность любви, сознание поражения перед лицом бескрылого призрака триумфов; благоговение, берущее верх над ссылкой на авторитет; вера в невыразимое чудо перед лицом познания хотя бы одной фибры, переведённой в звуки или ритмы.

Посредственность наслаждений и скорбей в человеческих сердцах объясняет угасание душ куда лучше нашествия роботов в умы.

Для Л. Толстого и Витгенштейна самопознание сводится к смирению. Позиция, оправдываемая чужим либо собственным страданием. Энтузиазм и стыд смотрелись бы там уместнее, ибо сие познание должно вести к признанию двух тайн: неведомого «я», вдохновителя наших лучших образов, и блага коренного, непереводимого в жесты.

Заброшенные на корабль жизни, просвещённые не отрывают глаз от карт и компасов, тёмные видят лишь волну и горизонт, мрачные же предают свой разум кораблекрушению, а душу - бутылке с вестью о бедствии.

Равновесие Гёте, бетховенский героизм годятся лишь для того, чтобы коротать шёлковые или парчовые вечера; но именно безумная, отчаянная дрожь Ницше, стыдящегося своих поэтических и музыкальных фиаско, погружает меня в подлинно артистическую тональность - тональность прекрасного и жуткого финального краха.

Благородство культуры узнается по ее способности оплакивать крушение идеалов.

Когда я слышу сетования, проклятия и жалобы сытых современников, мне становится почти стыдно за то, что я изведал подлинные страдания, одиночество и унижения; в конце концов я выписал здесь вымышленные, ставшие мне ближе и дороже подлинных.

Три прочтения мира: симптоматическое (философия низкого подозрения), исправительное (идеология глубокой трансформации), ироническое (смирение перед лицом высокой болезни).

В философии никогда не было раскола между лагерем наслаждения и лагерем страдания; все благие школы несут в себе долю ласк и долю пыток, выражаемых, соответственно, прелюдиями начал и тризной финалов.

Глубина моей раны не добавляет веса высоте моей жалобы - прекрасный урок для того, чтобы я, как знаток сделанного, не подписывался под только сказанным.

Страдание питает душу, даёт приют сердцу и отупляет мозги.

Интеллект часто противоречит вкусу: жёлчь и горечь ведут к падению интеллекта. *Прирост мудрости измеряется точно по убыли жёлчи* - Ницше - *Der Zuwachs an Weisheit läßt sich genau an der Abnahme an Galle bemessen*. Бравый извергатель жёлчи с трудом перековывается в

источающего ладан, а плевок вечно мажет мимо цели, поражаемой жёлчью.

Праздные умы живут бедствием - этой пустотой в ожидании музыки, которая так и не приходит; невежды питаются пробелами, заполняя пустоту скрипом дел и вещей.

Каторга, рабство, приют, голод, нищета, вши, насилие, холод, грязь, одиночество, безобразие, трущобы - всякий раз, когда я читаю лирические излияния сытых господ, будто бы испытавших сии напасти, меня воротит, ибо я изведал их на собственной шкуре и знаю: они не дают ни единого порыва, ни единой чистоты, ни капли мудрости и не наделяют правом на большую подлинность. Вымышлять их куда более поучительно, нежели пересказывать.

Мне стыдно за плач ранней юности, столь похожей на кьеркегоровские рассказы о его подлинных муках - серьёзность мелочит любую подлинную боль. Напротив, какое наслаждение следовать фальшивым, жеманным страданиям героев Гёте или Руссо, где всё... убедительно и чарующе. Почитаемое страдание не должно касаться земли.

Идея прогресса есть временная и коллективная форма утешения. Форма пространственная и личная именуется вечным возвратом. Широкая безмятежность с одной стороны, либо, с другой, - глубокая насыщенность и высокий накал.

Смирение перед фатальностью наших бедствий, проповедуемое верной философией, должно распространяться и на сами амбиции

философии, следуя по нисходящей: терапия, обезболивание, утешение. Ни диагноза, ни лекарства - лишь завораживающая, оглушающая, слепящая музыка. Не углубляться, то есть не слышать и не видеть - единственный благородный способ сохранить подобие высоты, в чём заключается наше единственное спасение. Философия же есть культ высоты.

Диалектика синонимична релятивизму, тогда как действенное утешение может быть лишь догматичным и разящим. Да, примирённый человек - подлинно утешенный, но утешением механическим и временным; утешенный же грёзой - утешенный вечно неутешный.

Из любого перезвона Валери молот Ницше извлекает погребальный звон Чорана.

Медицина, экономика и политика борются с истоками наших страданий, но философское утешение нацелено на смягчение боли от самой боли - дабы поверх фатальных терзаний сохранялись тепло нашего израненного сердца или свет нашей растерзанной души.

Странные отношения между чувством и его идеей: умопостигаемое проецирует свою качественную окраску на чувственное, чувства получают ярлыки страдания или сладострастия, позитива или негатива, желаемого или нежелательного, тогда как, за исключением физической боли, все чувства равны на палитре живого. Между чувством и его идейным представлением не может существовать никакой логической связи, вопреки предположению Валери: *Самые важные мысли - те, что противоречат нашим чувствам - Les plus importantes pensées sont celles qui contredisent nos sentiments* - мысль может противоречить лишь другой мысли.

Усугубляет несчастье взгляд исподлобья или же ищущий лишь истины. *Ничто не способно утешить нас, когда мы всерьез задумываемся об этом* - Паскаль - *Rien ne peut nous consoler lorsque nous y pensons de près* - утешение может прийти лишь из дали, где больше грезится, нежели мыслится.

Ясно, что любое утешение есть капитуляция. Капитуляция духа. Но сколь же жалостнее - или, вернее, недальновиднее - капитуляция души, что принимает бой и желает выиграть его, дабы в итоге остаться безутешной!

К десяти годам я уже знал все наилучшие причины отчаянния и уже изведал опыт тягчайших страданий; ни одна земная иллюзия больше не угрожала моим небесным иллюзиям, в коих я избрал свою родину. Никакой реализм более не поднимался до высоты моего романтизма, выстроенного на стольких бедах. Мой оптимизм - утренний и зрелый - отныне опирался на мой пессимизм - детский и сумеречный.

Подлинные рай или ад ничего не добавляют к моей палитре; лишь искусственные порождают прекрасные цвета, о коих думает Дж. Штайнер: *Без рая и ада ты будешь страшно одинок в плоскости мира* - *To have neither Heaven nor Hell is to be intolerably alone in a world gone flat*.

Страдание делает меня более восприимчивым к смутному зову Блага; мои слова-эхо, поначалу обнажённые и наивные, принимаются искать одеяния Красоты. Так совершается слияние жизни и искусства, где Благо останется безмолвной жертвой торжества Красоты, уготованной страданием. Этот путь прошли Гёльдерлин, Достоевский и Ницше.

Для моей души культ Начал есть культ весны и ее священнодействия, оптимизма и согласия; прочие времена года погружают меня в пессимизм слабости, недвижности или увядания. И чем смиреннее я склоняю тогда свою искупающую голову, тем горделивее распускается моя созидающая душа.

Скептик метит в исцеление, эпикуреец - в терапию, стоик - в иммунитет, я же предпочитаю им циника - патологию неизлечимого.

Страдание и язык - единственные темы благородной философии (да могут ли быть иные?). Суховатая учёность Аристотеля, Канта, Гегеля делает их глухими к высоте первой темы; их языковая серость скрывает от них глубину второй. Отсюда величие Достоевского, Ницше, Валери.

С пером в руке, к кому хотел бы ты обратиться? К конкуренту? К зеваке? К брату? И соответственно будешь стремиться убедить его, развлечь или утешить.

Из четвёрки качеств, которыми Р. Дебре одаряет Францию - *элегантность, страдание, детство, романтизм* - я оставил бы лишь элегантность. Страдание плохо уживается с лёгкостью; дитя повсюду в Европе - персонаж заброшенный и скрытый; весь французский романтизм произрастает прямиком из лёгкой элегантности. А романтизированное детство ведомо даже выходцам с каторги.

Лучший учитель любви - тот, кто находится у неё в рабстве: *Принуждение приумножает наслаждение* - Демокрит. Форма

наслаждения определяется его самоограничениями; когда форма прекрасна, под конец забываешь даже о её содержании. Ограничения избавляют нас от скуки столкновений с тем, что плоско и лишено обещания глубины мысли или высоты чувства. Ограничения формируют векторы, подобно тому как благородство куёт ценности.

Нынешний философ занимается лишь людьми пышущего здоровья, с надёжными доходами, без затяжных душевных сокрушений. *Тщетны словеса философа, не исцеляющего ни единого человеческого страдания* - Эпикур. Последним страдальцам духа остаётся лишь слово: *Слова - целители больных душ* - Эсхил. Философии следовало бы озаботиться утешением перед лицом грядущего страдания, нежели средствами от страдания уже свершившегося.

Сострадание - единственная причина, заставляющая любить боль - Бл. Августин - *Misericordia, hac una causa amantur dolores*. Просто любовь - это другое дело: *Не тебя люблю, страдание твоё люблю* - Д. Шостакович. Если боль - пробный камень обителей, она же - краеугольный камень башен из слоновой кости, камень преткновения веры, надгробная плита руин.

Где хорошо, там и родина - Цицерон - *Patria est ubicumque est bene*. И лишь когда там станет худо, уразумеешь, что заблуждался (вместе с Аристофаном или же с Дж. Мильтоном: *Our country is where ever we are well off*, или, ещё лучше, Ф. Фенелоном: *Родина свиньи повсюду, где есть желуди - La patrie d'un cochon se trouve partout, où il y a du gland*). Родина - это край, готовый разделить твоё страдание, что равносильно утверждению: одинокий всегда изгнанник. Либо Робинзон, либо добрый

драматург: *Ubi pater sum, ibi patria* - Ницше. Либо добрый толкователь: *Родина не там, где ты живёшь, а там, где ты понят* - К. Моргенштерн - *Nicht da ist man daheim wo man seinen Wohnsitz hat, sondern wo man verstanden wird*. Либо добрый зритель: *где я понимаю и понят* - К. Ясперс - *wo ich verstehe und verstanden werde*. Либо добрый скульптор: *Где я творю себя, там моя родина* - Валери - *Où je me crée, là est ma patrie*. Либо толковый философ: *Хорошо там, где нас нет* - русская пословица. Либо ангел, дитя небес, - признание голоса и изгнание шагов.

Все наши беды происходят оттого, что мы радуемся тому, чем должны были лишь пользоваться, и пользуемся тем, чем должны были лишь радоваться - Бл. Августин - *Fruimur enim cognitis, utimur quo fruendum est. Nec est alia vita hominum vitiosa quam male utens et male fruens*. Очарование пустяков, разочарование в ореолах.

Счастье - дело эпидермы или закрытых глаз; оно мелко и не может быть ничем иным, под стать питающему его чувству. Величие же чувства кроется в высоте непознаваемого или в глубине неизвестного, и в этой бездне таится страдание. *Где больше чувства, там больше муки* — Л. да Винчи - *Dov'è più sentimento, lì è più martiri*.

Крест в жизни человека, как и в музыке, означает высоту - Бетховен - *Kreuze im Leben des Menschen sind wie Kreuze in der Musik: sie erhöhen*. Высота твоя смыкается с высокой духовностью, приписываемой Достоевским страданию, там, где Ницше усматривал глубокое благородство, а Мейстер Экхарт - меру совершенства: *Быстрейший зверь, несущий вас к совершенству, - это страдание - Das schnellste Tier, das euch zur Vollkommenheit trägt, ist Leiden*.

Разум зачинает с болью и рождает с наслаждением - Ж. Жубер - *L'esprit conçoit avec douleur et enfante avec délices*. Как и в жизни, зачатие это поисковое и состоит сплошь из зондирования глубин. Но куда большее число углов атаки сбивает с толку. И препон и тупиков попадается гораздо больше.

На дне страдания таится очарование: природа человека - в горе - Шатобриан - *Un charme est au fond des souffrances : la nature de l'homme est la misère*. В глубине же таится скорее жёлчь; её очарование - в форме, то есть в музыке наших вздохов, слов или воплей. К счастью, у человека есть вторая природа - искусство, она-то и есть его величие.

Через страдание - к ликованию - Бетховен - *Durch Leiden - Freude*. Ныне учат любым иностранным языкам, включая музыкальный, - без боли. Усилие унижает взлёт. И из этого безвкусного пота пожинаешь лишь... знание (как полагают и эсхиловский Прометей и гётевский Фауст и байроновский Манфред).

Знание кроется в боли, но древо его - не древо жизни - Байрон - *Sorrow is Knowledge… The tree of Knowledge is not that of Life*. Эсхил мыслил не иначе: *Через страдание - познание*, такова суверенная закономерность, тогда как Прометей поменял местами причину и следствие, точно так же как Экклезиаст и Дж. Бруно: *Кто приумножает познание, приумножает скорбь - Chi accresce il sapere aumenta il dolore*. Наивная сократическая надежда *исцелить знанием вечную рану бытия - durch das Erkennen die ewige Wunde des Daseins heilen zu können* - была изобличена Ницше.

Лишь самые тупоумные из философов - спинозисты - обещают радость, заключающуюся в знании. В невзрачных современных джунглях бюрократизированный Экклезиаст выкорчевал всякое libido sciendi - вечно одинокое, тогда как само имя Экклезиаста означает проповедование толпе. Как ни водружай свой Голгофский холм посреди Эдемского сада - крест ли, яблоню - это лишь столкновение черепов и разброд желаний. В древе грёз знание - это, что образует ветвистость; боль - это, что несёт сок и окрашивает цветы. Всё, что не искушено высотой дерева, окрашено в тона плоскости.

Воспоминание о счастье - уже не счастье; воспоминание о боли - всё еще боль - Байрон - *Joy's recollection is no longer joy, while sorrow's memory is a sorrow still*. Словно в воображении больше брожения, нежели в живом явлении. Воспоминание углубляет, забвение возвышает.

Каждое отдельное несчастье мнится исключением, но несчастье вообще есть правило - Шопенгауэр - *Jedes einzelne Unglück erscheint zwar als eine Ausnahme; aber das Unglück überhaupt ist die Regel*. Тогда как отдельное счастье кажется предначертанным божественным правилом, а счастье всеобщее, предсказанное К. Марксом, - пустословие. Однообразие счастья (к примеру, семейного счастья по Л. Толстому) перед лицом многоликого несчастья столь послушно под пером жёлчных авторов. Счастье - отыскать счастливую форму - в глубине своей - несчастно.

Мы не постигаем руины до того самого дня, пока сами ими не стали - Гегель - *Wir begreifen die Ruinen nicht eher, als bis wir selbst Ruinen sind*. Их либо возводят и воспевают, либо слагают о них сказки и рассказы. Их

путают то с башней из слоновой кости, то с мусорной свалкой. Мы восхищаемся казармами и виллами; руины же существуют затем, чтобы мы продолжали плутать в звёздном невежестве.

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать - Пушкин. *Страдать и мыслить связаны тайным образом* - М. Бланшо - *Souffrir et penser sont liés d'une manière secrète* - и тайна эта велика лишь постольку, поскольку велики страдание или мысль. Страдать - значит открывать в себе поводы более убедительные, нежели мысль. Обратное столь же справедливо: *Чем глубже твоя мысль, тем выше твоё страдание* - Конфуций. Неизвестное «я» страдает, известное «я» мыслит: *Жить - значит мыслить* - Цицерон - *Vivere est cogitare* - гласят те, кому хватает одного известного.

Добрая философия начинается с признания неизлечимости наших недугов, а всякий поиск лекарств неизбежно ведёт к разочарованию, то есть к тоске. *Я устал от философского релятивизма, который тем не менее служит единственным средством от недугов и тоски, но который в конце концов начинает давить своей собственной тоской* - Г. Леопарди - *Sono stanco della indifferenza filosofica, che è il solo rimedio de' mali e della noia, ma che infine annoia essa medesima*. Зачаровать боль, отыскать утешение - неотразимое и невыносимое - первый философский урок. Второй - исследовать чудо языка, верное средство против занудства дел и картинок.

Благодаря страданию человек осознаёт, что его пределы ему не принадлежат, что он есть Открытость неизведанная, стремящаяся к единению с Творцом его пределов. *Ежели бы не было страдания, человек не знал бы себе границ, не знал бы себя самого* - Л. Толстой.

Идеалы - суть тайны, переживаемые как проблемы, болезнь же - прозябание под кровом готовых решений. Лекарство - капля укрощённой свободы. *Все идеалы - яды, но временно незаменимые как лекарства* - Ницше - *Alle Ideale sind Gifte, aber als zeitweilige Heilmittel unentbehrlich*.

Страдание заставляет обнаружить апорию тождества стыда и жалости: *Благородный человек преисполняется стыдом перед лицом всего страдающего* - Ницше - *Scham gebeut sich der Edle vor allem Leidenden*.

Вся высота человека завоёвывается уходом за великим страданием - Ницше - *Die Zucht des grossen Leidens hat alle Erhöhungen des Menschen geschaffen*. Но этот уход делается возможным не волей к власти - стоической или героической, - а равнодушием к страданию мелкому, лежащему в глубине или в плоскости. И высокое созидание - это не обезболивание (*великое избавление от страдания - die große Befreiung vom Leid*), а возбудитель.

Принцип артезианского колодца справедлив тем паче, что творчество есть излияние, а функция страдания заключается в том, чтобы отрывать нас от плоскости и напоминать о присутствии глубин. *Произведения вздымаются тем выше, чем глубже страдание испахало сердце* - М. Пруст - *Les œuvres montent d'autant plus haut, que la souffrance a plus profondément creusé le cœur.*

Современное кокетство состоит в объявлении жизни адом на том основании, что всё уже отыскано: *Истинные раи - это раи, что мы утратили* - М. Пруст - *Les vrais paradis sont les paradis qu'on a perdus*.

Придёт время и все узнают, для чего страдания, никаких не будет тайн - Чехов. Знание сие - физиология, психология - уже рассеяло столько поверхностных тайн; к счастью, в вышине окрылённое знание и звёздное невежество продолжают питать тайну - верную союзницу страдания.

Рай есть то, что рождает вожделение; вожделеть - значит искать; искусство подлинного поиска кроется в воле отпустить поводья, забыться - утратить достоверность, невинность, равновесие.

Время изображает на нашем лице все слезы, которые мы не пролили - Н. Барни - *Time engraves our faces with all the tears we have not shed*. Мы орошали не ту сторону нашего потаённого сада. Или же ошиблись временем года, рассчитывая на сбор урожая вместо того, чтобы грезить о цветке? Перья и сердца, исчерпавшие чернила или кровь, служат веером или насосом, тогда как дыхание и волна уже не твои. К счастью, есть чудодейственное средство притормозить работу времени на нашем изрытом лице - закрытые глаза, чей взгляд воссоздаёт изначальный пейзаж нашего смеха и плача и стирает наносные следы.

Истинно страдающие не сбиваются в стадо - Пессоа. Да и пожелай они этого, на их высоте не сыскалось бы вдосталь травы. Страдание - глухая пустыня, где околевают немые пророки. Лишь словом ты создаёшь оазис с ключевой водою, у коей умереть от жажды не так унизительно. Если ты не остров, залитый слезами, ты - пустыня сухих глаз.

Отчаиваться - значит не ведать ни кем стать, ни куда идти; тосковать - значит иметь возможность пойти куда угодно и стать кем

угодно - В. Янкелевич - *Désespérer, c'est ne savoir que devenir ni où aller ; s'ennuyer, c'est pouvoir aller n'importe où et devenir n'importe quoi*. Тоска отчаяния - знать, что можешь стать кем угодно. Отчаяние тоскливое - быть обязанным никуда не идти. Человеческая изобретательность извечно упражнялась на том, что угрожало больше всего: некогда это было страдание, нынче же - тоска.

Радость открывает нам словари, страдание учит подменять слова неизвестными, кои умеет восполнить полиглотка-реальность. *Откровение действительности даётся радостью, а сама действительность - в страдании* - С. Вейль - *Il faut avoir eu par la joie la révélation de la réalité pour trouver la réalité dans la souffrance*.

Страдание всех изгнанников - жить с памятью, которая ни к чему не годится - А. Камю - *La souffrance de tous les exilés - vivre avec une mémoire qui ne sert à rien*. Не стоит об этом сокрушаться: память, сливающаяся со свободной мечтой, а не с чересчур прозрачной реальностью, поможет (пере)изобрести твою параллельную жизнь, где тени будут вещать тебе о погасших огнях.

Одиночество - немое страдание; стадо - страдание блеющее. Но ночью одинокий волк воет, а баран утихает в стойлах. Стало быть, всё дело в светилах и скорости вращения их планет. Одиночество - это вой на обратной стороне луны, невозможность предстать пред ликом светила.

Страдания без следов, росчерки белыми чернилами, бешенство без когтей - Р. Дебре - *Souffrances sans sillages, signatures à l'encre blanche, rages sans griffes*. Это горевание хама и мечта прекрасной души. Не иметь

противников - привилегия высоты, но: *Больше высоты - больше беды. Прекрасная душа есть несчастное сознание* - Гегель - *Je höher die Natur ist, desto mehr Unglück empfindet sie. Eine schöne Seele ist ein unglückliches Bewußtsein*.

У одиночек доля простодушных и ненавистников ровно та же, что у лавочников. Но если их вопли выслушиваются с благосклонным любопытством, крики их любви воспринимаются как ночное буйство. Кто докопается до того, что именно волк нашёптывает луне? И что если любовь длится лишь дотоле, пока устремлена к недоступному свету?

В моей богатейшей коллекции одиночеств горше всего - одиночество взгляда. Природа его вовсе не трансцендентальная, но вкусовая и дыхательная - в разверстых высях, а не в покорённых толщах.

Душа безмолвна - вот источник одиночества. Дабы сыскать ей родственную душу, суетятся руки или трудится мозг, но послание их лишено вздохов, кои жаждала бы доверить им моя душа.

Апогей одиночества: страдать от отсутствия человека, столь привязанного ко мне, что он мог бы меня бросить. Горести пониже, не такие тягостные: меня забывают, меня бросают... Именно мой взгляд определяет ранг моего ближнего - баран, робот или Бог: *Лишь у Бога есть привилегия нас покидать. Люди могут лишь бросить нас* - Чоран - *Dieu seul a le privilège de nous abandonner. Les hommes ne peuvent que nous lâcher.*

Я выхожу из своей берлоги - ошалелый и наивный; я скольжу по вашим форумам; я протягиваю руку в надежде, как всегда, что кто-то

пожмёт ее по-братски. И, как всегда, в нее кладут либо деньги, дабы я выживал, либо булыжник, дабы я сопротивлялся, либо номерки, дабы я существовал.

Одиночество - всегда рана, наносимая мне. Кем? - миром, близкой душой, мной самим - одиночество эпическое, драматическое, патетическое.

Чем преснее мир, тем горше слово одинокого, тем кислее жёлчь обиженного, тем солонее слеза униженного - они жаждут добавить горьких приправ этому миру.

Гуманизм есть уважение к одиночеству человека (перед лицом Бога, Истории, биологии) и к его величию (перед лицом экономики, машины, природы). Примеры антигуманизма: религия, рынок, государство. Но в один прекрасный день я неминуемо утрачиваю уважение к собственному одиночеству и постигаю ничтожность своего величия - вот исток подлинного ада для моего самолюбия, либо подлинного блаженства - для любви.

Вкушай моменты задремавшей жизни. Ищи её лишь тогда, когда она отворачивается от тебя. Углубляй её, прежде чем она заметит твое присутствие и укажет твои уязвимые или уже поражённые места. Прямой взгляд на раны лишает всякой надежды на воскресение.

Ирония на службе у меланхолии: верёвка, уготованная для петли, может послужить нитью Ариадны или обратиться в тугую спираль. Во всех сих применениях надлежит плутовать так, дабы она порвалась в самый захватывающий момент, когда загадка мнится разрешённой.

Выработка жёлчи проистекает от чрезмерной склонности к оседлости. Пророки ради обретения достоинства отрекались от родины и изгоняли себя в пустыню.

Толпа выставляет напоказ и сулит вероломные восторги вокруг моего расцветшего «я», одиночество же возвещает верную тризну по моему бессмертному «я». Отдайся без условий на милость тризны, где ты наверняка потеряешь всё; беги от привлекательного и торжествующего ликования, где наверняка не найдёшь ничего.

Ныне проповедовать во имя духа - значит проповедовать толпам. Как в случае с добрым вином или славным яством. Благие же чувства проповедуются в пустыне. Там, где голодно.

Стойло - не бойня; страшиться должно не пыток, а тоски и привычки. И дабы вырваться из стойла, не нужны разбойничьи ухищрения - достаточно распахнуть крышу, дабы преобразиться под собственной звездой.

Обрекает тебя на одиночество роковое слияние благородного и бесполезного. Спасаются, метя в полезное и не брезгуя тем, что отнюдь не благородно. Будь смирён: неуклюжесть куда надёжнее тошноты отвращает от этого исхода. Земная сноровка излечивает от высокомерного тика лучше всяких небесных кровопусканий.

Я изведал изнутри советское убожество. Пария, бродяга, одинокий дух среди стада бездушных рабов. Я в Европе: состязание без излишеств,

ни жалости, ни стыда, ни горячей слезы, ни сердечного друга. Там - проклятие, изрыгнутое хамом; здесь - заброшенность, чинимая роботом. *Да узрит Царь всея Руси убогую пустоту моей жизни очами, полными жалости* - Шекспир - *That the Emperor of Russia did but see the flatness of my misery with eyes of pity* - даже не будучи задавлен пустотой, я смиренно приемлю жалость, пускай и вприкуску с иронией. *Высшие формы понимания суть смех и человеческое сострадание* - Р. Фейнман - *The highest forms of understanding are laughter and human compassion*.

Одиночество - не отсутствие людей (это ад христианский или сартровский!), но твоё унизительное отсутствие в присутствии людей.

Нигилизм - не болезнь воли (Ницше), но здравие мечты. Мечта - одухотворённая воля выносить себя одиноким; воля есть воплощённая мечта раствориться в других.

Творчеству необходимы инстинкт, вера и исполнение. Инстинкт рождается лишь в твоём одиночестве, вера даруется лишь в нашем страдании, а исполнение проявляется лишь через вашу дверь.

Перед лицом толпы я - рыба в аквариуме, зверь в клетке, живой факел, освещающий их пиршества. Я волен принимать лишь позу страуса, обезьяны, попугая, хамелеона иль блуждающего огонька.

В одиночестве следует избегать ощущения гнезда или кокона, где можно зализывать свои раны. Единственное убежище, достойное одинокого величия, суть руины, стражи моего «я»: *В тебе есть священное молчание, к коему ты можешь вернуться в любой миг, дабы вновь обрести*

себя - Г. Гессе - *In dir ist eine Stille und ein Heiligtum, in die du jederzeit zurückkehren und du selbst sein kannst*.

Никакого угнетателя в поле зрения - а я угнетён; никакого охранника у дверей - а я в темнице; ни кляпа на устах - а голос мой не достигает ничьего слуха. *Ломают и мучают нас больнее всего невидимые руки* - Ницше - *Wir werden am schlimmsten von unsichtbaren Händen gebogen und gequält*. Анонимная тирания. Нерон и Сталин дорожили именами своими ради поддержания раболепия и страха, но машина...

Ужаснейшее из одиночеств сопутствовало великой М. Цветаевой - одиночество трёх языков, трёх отзывчивостей, трёх культур (русской, немецкой, французской), в коих она была мученицей и мастером. Я не ведаю иного голоса - и сколь прекрасного! - что звучал бы в подобных пустынях. Двуязыкие мужи (Л. Арагон) уже маются, но с тремя...

Ни кораблекрушение Робинзона, ни смирение князя Мышкина, ни безумие Дон Кихота не представляют наилучшей модели одиночества. Кандалы чудятся у Д. Дефо, каторга - у Достоевского, рабство - у Сервантеса. Страдание - прекрасный инструмент, но скверное творение.

Они так привыкли к компании пуделей или овчарок, что принимают вой одинокого волка за лай: *Пёс Ницше, ты проповедуешь стиль - лаем!* — А. Сюарес - *Chien de Nietzsche, tu prêches le style à l'aboi !* - комнатные шавки редко ладят с ликантропами вроде Чорана.

Преимущество руин пред пустыней: в последней меня прельщает поза глупая и унизительная - приняться за прорицание, вглядываться в

горизонты, звать на помощь, толковать миражи. Стены же моих руин отражают мой внутренний вой, и отголоски его захлёстывают меня стыдом. И спасения я буду искать лишь в вышине прохудившейся крыши, где я стану уповать на тонкое, требовательное ухо, далёкое альковам и близкое тюфякам.

Одиночество толкает усматривать в любом споре идей мерзкую травлю. Надобно уметь, напротив, свести его к безобидной салонной перепалке посреди моих драпированных руин.

Знаменитость - бальзам, ценность коего возрастает лишь с отсутствием ран. *Неизвестность имени - благо, равное страданию* - Диоген. Я открыл для себя гордую радость быть непризнанным (ama nesciri) в ту же пору, когда торжественно предавал земле свою первую невосприятую ласку, ревел от восторга перед первой метафорой, исторгнутой немым страданием, и изгонял последнего идола из своих королевских руин, освящённых безымянным Архитектором: *Счастлив живущий в безвестности, где сокрыли его боги* - Ж. Расин - *Heureux, qui vit dans l'état obscur, où les dieux l'ont caché*. Жить ignobilis (непризнанным) стало привилегией nobilis (благородного). *Жить неузнанным людьми и без горечи - качество благородных* - Конфуций. Нравиться значит принадлежать; береги себя для равных тебе, для лучших, пусть даже ценой собственной безвестности. И Данте прав лишь наполовину, оплакивая тех, кто *жили без позора и без хвалы - visser sanza 'nfamia e sanza lodo*.

Когда я среди людей, слово, мысль, страдание становятся их эхом, ошибочно приписываемым жизни. Лишь в одиночестве нахожу я чистейшие эхо: слово на слово, мысль в мысли, страдание от страдания.

Страдание будучи общим уделом, величайшее достоинство одиночества в том, что страдаешь в нём лишь от самого себя.

Будучи изгнанником земель и небес, я не могу ни воздвигнуть русское небо (его душу) над французской землей (её нежностью), ни принести на российскую почву (её страдание) капельку французского неба (его блеска).

Покуда я ощущаю рану от оставленности, я еще не вступил в одиночество. Оно начинается тогда, когда всякая рана живёт лишь воспоминаниями, когда утихает всякий отзвук, рождённый прикосновениями чужих рук.

Драма одиночества, когда все источники моих слёз - радости или скорби - оказываются в местах пустынных. *Ибо худшее и лучшее моё - в пустыннейших местах* - Мария Стюарт - *Car mon pis et mon mieux sont les plus déserts lieux* (наши превосходные англичане перевели: *All things good and bad have lost the taste they had* - непревзойденная глупость!). Аристократизм вкуса обязывает меня не делиться ни своим бременем, ни своим даром даже с моей *милочкой* - *mignonne* (Ронсар). Если, конечно, у меня не хватит мужества Петрарки: *Чем пустынней берег, тем прекрасней тень, что бросает на него моя мысль - Più deserto lido, più bella il mio pensier' l'adombra*, или наивности Э. По: *Всё, что я любил - я любил в одиночестве - All I lov'd - I lov'd alone*.

Загадка, которую я не могу себе объяснить: самые стихийные и непосредственные отношения одиночества к прочим превратностям

поддерживаются вовсе не интеллектом или страданием, но - любовью! Любой влюблённый, пускай даже самый стадный, внезапно чувствует себя одиноким и видит в любимом существе - одиночку, зовущую на помощь. И коль скоро Бог есть любовь (даже если имя Ему не Христос и не Кришна), не есть ли одиночество одним из тех редчайших изначальных творений, что дошли до нас в целости вместе с божественным Словом? *Слово одиночество звучит фальшиво, словно оно идёт прямо от Бога* — Э. Канетти - *Das Wort Einsamkeit hat einen falschen Ton an sich, als stammte es noch von Gott*.

Минимальная руина - твой столп, никогда не бывший частью перистиля и не слышавший вокруг себя никакого перипатетического хора, который вместил бы воспаряющий вздох столпника.

Две преуспевшие породы - роботы и бараны - торжествуют над жизнью, вырываясь из одиночества. Лишь любовь и искусство делают одиночество товарищем по несчастью: *Искусство есть апофеоз одиночества* - М. Пруст - *L'art, c'est l'apothéose de la solitude* - а любовь заставляет пережить одновременно и его апофеоз и его муки.

Самый ограниченный взгляд - тот, что обращен к стае; напротив, следует обращаться или ко всем или к ни к кому - то есть к тому, кто не существует. Ко всем: твоему брату по страданию или воссозданию неведомого Бога; ни к кому: поэту без формы или мечте без дна.

Из всех стран Западной Европы именно во Франции человеку с сильным племенным инстинктом труднее всего адаптироваться. Но для того, кто жаждет остаться чужаком для всего мира, для мира усреднённого,

Франция - благословенная страна. Важно лишь одно: чтобы европейский бомонд одиноких не отвергал ни одного затравленного заживо - будь то языком, кожей или душой.

Поучительная картина, дабы оценить твои сетования одиночки: вообрази, что ты находишься на последней планете последней галактики, за которой простирается черная Пустота - конечный причал всех светил. Половина твоего неба лишена звёзд, и именно к этой половине ты обращён из-за расширения твоей ледяной вселенной. И ты поймёшь, что Земля и её тяготение были исполнены райской благодати.

Когда царило знание, молчание было глубже, а одиночество - выше. Но ныне, когда ярмарка шумит громче всего вокруг торговцев фабрикатными знаниями... Чем менее продаваемо наше знание, тем бесценнее наши крики.

У моих радостей и слёз есть весомости и векторы: первые я ценю среди людей, вторые уносят меня в одиночество. *Одинокий, я плачу и смеюсь, и горько мне, что один я радуюсь и плачу и не знаю, не люблю людей* - И. Бунин. Но именно в самых многолюдных местах, где встречаются сила и духовный мир, надо бы изливать свою жёлчь. Лучшие жидкости сберегаются для пустыннейших мест. Для страдания или письма.

Я не знаю ни одного наслаждающегося жизнью одиночки, но всякий раз, когда я воображаю боль, несомую стадом, я вижу в конце их пути лишь бойню. Всё заразное не имеет значения; всякая эпидемия поверхностна. Остерегайся бесплодного страдания, того, что иссушает живой источник твоего одиночества.

Среди баранов известно, что отныне единственные места истребления - это бойни. Теперь сожалеют о лицемерах, возомнивших себя мучениками: *Одиночество тоже имеет своих фатов, и выдают они себя обычно тем, что корчат из себя мучеников* - А. Шницлер - *Auch die Einsamkeit hat ihre Gecken, und sie verraten sich meist dadurch, daß sie sich als Märtyrer aufspielen*.

Одиночество помогает вершинам не забывать о небо, а корням - оставаться в связи с существенным. Но всё остальное на твоём древе от этого страдает...

Ценность человека - это его крик (его цена - Т. Гоббс!), который даже не вопрос, а почти безмолвный вздох или шёпот. Мыслитель предпочитает крик молчанию: *всякое существо, постигающее твою вселенную, возносит ей гимн молчания* - св. Григорий Богослов. А как много ответов, напротив, взывают к слову Бога - среди глухих! *Именно молчание Бога обожествляет крик человека* - Г. Тибон - *C'est le silence de Dieu, qui divinise le cri de l'homme*.

Исцеляются, убегая от толпы - Сенека - *Sanabimur si modo separemur a coetu*. Мелкие недуги излечивают, крупные - усугубляют. В одиночестве учишься прежде всего тому, что в нас неизлечимо - дабы не гоняться за лекарствами и извлекать заметную пользу из ран.

В художественном творчестве априорное одиночество как исходная поза - фальшиво, механично или уклончиво; лишь одиночество апостериори, как достигнутая позиция, подлинно, органично и честно.

Столь многие фальшивые одиночки плачутся на проторённых тропах; столь многие прекрасные одиночества уживаются на агорах. Можно выдумать любовь или боль, но одиночество не выдумывают никогда.

Украдено у Аристотеля: *Чтобы жить в одиночестве, нужно быть ангелом или зверем* - Паскаль - *Pour vivre seul, il faut être un ange ou une brute*. Я отрекаюсь от крыльев и хрипов - и вот я пойман ползающей и визгливой толпой. *Одиночество требует ангельского жития, а неискусных убивает* - Нил Сорский. Сложив крылья, ангел, подобно альбатросу, становится опасно близким к зверю; его настигают рутина или цели, тогда как ангелично лишь Начало: *Ангел должен распластать крылья, дабы Бог вновь погрузился в тёмную книгу Начал* - Рильке - *Nur wenn die Engel ihre Flügel breiten, als ginge Gott im dunklen Buch des Anbeginns*.

Все наши беды происходят от неумения оставаться одинокими - Вольтер - *tout notre mal vient de ne pouvoir être seul*. И благо тоже! Чтобы испытывать твою беду, чьё-то присутствие достаточно, но не обязательно (можно маяться и в полном одиночестве); для блага посредник необходим, но недостаточен (нужен еще и судья). В одиночестве мы лишь грезим о благе; в толпе мы забываем его во имя действия, что ведет прямиком ко злу. В противоположность правде, достоверной лишь в диалоге, сольный монолог порождает лишь мечту, то есть ложь.

Одиночество есть увеличение: если всё хорошо - будет еще лучше; а если плохо - станет совсем скверно - Дж. Леопарди - *La solitudine è come una lente d'ingrandimento : se stai bene - stai benissimo, se stai male - stai malissimo*. Насколько мне известно, именно толпа отвечает за

сравнительный, усиливающий эффект: *Сравнение - это конец счастья* - Кьеркегор. Одиночество есть искусство фильтрации: оно учит нас жить исключительно превосходной степенью, что, пожалуй, и есть единственное подлинное счастье, ибо оно зиждется на мечте. Подобно высоте, что даруется не упорным восхождением моих ног, но мгновенным взлётом моей души.

Бог говорит, ему нужно отвечать. Единственное благо, оставшееся у меня в мире, - это то, что я изредка плакал - А. Мюссе - *Dieu parle, il faut qu'on lui réponde. Le seul bien, qui me reste au monde, est d'avoir quelquefois pleuré*. Эту слезливую странность можно постичь, лишь изведав подлинное одиночество, когда вес всех воспоминаний измеряется на врождённых и пристрастных весах с предпочтением, отдаваемым воздушному и жидкому. Что же до Бога, то молиться Ему - куда более честная форма диалога, нежели отвечать Ему. Когда Бог начинает говорить, наверняка где-то поблизости отирается чревовещатель.

Одиночество делает меня уроборосом с яростным аппетитом; в толпе я - сурок с унизительным несварением. *В одиночестве ты грызёшь свое сердце; в толпе его грызут другие* - Ницше - *In der Einsamkeit frißt sich der Einsame selbst auf; in der Vielsamkeit fressen ihn die vielen*. Цель жизни - вырвать у молчания несколько признаний, и потому вопль предпочтительней отвращения.

У страдания нельзя отнять его очевидное благодеяние: оно делает человека умнее. В глубине анализа. Но его синтезы зачастую суть лишь протезы. Интеллект, рожденный на хмуром челе, не разглаживаемом иронией, и разогретый упражнениями, может быть лишь искусственным;

лишь опущенное чело, источающее холодный пот, благоприятствует наилучшей проницательности.

Никогда еще благородство не было столь охвачено бессилием, а низость - столь жизнеспособна. Мы в конце концов начинаем стыдиться того, что в нас самих здраво, и гордиться тем, что нас терзает. Страдать - значит знать, что лучшее и чистейшее в нас бесполезно. Мелкие неприятности превзошли страдание по своей мобилизующей силе.

Наша симпатия колеблется между человеком верующим, человеком созидающим и человеком вопящим: вера, искусство и страдание; мистика, эстетика и этика. Из этих трех измерений удаётся либо создать избранное пространство - уединённое и Открытое вневременности (благородство), либо свести их к непрерывности, необратимости и открытости времени (инерция, конформизм).

Ни одно размышление, лишённое благородства, не может быть философским по своей природе. А философское благородство развивается лишь в двух сферах: в человеческом утешении, дабы ослабить нашу боль и украсить наше одиночество, и в погружении в музыку и тайну языка, дабы воспроизвести голос влюблённого, поэта, мыслителя.

Мы проходим через страсти, страдания, озарения; мы обращаем к их источнику, к своему неведомому «я», обеты признательности и благоговения; мы постигаем, что смысл существования заключается в поддержании этой глубокой жажды и этой высокой музыки. И тут натыкаемся на кретинов, для которых *высшая цель человека - познавать адекватным образом и себя, и все вещи* - Спиноза - *finis ultimus: se resque*

omnes adæquate concipiendum. От сих педантов и родился современный робот, чуждый и жажде, и музыке.

В общем и целом люди живут и мыслят в одних и тех же тропах и перспективах; отличает их лишь материал их бед и манера их слов - их тревоги и их стили - их поэтическая, а следовательно, и философская личина. Видеть в философии искусство жить или мыслить одинаково глупо. Ни один философ не жил восхитительно, ни один профессиональный философ не породил прекрасных или благородных мыслей, сравнимых с мыслями поэтов.

Нельзя плакать, дабы не быть утешенным - С. Вейль - *Il ne faut pas pleurer pour ne pas être consolé*. Утешительные слёзы - какое видение безутешной! Оставить кого-то безутешным, ибо это единственное утешение, что у него осталось!

Интеллект менее любопытен, нежели глупость; он опрашивает лишь немногие из источников страдания. Зато он мастак откапывать самые многообещающие. Занимаясь больше анестезией, нежели эвтаназией, наш век плодит безъязыких стариков и юнцов-малолеток. Школа страдания привлекает лишь прогульщиков духа.

Мудрость - это искусство поручать душе решение величайших задач человеческого удела: индивидуальности, братства, страдания, поэзии, страсти, благородства, созидания, языка. Ей противостоит стадный и/или роботоподобный дух. Ныне техника, экономика, наука, соборная философия суть враги мудрости, ибо они преданы второстепенному: полезности, истине, бытию, мощи.

Другие - это не Ад, а Чистилище; никому не дано избежать этой транзитной обители, но одни перенаправляются оттуда в стадный рай, а другие - в ад одиночества.

Тело суть датчики, посылающие сигналы душе, которая преобразует их в наслаждения, страдания или знания (в последнем случае душа именуется духом): сигнал - ласка/рана - музыка. Их связь - не феноменологическая сплавленность и не бергсонианское разделение, но сосуществование между источником и жаждой.

Философский дух заключается в искусстве ограничений: отбирать темы, достойные углубления, и ставить в них верные вопросы; нефилософ барахтается в вопросах второстепенных. Математик не ведает сути математических понятий, несчастный посредственен в живописании своего страдания, художник теряется в истоке прекрасного, а святой не знает истока блага. Увы, вместо того чтобы сосредоточиться на формулировании универсальных вопросов, профессиональный философ докучает нам своими готовыми ответами, предназначенными для клана завсегдатаев жаргона.

Превращать плоские ответы в глубокие вопросы и искать на них высокие ответы - прерогатива науки. Философия способна подражать ей лишь двумя ответами: человек тревожится и язык меня завораживает.

Интерпретатор - врач, узревающий в явлениях симптомы и вещающий афоризмами. Оценщик - художник, рассматривающий «перспективы» и изъясняющийся стихами. Философ - и художник, и врач,

одним словом - законодатель - Ж. Делёз - *L'interprète, c'est le médecin qui considère les phénomènes comme des symptômes et parle par aphorismes. L'évalueur, c'est l'artiste qui considère les «perspectives» et parle par poèmes. Le philosophe est artiste et médecin - en un mot, législateur.* Этот Ликург творит законы, воспевая неизлечимое, оперируя лишь живописные раны, живя естественным удушьем и живописуя искусственное дыхание.

Во все времена существовали искусство сытых и искусство страждущих, забава и музыка. Публичный затейник с лихвой брал верх над плачущими музами. Страдание придавало классикам тяжеловесность, романтикам - пронзительность. Оно исчезло с экранов нашего болтливого века, служащего одному аллегро.

Ни исповедей, ни завещаний, ни катехизисов - но музыку! Сотканную из вздохов, порывов, молчаний. Состояние души - конечная точка. Амбиция художника.

Зрение вне меня, а слух - внутри. И потому то, что ближе всего ко мне и пробуждает мои сокровеннейшие чувства - это музыка. Страдание и любовь сопутствуют музыке и должны быть ближе к Началу, чем вещи, не говоря уже о слове, этом пришельце последней минуты. Твоему перу надо внушить примат музыки и свести к минимуму место увиденного или словесного.

Писательство есть живопись голоса - Вольтер - *L'écriture est la peinture de la voix*. Выставленная в музее - быть может. Но чаще оно обращается к чердакам или, что еще лучше, к подпольям, где вопли и вздохи имеют ту же мощь мазка. Беда нашего века в том, что люди, не имея

ни собственного голоса ни таланта выдумать иной, принимаются писать. Надо быть мегаломаном, чтобы хорошо писать, но сей дар отказан графоманам.

Художник должен реагировать на конвульсии своей эпохи и оставаться непроницаемым для ее ритмов. Угадывать за мимолётной яростью времени - величественную вечность пространства.

Искусство кишит образами страданий. Блаженство, как и скука, покидают хорошие страницы, оставляя там лишь свои обещанья. Но подобно тому как самый радикальный скептицизм порой уживается с лучезарнейшей верой, перо, наиболее пропитанное гармонией, зачастую оказывается плодовитее всех в живописании катаклизмов и четвертований.

Острая боль сметает сомнение и заставляет принять любую достоверную мягкость, пусть даже пойманную с поличным на самозванстве. Добрый сомневающийся - человек, пирующий на широкую ногу и переполненный уверенностью. Страдать - значит не испытывать недостатка в свете, но оказаться под лучами того, что нас унижает, и не уметь укрыться в ближайшей тени.

Двойное перекрёстное осквернение слов «боль» и «страдание»: о кончине матери они возвещают как о боли, но любые хлопоты из-за несварения желудка описывают страданием.

Литература сегодняшнего дня - это рецепты, выписываемые больными - К. Краус - *Die Literatur von heute sind Rezepte, die die Kranken schreiben*. Я нахожу, напротив, авторов рецептов пышущими здоровьем.

Только вот обличаемые недуги похожи скорее на механические или компьютерные сбои, нежели на органические расстройства.

Бог хочет, чтобы я возвратился, обогащённый всеми своими утратами и выросший из бесконечной боли - Рильке - *Gott will, daß wir uns wiederfinden, reicher um alles Verlorene und vermehrt um unendlichen Schmerz*. Дабы принять эту благодать, предварительно я должен избавиться от груза своих побед и мелководья своего покоя.

Боль без видимых ран - профессиональная немощь, с которой люди обходятся как с заиканием или хромотой. Настанет день, и пройдут Олимпийские игры ипохондриков. Нужно отказать людям в роли арбитров и слышать на их трибунах уже записанный звуковой фон, но не ему диктовать ритм моих провалов.

Следует оставаться на равном разумном расстоянии между трепетом и словом (нотой, цветом, мрамором). Притягательность слова уравновешивает порыв сердца в прекрасном равновесии. Но существуют иррациональные расстояния, измеряемые душой: *Поэт ближе к смерти, чем к философии; ближе к боли, чем к интеллекту; ближе к крови, чем к чернилам* - Ф. Лорка - *Un poeta - más cerca de la muerte que de la filosofía; más cerca del dolor que de la inteligencia; más cerca de la sangre que de la tinta*. Но тебе лучше моего ведома механика рычагов: сердце весит больше метафоры, и точка опоры не должна лежать посредине.

Любую вещь можно увидеть под углом либо временным - прогресс или деградация - либо вневременным - высота или интенсивность. Смерть или жизнь, мощь воли или воля к мощи, необратимая сила или обратимый

вечный возврат (где вечное подчеркивает ничтожность времени, а не какое-то повторение). Вечность возникает тогда, когда время утрачивает всякое значение и навязывает себя накал - *вечный возврат того же есть неисчерпаемая насыщенность жизни как радости-страдания* - Хайдеггер - *die ewige Wiederkunft des Gleichen - die unerschöpfliche Fülle des freudig-schmerzlichen Lebens* - эквивалент высоты, *вершинный взгляд* (*Gipfel der Betrachtung* - Ницше).

Страдание вдохновляло юных; ныне оно отсутствует даже в зрелом возрасте. Скоро люди станут превозносить сердце лишь перед самым уходом из жизни. Но останется ли у них сердце? Это единственный орган, который не успокаивает ни одно обезболивание - ни духовное, ни химическое. И без этой терзающей боли наши прекраснейшие порывы остаются безгласными. От этой ключевой скорби путь ведёт прямиком к добродетели: *Calamitas virtutis occasio* - Сенека.

Лишь нравственное действие способно наделить жизнь достоинством - Эйнштейн - *Moralisches Handeln allein kann dem Leben Würde verleihen*. Достоинство сие измеряется нашивками и обеспечит тебе чистую совесть. Мне больше по душе, когда жизнь оценивается в трепетах и вечной боли, что пробуждает мечта о благе без поддержки рук. *Быть раненым пульсом, предчувствующим загробное* - Ф. Лорка - *un pulso herido que presiente el más allá*.

Ничем не делясь с человеком, можно испытывать к нему жалость. Но Mitleid (сострадание) предполагает эмпатическое соучастие, отчего оно и пользуется дурной славой у надменного тевтонца и славой на устах скромного мужика.

Страдание избрало Россию для своих долгих пребываний. Именно поэтому Россия больше похожа на человека, нежели на место. Знаток любых болезней внутренних органов, мягких и неподвижных средоточий, она начисто лишена понятия о добром здравии органов внешних, конечностей в действии.

Страждущему истина противопоказана. Она заставляет открыть глаза в момент анестезии. Интенсивный курс иллюзий и спасательных кругов, перенасыщенный несдерживаемыми обещаниями, унимает раны лучше швов рассудочного ума, специализирующегося на царапинах эпидермы. Жить истинами - значит судить тело по его шрамам.

Утешение подобно вере - облегчение, проистекающее из туманного, более или менее поэтического оправдания Бога или страдания: теодицея или алгодицея. Их противоположность - унылое отчаяние.

Иные носят связь с родной землёй словно змеиную кожу, чьё линяние безболезненно сбрасывает её и преображает живущее дальше. Другие, более нутряные, привязываются к отечеству через музыку (языка или взгляда на природу и культуру). Кожу сбрасывают, слух - обогащают.

Душа ослепляет меня светом красоты, сердце заставляет радоваться теням ласки, тело учит меня мраку страдания, а объединяющий дух слагает их под звездой благородства.

Выбор стоит между тем, чтобы, внешне, творить благо - утешая несчастного или освобождая его от страдания - и тем, чтобы, внутренне,

пребывать во Благе через трепет или стыд. Чем чище человек, тем радикальнее встаёт этот выбор: *Во всех трепещущих проблемах выбор стоит между Благом сверхъестественным и злом* - С. Вейль - *Dans tous les problèmes poignants, il y a le choix seulement entre le Bien surnaturel et le mal*.

Рабская инерция делает безмятежным, Начало свободного человека делает его тревожным. Понятнен конформизм искателей душевного покоя. Бердяев - *Свобода порождает страдание, отказ же от свободы уменьшает страдание*.

В мире без Бога, по словам предвестников беды, философов, нужно предаваться нелепице, ужасу, тревоге. Я же вижу здесь лишь механическую тоску для бесплодных и творческую свободу для плодовитых.

Достаточно быть умным и чуть-чуть чувствительным, чтобы реальное страдание захлестнуло тебя в любой миг бытия. Сытый *ждёт страдания, чтобы поработать* - М. Пруст - *attend une souffrance pour travailler* - сии страдания - желудочные, административные или донжуанские - переживаются на званых обедах, где пичкают сердечные боли.

Боль чаще всего приходит извне, поражает мое тело, выражается чёткими знаками, легко толкуемыми. Страдание рождается в моей душе вследствие тревожных представлений, порождаемых моим умом; оно, как и вся моя нематериальная сущность, - неизлечимо, что бросает вызов моим кистям и перьям. Боль повествуют, страдание - воспевают.

На примере траектории потомков несчастных, из Миссолонги или Камири, мы видим, как в сравнении с нашими современниками померк престиж прекрасного и героического: программирование и банкирское ремесло обрели куда более отчётливую и решительную притягательность, нежели перо или шпага.

Все мои контакты с социальной реальностью завершались отвращением, унижением, стыдом. И тем не менее, едва румянец спадал с чела, как синева мечты возвращала мне счастье. В конце концов я отделил свои воспоминания от того, что было лишь правдивым, дабы сберечь лишь то, что было вымышленным. Этот дар вездесущности спас моё согласие с чудесным.

Почти всякий бунт труслив; сильнее всего страдаешь тогда, когда сожалеешь о собственной капитуляции, что, быть может, есть наилучший способ *обставить собственные похороны - réussir son enterrement* — Ж. Ферра. Быть счастливым - значит уметь валяться в полном сознании в собственных руинах. *Ищешь счастья? - Научись сперва страдать* — И. Тургенев. К счастью, горизонт счастья забрезжит, стоит любви озарить небосвод. *Любовь даётся затем, чтобы показать, какое страдание мы способны вынести* - Г. Гессе - *Die Liebe ist da, um uns zu zeigen, wie stark wir im Leiden sein können*.

Добродетели суть осадки социальных правил, и сострадание - вовсе не добродетель. Сообразуясь с высотой своего пера, художник избирает на оси «сострадание - равновесие» ту ценность, что позволяет сохранить максимальную интенсивность его суждений. Равнодушие питает гордыню,

сострадание поддерживает гордость. Ницше горделив, я же - горд. К тому же жалость к тому, кто талантливее тебя, но страдает сильнее, требует ума, коего недоставало нашему филологу.

Стыд - единственная неизлечимая рана, каков бы ни был ее источник: от нижайшего до высочайшего, от твоего позора - до твоей любви. *Даже если раны любви не убивают, они не исцеляются никогда* - Байрон - *Even if the wounds of love do not kill, they never heal*.

Любая слеза что-то очищает: сердце, перегруженное любовью или стыдом; душу, омрачённую непосильной красотой; разум, во власти чёрного отчаяния.

Единственная цель моральной свободы - возвысить тебя перед лицом сокрытого Блага: пожертвовать наслаждением, дабы страдание обрело высоту, остаться верным страданию, дабы возвысить наслаждение.

Перед лицом чудовищного нагромождения Зла, возводимого всеми нашими делами, можно взывать к трём судьям - разуму, очам духа и взору души. Первый выносит вердикт об извращённой свободе человека-злодея; вторые клеймят дурного демиурга; третий изумляется самому существованию нашего чувства Блага и благоговеет перед непостижимым и зачастую бессильным Творцом.

Секрет долговечной любви кроется в привилегированном, хотя и необъяснимом месте страдания перед лицом очевидности удовольствия. *Удовольствие скрывает от нас любовь, но боль открывает её в ее сути* — О. Уайльд - *Pleasure hides love from us, but pain reveals it in its essence*.

Даже в счастливой любви необходимо поддерживать атмосферу глубоких руин, дабы воссоздать из них высокие и таинственные Начала. Хотя бы из профилактических соображений: *Какое счастье любить и какой ужас сваливаться с этой высокой башни!* - Чехов.

Даже тот, кто никогда не ведал одиночества, влюбившись, открывает его муки и прелести. Утверждение, что поэт - это влюблённый, неизбежно подразумевает, что он одинок.

Материальная нищета обладает уникальным свойством порождать миражи из-за множества недоступных вещей; и именно так, после отсечения несущественного, формируются грёзы о существенном. После материнской любви это вторая причина моей привязанности к моему детству.

Француз любит жизнь, лишь когда она избавлена от страдания; русский любит жизнь в страдании, ибо оно необходимо ему для получения права на суд. Немец же требует абстракции: *Русский любит жизнь такой, какова она есть; немец - такой, какой она могла бы быть* — К. Моргенштерн - *Der Russe liebt das Leben wie es ist, der Deutsche – das Leben wie es sein könnte*.

Страдания и боль, обусловленные человеческим уделом, поражают с одинаковой интенсивностью и утончённых интеллектуалов и хамов, и, что важнее всего, влекут за собой одинаковые последствия. Никакой культ подобного рода бедствий не способен принести ничего позитивного сколь угодно развитому или глубокому человеку, и никакое утешение не

остановит нашего падения в бездну. Зато страдание, связанное с фатальным угасанием наших грёз, ведомо лишь людям, чья душа достигла определенной высоты. И цепляние за воспоминания о наших прежних порывах может послужить утешением - обманчивым, но благородным.

Твои былые счастья и несчастья служат тебе светом и тенями; свет этот тебе весьма необходим, но лучше всего выражают тебя тени твоих скорбей. Без света совершенно справедливо изречение: *Страшная истина такова: страдать бесполезно* - Ч. Павезе - *La tremenda verità è questa : soffrire non serve a niente* - должно быть, ты погасил в своей памяти все искры радости бытия.

Мое известное «я» узнает себя лучше всего в очаровании; боль слишком банальна, чтобы высветить хотя бы одну личность. К тому же боль разит разум или тело, очарование же ласкает душу; душа же умеет преобразовывать свою боль в порывы или грёзы.

Наши органы чувств помогают нам ценить всё то, что воображает разум или созидает душа. Но Благо, ласка, сей язык сердца обходятся без наших органов чувств. *Благо - это язык, на котором говорят немые и который слышат глухие* - М. Твен - *Kindness is a language which the dumb can speak and the deaf can understand*.

Лишённая художественного, сентиментального или духовного творчества, жизнь застывает в плоских болях или тревогах. *Всё духовное извечно было моей анти-жизнью, моим обезболивающим средством* - Валери - *Tout ce qui est spirituel fut toujours mon anti-vie, mon anesthésique*. Ежели лекарство носит сугубо духовный характер, боюсь, затишье

обернется лишь пресностью, оцепенением, параличом. Искусство или страсть углубляют боль и усиливают тревогу.

Страдание умаляет благородство, ибо оно пробуждает ропот. Жабы с кропильницы думают иначе: *Всякое благородство заключается в том, чтобы страдать и сопротивляться* - П. Клодель - *Toute noblesse est de souffrir et de résister.*

Боль рано или поздно поразит каждого из нас; земные наслаждения тоже покинут нас. Гнаться за ними торными путями - глупо; я предпочел бы им обоим нехоженые тропы, ведущие к мечте, пусть даже в конце меня ждёт тупик. Утешиться от реальной боли или стать рабом заурядных наслаждений можно лишь одним способом - обратив взор к неугасшей грёзе.

Под пыткой, как учил нас Солженицын, можно лишь скулить без всякого достоинства, как резаный боров, а грязь оскверняет любую чистоту. А. Рембо, напротив, учит нас, что так называемые мученики, пресыщенные люди, затягивают учёную мелодию с высоко поднятой головой, чистой душой и просветлённым взором. Никакого просветления для того, кто побывал в концлагере; мрак не покинет его уже никогда.

Нищета и одиночество преследовали меня как в детстве, так и в юности. Но мне надлежало утешать мать, чьё несчастье было куда масштабнее и неизлечимее. Добрый Сенека со стоицизмом своего письма к матери помог мне. Я подражал ему: *Ибо даже не сумев остановить твоих слёз, я преуспел бы в том, чтобы утереть их - Cum lacrimas tuas, etiam si supprimere non potuissem - abstersissem*.

Когда твоё тело терзаемо болью, когда социальные или сердечные неурядицы изливают в тебе жёлчь и недовольство, куда легче обличать вместе с Вольтером и Чораном наш неудавшийся мир, нежели узреть вместе с Лейбницем и Эйнштейном в нашей прекрасной планете микроскопический рай посреди мёртвой безбрежности Вселенной, лишённой разума, красок и музыки.

Боль и ласка кажутся единственными ощущениями, поровну разделёнными между телом и разумом. Все прочие - память, мускулы, воля - имеют единственную обитель.

В реальности ты страдаешь и познаёшь азы будущей глубины твоего знания; в мечте ты расцветаешь, ты открываешь вечную высоту своего достоинства. *Несчастье - хорошая школа; счастье - лучший университет* - Пушкин.

Идеальное проистекает из реального, как душа - из тела. Любая идея идентичности, слияния, единства между ними не имеет никакого смысла. Единственное исключение - математика, где реальное и идеальное тождественны.

Не то чтобы я чувствовал себя чуждым всем коллективным ранам, но речь идет скорее о разнице кровоточащих мест. Задетый у меня орган я не наблюдаю у других. Как, впрочем, и в случае с коллективными энтузиазмами. То, что навязывают мне другие, - это язык, степень свободы, доступный покой. Мои же метафоры и тревоги принадлежат исключительно мне.

Другие столь же очевидны для тебя, как медведи или розы, они выстилают реальность. Самое нереальное - твое неведомое «я», сие пред-вербальное, пред-идеальное, пред-иконическое сознание; твоё известное «я», напротив, погружено в реальность. Первое, нарциссическое, учит тебя тому, чего ты стоишь; второе, социальное, учит тому, чего стоят другие. *Постижение реальности - это нарциссическая рана* - Р. Дебре - *L'apprentissage de la réalité est une blessure narcissique* - гладь воды - единственный источник познания Нарцисса; единственная гладь, отражающая тебя на фоне небесной лазури, в противовес реальности.

Невежество - состояние наиболее благодатное для блаженного существования; знание приносит страдания, о коих не ведают глупцы. Вместо того чтобы утешить ум, израненный познанием, наивный Будда вопрошает в обратном направлении: *Страдал ли ты ради знания?*

Знание углубляет наши корни, расширяет горизонты, возвышает наше страдание.

Утешительная высота - это благодать, подвешенное состояние духа, избегающее всякой земной тяжести. Несводимое ни к словам, ни к идеям, ни к образам. Но таково же было бы и определение музыки. *Музыка стремится вернуться в неопределенное состояние, в коем концентрируется израненная жизнь* - П. Слотердейк - *Die Musik strebt in den Schwebezustand zurück, in dem sich das verletzte Leben sammelt*.

Успех приносит эфемерные наслаждения; преуспевание делает пресными столь многие источники наивных и естественных удовольствий.

Страдать - это мёд, даже если страдать - это жёлчь - Мейстер Экхарт - *Es gibt nichts Galligeres als leiden und nichts Honigsameres als gelitten haben*.

Для художника слёзы и смех - суть партитура; без музыкальной или словесной интерпретации они остаются мёртвой буквой.

Из сладострастия благородных слов рождаются, в муках, незаконнорождённые идеи.

Для изречения мысли разум не должен быть одинок: в этом должны участвовать сердце и душа; первое - дабы облагородить содержание, вторая - дабы отточить форму. Впрочем, это осуществимо лишь с теми, у кого есть сердце, кричащее о боли, и душа, творящая утешение; у прочих же сердце зажато в тиски, а душу попирают ногами.

Сколько новых диагнозов и лекарств в философии, но место для боли сжалось шагреневой кожей.

Трагедия

Нигилист, принимающий мир, = сверхчеловек. Он пассивен - его натянутая тетива не доходит до ожидаемой дрожи; его стрелы никуда не летят. Или же отрицание, и не на полуоборота, а полного, трагического вечного возврата, когда каждая поражённая мишень заново становится взглядом. Трагично, ибо предмет нашей томящей тоски - то потустороннее, что вроде бы существует, - всегда скроется от наших путей, наших ломок и наших взоров.

Слово *благородство* идёт от *блага* (сердца) и красоты (души) в сфере духа, где оно обретает столь же первородное значение, что и сами эти метафизические ценности. Б. Пастернак - *Дарование открывает, как сказочно много вносит честь в общедраматический замысел существования*.

Поначалу они думают, что обнажают свою душу, являя взорам других одну лишь свою эпидерму. Однако непрекращающийся балет щекоток, разрывов, ласк заставляет быстро забыть автора всякой музыки; мы не ласкаем струн души - мы их натягиваем, ибо первейшая функция музыки есть напряжённое, трагическое, а вовсе не расслабленное, игровое.

Едва я позволю реальности захлестнуть себя, как сведение основ существования к комической или трагической стороне становится задачей неблагодарно-простой; отсюда важность сохранять в себе достаточно

пустоты, дабы приютить в ней мою мечту - врага театральных порывов; руины - противоположность сцене.

Что такое интенсивность? - не итог ли это пламени, переданного музыке, дабы запечатлеться в душе, не оставляя следов вещей, инструментов и финалов? Загадка духа, выбирающего эту траекторию, - вечно трагический импульс Начала. *Трагическое начинается с крушения подражаемого* - Ф. Лаку-Лабарт - *Le tragique commence avec la ruine de l'imitable*. Начало есть вселение в башню из слоновой кости; чей снос, в конце, неизбежен. Два возможных исхода: послужить стройматериалом или стать неприкасаемой руиной, нарождающейся мечтой: *Если разрушаешь, то орудиями брачными* - Р. Шар - *Si tu détruis, que ce soit avec des outils nuptiaux*.

У глаз - две несовместимые функции: быть источником слёз или Началом взгляда. Было бы разумно уравновесить их, не пренебрегая ни одной: *Уж лучше жаловаться, чем объяснять* - У. Фолкнер - *Ever complain, never explain*. Оплакивай прекрасное, отыскивай истинное. Тело усложняет, дух объясняет. Заражение между ними передается через уши - источник антишумовой иронии или усиливающей какофонии.

Смысл моего существования - интенсивность моего взгляда, то есть моего подхода к жизни, достигаемого прежде всего благодаря налагаемым на себя ограничениям: ставить желание выше силы (воли к власти), не задерживаться на вещах изменчивых, поддерживать превосходство взгляда (вечный возврат того же), возвыситься над ценностями, дабы самому стать их вектором (переоценка всех ценностей) - три синонима ницшеанского

плана. Жизнь, воля к власти, искусство - как три ипостаси единой трагической субстанции!

Когда внутренняя жизнь достаточно интенсивна, любое внешнее событие переживается как незначительный возврат того же, поскольку он не меняет главного. То, что демон прокричал Ницше как трагическое и банальное Начало (incipit), ангел пропел мне как ироничное и музыкальное Довольно! (sufficit). Но возврат вечен, ибо касается лишь демонов или ангелов, не ведающих времени и окруживших себя бытием. Разве что это один и тот же персонаж, поскольку демон, простирающий свое согласие вплоть до собственного рокового падения, вновь становится ангелом.

Философия должна бы вызывать желание посмеяться за кулисами над комической формой человеческого существования и заплакать перед лицом трагической глубины его сущности. Но *профессиональные зануды* (*Denker von Gewerbe* - Кант) заставляют нас зевать над статистической плоскостью субстанции; комедия кажется им донельзя недостойной, а трагедия - смехотворно заурядной.

Не в твёрдости мышц, но в жидкости своих слабостей человек кардинально отличается от зверя: в слезе, в чернилах, в жёлчи. Доколе кровь, а не лимфа питает его душу.

Цель всякой философии - ни постигать, ни усиливать мировой шум, но научиться извлекать из него музыку. И музыка эта всегда должна нести радость, пусть даже у самых тонких слухом она пробивается сквозь слёзы. Философия заключается в поднебесном возвышении того, что тянет нас к земле.

Мысль без поэзии, жизнь без высоты - это пейзаж без неба, в нем задыхаешься - А.-Ф. Амьель - *Une pensée sans poésie, une vie sans hauteur - c'est un paysage sans ciel, on y étouffe*. Дыхание перехватывает и на высоте и в прекрасном ритме , но тяжёлое дыхание дурного воздуха искупается вдохновением, даруемым благой властью - крови, чернил или слёз. Там обретаешь потусторонний климат.

Мир, человек, человеческое восприятие мира - три чуда одного порядка. Исходим ли мы от человека (Протагор, Кант, Ницше), от мира (Спиноза, К. Маркс, Хайдеггер) или от связи между ними (Аристотель, Гуссерль, Сартр) - придти можно к одной и той же понятийной сети. Разнит эти видения не столько проблема представления и интерпретации, сколько доля и качество экстаза - трагического или ликующего - перед лицом тайны. Интеллект, благородство, талант - такова восходящая шкала лучших умов.

Чувствовать себя трагическим и живописать это комически. Стремиться к комическому и пробуждать трагическое. Такова цена моего вкуса к контрастам, примиряющимся на единой оси, преданной той же интенсивности.

Если я буду обращаться лишь к слуху, я в конце концов стану перечислять ноты вместо того, чтобы дать услышать свой голос, который ценен лишь своей высотой, то есть пафосом или стыдом, комизмом басов и трагизмом высоких нот. Проповедовать знание как содержание послания - всё равно что считать знание сольфеджио условием музыкального переживания.

Чего я жду от литературы: либо интеллектуальной материи, вознесённой талантом (Валери), либо тона, который годился бы одновременно для чтения сквозь слёзы или сквозь смех (Шекспир и Сервантес). Но эти два истока, по-видимому, никогда не пересекаются.

Что придает смысл этому письму, так это идеальный читатель, моё *alter ego* (или, скорее, моё *altus ego*) - тот, кто, открыв эту книгу, сначала ощутил бы зависть, прежде чем поддаться её чарам. Но равные мне - вымышленные, невозможные, - поняли бы меня и вместе оплакали бы предречённое поражение, безотчётную любовь, так и не поднявшись до моих глаз.

Искусство - это борьба со случайностью, но оно само содержит два типа внутренних случайностей: случайность излучения и случайность отражения; первая - это бросок костей, совершаемый всякой мыслью (С. Малларме), вторая - бутылка, брошенная в море; драма послания и мытарства пересылания.

Писательская гимнастика заключается в систематическом устранении всего драматического - исключения, обострения, крайности - и замещении его в равных дозах трагическим и комическим.

Неслучайно первыми искусствами стали поэзия и театр: поэзия удовлетворяет первейшую потребность души - музыку во взгляде, в слове, в жесте; а театр удовлетворяет первейшую потребность духа - создавать абстрактные сцены, на которых разворачивались бы трагедии или комедии, передающие замысел Драматурга, вводящие в игру талант актёров,

роскошество декораций, пространственные ограничения, словесные запасы и финальные развязки. И философский интеллект начался с самого поэтического жанра - с афоризма.

Возводить случайность в достоинство судьбы - трагическое искусство; низводить судьбу до трущоб случайности - комическое искусство; читать судьбу в случайности, смеяться над случайностью в судьбе - ироническое искусство.

Что касается искусства, самое полезное знание - это знание того, как рождается слеза.

Поэт любит весну за рождающиеся химеры, а осень - за угасающие. Едва распустившиеся и едва увядшие цветы. Воспевать явления, оплакивать исчезновения - противоположность Ницше: *быть беспощадным к тому, что слабо или умирает - unerbittlich sein gegen alles, was schwach und alt an uns ist*.

Французы полагают, будто создали трагедию более совершенную, чем у других, но совершенство - категория не художественная, она принадлежит реальности. Присутствие воли приближает к реальности, но удаляет от трагедии, которая, как у Шекспира, заключена в долге без воли или, как у Чехова - в безволии лирического долга.

Рождение сухого стиля: кровь или слеза подступают, готовые пролиться на мою страницу; их слишком быстрое брожение рисковало бы заставить забыть вкус их Начал. В конце концов я посвящаю себя древу - хранителю неизъяснимых Начал, проводнику невидимых соков.

Мало того что невозможно решить, рождается ли красота вещей в них самих или в нашем взгляде, так ещё и всякая крайность здесь приводит к трагедии: *Весьма несчастным был бы тот, кто обладал бы внутренним чувством прекрасного и никогда не признавал бы прекрасного в предметах* - Д. Дидро - *Un être bien malheureux serait celui qui aurait le sens interne du beau et qui ne reconnaîtrait jamais le beau dans les objets*, а счастье того, кто лишён собственного взгляда, может быть лишь очень кратким.

Идеальное произведение: содержание - трагическое, дионисийское, смиренное, переданное формой - аполлонической, царственной, укрощённой.

В современных учёных трудах авторы не отдают себе отчёта в том, что любой из их коллег мог бы написать те же самые мудрёные выкрутасы и что их выбор понятий и связей между ними - лишь случайность академических традиций. Возьмите, к примеру, следующее: *Деление есть фундаментальная структура трагической вселенной* - Р. Барт - *La division est la structure fondamentale de l'univers tragique* - превосходная картезианская нелепица, с которой можно позабавиться в игре подстановок! Наугад, замените деление на умножение, вычитание, сложение; структуру - на описание, поведение; фундаментальную - на вспомогательную, излишнюю; вселенную - на уголок, кухню; трагическую - на комическую, эпическую - всё окажется столь же обоснованным и глупым! От *Гаргантюа* до *Федры* - проходит всё.

Некогда лишь немногие редкие, прекрасные и одинокие голоса, величественно равные, воспевали головокружение трагических глубин или

романтических высот. Ныне же - орды истеричных, низких и стадных голосов, чтобы повествовать о плоском, избитом, заурядном.

Как кончают тем, что привязываются к максиме в ущерб повествованию? - сохраняя от оперы лишь драму, от оратории - лишь тайну, и сосредоточиваясь на кантате, поскольку в драматическом и таинственном важны лишь музыка и голос, не разбавленные долготой и действием.

Невзрачность сочинений возникает у простоватых авторов из-за тождества между тем, что у них есть, что они делают и чем они являются, - эти три грани у них прозрачны и сводятся к общим константам. И именно из невозможности этого тождества у тонких натур произрастает их драматическое древо, все ветви которого отягощены индивидуальными неизвестными.

Искусство - это утверждение целых осей: Блага и Зла, силы и слабости, верности и жертвы, гордости и смирения, близости и дали. Тогда как жизнь, то есть инстинкт и здравый смысл, склоняет меня к одной-единственной крайности - этическому выбору с его трагедией: ничтожностью дел. Трагедия искусства выражается иронией, которой заслуживает крайность эстетического насилия, и состраданием, которое внушает кроткая крайность этическая. Применяемые в равных дозах, они обеспечивают интенсивность того же самого.

Трагедия должна проходить сквозь меланхолию, сквозь эту жажду, рождённую конфликтом между лирическим *хочу*, эмпирическим *должен* и аристократическим *стОю*. Вот почему трагические комедии, проживаемые

персонажами Чехова, стоят выше комических трагедий, которые играют пресыщенные властью (Иов, Андромаха или Гамлет) и пресыщенные знанием (Фауст или Манфред).

Наши бренные останки уносят в землю или на кремацию под унылую музыку Шопена - музыканта, чей романтизм лишён всякой трагической ноты; эта музыка годится разве что для купца, предающегося грёзам у камина и перебирающего счета. Даже у членов Политбюро вкус был лучше: они предпочитали *Патетическую* для своих последних почестей. Бах романтичен, ибо его музыка заставляет прожить трагическую радость одинокого человека, чья слеза течёт внутрь (у Моцарта она возносится, у Бетховена - усиливается, у Чайковского - насыщается); Шопен же таковым не является, ибо слёзы дам в парижском салоне быстро высыхают на надушенном платочке.

Каждый интересный человек изобретает свой собственный язык; и одиночество часто оказывается лишь нехваткой дара или интереса к расшифровке чужих речений. С тех пор как жизненный минимум туземных идиом - слеза и румянец на лбу - вышел из обращения, из этого бормотания извлекают лишь логические формулы.

Удавшееся одиночество - либо ад в слезах, либо небо божественного благоволения. Неудавшееся одиночество - осквернённое небо либо ад без бунта.

Строго говоря, невозможно видеть вдвоём одного и того же призрака, поскольку глаза двух существ редко обладают одинаковой аккомодацией, одинаковым блеском или одинаковой слезой.

Вид ни одной страны больше не заставляет мое сердце биться чаще: Здесь, наконец, я дома! Остаются лишь одинокое древо, беотийские Дельфы или сибаритский Пестум - словом, благородные руины, что могли бы приютить мою ностальгию.

Прекрасный ницшеанский замысел: дать говорить желанию, а не мысли. Выясняется, что первое, вопреки всем повелениям второй, приводит к одиночеству, подражанию (*Nachfolge* или *Nachahmung*), мести или досаде (*Rach-* или *Nachgefühl*). И предвзятая мысль тут ни при чем. Аполлону остаётся лишь следовать за Дионисом; но рука об руку они встречаются только в трагедии.

Miserere, пропетое хором толпы, ведомой Судьбой, стоит целой философии - Унамуно - *Un Miserere, cantado en común por una muchedumbre azotada del Destino, vale tanto como una filosofía*. Философия должна предаваться одиноким вздохам и песнопениям; хоры и толпы отдаляют от неё. Она начинается с плети, которой тебя наказывает твоя совесть; устранение судьбы - её инструмент. *Античная трагедия есть трагедия рока, христианская же трагедия есть трагедия свободы* - Бердяев.

Вздох и слеза. Вздох вздымается, слеза падает. Продувание задыхания, орошение взгляда. Вздох хоронят, в слезе отражают звезду. Вздох уносит тебя, слеза приковывает. Из вздоха рождается слово, которое слеза делает ненужным. Это лебединая песня, ибо на будущих состязаниях за самый прекрасный вздох и самую горячую слезу будут лишь змеи и крокодилы.

Истинная мука - не в том, чтобы больше не быть, а в том, чтобы не уметь быть без обладания. Я - лишь интенсивность, но мне надлежало бы овладеть землёй - чтобы запечатлеть свою эпоху, воздухом - чтобы быть вдыхаемым, огнём - чтобы оставить следы и водой - чтобы чернила доверили землю бумаге. *Не вечности попросишь ты у жизни, но интенсивности* - Ницше - *Auf die ewige Lebendigkeit kommt es an, nicht auf das ewige Leben*.

Страдание - лишь таинственное принуждение, делающее еще более величественным подлинный поиск - поиск счастья высокого взгляда на жизнь, ибо *слишком легко презирать жизнь в несчастье* - Марциал - *rebus in angustis facile est contemnere vitam*. Будда, узревший в нем исток всякого знания, дисквалифицирует себя этой близорукостью. *Через страдание дух становится жизнедеятельным и достигает абсолюта лишь через ограничения* - Кант - *Der Geist wird durch Leiden thätig, gelangt zum Absoluten nur durch Schranken*.

Когда будничный сок жизни доступен, пот испаряется, чернила затвердевают, слеза иссякает, но кровь опьяняет - кровь других. Лишь поэту известна мучительная жажда у источника. Тантал, который вместо того, чтобы докатиться до жеста, возвысился бы взглядом. Разве Силоамский источник не вернул взгляд угасшим глазам? Смутное желание у чистого источника, или, как сказал бы З. Фрейд, либидо, - вот имя этой жажды.

Чтобы говорить о себе, хныканье кажется более подходящим, чем ликование. Страдание, как ни странно, принимает форму твоей сущности,

тогда как наслаждение странно анонимно. Возникает соблазн поверить, что in principio слово сопровождалось болью и выражало только боль.

Чтобы заглушить тревогу несуществовавния, есть три жизненные уловки: действовать, созидать, любить. Их искусственность легко выдает себя, за исключением благословенного случая, когда эти три ширмы падают с одной и той же высоты и заслоняют одну и ту же сцену.

Захлёстнутый счастьем, теряешь образ Бога. Удручённый страданием, словно озарённый красотой, присутствуешь при величественным явлении Бога. И всё же: *Счастье и красота вытекают одно из другого* - Б. Шоу - *Happiness and beauty are by-products*. Бог, чьё присутствие, возможно, кроется в удивительной встрече прекрасного и ужасного (*fair is foul and foul is fair* - Шекспир, в травматологическом, а не метеорологическом прочтении), по той простой причине, что боль и гармония не принадлежат никому. Сверкающая маска искусства на ужасном лике жизни - таковой была бы судьба художника.

Два ложных рецепта против тревоги: смирение или презрение, опирающиеся либо на софистику, либо на эристику. Оба этих лекарства в конце концов усугубляют болезнь. Дружба слова или человека - более мягкое паллиативное средство: дружба водевильна, тогда как смирение трагично, а презрение драматично.

Нелепость Достоевского: детская слезинка, заставляющая его вернуть билет Богу; нелепость Бергсона: один-единственный проклятый ребёнок, сводящий на нет Творение; нелепость Эйнштейна: один-единственный несчастный ребёнок, делающий невозможным никакой

прогресс; нелепость А. Камю: возмутительно неоправданное страдание ребёнка; нелепость Сартра: книги не имеют веса перед лицом умирающего ребёнка; нелепость этической ввязанности, усматривающей в страдании детей абсолютное зло - хороший писатель есть божественное присутствие, всегда включающее в себя хорошее детство, хорошую плакальщицу и хорошего гробовщика! Безутешный, как отец в *Kindertotenlieder*, и неумолимый, как *Erlkönig*. Одной из целей искусства было бы: как превратить детскую слезу в мысль взрослого человека.

Воображаешь себе славное мученичество, которое терпишь от рук сорвавшихся с цепи и исполненных ненависти каналий, и прогибаешься перед равнодушием честного человека без злого умысла.

Если я хочу стать сильным, я пробужу в себе хищника и буду обязан его кормить. Терзая самого себя.

Самые прекрасные перья проповедуют сухой стиль. Чтобы не плесневеть посреди своей прежде слезливой прозы, не скрывай, но ваяй свою слезу. Извлеки ее из подполья и посели в руины. И пусть твой стиль станет взглядом: *Стиль есть абсолютный способ видеть вещи* - Флобер - *Le style est une manière absolue de voir les choses*. Обладать стилем - значит владеть случайностью и управлять рутиной посредством магнетизирующего выражения.

Соблазн сказать себе: Бог против меня. Он должен существовать для меня лишь иронически и никогда всерьёз, эдакий безмолвный чудак. В моей клетке и одновременно снаружи. Стать взглядом, пронизывающим мои решётки и сопутствующим моим побегам.

Не сама судьба трагична для прометеевского человека, но поражение в борьбе с ней. Всякая борьба комична, каковы бы ни были противник и ставка, - кредо ирониста, соглашающегося быть хромым при условии сражаться только с ангелом.

Первая функция слезы - реагировать на вторжение инородных тел в наши глаза (материи в наш взгляд). Долина слез хорошо подходит для воздвижения доброй и чистой высоты взгляда на фоне крушения.

Три исхода страдания: оно тебя плющит (в глубину), оно тебя устраняет (из протяженности), оно тебя озаряет (в высоте).

Радостные и внешние проявления наших порывов - младенец, привязывающийся к матери; влюбленный, забывающий мир ради пары глаз; творец, одержимый славой, - имеют, возможно, одно и то же тёмное и внутреннее Начало: бедствие брошенности, нехватки или одиночества.

Разум все больше отождествляет себя с изречённым; единственными свидетелями неизречённого скоро останутся смех и слезы.

Что современность выигрывает в тревогах, то она теряет в трагедиях; мучительная грусть души превратилась в тошнотворную жёлчь разума.

Задержавшись у дионисийских таинств (танец по Ницше) и таинств орфических (пение по Рильке), я остановился у Элевсинских таинств, где царит ритм без обрядов. Прошлое, настоящее, будущее, посвящённые

трауру: Дионис, оплакивающий свою мать; Орфей - свою супругу; Деметра - свою дочь.

Всякая борьба в конце концов обесточивает наш дух еще немного больше; шопенгауэровское смирение и ницшеанская жизненность отнюдь не противостоят друг другу, и часто одно приводит к другому, дабы вызвать рождение трагедии.

На время вздоха пение отделяет душу от тела и заставляет забыть страдание: *Кто воспевает свой недуг, тот его завораживает* — Ж. дю Белле - *Qui chante son mal l'enchante*. Кто о нём повествует, в том угасает чара. (Забытая запятая обеспечивает здесь поэзию: португальцы прозаизировали бы: *Кто поёт, свой недуг завораживает; кто плачет, свой недуг приумножает*).

Трагедия смущает того, у кого чистая совесть, и очищает того, у кого она смущена.

Трагический человек - это тот, чьё сострадание обречено не находить объекта и чей стыд не объясняется никаким поступком. И никакой лазейки благодаря случаю; суровый и обнажённый закон. Люди гордыни или ненависти, вопиющие о трагедии, выражают лишь тоску своих коллоквиумов и званых обедов.

Главная причина этого всеобщего людского хныканья из-за внешнего несчастья, разрушающего их, - их непроницаемость для трагического чувства, полагающего в нас самих Начало всего, что заслуживает быть оплаканным.

Никто не избегает соблазна изобразить ужас Страшного Суда: посредственный - чтобы пересказать ужас неумолимого Мстителя; глубокий - чтобы протрубить *ex cathedra* тот ужас, который он сам питает к себе подобным; надменный, наконец, - чтобы прожить тот ужас, который он причиняет самому себе в глубине своих руин, на скамье подсудимых.

Согласие с миром или смирение потерпеть в нем крах - эти две кажущиеся антиномии, солидаризируясь, становятся двумя гранями одной и той же трагедии; стало быть, Ницше в этом отношении - лишь продолжение Шопенгауэра.

У души лишь один словарь - словарь трепетов, в нём не различить ни образов, ни слов, ни концептов; это единственное достоверное Начало трагического чувства: не узнавать мою душу в языке моих жестов или моих мыслей, к которому я сведён или приговорён.

Наслаждение - ощущение столь же таинственное, сколь и страдание (не будучи его отрицанием), но из которого извлекают лишь весьма бледные образы. Не из-за малой ли амплитуды шкалы «наслаждение - отвращение» по сравнению со шкалой «страдание - покой»?

Наша душа универсальнее нашего сердца, поскольку она восприимчива как к комическому, так и к трагическому, тогда как сердце остается недоступным комическому. Лабрюйер: *Жизнь - трагедия для того, кто ее чувствует, и комедия для того, кто ее мыслит - La vie est une tragédie pour celui qui la sent et une comédie pour celui qui la pense* - слишком категоричен, а его плагиатор: *полноценный человек может нести*

трагедию в своем сердце, а комедию - в своей голове - *A sane man can have tragedy in his heart and comedy in his head* - более осмотрителен и справедлив. Жизнь имеет трагический смысл и комическое содержание.

Заглушить или покрыть вопль ужаса, трагедии, страдания можно лишь героической музыкой, и согласие с жизнью есть эта единственная возможная музыка, вечный возврат обезоруживающей метафоры, встреча созидания, иронии и любви. Но если прекрасное смягчает ужасное, то интенсивное лишь усугубляет страшное.

В высоте радость и скорбь не разделяются; и все же именно радость следовало бы там воспевать. *Многие пытались радостно передать высочайшую радость; во мне она выражается в слезах* - Гёльдерлин - *Viele versuchten das Freudigste freudig zu sagen; es spricht mir sich in der Trauer aus*.

Всегда есть соблазн приписать наихудшую судьбу тому, что возвышенно; красота плохо поддается плоскому блаженству. Судьба либо трагична, либо это вообще не судьба. Вещи без красоты вовсе не имеют судьбы, у них есть лишь статистика. Цвести на время утреннего часа или управлять жизненным циклом.

Чехов понял лучше Шекспира сущность трагедии - он описывает лишь неизлечимые страдания.

Сытые, путая душу с плотью, говорят, будто сердце и душа жизни - это страдание. Но всякая основа жизни для художника есть счастье, и лишь на эпидерму - на непрозрачные слова - он возлагает бремя страдания, коим

является невозможность быть прозрачным и уверенность в том, что его эстетическую вивисекцию принимают за мистическую диссекцию.

Жить лишь твоим взглядом, без обращения к вещам, на которые он опустился бы и которые сами по себе всегда серы или случайны. Грезить о прекрасных цветах, равных друг другу в темноте, - чтобы производить сентиментальный хаос или авторскую музыку.

Вечный возврат Ницше трагичен, поскольку призрачно и einmal, nur einmal (лишь раз, только раз) Рильке или never more (никогда больше) По комичны, поскольку реальны. Возврат, который следует искать, - это не возврат дня и ночи, сна и бодрствования, но реальности и мечты, или реальности и памяти, причём реальность определяется затем поддерживаемой интенсивностью мечтаний или представлений. Это эфемерный возврат, эта жертва новым поддерживает эфемерное счастье - единственное, достойное нашей верности.

Мировоззрние, созидание концептов, поиск истин, объяснение мира - столько этой пресной ахинеи налипло на прекрасное имя философии, чьей первейшей функцией в трагические эпохи было утешение человеческих агоний. Но ни трагедия, ни комедия больше не составляют основу существования, но страницы с инструкциями и технические задания - ни обезболивающих, ни эйфоризующих.

Потребность писать рождается от стыда за то, что у тебя сухие глаза, тогда как слеза терзает твое сердце От стыда за то, что шагаешь прямо, тогда как танец заставляет отвлекаться от твоей мечты. Стыда за то, что говоришь словами, в то время как глубина твоя - лишь пение, вздох или

хрип. Смирение: *Кричащий не может сравняться ни с болью, ни с разумом* - Сенека - *Non potest par dolori esse, nec rationi, clamor.*

Трагическое: живое внутреннее благородство, не находящее (или более не находящее) ни эха, ни выражения, ни интерпретации во внешнем или даже искусственном реальном или воображаемом мире. Без конфликта, без исчезновения, без противоречия - фатальность непересекаемой границы. Трагическое рождается из фактов, а не из отрицаний.

Самые прекрасные из ностальгических слез - оплакивающие то, что мне удалось сберечь неведомым, чего я никогда не касался поверхностно, к чему приближался лишь взмахами крыльев. То же, что прошло через мои руки, напротив, может остаться в архивах моей ничтожности.

Уровень дискуссии повышается по мере обращения к все более абстрактной публике. И замечаешь, что всякая добрая речь выливается в солилоквий, где слеза принимает очертания апории. *Мудрость с глазами, полными слёз* - Р. Шар - *La sagesse aux yeux pleins de larmes*.

В онемевшем состоянии человек привязывается к вещам и правилам и забывает музыку и порыв. В страдании человек возвращается к своей судьбе, коей является трагедия, как и всякая музыка. *Всякая боль, что не отрывает от земного, - это боль потерянная* - С. Вейль - *Toute douleur qui ne détache pas est de la douleur perdue*. Поскольку число наших точек привязанности остаётся прежним, речь идёт о том, чтобы привязаться к невидимым средоточиям, к грёзам: *Умирают от существенного, когда отрываются от всего* - Чоран - *On meurt de l'essentiel, lorsqu'on se détache de tout*.

Рождение трагедии: я понимаю, что мой взгляд можно заменить любым светом, затем - что мой взгляд сводится к игре теней, и наконец - что всё мелочное обречено на плоскость, а всё грандиозное - на мрачные тени. Угасание, возбуждение, смирение.

Трагедия разыгрывается между чистотой ценности (*valoir*) и мраком воли (*vouloir*). Тираническая власть и свободный долг описывают драму. Комедия же есть разрешение этих напряжений благодаря ироническому знанию.

Славное страдание - ни искупительное, ни спасительное - одно из понятий, наиболее недоступных картезианцам (Гесиод предвидел наступление абсолютного зла, когда у смертных останутся лишь печальные страдания). Даже счастье, которое, подобно всякому призыву неопределённой бесконечности, сжимает нам сердце, таинственно запятнано этим (что бы ни думал Х. Борхес: *Единственная вещь без тайны - это счастье - La única cosa sin misterio es la felicidad*). Несчастье же знает свои час и место. Не вкушать страдание реального счастья, сглаживать несчастье, по большей части воображаемое, - та же малодушничающая робость рассудочного человека, не имеющего вкуса к слезе.

Утешение - общая цель и комедии, и трагедии: комедия есть дело разума, озорного и глубокого, а трагедия - дело души, ностальгической и высокой. Комедия рассказывается, а трагедия - воспевается. Трагедия - это верный, чистый и лирический взгляд на то, чего, пожалуй, никогда и не существовало, - скажем, на любовь, талант или воображаемую башню из слоновой кости, проживаемые в весьма реальных руинах.

Истинная трагедия - не в этике (сострадание морализатора Аристотеля) и не в эстетике (пафос художника Ницше), но в мистике (страсть нашего неведомого «я», вдохновителя и творца невозможных упований).

И религия, и философия рождаются в крушении, в жизненном бедствии, и преследуют одну цель - противостоять пресловутому ничто, принести подобие утешения (*задача философии - отыскать слово, которое спасает* - Витгенштейн - *die Aufgabe der Philosophie ist, das erlösende Wort zu finden*) - и те же средства, что у поэзии: создавать бурю в стакане воды, воображать послание для далёкого адресата и лихорадочно искать для него бутылку: *Поэзия - это брошенная в море бутылка, отданная на волю колеблющейся вере в то, что она прибьётся где-то к земле души* - П. Целан - *Ein Gedicht ist eine Flaschenpost, aufgegeben in dem nicht immer hoffnungsstarken Glauben, irgendwo an Land gespült zu werden, an Herzland vielleicht*.

Для меня, слово без крыльев столь же враждебно и безжизненно, что и сухие глаза. Размахивать пером, не обмакнутым даже в слезу, увы, не обеспечивает взлёта.

Единоличные фибры, которыми всё ещё располагают люди, - это цифровые датчики, регистрирующие ритмы, а не музыку. Всё то, что некогда было трагическим, проживается в статистическом ключе. Мужество души с её верностью страданию и жертвоприношением удовольствия - более не от мира сего, подобно *терпению ждать, мужеству отречения, героизму жертвы - в возрастающем трагическом*

ключе - В. Янкелевич - *la patience d'attendre, le courage de renoncer, l'héroïsme du sacrifice – en tragique croissant*.

Избыток пессимизма придает крылья моему бунту, избыток оптимизма раздувает меня смирением - тем, что заставляет взять перо, чтобы проткнуть этот пузырь. И то и другое суть лишь две фигуры нигилизма в разные времена года. Бунт комичен, а смирение трагично: *Жизнь недостойна нашей привязанности: трагический дух ведет к смирению* - Шопенгауэр - *Das Leben ist unserer Anhänglichkeit nicht werth: der tragische Geist leitet zur Resignation hin* - но ты, так и не познавший истинного Диониса, не понимал, что смирение перед лицом жизни может означать бунт мечты, что и понял Ницше.

Те, кто нынче плачут, вызывают смех; те, кто смеются, до того глупы, что хоть плачь.

Прекрасные состояния души - те, что не могут длиться. Отсюда мой отказ от сцеплений, равнодушие к последовательности. Долгий смех отдает салоном, заунывный всхлип - камельком: *Когда плачут, искренна лишь первая слеза* - М. Кундера - *Quand on pleure, seule la première larme est sincère*. Огонь гаснет тем быстрее, чем ярче он пылал; гений презирает освещение и отопление, предпочитая умереть на костре или в искре.

У наивного человека пытаешься исторгнуть улыбку, а у художника - слезу. В обоих случаях - приумножение двусмысленностей или неизвестных твоего древа. Когда перебираешь тонкие переменные, можно ожидать прекрасных подстановок. Те же, кто владеют лишь константами, знаками «+» и «-», не заслуживают ни смеха, ни слёз.

Бытие трагично в своем непостижимом Начале, а становление комично в своих преходящих целях; задача мудреца - удерживать между ними равновесие. Т. Карлейль, оставаясь в реальности, этого не понимает: *Трагично в жизни людей не столько то, чем они страдают, сколь то, чего они лишаются* - *The tragedy in life is not so much what people suffer, but rather what they miss* - тогда как потеря мечты и есть трагедия.

Обладающий хорошими запасами таланта не пишет со смехом: уныние наших строк служит эрзацем для отвлечения слёз от их наилучшего применения.

Глупцы и философы протестуют: я страдаю и ликую, в то время как учёный исключает из своего видения всякую чувствительность и не ведает, что творит. Любое знание обогащает словари и грамматики, даже то знание, что подобно ослиному визгу, но знание научное помогает, лучше других знаний, овладеть самой желанной интонацией - интонацией иронической. Ах, если бы учёный к тому же интересовался, как некогда, мистической тональностью, дабы творить трагическую музыку жизни! *Невозможно вообразить сегодня, чтобы один и тот же человек был одновременно учёным и мистиком* - С. Вейль - *Nous ne pouvons imaginer aujourd'hui, qu'un même homme soit un savant et un mystique*.

Свести жизнь к вещам - значит сделать ее пресной и плоской; перенести вес вещей с глаз на взгляд, пусть даже трагический, - значит придать жизни творческую интенсивность. *Предпочитать боль безвкусию, любить то, что интенсивно и живо* - Вольтер - *Préférer la douleur à la fadeur, aimer ce qui est intense et vif*. Уметь чередовать радости и боли.

Смех тех, кто якобы избегает таким образом слёз, обнаруживает прежде всего то пренебрежение, с которым они относятся к стыду и жалости. Посреди бесстыдных смельчаков всякая слеза становится жалкой.

Если напичкать трагическую пьесу отсылками к напыщенным, обрядным и отвлечённым понятиям - славе, греху, величию, - получится Ж. Расин и П. Корнель, внушившие Валери отвращение к этим смешениям мистагогии и обезображивания мечты, - причем самой отвратительной из фальсификаций является условный, однообразный, очевидный, племенной, шифрованный язык. Всякая истинная трагедия должна уметь разыгрываться на необитаемом острове, в сознании одинокого человека, ничего не заимствуя ни от падения намерений, ни от козней негодяев; поэзию или сострадание мы обнаруживаем у Шекспира или Чехова.

Две напасти противятся счастью людей - серьёзность и неравенство; именно поэтому прекраснейшим образом совершенного человека был бы сплав Вольтера иронии с Руссо сострадания - соединение глубокого и озорного света с высокими и трагическими тенями.

Философия должна стремиться примирить дух и душу; отдавая должное крику духа - *horror, horror, horror* - она нашла бы неотразимый контрапункт в музыке души - *joie, joie, joie* - лирическое утешение перед лицом непоправимого трагизма.

Чувство прекрасного, очевидно, даровано нам Богом, поэтому *искусство - это безнадёжный плач человека о Боге* - Д. Мережковский. И то, что Его провозглашают живым или мёртвым певчие или плакальщицы,

мало что меняет в молитве, коей является любое произведение искусства. *Мудрец оплакивает себя по-счастливому* - Э. Канетти - *Der Kluge klagt sich glücklich*. У художника два источника: Бог и случай; устранить долю случая - значит увеличить долю божественного.

Конфликт между мечтой и делом заключается вовсе не в столкновении, а в несовместимости их языков, притом что каждый прав в своей области. Глупо усматривать трагедию в том, что два антагониста правы одновременно (Гегель); драма - в неумении выразить благородство на языке другого.

Трагедия - это не превратности пути, но сумерки финалов, омрачающие и драматизирующие зарю Начал: предчувствуемое увядание всей гаммы души: эмоции, упования, таланта, воли, юности. Вот почему лучший трагик - не Шекспир, а Чехов. Не акт и не размышление, а жалость и бессилие.

Почти невозможно не искать утешения от боли. И я обязательно его нахожу. Но я испытываю на прочность свое благородство, понимая, что единственное окончательное утешение - призрачно, хотя и высоко.

Чистая трагедия предполагает одиночество; именно поэтому трагедия бунта (требующая присутствия других) менее благородна, чем трагедия смирения (решённая перед лицом единого «я»).

Я больше не увижу тебя - всякая трагедия сводится к этому; но поскольку воспринимаемая реальность не может быть ничем иным, кроме как становлением, сама жизнь трагична, по меньшей мере в акте развязки,

где ложное ясновидение рассеивается. Отсюда ценность взгляда, то есть вневременных глаз, созерцающих бытие.

Хронология в определении жанра твоего взгляда: страдать и, следовательно, отрицать - у истоков глубокого и... комического чувства; видеть факт и, следовательно, страдать - свидетельствует о надменном и трагическом чувстве.

Кровавая Библия, греческая трагедия и трагедия шекспировская содержат слишком много жестокости или вероломства - это водевили. Истинная трагедия, трагедия оптимистическая - это трагедия Чехова, где нет ни палачей, ни жертв, а судороги прошлого переживаются с юной любовью, с талантом, с мечтой, с благодатью, подчинёнными суровому и томительному закону притяжения и разума.

Поскольку душа - лишь устремлённый в бесконечность дух, философское утешение состоит в том, чтобы отвлечь дух от конечного, где все трагично и безутешно, и попытаться превратить его в душу, смирившуюся почитать непереводимое Благо и решившуюся перевести бессмысленную Красоту - эти единственные бесспорные бесконечности.

Никакая воля, сколь бы героической и решительной она ни была, не способна спасти меня от этой тройной трагедии: благо, исчезающее за низким горизонтом дела; прекрасное, срывающееся с высокого небосвода мечты; истинное, изгнанное из глубин и всплывающее на плоскость. Когда дух и руки расписываются в своем бессилии, должна явиться душа - утешение принятой трагедии. Если же они продолжают суетиться, трагедия превращается в водевиль.

Стоицизм не желает видеть в одиночестве и страдании ужасающие падения, какими их видит нигилизм. Отрицать падение - значит быть трагическим оптимистом; признавать - оптимистическим трагиком. Прилагательное укажет, говоришь ли ты «нет» или «да» несносной жизни; существительное же указывает лишь на тональность. Низменная борьба или высокое утешение.

Принимать две крайности - непримиримые для нехудожников - на жизненной оси, провозглашать их равноправными - привилегия художников. И в этом источник трагической идеи вечного возврата, этой мудрости ностальгии (боли от возврата) сильных и кротких, в противоположность ностальгии мудрости, к которой прибегают озлобленные.

Печаль - хороший небосвод, но дурная дорога; она парит над недосягаемым, помогая удерживать его священным. Циклотимия высоты. *Всякая печаль - лишь путь к истинной священной радости* - Гёльдерлин - *Alle Trauer ist nur der Weg zu wahrer heiliger Freude*. Ностальгия - не имя ли это священной радости? Книга без ностальгии - портрет без глаз или безо рта!

Достоевский - *Человек не есть разумное существо, стремящееся к счастью; он есть существо иррациональное, имеющее потребность в страдании; страдание есть единственная причина возникновения сознания*. В то время как угасанию сознания часто предшествует самоуспокоенность, рациональная и безболезненная, чтобы не сказать плоская. Счастье - содержание нашего существования, несчастье же - лишь

его форма. Первое обще для всех; второе ощущается и отражается лишь художником.

Гармония - это напряжение в желании между голосом и взглядом. Когда у меня собственный голос, эта гармония может быть лишь болезненной: мой голос резонирует вовнутрь, тогда как взгляд есть то, что дальше всего от меня, - отсюда разрыв. *Дитя боли - Гармония* - А. Мюссе - *Fille de la douleur, Harmonie*.

Моя скорбь - мой Замок знатности - Кьеркегор. И призрачные радости осаждают его в виде анакреонтических, вакхических или оргиастических празднеств. И ты окажешься среди облагораживающих руин, нежели среди героизирующих приступов. В надменном пении, а не в укрепленном лагере.

Достоевский - *Страдание обязательно для широкого сознания и глубокого сердца*. Оно еще более необходимо, дабы душа моя была высокой. Всё, что случится с моей любовью, моим талантом, моим интеллектом, необратимо приобретёт трагическую окраску, и я стану искать утешений, чья длительность будет удерживаться сознанием, глубина - сердцем, а интенсивность - душой. Поэт живёт интенсивностью.

Все тропы мечты возвращают меня на поляны тревоги — Ф. Пессоа. Я возвращаюсь на истинный путь и обнаруживаю себя в бесцветном пейзаже, где растёт лишь трудноперевариваемая атараксия.

Жизнь есть трагедия, а трагедия - вечная борьба без победы и надежды на неё - Унамуно - *La vida es tragedia, y la tragedia es perpetua*

lucha sin victoria ni esperanza de ella. Так определённая трагедия - это водевиль. Трагично вовсе не поражение; трагедия - это неспособность ликовать в поражении, венчающем жизнь.

Лишь бедствие делает человеческий дух хозяином самого себя — Унамуно - *Sólo por la congoja se adueña de sí mismo un espíritu humano*. Поскольку «я» есть то, что связывает меня с божественным, *до горя нам открывается прекрасное, доброе, даже большое* - В. Розанов. Беда заставляет человека сожалеть о том, что он был рабом вещей. Или чужого взгляда: *Там, где тебя никто не знает, ты - хозяин самого себя* - Х. Арендт - *Where no one knows you, you are master of yourself*.

Боль не может служить аргументом против жизни - Ницше - *Das Leiden ist kein Argument gegen das Leben*. Жизнь оценивается прежде всего по типу сложных операторов страсти, а не навязанных операндов событий. И смысл истинностному значению придает религиозное приятие.

Мы созданы для древа, которое надлежит воссоздать из нашего креста - А. Сюарес - *Nous sommes faits pour l'arbre, qu'il faut modeler de notre croix*. Эпоха лепит его из сделок или геометрических фигур; звезда или крест прочерчиваются на ней циркулем и контрактами.

Действие - лучший способ показать свой интеллект, а бездействие - доказать свое благородство. *Тот, кто встаёт поутру в поисках мудрости, находит её сидящей у его порога* - Библия (своровано Дж. Джойсом и Метерлинком: *Если Сократ покинет сегодня свой дом, он найдёт сидящего на его пороге мудреца - If Socrates leaves his house today he will find the sage seated on his doorstep*), - это уже был бы не тот персонаж:

мудрость, протрезвев от действия, превращается в благородство. Останься я сидеть у своего порога, ко мне быстро присоединилась бы глупость. Мудрость занимает то, что я покидаю, преисполненный драматической верности, или то, что я освобождаю, сознавая своё трагическое жертвоприношение!

Чем чище голод, тем свирепее пробужденный аппетит. Корми своего зверя в клетке иронии. *Трудность отыскания пищи возрастает в зависимости от чистоты голода* - Г. Тибон - *La difficulté de trouver l'aliment grandit en fonction de la pureté de la faim*. Чистое хорошо для размышления и катастрофично для действия: *Цель - вообразить чистую жизнь* - Гегель - *Reines Leben zu denken ist die Aufgabe* - это лишь ограничение, цель же заключается в поддержании чистоты бездействия.

Жизнь сама по себе есть вечное крушение - Ортега-и-Гассет - *La vida es en sí misma y siempre un naufragio*. Вот что оправдывает любое взятие пера - бутылка, воск и прежде всего отменная буря находятся в пределах досягаемости того, кто добровольно потерпел кораблекрушение.

Тот, кто способен на красоту бедствия, должен бежать серости успеха! *Как уродливо счастье, которого хотят. Как прекрасно несчастье, которое уже здесь* - Ж. Кокто - *Qu'il est laid le bonheur qu'on veut. Qu'il est beau le malheur qu'on a*. Моя значимость - в расстоянии между вымерянной глубиной моего несчастья и высотой моего несоизмеримого счастья.

Старайся не избегать страдания, а не быть им изменённым — С. Вейль - *Ne pas chercher à ne pas souffrir, mais à ne pas être altéré par la souffrance*. Хочешь ли ты быть изменённым удовольствием? Главное - поза;

всё, что служит поддержанию её на должной высоте, будь то бред или смех, годится. Пусть наше видимое «я» стоично, наш взгляд циничен.

Жизнь есть боль, а разделённая любовь - обезболивающее средство - Ч. Павезе - *La vita è dolore e l'amore goduto è un anestetico*. Но по пробуждении, возвращаясь к жизни, не тоскующий ли возьмётся за вскрытие влюблённого?

Познавать то, что ты должен, хочешь или можешь, - значит усмирять боль, но будить скуку. Лучше уж грезить о своём достоинстве... *Всё, чего добивается человек, познавая чего он стоит, - это утраты уважения даже к собственному страдания* - А. Камю - *Tout ce que gagne l'homme à connaître ce qu'il vaut, c'est de perdre jusqu'au respect de sa souffrance*.

Лучшие рамки для поступка без угрызений совести - Град. Если внутренняя жизнь - театр, где мне поручено оправдывать deus ex machina или подбирать падших, то жизнь внешняя - цирк, где любой дрессировщик Левиафана освобождён от внутренней строгости, ибо зверь имеет право на нечеловеческую логику, восхитительно уморительную.

В театре мира не осталось больше барьера между сценой и залом, между зрителем и актёром; все люди стали актёрами. Deus ex machina приводится в действие уже не для того, чтобы проиллюстрировать чудо, а чтобы испытать очередную машину в отсутствие зрителей. Метатрагедия: исчезновение не героев, а самого хора.

Для неизведанного «я» быть - значит пребывать, а для известного «я» - действовать; невозможность верного перевода из одного в другое

(*тошнота, невозможность быть тем, кто ты есть* - Э. Левинас - *la nausée, l'impossibilité d'être ce que l'on est*) лежит у истоков нашей трагедий или нашего стыда.

Будь актёром, когда опускаешься до мелочей жизни, где всё - комедия. Ты будешь над этим смеяться. Будь лишь зрителем, когда покидаешь мелочи ради жизни истинной. Которая есть трагедия. Над этим ты будешь плакать.

Трагическое - это не то, что несовместимо, это совместимость мечты и жеста. Что возвращает нас к комическому.

В любом поступке я без труда нахожу следы истинного (разумного, толкового, законного) и прекрасного (выверенного, гармоничного, справедливого), но мне не удаётся найти в нём явного присутствия доброго. Красота и истина без блага - да ведь это - одно из определений трагедии или даже зла!

Среда, которой больше нет, - это та, где потеря слезы, как и потеря руки или лица, не влекла за собой тотчас же потерю всякого престижа. Первый симптом робота: постоянная сосредоточенность мышц, мозговой предохранитель, нейтрализующий любое слёзное отклонение.

Трагедия есть изображение благородного действия - Аристотель. Как примирить эту пустую нелепицу, призывающую, в то же время, к четырем центральным понятиям моих заметок? Я определяю их следующим образом: - трагедия - это неизбежное снижение наших мечтаний; представление - это доязыковое воспроизведение нашего знания,

служащее основой для толкования речи; действие - это обречённая на провал попытка перевести в явь таинственный смысл Блага; - благородство - это взгляд творческой вертикали, противоположный созерцательным глазам, выискивающим лишь горизонтальность.

Не высмеивать, не оплакивать, не проклинать, но понимать человеческие поступки! - Спиноза - *Humanas actiones non ridere, non lugere, neque detestare, sed intellegere!* Эта засушенная максима уже диктовала Горацию его nil admirari. Во второй степени прочтения, с ними можно и согласиться: наши сильнейшие чувства должны обращаться к вещам невидимым. Для видимых же больше подходит ирония, нежели экстаз. Но ирония - лишь тональность моего послания другим, она не имеет никакого смысла, когда я обращаюсь к самому себе. Лицом к лицу с самим собой и даже с собственными поступками я могу лишь смеяться или плакать. Истинные вопросы рождаются из божественного смеха или человеческих слез.

Любовь - это вечное смешение жанров, где комизм ушей соседствует с трагизмом глаз: чувства побуждают нас смеяться, а смысл - плакать. Роль темноты, очагов и антрактов (в любви более долгих, чем акты) также заслуживает приветствия.

Самое зловещее, что сопровождает угасшую любовь: никто не может стать мне более чуждым, чем та, которую я любил.

Выбор между Вертером (позволить своему воображению преобразоваться в реальность - трагедия) и Дон Жуаном (позволить реальности пробудить воображение - водевиль) - этот стендалевский выбор

больше не стоит сегодня, когда реальность и воображение больше не общаются друг с другом, что и является одним из причин угасания любви в атавистических сердцах: В. Набоков - *Мечта и действительность сливаются в любви*.

Ошибаются в размере, жанре или языке, усматривая в любви обширную проблему (комедия) или глубокое решение (мелодрама) - она есть высочайшая тайна (трагедия). А. Куприн - *Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире*.

У писателей существует загадочная взаимосвязь между качеством их тайных романов и степенью возбуждённости их стиля; однако я не берусь определить, где причина, а где следствие. Тонкие романы удаются классикам (Гёте, Флобер, Валери), банальные - будят романтиков (А. Ламартин, Гюго, Б. Пастернак), вульгарные - подстёгивают неистовых (Л. Толстой, Ницше, Чоран). Дух, сердце или тело служат здесь проводниками их трепетов. Но похоже, что самым совершенным органом любви всё же является душа (Гёте разделил бы это мнение); и ярчайший тому пример - Цветаева, изведавшая все три рода любви, но любившая лишь душой, что являет собой прекраснейшую и трагичнейшую иллюстрацию сего.

Границы между действительным и возможным сотрутся в грядущем столетии. В музее вам будут демонстрировать идеи, слова или образы, которые взращивали века, ограниченные страданием, сомнением и древом. Сделка и счёт окончательно вытеснят грабёж и дар, кулак и слезу.

Соединённое с добром, любое слово превращает в водевиль то, что имело все шансы остаться комедией. Слово столь же бессильно перед

добром, сколь и перед счастьем: оно должно лишить их активной стороны - желания и воли - и окутать густой пассивностью: стыдливостью и долгом. Успех трагедий доказывает, что лучший инструмент слова - отрицание.

Трагедия - это долг без воли; комедия - долг без силы. Любить - значит желать того, что вне долга и вне силы.

В этом роботизированном мире само существование трагедии, любви, поэзии кажется столь неуместным, непонятным, что робот изучает лишь их зарождение, ещё не ощущая их угасания.

Всё человечество, в своей эволюции, может быть представлено как древо. Великие и малые вносят свой вклад в прочность корней, полезность плодов, в защиту от вредоносных видов. *В гении мы признаем благороднейший плод древа человечества* - Г. Гессе - *Das Genie ist als edelste Frucht am Baum der Menschheit anerkannt* - по моему же разумению, гении гнездятся лишь в цветах, ибо гений ближе к трагическому, нежели к гастрономическому.

Слеза, в которой искажаются линии и вещи, внушает великие пророческие прозрения вернее, чем увеличительные линзы быта.

Трагично не то, что зло торжествует над добром, но то, что любая ось добра неизбежно должна содержать в себе слагаемое зла, как только действие или интеллект соединяются с чувством.

Да, все мы вышли из греческой трагедии; но линии наследственности разошлись: от невинной виновности Эдипа или Прометея одни цепляются

за невинность, предписанную внешним законом, другие погрязают в виновности, рождённой из внутреннего хаоса. Человек обречён стать или роботом или орлом. Огню прометеевскому сегодняшний робот предпочитает эдиповы мерзости перед лицом своих родителей или эдиповы подвиги перед лицом механических Сфинксов.

Первостепенная функция комедии и трагедии - поддерживать в нас иронию и жалость, эти два лучших человеческих чувства; боюсь однако, что трагедия умерла, поскольку жалость окончательно иссякла в человеческих сердцах; между тем именно *жалость привносит в наши страсти очищение* - Аристотель, она же была бы и *первым относительным чувством, затрагивающим человеческое сердце* - Руссо - *le premier sentiment relatif qui touche le cœur humain*.

Единственное высокое блаженство в мире - это трепет, восторженный или трагический, перед чудом жизни (истина и красота) или человека (добро). Встреча этих двух трепетов называется любовью - тем неведомым именем, что так часто приписывают Богу ведомому. Влюблённый чувствует себя Богом или стоит ближе всех к нему.

Ужас и жалость суть страсти души, очищаемые трагедией - Аристотель. Что остаётся в душе после этой освещения? - комическая самодостаточность (*sibi sufficientia*) или мелодраматическая спесь. Сделав страх и сострадание основой души, христианство предпочло очищению - катарсис.

Нужно дать человеческой жизни в свидетели и судьи Иронию и Жалость - А. Франс - *Il faut donner à la vie humaine pour témoins et pour*

juges l'Ironie et la Pitié. Это был бы самый справедливый суд над жизнью! Следует помешать Иронии выступать в роли Прокурора, а Жалости - в роли смягчающего обстоятельства. Ирония, улыбаясь, делает для нас жизнь желанной. Жалость, проливающая слезы, делает её священной. Трудно представить их сосуществование; Вольтер, ставший слезливым, или Руссо, ставший язвительным, растеряли бы при этом большую часть своего пыла.

Счастье делает человека беспечным и благодушным; несчастье заставляет услышать голос стыда за поступки и за молчание бездейственного добра. Быть комичным или стать трагичным.

Бердяев - *Трагизм человеческой жизни не в конфликте добра и зла, а в конфликте положительных ценностей*. Свобода, например, располагает целой обоймой удручающих противоположностей: справедливость, страсть, слава, созидание, действие, честь…

Быть конкурентоспособным - такова конечная цель сегодняшнего мира. Хоронить таким образом равенство, безусловно, драматично, но гасить попутно всякий призыв к братству - поистине трагично. Из всех свобод освятили самую жалкую - свободу предпринимательства; забыли свободу жертвенную - свободу отречения.

Бедствия прошлых веков зачастую происходили из-за прорех в общественном договоре, связывавшем сильных мира сего с плебеями; король мистифицировал, парламент разыгрывал комедию, генерал выпячивал грудь. И поиск истины был тогда поиском блага. В наши дни, когда ложь почти окончательно исчезла с публичной сцены, вытесненная

гнусными истинами, каждый убеждён, что все сбои происходят от мнимых обманов или банд. Никто больше не прислушивается к голосу личного блага, заглушённому галдежем коллективных истин. Каждый уверен, что обладает своей личной истиной, основанной на праве, посредством каких-то денежных обязанностей перед коллективным благом.

Легко сохранять трагический тон, доколе не взошёл на свою первую баррикаду. После этого погружаешься в напыщенность криминальной хроники. Схватка между расиновским стилем и журналистским прекратилась. Ж. Расин больше не в моде, у журналиста нет соперников: *Поэт и философ, в конце концов, встанут на журналистскую стезю* — Р. Музиль - *Der künftige Dichter und Philosoph wird über das Laufbrett der Journalistik kommen*.

Быть вынужденным переводить в чёткие поступки то, что сокрыто для тёмных мечтаний, - это трагедия; комедия же есть обратное, но совершаемое добровольно. Вот почему в большой политике видишь трагедию, а в великом сладострастии - комедию.

Нужно быть бесчувственным, чтобы вести за собой людей. Чтобы повелевать, нужно быть радостным, ибо нужно быть чувствительным, чтобы быть грустным - Ф. Пессоа. Печальный делает кислую мину тем безнадёжнее, что радостные морды вожаков стада окружают его теперь со всех сторон. В Граде не осталось больше уголка, где пролитая слеза не вызывала бы всеобщего смеха.

Два человеческих восприятия мировой феерии, грандиозной и трагической, - смысл и красота. Сомнение углубляет первую и оскверняет

вторую. Красота, подчинённая смыслу, лежит в Началах безутешного человека.

«Я», о котором идёт здесь речь, представляет двух антагонистов: неведомое «я», что трепещет и взывает, и известное «я», что созидает и властвует. Когда мы понимаем, что наши истинные поражения происходят не от внешней немилости, но от несоизмеримости между нашими двумя «я», немым и болтливым, - и оба они внутри нас, - мы касаемся трагического чувства.

Согласие с миром - это не его понимание, за которым следует одобрение, но, почти наоборот, его непонимание, глубокое и изумлённое, за которым следует трагическое смирение перед лицом свего высокого пути.

Известное «я» выражается светом, ласкающим и достоверным; тени, трагические и ускользающие, выражают неведомое «я»: *Неведомое я требует эфемерной среды, каковую предлагают тени* - Кьеркегор.

Все словоохотливые умы предрекают человечеству бездну, материальную или моральную: *Природа народов такова: сначала грубая, затем суровая, позже - благостная, после - деликатная и в конце концов - распутная* - Дж. Б. Вико - *La natura dei popoli è prima cruda, poi severa, quindi benigna, appresso delicata, finalmente dissoluta*. Я вовсе не разделяю этого мнения: человечество ожидает бескрайняя и мирная плоскость. И она столь же нелепа, сколь и ее былой антипод - бескрайний и туманный зигзагообразный рок, который есть лишь комедия, тогда как то, что действительно трагично - это свобода.

Лицо - это тайна всякого света, секрет всякой разомкнутости — Э. Левинас - *Le visage est le mystère de toute clarté, le secret de toute ouverture*. Этот разительный свет невидим, и эта мирная тайна бьёт нам в глаза. Единственный объект, в котором вовсе не хочется замещать абстракцию или переживать его в мечте. Взгляд здесь бесполезен; лишь глаза касаются его дна; слепой не может быть Замкнутым. Трагедия созидания: ты - лицо, но у тебя есть лишь слова.

Две роли - в качестве реальных позиций или искусственных поз - наиболее распространены среди людей: везение или жертвенность. Трагикомично то, что реальные бенефициары везения принимают позу жертв, а истинные жертвы ищут утешения в везенье перед Богом.

Драматично не то, что европеец больше не любит своих современников-поэтов, а то, что он прав. *Трагично сегодня не то, что газета способна закрыть окно на суть мира, а то, что она отражает и воспроизводит его весьма точно* - С. Лец.

Жуткий закон спроса и предложения объясняет суть любой эпохи; сегодня поэт, а значит и философ со стилем, исчезли, ибо не востребованы этим веком, чьё первое бедствие - нетребовательность к музыке, нечувствительность к трагедии.

На протяжении трех тысячелетий мы жили в равновесии между материальными и нематериальными ценностями; и глобальный прогресс был правилом (за исключением эпизода Тёмных веков). Наша эпоха - первая, что насмехается над духовными ценностями, торжествуя при этом

во всех материальных областях лучше, чем когда-либо. Не знаю, трагично ли забвение угасающих ценностей или комично, поскольку призвание человека, судя по всему, лежит в русле прогресса, а мечта влечёт его к жалкой ностальгии.

Водевильные разочарования заставляют ненавидеть жизнь - несправедливую и мелочную; но чем ты чувствительнее к трагическому, тем будоражущее согласие с жизнью - справедливой и грандиозной. Именно чувство трагического делает человека чувствительным к музыке слов и глухим к шуму поступков. Лишённый этих добрых фильтров и снаряжённый одними лишь усилителями, ты заявляешь: *Поступки - первая трагедия жизни, вторая - слова* - О. Уайльд - *Actions are the first tragedy in life, words are the second*.

Вся деградация человеческого рода сводится к мутации ритмов в алгоритмы - механическую воспроизводимость идей, образов, звуков; стадии чудесного Начала или трагического завершения становятся столь же программируемыми, сколь и все накопительные или выводимые этапы.

Быть интеллектуалом - значит уметь возвыситься над временем и восхищаться величием или красотой человеческих или божественных инвариантов. Романтизм можно перевести как изобретение эпического прошлого, мечту о лирическом будущем, порыв, исходящий из трагического настоящего. Современность: любой горизонт очерчен настоящим, проживаемым без порыва, без тревоги, - стирание прошлого и будущего из взоров людей, все индивидуальные заботы - любовь, братство, благородство - сведены к социальному масштабу и, следовательно, роботизированы.

Жизнь: либо она водевильная борьба, и ты показно бросишь в неё своих идолов - менеджеров, публичных затейников, самцов; либо она трагическое чудо, и я преклоню колени перед поэтом, ученым, женщиной.

Способность восхищаться или ненавидеть одинакова у всех людей; лучших отличает то, что основа их восхищений чаще всего трагична, а форма их неприязни - скорее комична; у посредственностей в обоих случаях доминирует мелодраматический или водевильный тон.

Жизненный выбор сегодня формулируется так: исполнять алгоритм или играть ритм. Счастливчики, предающиеся обоим занятиям, живут комиками. Адепты чистой музыки кончают трагиками. Урок Марка Аврелия: *Не играй трагического актёра* - более не актуален.

Облаивание и ухватывание никогда не бывают поэтическими, но именно в эту ловушку попадают столь многие поэты, прежде чем взмолиться перед усмехающейся толпой: *Я больше не виню, я больше не кляну, но дайте мне поплакать* - Гюго - *Je cesse d'accuser, je cesse de maudire, mais laissez-moi pleurer* - чаще всего становится слишком поздно привлечение симпатий, и образ шута остаётся к тебе привязанным.

Со времен Гомера, ради сохранения своего имени после летального часа, человек, принц или простолюдин, взывал к поэту или плакальщице. Кончено с его потребностью в мифах или последних словах. *Многие были велики задолго до Агамемнона, но ни один голос их не оплакал* - Гораций - *Vixere fortes ante Agamemnona multi; sed omnes inlacrimabiles*. Ныне все его заботы перепоручены казначею для урегулирования обряда и завещания.

Никаких больше органических слёз или смеха по поводу увядшего механического величия; достаточно роботизированных реестров или табличек.

Всеобщая роботизация людей кажется необратимой, но пресная, нарастающая и удушающая скука приведёт однажды к возвращению трагического элемента человеческого существования. Люди заново откроют блаженство слез: *Лучше быть строгим гедонистом, чем распутным ригористом* - Аристотель.

Нельзя отвернуться от жизни, уважая ее при этом, иначе как через театральность (где *красуются или суетятся* - Шекспир - *struts or frets*). Можно ли вообразить трагедию в естественном виде? Быть театральным - значит обладать ощущением сцены, сценическим волнением зрителя, верой в жизнь, рождённую из слова, помощью суфлера, зовом из-за кулис.

Ирония драматурга: эвфемизм в трагическом жанре, эмфатизм в комическом. Тот, кто воспринимает себя всерьёз, банально поступает наоборот.

Они говорят: снимите пыль, испарину, налёт, и вы достигнете подлинности. Если таковая существует, я усмотрел бы её скорее в том, что вы пытаетесь счистить, в том, что изобретают наше слово или наша слеза. *Чувства изобретаются точно так же, как и слова. У человека всё искусственно и всё естественно* - М. Мерло-Ponty - *Les sentiments sont inventés comme les mots. Tout est fabriqué et tout est naturel chez l'homme*. Различают нас только инструменты: у одних это воображение, вкус, чувствительность; у других - инерция, подражание, алгоритм.

Взгляд художника, в отличие от человека размышления или провидения, движется из настоящего в прошлое, а не из настоящего в будущее. Именно поэтому фарс среди его впечатлений предшествует трагедии.

То, что тема трагическая исключена из их философии, ещё понятно, поскольку они хотят выпускать только инструкции по пользованию; но то, что тему комическую постигает та же участь, исключает их самих из философского поля. Впрочем, добрая философия начинается с одновременного приглашения комического и трагического - эта чета порождает, почти непреднамеренно, надёжную тему ироническую.

Чтобы превзойти человека, нужно ступить на путь смирения, который последовательно проходит через эпическую глубину, комическую поверхностность и трагическую высоту, приводя к руинам без дорог и геометрии, к смеху и слёзам, обращённым к звёздам. Комическое требует поиска, полировки, лаконичности, чем оно и превосходит трагическое, которое обретается везде, где пробивается жизнь, бурлящая и диковатая.

Открытость физическая или топологическая - никакого сходства; и мы наблюдаем у поэтов и философов, что наиболее проницательные, как всегда, бессознательно ближе к математическому концепту, нежели к механическому образу. Для бедных воображением Открытое - это попросту… проницаемое (даже для Хайдеггера: *Открытое позволяет проникнуть* - *Das Offene läßt ein*); для тонких же оно есть трагическое условие (Ницше и Рильке) интенсивности наших неудержимых порывов. Открытое - это то, что тянется к недоступной границе, то, что не может или

не должно быть познано: *Что есть Ницше и что он делал, остаётся открытым* - К. Ясперс - *Was Nietzsche ist und tat, bleibt offen*.

Серьёзность к лицу лишь пустой болтовне; она - последнее прибежище глупцов. Чем трагичнее и глубже предмет, тем лучше иронический и презрительный поток утирает его слёзы.

Ирония должна быть трагической в основе, классической по форме и романтической по тону.

Что должна уметь Муза иронии? - из слёз или смеха уметь слагать музыку; Мельпомена и Талия, сохраняя основу своих партитур, доверяют их интерпретацию и форму Терпсихоре.

Ирония - это жанр, избираемый стыдливой жалостью ради взора на высоту. Эта ирония, неявная у нечувствительного Ницше или чувствительного Чехова, противостоит и глубине трагедии, и поверхностному искусству комедии, сводя их иронией на один уровень.

Юмор снимает тяжесть с комедии, но ирония не добавляет грации трагедии. Вот почему антиироничный Чехов трагичнее ироничного Шекспира.

Верить в верность дела - глупость; верить в его систематическую вероломность - недалёкость. Распорядитель дел, слово, будучи игрушкой иронии, плачет и смеётся одновременно. *Демокрит не мог появиться на публике без слез, Гераклит - без смеха; один видел во всех человеческих поступках лишь нищету, другой - лишь глупость* - Сенека - *Democritum in*

publicum processerat, flebat, Heraclitum ridebat; huic omnia quae agimus miseriae, illi ineptiae videbantur.

У человеческой породы есть лишь одно по-настоящему действенное оружие, и это - смех - М. Твен - *The human race has one really effective weapon, and that is laughter*. Смех - лишь тревожный сигнал или щит, но его слеза обезоруживает. Профилактическая техника для изгнания скуки и серьёзности - поместить *чихание в самое патетическое место своей речи* - Бергсон - *éternuement au lieu le plus pathétique de ton discours*.

Комедия нынешней молодежи в том, что она хочет быть старой. *Трагедия старости в том, что остаёшься молодым* - О. Уайльд - *The tragedy of old age is that we are still young*.

Интеллектуалом является тот, кто пробует трагические позы и переживает при этом оглушительное фиаско. Чтобы спасти смысл драмы, юмор слова соединится с иронией идеи. *Всякий интеллектуальный труд носит юмористический характер* - Б. Шоу - *All intellectual work is humorous*.

Ирония - это маска, за которой прячется жалость к самому себе - Чоран - *L'ironie est le masque qu'emprunte la pitié de soi-même*. Гордецы носят свою жалость к другим без маски, оскалив зубы. Противоположность иронии - открытое лицо. Помни, что пафос ницшеанского «да» останавливался лишь перед двумя неладами: жалостью и иронией, трагическим и комическим. Образующими зачастую качели: *Он хвастается - я его унижаю; он унижается - я его превозношу* - Паскаль - *Il se vante, je l'abaisse ; il s'abaisse, je le vante*. Я провозглашаю себя

великим - и тут же меня затопляет моё убожество; я признаю своё убожество - и не подозреваемое величие поднимает мои опущенные глаза.

Ритмы трепетов и алгоритм разума были задуманы одним Программистом или Чудотворцем, написаны на одном языке, где трагическое и логическое следуют одной внеконтекстной грамматике, движимой порождающим Словом. Некогда у человека эмоций не было никаких проблем с программированием разума; сегодня человек разума пошёл еще дальше - он программирует свои эмоции на компилируемых и неинтерпретируемых языках. *Поскольку мы действуем под влиянием эмоций, мы запрограммированы. Разум - вот чудо* - Х. Арендт - *Insofar as we act emotionally, we are programmed. Reason is the miracle*.

Бытие, то есть невидимая душа, предназначено для взгляда, то есть для молитвы и мечты. Но они сделали его культовым объектом своих хромых силлогизмов, где трагическое всё банальнее, а логика увязает.

Жертвенная подмена заставляет нас усматривать в любой трагедии редугадываемого и смехотворного козла отпущения.

Механически переводят *Aufklärung* как век Просвещения (*siècle des Lumières*). Но *Aufklärung* (течение гуманистическое, народное и тёплое) лежит в руинах посреди машин, тогда как Просвещение (царство разума, холодного и элитарного) торжествует на каждом шагу в волчьих головах. Немец наследует здесь греческую трагедию, а француз - римское право.

Можно наделить крыльями слова, но не идеи, которые вечно рядятся в глубины или плоскости. Итак, не будем сочувствовать неуклюжим

пернатым: *Мысль летает, а слова ходят пешком. В этом вся драма писателя* - Ж. Грин - *La pensée vole et les mots vont à pied. Voilà tout le drame de l'écrivain* - его комедия в том, что чем больше он следует за пернатым, тем точнее пресмыкающееся последует по его траектории. Налей в свою мысль свинца иронии и отращивай у слов крылья иллюзий.

Случается, что слеза обладает силой слова - Овидий - *Interdum lacrimae pondera vocis habent*. А истинное слово - это слеза уха, разбитые звуки, превращающиеся в хрустальные капли.

Бог - трагик, выступающий перед публикой, не смеющей плакать. (*Бог - комик, играющий перед публикой, боящейся смеяться* - Вольтер - *Dieu est un comique, qui joue devant un public, qui a peur de rire*). Глупцы пишут, чтобы отбить у нас охоту к слезам; наивные - чтобы вызывать их; тонкие - чтобы сбирать. *Искусство служит для того, чтобы вытирать нам глаза* - К. Краус - *Die Kunst dient dazu, uns die Augen auszuwischen* - а философия завершает задачу, наполняя наши глаза блеском или упованиями.

Занудство - это восседающие боги и веселящиеся нимфы. Нам же нужны падение богов и плач нимф. Устроить Эмпирей в наших руинах. Но верх скуки - оставаться без мифов.

Наши небесные траектории завершаются земным падением, каковы бы ни были их апогеи, касательные или пункты назначения. Не страх перед виражами удерживает созерцателя, но забота не упустить из виду свою звезду. Прямолинейность держит меня в бодрствовании, ductus obliquus рассеивает, неподвижность баюкает и шлёт сны. При звезде, помещённой

достаточно далеко, то есть очень высоко, никакая волна моих заблуждений не отклонит ее.

Открытие того, что, сентиментально, мне ближе всего в глубине меня самого, оказывается дальше всего от меня мысленно, запрещает мне любую фамильярность с самим собой и предает меня трагике, то есть чувству, что моё поражение перед лицом далёкого проистекает лишь от меня самого, иллюзорно столь близкого.

Европейская интеллигенция заботится о всеобщем счастье; русская интеллигенция плачет о частном несчастье. Первая ищет поправок в Налоговый кодекс, вторая - норовит утереть слезу. Первая видит самое драматичное противоречие в несовместимости всеобщего и частного, вторая - в несоизмеримости между мечтой и поступком.

Госпожа Бовари или *Анна Каренина*: мелодраматическая последовательность и прозрачность расчётов с одной стороны, и трагическая фатальность и произвол слепой страсти - с другой. Решение в добротном стиле или тайна неудержимого ритма.

В Европе, все революции были драмой, завершающейся отчётами, инструкциями и новыми гражданскими кодексами. Русская революция - оптимистическая трагедия, переходящая в пессимистическую комедию.

Русский интеллектуал рождён из сострадательной слезы. Его европейский сородич - из дебатов вокруг уличных происшествий. Жалость А. Радищева к нищему крестьянину или вовлечение Вольтера в пересмотр судебных процессов. Держать совесть в бодрствующем состоянии или

порождать журналистский отклик. Быть увлечённым трагикомическим или любопытным.

У культуры два возможных фундамента - комфорт моей цивилизации и дискомфорт моей души. Уютная западная цивилизация утишила душевные тревоги и заведует отныне всеми чаяниями культуры. Ужасная русская цивилизация служит лишь апокалиптическим нагромождением, на фоне которого разыгрываются трагедии беспочвенных душ.

Три трагедии в жизни В. Набокова, три утраты: детства, отца, родного языка. Несмотря на эти общие для нас места, всё остальное нас противопоставляет.

Ницшеанский сверхчеловек оставит двух естественных наследников - в нацистской Германии и в советской России: то, что должно было воплотить новые ценности (и презрение к старым словам, забвение Истории) в высокомерном пессимизме, породило Новый Порядок и Нового Человека с их жалким оптимизмаом, при котором одинокое и трагическое пение превратилось в милитаристские или идеологические марши.

Подлинная драма нынешней России со времени её крушения - её неспособность выдумать новые мифы, которые придали бы смысл её новому существованию. Надо признать, что грандиозный и планетарный миф - миф о достоинстве слабого, миф ныне униженный и осмеянный - заменить непросто. И утопии больше не стоят на повестке дня. *Любое государство обязано создавать себе утопию, когда оно теряет связь с мифом* - Э. Юнгер - *Zur Utopie ist jeder Staat verpflichtet, sobald er die Verbindung zum Mythos verloren hat*.

Траектория европейской комедии: бунт, скука и наконец хорошо усвоенный урок - безразличие, высшая степень свободы (Декарт). Русская трагедия вызывает сначала восхищение, затем ужас и, наконец, смех или безразличие.

Демократия пробуждает энергию людей действия и обескураживает людей мечты. Поскольку русский аллергичен к действию и заражён мечтами, понятна его нынешняя растерянность. И. Шафаревич - *При демократии Россия представляет такой жалкий вид, что даже сердце щемит*. Это даже не трагично, это хуже… А диктатура - в конце концов лишь жалкая пародия на монархию.

Чтобы ценить демократию, нужен приоритет закона, тогда как русские любого толка видят в презрении к закону, в своеволии, в произволе - основу своего существования: следование внутренней свободе делает равнодушным к внешней. При диктатуре кровоточат не только сердца, но также умы и тела, что удручает и сбивает русских с толку куда меньше, чем демократическая мелочность. Жалкий во внедрении демократии, трагичный - при любом ином режиме.

Главные симптомы пессимизма: русский пессимизм; эстетический пессимизм; l'art pour l'art; анархический пессимизм: "религия сострадания", этический пессимизм - Ницше - *Die Hauptsymptome des Pessimismus : der russische Pessimismus ; der ästhetische Pessimismus ; l'art pour l'art ; der anarchische Pessimismus ; "die Religion des Mitleides", der äthische Pessimismus*. Эти симптомы находятся на равном расстоянии от пессимизма и оптимизма. Пессимистичны во второстепенном: факты,

глаза, разум; и оптимистичны в главном: видение, взгляд, мечта. И любое глубокое слово может быть написано при свете цифр или в тени слова. Пессимизм грубой силы, оптимизм тонкой слабости. Ты, певец античной трагедии и нигилистической бойни, или декадент Сократ, убийца трагедии.

Русский - не прометеевский человек; он апокалиптичен, иоанничен, ощущая в глубине себя гармонию, что делает его весьма снисходительным к собственным проступкам и своей лени. Заметьте, что смертный грех гнусной лени переводится на русский язык как романтическая меланхолия (уныние) - две крайние интерпретации греческой ацедии (св. Фома или И. Лойола) - пофигизма.

Немецкий гений лелеет романтическую чистоту и сводит её к мрачному уединению или к улыбчивой поэзии. Три русских гения, Достоевский, Чайковский, Чехов, берутся за реальную чистоту и открывают в ней рыдающую философию; чистота у них обречена сопутствовать с низостью, пороком, увяданием.

Три прочтения истины: логическая редакция, практическая редукция, патологическая коррекция. Лишь последняя допускает три угла зрения, на наш выбор: трагический, комический, иронический.

Призвание истин - подталкивать нас к вычислению; те, что заставляют нас плакать, давно утратили свою слезоточивость. *Лишь те истины ведут нас, что заставляют плакать* - М. Баррес - *Seules nous mènent les vérités, qui nous font pleurer.* Самые известные из этих повелительниц слёз именуются сегодня налоговыми ставками, льготными кредитами, планами градостроительства. Но надо признать: ни одна мечта,

то есть ни одна ложь, больше не заставляет плакать налогоплательщика или потребителя. В частности, потому что больше не любят тупиков - этих единственных мест, где всё ещё задерживаются бесплатные мечты.

Новорождённый, обращённый к своему нутру, спонтанно рыдает; чтобы заставить его смеяться, нужны внешние уловки. Умирающий тоже нудит себя к смеху, но стонет от всей души. Между этими двумя сезонами счастью не хватает смеющихся ключей, а несчастье - знаток слезливых замочных скважин. Художник не хочет подражать жизни; он сосредоточивается на трагической природе средствами игровой культуры — Монтень: *L'homme possède ses biens par fantaisie, les maux - en essence - Человек обладает своими благами по прихоти, а злом - по сути*.

Греческий мир был полон трагедий, тревог и насилия, но от греческого мыслителя исходят безмятежность, покой, хорошее настроение. Сегодняшний мир, переполненный скукой, здравым смыслом и прозрачностью, питается словесным насилием, банальными тревогами, механическими трагедиями.

Слишком легко болтать о наших заурядном старении; но нужно достичь этого глубокого и трагического видения - что безвозвратные и наиболее достойные быть изображёнными нашими перьями падения - это падения благородства, созидания, любви, - чтобы понять величие Чехова.

Никто не нуждается в философских заклинаниях, чтобы предаваться удовольствиям или блаженствам, и чем слепее им предаёшься, тем лучше. Напротив, именно неотвратимая тревога в конце концов закрадывается в самые оптимистичные души и которую никакой разум не сотрёт и не

успокоит, именно это беспокойство обращается к мудрецу, чтобы тот превратил накал немого страдания в ласкающую, утешительную, безотчётную, грандиозную музыку.

На (мистической) вершине философии открываются два склона: этика и эстетика, жизнь или искусство, утешение или язык, меланхолия или трагедия, благородство или стиль. Аристотелевские тревога и жалость покрывают первую, ницшеанская воля к власти позволяет добраться и до второй.

Трагедия не может разыгрываться вне этики, но ее восхождение от сухих фактов или идей к животворящей метафоре происходит благодаря тому, что на оси эстетики уживаются ценности и красоты и ужаса. *Там, где ты говоришь «да» ужасному как неотъемлемой, но присущей антитезе прекрасного, там разыгрывается трагедия* - Хайдеггер - *Tragödie ist dort, wo das Furchtbare als der zum Schönen gehörige innere Gegensatz bejaht wird*.

Вокруг наших поступков формируются этическая, прагматическая, интеллектуальная, эстетическая оценки, и каждой из них взгляд мистический отведёт своё место. Естественно, что прагматика, интеллект и эстетика влияют на место зла на этической оси. Прагматика будет его устранять; интеллект - признавать его необходимость; эстетика - предоставлять равное право на присутствие добра и зла.

Нашествие прозы в мире вызвано, вероятно, уходом с наших башен защитного, благородного страдания. *Песнь жизни раздаётся божественно лишь из глубины боли* - Гёльдерлин - *Das Lebenslied der Welt tönt uns göttlich erst in tiefem Leid*.

От Софокла до П. Корнеля, проходя через Шекспира, трагедия следовала аристотелевскому рецепту — выражаться действием, а не выражением. Лишь Чехов превзошёл — в высоте! — это весьма примитивное видение, иллюзию событийной глубины. Он угадал (бессознательно!) великую трагедию в непостоянстве, уязвимости или угасании прекраснейших состояний души — состояний влюблённого, художника, мечтателя — словом, не актёра, а созерцателя. Можно бы, пожалуй, вспомнить и Л. Стерна: *Самое восхитительное из наших наслаждений завершается в трепете — The loveliest of our pleasures ends with a shudder.*

Чтобы творить дрожь красоты или решаться на истину трагики, и талант и благородство должны вдохновляться единственно подлинным, а значит не переводимым в слово и дело Благом.

Две роли языка: описывать призрак нашего внутреннего счастья (быть носителем Блага), излагать истину нашего внешнего несчастья (неизбежность падения).

Великая трагедия — это не публичные заботы князей мира сего, но одинокая тоска слуг Божьих, чьи таланты, чувства, мечты растворяются в пустоте небес.

В области реального наша власть все больше сводится к знанию, как в области иллюзорного отныне лишь одна наша воля отражает достоинство. Любая попытка объединить эти две области, как, например, воля к власти, обречена на провал и потому может быть лишь трагической.

Разочарования, обескураживания, кончины — это лишь страшные общие места; наша трагедия в ином - в том, что ни размах наших дел, ни глубина наших слов никогда не сумеют объять или передать высоту наших немых грёз, наших музыкальных даров, наших невыразимых страстей. Весь гений Чехова - в этом отчаянном видении.

Именно реальная жизнь, а не мечтательная философия приводит к трагическому скудоумию; философия не может и не должна делать ничего иного, кроме как находить утешение мечте.

Молитва - не заступничество, не прошение, не созерцание, а музыка одинокой души, трепещущей перед красотой и трагедией живого.

Когда я ищу дела (невозможные!), воплощающие мои мечты, я читаю трагедию жизни; когда я ищу мечты (возможные!), солидарные с моими делами, я открываю её комедию. И поскольку даже мечтатель обречён действовать, его жизнь будет трагикомедией.

Дабы избежать финальной плоскости, философская сущность или глубина должна сговориться с трагическим подпольем существования. Это, возможно, их единственный шанс примкнуть к нетленной высоте.

Достичь Неба можно, лишь пожертвовав чем-то жизненно важным на Земле; но Небо - это тревога, мимолётное утешение, одиночество радостей и молчание Блага. Но одержимый Действием всегда найдёт оправдание своей привязанности к Земле. *В Царствии Небесном нет места для жертвы, всё там - покой и сладострастие* - А. Карпантье - *En el Reino de*

los Cielos - imposibilidad de sacrificio, reposo y deleite. Небо приоткрывается, когда я остаюсь один, избавленный от других и даже от собственного известного «я»; Ад свирепствует на Земле других.

Трагический человек - тот, в ком сочетаются высота ангела и глубина зверя. Но если зверь вездесущ у всех, вызвать хорошего ангела оказывается трудно разрешимой задачей. По неизвестной причине путь, ведущий к нему вернее всего, - это любовная переписка, и здесь я натыкаюсь на Достоевского, Флобера, Ф. Кафку, А. Блока, но лишь первый выставляет зверя столь же мощного, сколь и ангел.

Глупому раскаянию в том, что дурно поступил или дурно подумал, следует предпочесть мудрое признание, что лишь мелкие мысли переводимы в действие. Эта адекватность будет банальной, тогда как разлад в случае сильной мысли будет либо комичным, либо трагичным.

Когда личность превосходит толпу лишь в интеллектуальном масштабе, он переживает драму (внешнюю и весьма заурядную), драму своего превосходства или своего презрения; но когда личность взбирается на высоту, теряя всякий контакт с толпой, он переживает трагедию (внутреннюю и роковую), трагедию пропасти, разделяющей мечту его неведомого «я» и реальность его «я» известного. Поэт, высокомерный и ироничный, всегда умнее глубокого философа, идеалиста или экзистенциалиста.

Любое упование видит Начало во тьме, пожирающей свет мысли, чувства, дела. Дурное упование - убеждать себя в близости многообещающей зари. Хорошее - оставить время, создать воображаемую

зарю, при которой ты грезишь, и воспевать трагическое величие реальной тьмы, в которой ты живёшь.

Я не знаю трагических героев; единственные трагедии, которые я знаю, - это трагедии смирившихся, устыдившихся, безутешных. Случайность в драме жизни порождает оптимистического героя; трагическая фатальность создаёт пессимистического художника.

Благороднейшее из трагических чувств - тревога, являющаяся парализующим сознанием ничтожности в реальном мире моих самых драгоценных, подлинных и чистых грёз, порывов, привязанностей. Тревога - это драматичное возвращение на бренную землю небесной и невесомой благодати, освящавшей мою жизнь. Ни один постоянный обитатель высот не застрахован от этих непредвидимых падений.

Течение жизни движимо инерцией или Началом. Избегая первой и переходя ко второму, ты всё сводишь к сгустку Начал и единоличности, на одном из двух фонов: либо во времени, наполняющим меня страхом, либо в вечности, освобождающей меня тревогой. Даже Начало состоит, таким образом, из двух моментов: мрака первой мысли и света финального чувства. И мое «я» вкрапится в это Начало своими тенями.

Чтобы описывать жизнь, интеллект поставляет смысл, вкус готовит палитру цвета, а талант создает из этого гармонию. С той же палитрой можно писать и скорбь, и радость. Без интеллекта и вкуса эти две картины выставили бы лишь бессвязную серость; без интеллекта же ты будешь одногранным, будешь читать в жизни лишь раздельно комедию или трагедию.

Трагическая несоизмеримость между реальностью и мечтой, между состоянием души и его оглаголиванием, между очевидностью отчаяния и зыбким упованием, делает созидание родом искупления, пытающимся примирить эти две грани.

Дух напевает нам заезженные мелодии и ритмы, но музыка слагается и оживляется нашей душой. Трагедия рождается из тревоги души, чьё ожидание слишком высоко для слишком тяжёлого духа. Трагедия - это ослабление (угасание, стирание, хаос) голоса высоты (величия, чистоты, благородства), душа, задушенная вещами.

Трагедия - не в беспорядке, хаосе жизни, увиденном духом; трагедия - в гармонии души, которую жизнь, неумолимая, мирная и разумная, ломает - вмешательство всеуравнивающего времени в неповторимые рельефы пространства.

Неисчисляемые беды в природе или в морали, которые находятся без труда и выражаются двумя общими подходами: или ты ужасаешься, пугаешься, проклинаешь божественное Творение, и ты - человек отрицания, или ты находишь утешение в человеческом созидании, когда Прекрасное высвобождается от Доброго и сводит к тебе самому всю суть мира, и ты - человек согласия.

Истинное утешение так же далеко от счастливых воспоминаний, как и от обещаний счастья; оно вне времени, в области, предоставленной одним мечтаниям, мгновенным, невесомым, бессодержательным, - небесная искра в земной ночи.

Утешение, которого я ищу, было бы скорее воскрешением, чем исцелением. Великолепное в форме Глагола, картины, музыкальной Страсти - и в ничём реальном.

Истинная трагедия в том, чтобы всё великое теряет накал, цвет, признание - и не по зловредности, ошибке или случайности, но по абсолютному року времени. Вот почему неудавшиеся трагики погубляют уже в ранней молодости своих подслеповатых героев.

Единственная божественная искра, обречённая оставаться теплом чувств, не превращаясь ни в свет поступков, ни в тень созидания, - это Благо. И поскольку философия есть искусство распределения теней и света, основывать её на этике, на Другом - наивность того же порядка, что и глупость тех, кто сводит этику к Истине, к знанию. Философия должна бы исходить лишь из Прекрасного, которым нужно наполнить все жизненные оси, идущие, например, от комедии сущности к трагедии существования, или же от теней слова к свету идеи.

Для меня, зрителя, угасание душ у людей - лишь мелодрама; утрата жизненности моей собственной души - трагедия для актёра, которым я являюсь. Талант, теряющий свой порыв, страсть, увядающая в гнусном равновесии, голос, адресованный Богу и ищущий низменно вульгарных ушей, - столько ролей, которые мне пришлось бы играть на всё менее смутной сцене перед моим неведомым «я», проницательным драматургом и безжалостным судьёй. *Вот почему меня мучает проблема выживания моей души* - Унамуно - *Por esto me tortura el problema de la duración de mi alma*.

В мировом музыкальном репертуаре, *Патетическая* Чайковского - самая философская пьеса, поскольку она воспроизводит путь творца: от прозрачности неистового Блага к тени надменной Красоты, завершаясь во мраке безжалостной Истины.

Наши преступные, ужасные или свирепые порывы - не человеческие, а зверские, должны быть исключены из трагики, этой исключительно человечной привилегии. Истинная трагедия: возвышенное, озаряющее на миг наше существование, но приходящее к признанию своего медленного и рокового угасания.

Все наши струны, певшие о благородстве, творчестве, мечте, кончают тем, что неизбежно становятся дряблыми - это и есть настоящая человеческая трагедия, но с терапевтической точки зрения - это вырождение. Следует ли сожалеть о наших собственных неизлечимых хворях? Или же следует искать торжественные почести для похорон, полных накала и полноты?

Страсть возможна, лишь пока длится чувство вечности. Роковым образом, в один прекрасный день, ты его теряешь, ты присутствуешь при трагедии мечты, ты убиваешь вечность, как другие убивают время, чтобы оживить комедию жизни.

Трагедия Блага - порыв, не ведущий ни к какой цели; трагедия Прекрасного - порыв, теряющий высоту, падение. Самая сносная из трагедий - трагедия Истинного: порыв, чьё Начало, которое оказывается всего лишь инерцией.

В общем и целом именно между ангелом и зверем, в лоне одного и того же персонажа, разворачиваются истинные трагедии. Противопоставлять добрых злым, глупых умницам, свободных раболепным - антихудожественный подход. Пушкин - *Противуположности характеров - вовсе не искусство, но пошлая пружина французских трагедий*.

Одним из символов трагедии был бы эффект, производимый переводом личной поэзии в коллективную прозу. *Ангел, охраняемый жандармом, - так угасают энтузиазмы* - Чоран - *Un ange, protégé par un gendarme, – c'est ainsi qu'expirent les enthousiasmes*. А зверь, вознёсенный на небо, вызывает отвращение.

Я не назвал бы утешением слова утешения в миг, когда утрата уже свершилась. Лишь ослабление моей чувствительности перед лицом блекнущего Прекрасного, умолкающего Блага, нормализируемой Истины делает утешение срочным. Это призрачное утешение занесло бы меня в недоступный край - на высоту созидания или в глубину созданного. Утешение - живость порыва даже в отсутствие целей и стрел.

Трагедия по-европейски: ужас перед жестокостью поступков; трагедия по-русски: страдание, оторванное от любого поступка, тоскующее сознание рока, поглощающего все воспоминания о наших мечтах. Первая, даже вымученная в напыщенном стиле, вызывает жалость прежде всего у первого встречного. Вторая, даже изложенная смиренно, убеждает кого угодно, от мужика до аристократа, и даже поэта. Вот почему самый великий трагик всех времен зовётся Чеховым.

Утешение может быть лишь трагическим: красотой мечты заставить восторжествовать благородную душу над безжалостным духом, метафорическая истина берущая верх над истиной механической. *Истина благородна, и образ, что ее раскрывает, - это трагедия* - Р. Шар - *La vérité est noble, et l'image qui la révèle, c'est la tragédie*.

С этим нелепым видением трагедии: *Частный случай несправедливости, опровергающий господство порядка* - Дж. Штайнер - *The individual instance of injustice that infirms the general pretence of order* - увы, с этим согласится любой европейский трагик, но не русское искусство трагедии. К счастью, был Чехов: *Сократовская демонстрация финального единства между трагической и комической драмой окончательно оставлена. Доказательство тому - искусство Чехова* - Дж. Штайнер - *The Socratic demonstration of the ultimate unity of tragic and comic drama is forever lost. But the proof is in the art of Chekhov*. У Чехова нет доказательств, есть лишь одинокая тоска угасающей мечты.

Несчастье - в длительности, в необратимости; счастье - в мгновении забытья, экстаза, самоотдачи. Описывать несчастье - задача памяти; образ счастья сосредотачивается в одной точке, и которую лишь художественный глагол может воспроизвести, описывая исток, Начала без развития. Эпопеи повествуют о несчастье; максима воспевает счастье.

Самые волнующие мгновения твоего существования: туманная даль, воскресающая тебя любовь, отказывающийся свестись к плоду цветок. Отсюда это толковое определение трагедии: *Плод обманывает, любовь гаснет, время уравнивает* - Суинберн - *Fruits fail, love dies, time ranges*.

У всех трагиков именно ужасная реальность составляет канву повествования; лишь чеховские трагедии не предоставляют реальности никакой роли, будь она мирной или терзаемой. Магия любви, экстаз созидания, высота мечты, теряющие со временем, и роковым образом, накал или смысл и сводящиеся к состоянию, близкому к скуке, - такова истинная трагедия чувствительных людей. Она внутренняя, а не внешняя.

Истинная трагедия кроется ни в теле, которое мучают, ни в духе, который презирают, а в душе, которая агонизирует. Чехов - *В душах совершается трагедия, ибо крушение ждёт их в виду Островов Блаженных*.

Со времён Сократа комический и трагический гении технически считаются тождественными; но комический дар - лишь талант, тогда как трагический вкус действительно относится к гению. Комедия может довольствоваться смехом и аплодисментами, тогда как трагедия всегда сопровождается благородной музыкой или глубоким молчанием. Таким образом, я не вижу иного законченного трагика, кроме Чехова, которому Дж. Штайнер, внезапно оглохший или чересчур наивный, отказывает в этом статусе: *Чехов лежит вне рассмотрения трагедии - Chekhov lies outside a consideration of tragedy*. И неважно, что сам Чехов думал о своих жанрах. К. Станиславский - *Это не комедия, как Вы писали, - это трагедия*.

Трагедия - фатальное истощение наших мелодий, и утешение состояло бы в переносе жизненной симфонии в соло, далёкое, меланхоличное, но верное оригиналу. *Я верю в жизнь вечную, восклицает*

трагедия; тогда как музыка есть непосредственная идея этой жизни - Ницше - *Wir glauben an das ewige Leben, so ruft die Tragödie ; während die Musik die unmittelabare Idee dieses Lebens ist*.

В подавляющем большинстве случаев акты бравады или политического величия - плоды праздного воображения трагиков или комментаторов (рождение поэм следует той же траектории). П. Корнель называл свои трагедии героическими комедиями, Чехов должен был называть свои роковыми комедиями.

Сказочная постановка *Троянок* в амфитеатре Сиракуз; но не в страдании побеждённых я воспринимаю истинную трагедию, а в сострадании, которое Еврипид испытывает к своим замученным врагам - политическая некорректность! Его аколит Ж. Расин испытывает эмпатию лишь к своим.

Противоположность ласке - насилие, словесное, музыкальное или материальное. Ласка уникальна, насилие банально. Насилие делает трагедию жизни банальной, ласка приносит ей утешение. Когда открываешь поэзию в Шекспире или Ж. Расине, думаешь, что *насилие в поэзии - это всё* - Дж. Штайнер - *the violence is all in poetry*. Когда понимаешь Чехова, ищешь лишь ласку.

Трагедия, как её понимают все писатели до Чехова, - это трагедия дерева, которое рубят безжалостные люди. Но истинная трагедия - это трагедия цветения древа. *Трагическое предчувствие, что на пике цветения не произойдёт никакого нового и благородного роста* - Г. Гессе - *Die traurigmachende Ahnung, daß in einer Hochblüte ein edles Wachstum sich nicht*

erneut - благородный цветок, теряющий безвозвратно своё первое благородство.

Великая красота обещает тебе счастье, затем охватывает тебя тревогой и наконец сковывает тебя в трагедии. Вот почему нужно довольствоваться невозможными обещаниями, выдуманными надеждами, Началами.

Становиться суше - в глазах, мыслях, мечтах - такова настоящая трагедия человека.

У любой великой культуры есть собственные меры глубины: у немецкой - в накале и понятиях; у французской - в интеллекте и стиле; у русской - в смирении и трагедии. Все эти меры коренятся в реальности; тогда как высота оценивается лишь долей и качеством мечты. Русский кажется здесь наиболее компетентным.

Комедия делает всё относительным, а трагедия - безусловным. Н. Шамфор глубоко постиг, соответственно, их источники и их цели: *Время уменьшает накал безусловных удовольствий и увеличивает относительные* - *Le temps diminue l'intensité des plaisirs absolus et accroît les plaisirs relatifs*.

Больше не пишут трагедий в классическом смысле слова, поскольку те строились на несправедливости. Между тем наши общества достигли столь замечательной степени справедливости, что любой трагик воспринимался бы как журналист в поисках сенсаций. Но истинные

трагедии - жалобы вокруг угасших страстей - исчезли точно так же, поскольку больше нет страстей - лишь ворчание или истерика.

Реальность соткана из истин, а мечта - из порывов. Утрата полноты первой - комедия; утрата полноты второй - трагедия. Философ-оптимист ищет полноту (слишком трудно) обоих; философ-пессимист видит в них пустоту (слишком легко).

Банальные трагедии (несправедливость) кончаются плохо; истинные трагедии (потеря накала сильных чувств) кончаются хорошо - утешением, просветлённым, невидимым, зыбким - для духа, но оживляющим - для души.

Отличный указатель происхождения истинной трагедии, даваемый комедиантом Данте: *Вначале восхитительно, в конце смердит - In principio est admirabilis, in fine est foetida*.

Для трагедии конфликт - канва слишком банальная, лёгкая и простая; сумерки Красоты - канва великая и прекрасная! Вот почему Чехов - самый великий трагик.

От произведений пресыщенных веет той же скукой, будь то трагедия Берлиоза (*Гамлет* или *Гарольд*) или меланхолия ноктюрнов Шопена.

Величайшая свобода состоит в независимости от духа - сердца или души. Блага или Красоты от Истины. И стало быть, эта свобода должна приносить утешение, а не раны или горечи. Философ свободы Бердяев сильно здесь ошибается: *Свобода порождает страдание и трагизм*

жизни. Именно истина, этот неопровержимый продукт духа, приносит эти бедствия, смягчаемые сердцем или душой.

Мелодрама: ты покидаешь то, чего желал; трагедия: то, чего ты желал, - покидает тебя. *Пусть отворачивают глаза и уши от того, что покинули* - Сенека - *Oculos et aures ab his quae relinquit, avertat* - и пусть направляют их на то, что нас покидает, - это и есть утешение.

Мало кто догадывается, что за банальностью фразы - *жизнь трагична* - скрывается само определение трагедии, которое гениально сформулировал Гюго: *Жизнь - лишь долгая утрата всего, что любишь - La vie n'est qu'une longue perte de tout ce qu'on aime.* Снижение накала того, что прежде нас потрясало. И утешение - верный взгляд, замещающий угасшую звезду.

Греческие и латинские трагические авторы обращались к терзаемым героям или капризным богам (слишком много шумных неудач), Шекспир - к самому себе (слишком много большой злобы), испанцы и французы - к придворным (слишком много больших жеманств), Чехов - к единственному поистине трагическому персонажу по высоте его страдания - к чувствительному, израненному, одинокому человеку, внушающему жалость или сострадание.

Сочувственные слёзы, а не насмешливые улыбки сопровождают моё чтение Чехова; но меланхолия - царственная услада чистых (меланхолическое безумие вело Дон Кихота). Даже Ж. Расин понимал это: *величественная грусть составляет всю радость трагедии - tristesse majestueuse fait tout le plaisir de la tragédie*.

Совмещать реальное отчаяние и воображаемое утешение - привилегия мечтателей; отчаяние человечно, а утешение божественно. *Те, кто думает, что верит в Бога без отчаяния в утешении, верят лишь в идею Бога, но не в самого Бога* - Унамуно - *Los que, sin la desesperación en el consuelo, creen creer en Dios, no creen sino en la idea de Dios, mas no en Dios mismo*. Бог - лишь идея, как и истинное утешение; именно неспособность перенести магическую идею на трагическую реальность лишает нас благородства.

Твоё неведомое «я» пробуждает твои страсти, но именно твое известное «я» придает им рельеф, цвет и музыку. С возрастом дарования второго остаются почти неизменными; но накал голоса первого слабеет - в этом и заключается трагедия поэта, то есть влюблённого. Прекрасный совет бл. Августина: *Они любят восхищаясь и восхищаются любя* - *Admirantes diligunt et diligentes admirantur* - применим лишь к юности; старики слышат ту же музыку, но их страсть теряет высоту.

Если добрый Бог и нехороший дьявол находят прибежище в деталях пути, то Ангел вдохновляет сущность Начал, музыку без конечных целей, меланхолию или трагедию святого одиночества. *Вся музыка Баха - ангельская трагедия* - Чоран - *Toute la musique de Bach est une tragédie angélique*. Меланхолия же принадлежит Моцарту.

Потребность в уповании появляется вместе с сухостью во лбу, в глазах, в сердце. Ничего нет страшнее - высохнут глаза, губы, мозг. *Не будет никаких соков, а я буду всё ещё жить* - Н. Берберова. Вот настоящая трагедия, настоящее страдание!

Твои слёзы, печали и радости, иссякнут - таков один из истоков человеческой трагедии.

Ницше хорошо определяет трагедию: *Взоры моей юности и мои самые дорогие тайны - это вы их умертвили - Mordetet ihr doch meiner Jugend Gesichte und liebste Wunder*, но ошибается в убийце, коим является ни Р. Вагнер, ни Шопенгауэр, а тяжесть реального.

Идеал - это мечта, не нуждающаяся ни в противниках, ни в борьбе. Что имеет значение, так это его высота и способность её удерживать. И идеал вездесущ во всей литературе. В европейских трагедиях добряк противостоит злодею, верный - вероломному, жестокий - кроткому, сильный - слабому, благородный - хаму. Разве можно назвать их идеалами? Между тем у Чехова повсюду видишь увядающий, угасающий, агонизирующий идеал без антагонистов, - вот единственный настоящий трагик!

Трагедия: побывав властелином возвышенного, скатиться к статусу раба посредственности. *Трагедия - уступить обыденности* - Л. Шестов.

Ницше, при своём огромном страдании, искал, жалким образом, уважения и почтения; жалость оскорбляла его; его аристократизм становился здесь мещанским.

Посредственность и душевный покой могут длиться долго, но то, что велико в человеке - накал страсти, высота созидания, чистота благородства, - имеет краткое существование и нуждается в утешении, чтобы оставаться

им верным потенциально. Это само Начало истинной трагедии. *Смысл трагедии - краткость героической жизни* - Дж. Штайнер - *The sense of the tragic : the shortness of heroic life*. Героизм - это верность высоте.

Душа, поражённая скукой: это состояние, кажется, лежит в истоках как комедии, так и трагедии как жанров. Смех и слезы вытекают из этого состояния, счастье или несчастье в поисках лёгкости или упования, скинуть с себя тяжесть или зацепиться за благодать.

Сентиментальные, медицинские, жизненные заботы гнетут с одинаковой остротой, будь ты деревенщиной или мудрецом. Стоические заклинания не дают никакой защиты от этого рока, поскольку жизнь, их опора, наделяет нас теми же весьма хрупкими органами. К счастью, наше существование имеет вторую грань, на сей раз божественного происхождения, - мечту. В ней всё лично, всё в созидательных началах, всё - вызов страданию и, более широко, трагедии.

С возрастом выигрываешь в общем свете и теряешь в личной тени. Трагедия - в сентиментальной слабости тени и в силе механического света. Спасение - в почитании теней.

Почти за целый век - ни одного трагического произведения, но зловещие расплодились вовсю.

Никакие рассуждения не могут облегчить крушение, приземление твоих грёз; но противоположностью рассуждения является зыбкая верность взгляда твоей угасающей звезде. *Игральные кости служат утешением* - Сенека - *Alea solacium fuit*.

Благодать - прерогатива юности; затем вступает в игру тяжесть, вызывающая снижение накала, энтузиазма, блеска - утрату высоты. Обрушение в земную плоскость непоправимо. Чтобы избежать этого, единственный выход - обратить свой взор на первую обитель юности - высоту, где рождались чувства, творения, верности. Утешение - обрести в этом взгляде эхо того, на что смотришь.

Разделяя в себе автора и человека, не забывай, что узы наследственности, которые они поддерживают со своей общей юностью, тоже весьма различны. Автор может лишь предать или превзойти свою юность, тогда как у человека с ней гораздо более сложные отношения: забыть её, оставаться ей верным, стыдиться её, переживать трагедию угасания своих грёз. Автор созидает, а человек верит.

Экстаз, головокружение, скука - таков трагический путь, отхода от которого нужно искать даже в тупике, и которое назовётся утешением.

Мои ожидания живут в реальном, мои упования - в идеальном. Неуспех в первых приводит к разочарованиям, во вторых - к трагедиям. И поскольку моя сущность - в идеальном, она не ведает разочарований, этой сущности прагматичных людей.

В России, в этой стране сервильной болтовни, государство-стукач пыталось вписать меня в хор, а я хранил свое одиночество, бессловесное и потаённое; во Франции, в этой стране свободной беседы, смеются над одинокими, монологичными и маргинальными, каким я и стал, - жалкий несчастный, жалкий счастливец, но жалкий. Вездесущая трагедия,

отсутствующая трагедия - невозможно дать понять другим, что такое трагедия личной и угасающей мечты.

Ослабление наших уверенностей ничуть не трагично, оно скорее благотворно для нашего смирения. Напротив, следует страшиться проседания наших грёз. Разочарования опустошают надменных дельцов; упование оживляет чистых мечтателей.

Трагическое чувство знакомо немцу, русскому, испанцу, оно чуждо французу. И я даже не говорю о трагиках жеманства XVII века; возьмите почвенника Бодлера или метека Чорана, приверженцев мрачных тонов, - у них за величественными крыльями следуют хромые лапы, за возвышенной плотью - падаль. Они не понимают, что трагедия совсем рядом с едва слабеющими крыльями и слегка менее сияющей плотью.

Об отстранённости: благодеяние - дерево, отделяющееся от леса; трагедия - дерево, от которого отделяются цветы.

Некогда красота потрясла тебя и заставила биться твоё сердце; именно она станет однажды источником твоей неизбежной трагедии, в тот день, когда никакой пыл больше не поднимется от твоего взгляда на эту красоту. (Заново) обрести красоту в самой трагедии называется утешением.

Трагедия - это не преумножение твоих печалей, но отнимание твоих увлечений.

Все мысли, как и все мечты, имеют эту досадную и роковую склонность терять со временем свою глубину или высоту. По вертикальной

шкале, то есть в вопросах долговечности и насыщенности, слова пользуются надёжнее обеспеченным долголетием; они должны бы воспользоваться этим, чтобы утешать наш слабеющий экстаз. Стало быть, истинная философия совершенно естественно трагична.

Судьба посредственных чувств - общая свалка; великие чувства сводятся к личным руинам, где ещё можно предаваться думам о былых грёзах, утешениях, воссоединениях со своей звездой.

Именно из воображаемого встают наши прекраснейшие руины - там, где истощились наши прекраснейшие мечты. Руина - это трагедия Замка в Испании.

В твоей юности отвращение к лично реальному делает более насыщенным твой порыв к грёзам; твое изгнание из социально реального, в зрелом возрасте, делает этот порыв лишь более дряблым - это один из источников твоих трагедий.

Наше существование протекает в двух областях - реальности и мечте, пересечение которых уменьшается с возрастом. Встречают реальную жизнь с открытыми глазами и открывают ее трагический характер. Мечта хорошо сочетается с упованием, которое мыслимо лишь с закрытыми глазами - экстаз, счастье. *У счастья глаза закрыты* - Валери - *Le bonheur a les yeux fermés*.

Эпикур, Лукреций, Сенека, Боэций несут трагическое чувство жизни и потому склоняются над утешением. У модерных потребность утешать находишь лишь у Чехова. Тривиальное сомнение Декарта, геометрическое

отчаяние Спинозы, гегелевская галиматейная абсолютность занимают сегодня умы, лишённые души.

В европейских трагедиях, античных или современных, жертвы адресуют палачам, царям, врагам помпезные речи, не стОящие той, смиренной и безумной, которую в *Вишневом саду* Чехов адресует шкафу.

Все великие философы мечтают написать книгу утешений; ни у одного не получилось. Вместо того чтобы смягчать трагедию грёз, они нападали на горечи забот реальных или на блаженство жизни потусторонней.

Разбитое сердце лежит в истоках как трагического чувства жизни, так и трагедии мечты. Действие смягчает жизнь; упование воскрешает мечту. *Сердце разбивается при разлуке со мечтами* - Шатобриан - *Le cœur se brise à la séparation des songes*.

Для литературной трагедии могут быть три возможных фона: исторический (реальное), мифический (воображаемое), лирический (мечтаемое). Талант, то есть владение элегантной формой, оправдывает существование всех трёх. Но содержание истинной трагедии может быть лишь лирическим - ностальгия агонизирующих грёз.

Пачкатели бумаги, барахтающиеся в реальном, хотят окружить основу своей болтовни трагическим ореолом, тогда как именно форма делает их комичными. Следует хранить комический свет только для реальности, а трагические тени - для мечты.

Истинное утешение адресуется не тому, кто страдает в реальном (неудобство для всех), но тому, чья мечта, прежде пылкая, становится тёплой (трагедия редких).

Классическая трагедия: зло торжествует над добром; достоевская трагедия: зло пробирается в любое дело добра. Пришли наконец Ницше и Чехов, чтобы встать по ту сторону добра и зла и поместить трагическое не в этику, а в эстетику. *О вы, призраки моей юности! О вы, все взоры любви, божественные мгновения! Ах, как быстро вы умерли для меня!* - Ницше - *Oh ihr, meiner Jugend Erscheinungen! Oh, ihr Blicke der Liebe alle, ihr göttlichen Augenblicke! Wie starbt ihr mir so schnell!*

Можно бороться со страданием, пришедшим извне; внутреннее страдание непобедимо, ибо его очаг, угасающая мечта, может быть лишь утешен, без умиротворения самого страдания. *Утешение - странное душевное состояние, оставляющее страдание от существования, но избавляющее от страдания от страдания* - Г. Зиммель - *Der Trost ist das merkwürdige Erlebnis, das zwar das Leiden bestehen lässt, aber das Leiden am Leiden aufhebt* - устраняющее отчаяние.

Из своего взгляда ты должен исключить пессимизм ; он почтенен лишь для глаз, не покидающих стен твоего жилища. *Космический пессимизм есть доктрина утешения* - Ч. Павезе - *Il pessimismo cosmico è una dottrina di consolazione*. Этот клоунский пессимизм проповедует нелепость чудес, и он безжизненней минералов. Космично лишь сознание того, что в ужасной, инертной пустоте Вселенной наша Земля - волшебный рай. Утешаются лишь взглядом на звёзды, даже невидимые.

Философия - дело души; и душа здесь скорее инструмент, чем объект. Объект поставляется собратьями души - сердцем и духом. Сердце чувствительно к трагическому характеру видения мечты; оно призывает философа искать утешений. Абстрактный дух сводится к областям своих проявлений, что приводит нас к вопрошаниям о месте языка в мировоззрении.

Спиноза пытается обрисовать утешение, а Витгенштейн - язык. Две неудачные попытки, поскольку один игнорирует место трагедии в мечте, а другой - место представления в речи.

Истинная трагедия рокова, а не обязана неудаче. Если бы за Голгофой следовало предопределение, она была бы трагедией; по-моему же, это была неудача из-за равнодушия Понтия Пилата.

Страдания, причинённые жестокостью, несправедливостью или неудачей, могут быть занесены в категорию происшествий, способных обрушиться на кого угодно. Настоящее страдание разит лишь мечтательные, созидательные, благородные головы в момент ссуживания смысла их жизни.

Предметы твоих желаний нематериальны и предлагают твоей чувствительности лишь оболочку, эдакую кожу, которая просит лишь того, чтобы быть приласканной твоими мечтами. Драма происходит тогда, когда эта кожа становится к ним менее чувствительной то ли из-за земной тяжести, которая тебя принижает, то ли из-за небесной благодати, которая тебя покидает. Именно здесь появляется потребность в философском

утешении, которое, в отличие от всех прочих, обращается не к будущему, а к прошлому.

Странное отсутствие мечты в литературных видениях от Античности до эпохи романтизма. Отсюда сопутствующее отсутствие и трагического; последнее рождается из нарастающей анемии грёз. XIX век - единственный, который понял, что такое настоящая трагедия.

Твой дух - общий свет, из которого твоя душа отбрасывает индивидуальные тени. Твоё сердце несёт им тепло - эта картина передаёт Начало твоей мечты. Однажды никакой земной источник больше не питает свет твоего духа, и трагедия - это ночь без единого луча. Но ты живешь только ночью. И ты примешься искать небесную пищу, которую предложит тебе твоя звезда.

Любой творец устремлён к философии, то есть к тому, чтобы наполнить все горизонты постижимого твоей профессией и общие горизонты всех людей. Математика и музыка (и, возможно, также религия) касаются всех периметров и делают слабыми или излишними усилия за пределами круга их познаний, отсюда философская ничтожность математических или музыкальных гениев. Чтобы быть хорошим философом, нужно быть носителем огромных неудач - трагедий, тревог и стыдов.

Жизнь и мечта: в жизни единственная трагедия - твоя кончина; в мечте трагедия сопровождает любое угасание твоих искр, любую потерю накала твоих эмоций, любое свёртывание твоего творчества. Стало быть - поменьше стенаний в жизни, побольше блаженств в мечтах!

Не несчастье в сегодняшней реальности ты должен пытаться утешить, но счастье былых грёз, теряющее свой накал.

Даже после падения твоих грёз ты можешь удерживать высоту, и это будет горькой трагедией; но если ты теряешь крылья, если ты спускаешься на землю, это будет лишь пресной комедией.

Своими ласками прекрасная Елена, царица, похищает душу у первого Фауста (Марло), и здесь ты открываешь истинную трагедию - внезапную неспособность грезить, быть художником. Деревенская Маргарита второго Фауста (Гёте) избавляет его от трагедии, обрекая на банальность вечности и реального зла. Истинное утешение адресуется не тому, кто страдает в реальном (неудобство для всех), но тому, чья мечта, прежде пылкая, становится тёплой (трагедия редких).

Ни цикута Сократа, ни крест Иисуса, ни рана Гамлета не суть трагедии, но увядающее Благо первого, одиночество второго, сведение жизни к одним лишь словам у третьего.

Некогда любая банальная забота переводилась мечтателями в чрезвычайную трагедию; сегодня любая истинная трагедия переживается как *банальное несчастье* (*ein gemeines Unglück* - З. Фрейд).

Твои мечты - мелодии твоего сердца, и, как любая музыка или любое повествование, они могут стереться из твоей памяти, что и есть настоящая трагедия. Твоим утешением была бы твоя переоркестровка, или же это мог бы быть братский голос: *Твой друг - тот, кто знает мелодию твоего*

сердца и напевает её тебе, когда ты её забываешь - Эйнштейн - *Ein Freund ist ein Mensch, der die Melodie deines Herzens kennt und sie dir vorspielt, wenn du sie vergessen hast*.

Именно вынужденное сосуществование прозы твоего существования с поэзией твоей сущности лежит в Началах твоей трагедии: удушение дыхания мечты реальными миазмами, звезда твоей зари, заслонённая мраком твоих сумерек, мелодии твоей души, заглушенные однообразием твоего духа. Утешение - воссоединение с твоими Началами сущего, отрыв от твоих концов существования.

Греко-римские трагики, Шекспир, Ж. Расин задерживаются на неприятностях принцев, неприятностях из-за несправделивости, вероломства, жестокости, что не заслуживает благородного статуса трагедии; самые последняя деревенщина терпит невзгоды того же рода. Все эти заботы гнетут их извне, тогда как истинная трагедия избирательна, она посещает лишь творцов, мечтателей и влюблённых, и она рождается в их нутре, где былые экстазы фатально теряют свой накал - вот настоящая трагедия!

Сирота по отцу имеет преимущество не знать этих отвратительных укоров: *Самая отвратительная, но самая распространённая и древнейшая неблагодарность - это неблагодарность детей по отношению к их отцам* - Вовенарг - *L'ingratitude la plus odieuse, mais la plus commune et la plus ancienne, est celle des enfants envers leurs pères*.

Единственные два портрета, восседавшие на письменном столе Хайдеггера, были портретами двух жертв и певцов страдания - Паскаля и

Достоевского. Философ, склоняющийся перед поэзией, открывает смысл истинной трагедии.

Прекрасные перья Ницше и Маркса служат алиби для Освенцима и ГУЛАГа. Биржи не нуждаются ни в перьях, ни в трибунале.

Исток нашей трагедии - это ослабление призыва наших грёз - должен был бы вызывать кроткую грусть, а не, как это происходит, жестокую тревогу - загадка… Для Ницше жить трагедией означало *страдать от нехватки упоений и от угнетающего беспокойства - an der Entbehrung des Rausches und an einer drückenden Unruhe leiden*, и утешением было бы воскрешение угасшего упоения.

То, что забывают мифы прошлого, печально; но больше не создавать мифов в настоящем - трагично: так готовят почву для торжествующего робота.

Решающие повороты твоего существования происходят в тот день, когда у тебя больше не останется пищи: сначала пищи, чтобы жить - жизненная страница теряет свой вес; затем пищи, чтобы грезить - лирическая страница теряет свою невесомость. *И станет грезить нечем, как и теперь уже нам нечем жить!* - Цветаева.

Любовь - это мечта, и, как любая мечта, она претерпевает своё трагическое принижение. Человек мечты ищет в этом утешения, заставляющего заново родиться эмоции или ласке природы (сентиментальной, вербальной, материальной, интеллектуальной), вероятно, отличной от предыдущего эпизода. Человек реальности и

расчёта, лишённый сердца и воображения, послушно переходит от любви к безразличию.

Ставить чувство выше мысли делает твою мечту трагичной; ставить мысль выше чувства делает твою жизнь комичной. Вот почему юность трагична, а старость - комична.

Основа жизни определяется её концом; её форма вытекает из её Начал. Основа, стало быть, неизбежно трагична, а форма - метафорична. Что и делает утешение и язык центральными темами любой добротной философии. Знания, истины, свободы в ней - лишь средства, а не цели.

Истинная трагедия - не во внешних хлопотах, но во внутреннем страдании - мучениях Бога (тайна наших начал), мучениях художника (проблемы энтузиазма и стиля), мучениях человечества (решения братства), мучениях человека (решения одиночества).

Твой урок смирения: представь, что у всех снова появилась душа, что все вспомнили свои былые мечты, что все ощущают угрожающие сумерки. Все ли смогли бы тогда претендовать на трагическое состояние? Былое меньшинство, к которому примкнуло бы новое большинство, сменило бы вехи, видя в своем существовании лишь беспечную комедию! Возможно, не только прекрасное должно быть редким, но и трагическое тоже…

Во всех возрастах неведомое «я» - этот призыв, нечленораздельный ни на языках, ни в идеях, ни в образах, - терзает нас, но лишь старость обладает смирением подтверждённого известного «я», верного интерпретатора этого призыва. В юности вглядывание в себя совершается

известным «я», высоким и лепечущим. В зрелом возрасте - известным «я», глубоким и болтливым. В старости - неведомым «я», обширным и лаконичным. И поскольку плоскость - худшая из трагедий, именно в старости открываешь истинную потребность в утешении на высоте, вне тяжести известного.

Никакая грандиозная эмоция не длится. Это даже первопричина трагического смысла жизни, равно как и оправдание афористического жанра в литературе, противоположного многословию.

Самая глубокая линия раздела отделяет мечтателей от людей действия, и именно природа их тревог свидетельствует об этом наиболее красноречиво: активные повествуют о трагическом смысле жизни, мечтатели воспевают трагический смысл мечты.

Ночь убывает; трудная мечта уступает лёгкой светлости; воля метит уже не в знание, а во власть - симптомы зачинающейся трагедии.

Смерть

Два единственных средства к долговечности: ученики/собратья или музей/библиотека - участь зерна умирающего и зерна прорастающего, гниение в настоящем или горение в будущем.

Высота души: смеяться над безднами или, вернее, признавать лишь одну из них, бездонную - смерть.

Если я переживаю Начало - нигилистическое (ex nihilo) и прекрасное (maxima de males) - как конец, я заставляю жизнь соприкасаться со смертью, красоту - с ужасом, и понимаю, что это свойственно любому искусству.

Всякий, у кого было несколько рождений, уходил из жизни столько же раз - Р. Дебре - *Quiconque a eu plusieurs naissances est décédé autant de fois* - без надежды на возрождение; художник говорит «прощай», а не «до свидания» тому, что было прожито с поднятой головой.

Бегство от жизни к смерти, которая была бы сном без сновидений, - так видит божественного Сократа некий дурной некромант-апологет, изрядно сомнамбулический. Благородной человеческой позой была бы недвижность перед лицом биографической смерти посреди снов без сна, какими стала бы танатографическая жизнь - жизнь в полумраке. И З. Фрейд упускает истинное измерение, высоту: *Дневной сон*

простирается как в ширину, так и в глубокую даль - *Der Tagtraum erstreckt sich wie in die Breite, so in die tiefe Weite*.

Они всё больше живут тем, что вычисляется, и разглагольствует; душа же источает лишь музыку, у неё нет собственного языка, она - взывающее молчание. И именно так глухие к музыке люди приходят к выводу, что, пока мы живём, наши души мертвы и погребены внутри нас. Уповать на их воскрешение - еще глупее. Как бы то ни того, их голоса звучат отчётливее среди руин или на кладбищах, которые я поддерживаю в одиночестве, нежели в зданиях или на алтарях, что я воздвигаю вместе с другими.

Смерть открывает мне тайну бытия, которая столь превосходно представлена во времени (Хайдеггер), но истолковать её я могу лишь в пространстве: низводя до протяжённости ее идей (Платон), обнажая в глубине ее истины (Аристотель), взлетая к высоте ее ценности (Ницше).

Объект обретает драматизм и глубину, как только на него смотришь так, будто ты его видишь в последний раз. *Говорят хорошо лишь о том, что исчезает* - Ж. Бодрийяр - *On ne parle bien que de ce qui est en train de disparaître*. Взывающим и умирающим оказывается не предмет, но сам взгляд. *Исполняйте произведение так, будто это последний раз в вашей жизни* - С. Рахманинов.

В Вечном Возврате я не вижу циклов; напротив, я вижу в нём надменное исступление, которое вне времени исчерпывает сущность вещи, каковой не обогащают и не проясняют никакие движения - круговые, линейные или хаотичные, никакое углубление или расширение. Вещь

остается неизменной перед лицом любой суеты и резюмируется лишь в накале благородного взгляда; неблагородная интенсивность свойственна доминирующим ныне страстям: Бирже, флирту, газетке. Но ценить постоянство накала - значит также стремиться умереть стоя, в отличие от остальных: *Всё, что совершенствуется прогрессом, через прогресс и погибает* - Паскаль - *Tout ce qui se perfectionne par progrès périt aussi par progrès*.

Ницше воображают сверхчеловеком, тогда как он так отчетливо является последним человеком, - точно таким, каким описывает его он сам, задающим лучшие из вопросов: *Что такое любовь? Что такое созидание? Что такое тоска? Что такое звезда? - Was ist Liebe? Was ist Schöpfung? Was ist Sehnsucht? Was ist Stern?* С его ответами сверхчеловек, пришедший на смену мёртвому Богу, столь же мало убедителен, сколь и его предшественник.

Мрамор, гравюры и позолота - на переплётах, медалях или надгробиях - заставляют нас возиться вокруг жалкого бессмертия массы. Изоляция расы вносит в патетическую смертность - неистовство и живость.

Мрачные стены, что я воздвигаю собственными руками, полезны для того, чтобы мой взгляд оказался ближе к небу. Метить в горизонт, сокрушая руины, - оптическая иллюзия, от которой выиграют лишь мои глаза. Я расстанусь с горизонтом с той же лёгкостью, что и с травой под ногами, как только пойму, что сам стал взглядом. Мысли над горизонтом смерти я предпочту взгляд под её высотой. Прекрасное открывается душе повсюду; идея прекрасного доступна лишь взгляду: *О моя душа, ведомая к*

высочайшему небу! Ты сможешь распознать там Идею красоты - Ж. дю Белле - *Ô mon âme, au plus haut ciel guidée ! Tu y pourras reconnaître l'Idée de la beauté*.

Среди наших поступков, мыслей и страстей воплощать наше лучшее «я», неведомое «я», заслуживает то, что совершается так, будто мы бессмертны, либо во имя бессмертия: Жизнь - это борьба за бессмертие. *Бессмертие - не идея, а самочувствие жизни* - М. Пришвин.

Благородство не нуждается в отрицаниях, чтобы проявиться; новое и монументальное согласие благоприятствует этому куда больше. *Всё благородное кажется спящим, пока оно не вызвано на бой противоречием* - Гёте - *Alles Edle scheint zu schlafen, bis es durch Widerspruch herausgefordert wird*. Благородство обладает мужеством или мудростью не покидать лежачего положения, в котором не только грезишь, но и принимаешь любовь и смерть.

Ницше проповедует войну - не расы, не класса, не массы - а войну гримасы человека, одинокого и смиренного, чей лик, подлежащий защите или, скорее, спасению, зовется сверхчеловеком - единственным божественным и бессмертным ликом. Три остальных лика - человек, люди, недочеловек - составляют моё смертное известное «я», наделённое достаточной самозащитой.

Язык духовных глубин по большей мере универсален; но музыкальная высота каждого человека имеет собственный язык. В обществе Валери я переживаю восхищённое братство; в обществе Ницше - балансирую на грани братоубийства соучастников.

Человек должен обессмертить себя и жить согласно высочайшему гласу, что звучит в нём - Аристотель. Жить, стало быть, означает слышать и преследовать призрачное, извечно несуществующее и манящее, в котором смерть тела направляет и оправдывает благородство духа.

Бытие - это то, что содержится в таинствах рождения и смерти, но постигается, определяется и судится оно в Пещере становления (или обнажения, к которому сводится всякая истина): *У нас нет общения с бытием, ибо вся человеческая природа всегда пребывает посередине между рождением и смертью* - Монтень - *Nous n'avons pas de communication à l'être, parce que toute humaine nature est toujours au milieu entre le naître et le mourir.*

Библиотечная крыса вытеснила в философской братии и соловья, и орла, и даже сову. Смерть для них - лишь досадный эпизод; язык служит им лишь для передачи информации. Серые жаргонавты, не ведающие зелёного древа жизни и лазури высоты.

Когда живописуешь лишь свой взгляд, а не видимые вещи, не следует страшиться бегства и утраты своих красок (Ф. Кафка). Пишут не лицом к самому себе и не лицом к вещам - чтобы в обоих случаях оживлять лишь пустоту жизни, - пишут лицом к жизни пустоты. Либо лицом к смерти, делая вид, что не умираешь, в агонии глагола.

Фараоны и святые притязают на бессмертие из-за нашего желания переписать их погребения; противоположность иконоборческому созиданию - содержание мумий или икон ради чествования смертных.

Нужно, чтобы твоё произведение читалось как тревожный эпиграф, а не как мирная эпитафия.

По правде говоря, саркофаг учит нас гримасам человека лучше, чем его мумия: *Этот сухой стиль, что пронизывает время словно непреходящая мумия* - Валери - *Ce style sec, qui traverse le temps comme une momie incorruptible*. Книга - лишь недвижный возбудитель; её пульс может биться лишь в душе каждого. Обречён ли художник ради резонанса *нести лишь бронзовый взгляд* - *der Künstler, der wie Erz blickt* - Ницше, - в который не ударит ни один твёрдый предмет?

Отворачиваясь от случайности, неизбежно оказываешься лицом к лицу с алгоритмом (случайность - это всё, что не входит в замкнутую логическую систему - Витгенштейн). И вырваться из неё - задача совсем другая. *Писать долгое время означало просить Смерть вырвать мою жизнь из рук случая* - Сартр - *Écrire, ce fut longtemps demander à la Mort d'arracher ma vie au hasard*. Поза опьянённого поэта: позволить овладеть тобой непостижимому божественному алгоритму, чтобы заставить запеть твой человеческую случайность. Поза трезвого ученика: смоделировать случай с помощью теории вероятностей и превратить его в ещё одно знание - знание о незнании.

Моя уловка, хитрость побеждённого, распростёртого на поле боя, где рыщут и ликуют безжалостные враги, - хитрость притвориться мёртвым.

Вообрази мир, преданный благородству. Никакого спасения в башне из слоновой кости от докучливости смерти. *Больше никакого рокового*

способа исчезновения, лишь детальный способ рассеивания - Ж. Бодрийяр - *Plus de mode fatal de disparition, mais un mode fractal de dispersion*. Нет, из двух высот - многобокой или одинокой - спасительна лишь вторая. Боже нас сохрани от наилучшего мира, где иллюзия была бы невозможна!

Есть свой расчёт в моём упрямстве не покидать мои руины: они - лучшая прихожая смерти, лучше цицероновой ночлежки: *Я покидаю жизнь так, будто покидаю постоялый двор, а не свой дом - Ex vita ita discedo tamquam ex hospitio, non tamquam e domo* - или по Сенеке: *Это тело вовсе не постоянное жилище, но постоялый двор - nec domum esse hoc corpus, sed hospitium*. И я поселяю в нём дух, а не тело. Не сказано ли: *жизнь, сохраняющаяся в смерти, есть жизнь духа* - Гегель - *das Leben, das sich im Tode erhält, ist das Leben des Geistes*!

Живому во мне нужно соприкосновение с другими, чтобы удерживаться в жизни или хотя тешиться её иллюзией; одиночество - это то, что учит меня: я несу на руках мёртвых детей и как же жутко продолжать ласкать их. *Одиночество - это буря молчания, сбрасывающая наши отжившие ветви* - Х. Джебран - *Solitude is a silent storm that breaks down all our dead branches*.

У меня будет осознанный взгляд на мою смерть лишь в том случае, если ни священник, ни врач, ни нотариус, ни палач, ни супруга не потревожат нашу очную ставку.

Взгляд живых всё отчётливее отражает механику и усреднённость. Для осознания несоизмеримого размаха человека нам вскоре останется лишь глас умирающих. Я переиначиваю мотивы старых колоколов: *Живых*

оплакиваю, мертвых зову - *Vivos plango, mortuos voco*, поскольку не способен на: *Молнии сокрушаю* - *Fulgura frango*.

И любовь и смерть отныне суть дело социальной гигиены; нотариус или страховщик принимают последние и первые волеизъявления влюблённых или агонизирующих роботов. Некогда это было делом одиночества: В. Иванов - *Дано нам быть в любви и смерти одинокими*.

Романтическая душа, эрос или одиночество заставляют меня переживать патетические формы крошечной смерти, театральной смерти. Но не в роли зрителя, не в роли актёра и даже не режиссёра должен я встретить подлинную смерть, но в роли драматурга: красота пьесы жизни утешает меня до падения занавеса.

Видишь мир, преданный Потопу, приносишь в жертву несчастных голубок и цепляешься за Аполлона; между тем Асклепий, Афродита или Афина ждут конца моих судорог, и я принесу им в жертву, в совести своей, петуха (Сократ), козла (иудеи) или корову (индусы).

Я должен быть в здравом уме, чтобы жаждать воскресения. Больным нужно лишь исцеление.

Я вижу лишь лицемерие в своём сумасшедшем накоплении невидимых, призрачных и ненужных сокровищ - они могли бы облегчить мою вполне реальную агонию.

Эти всхлипы были услышаны лишь моей родной тайгой. Теперь я круглая сирота. Словно иссякает последний источник Блага. Словно все

сказки, выложенные на дне моего существа мамой, которую я только что похоронил в Сибири, утратили всё своё неизменное волшебство и застыли в погребальном кортеже. Спазматические угрызения совести, что перехватывают дыхание, высушивают глаза и заставляют выть зверем, отнятым от груди слишком рано, чтобы выжить.

Сводить всю жизнь к страху - вещь почти стихийная для чувствительности, слившейся с интеллектом. И изречение Спинозы - *Свободный человек ни о чём не думает меньше, чем о смерти* - *Homo liber de nulla re minus quam de morte cogitat* - являет собой не мудрую безмятежность, но подстраховку человека в тревоге. Помнить о смерти Эсхила, на чью лысину пала черепаха, сброшенная близоруким орлом в поисках камня, о смерти Сирано от бревна лакея, о смерти Р. Барта, скошенного грузовиком.

Относительно смерти, ни Сократ, ни Л. Толстой, ни Рильке, ни Хайдеггер не говорят мне ничего толкового или годного на практике. Желанный голос был бы почти неслышным, и волосы, беспричинно, вставали бы дыбом. Литоты как самые неистовые гиперболы.

В страдании, все мы в равном положении; лишь её место в нашем взгляде на жизнь делит нас на живых и мёртвых У живого страдание находится в Начале его видения жизни или страсти. *Жизнь, лишённая страдания, есть смерть* - Л. Шестов.

Древо, лишённое листьев для слияния с другим древом, становится символом смерти: *Это тёмное дерево, кипарис, носящий траур по тому, что он осеняет* - Байрон - *The cypress droops to death, dark tree, the only*

constant mourner - но, утратив протяжённость и даже глубину, оно остаётся символом высоты, где сливаются вершины, а не листья.

Не привязываться к течениям и переменам, но, напротив, искать неизменные точки или сердцевины - эта благородная поза имеет ужасный изъян: жизнь приобретает огромную ценность, и я буду страшиться смерти, как любой глупец. Утешение Лукреция: *Никакое новое наслаждение не произойдёт от продления жизни* - *Nec nova vivendo procuditur ulla voluptas* - больше меня не убедит.

Оплакивать свои крахи перед лицом людей - мелочная обидчивость. Немощи жизни, достойные участвовать в моих lamenti, должны проистекать из моих неизбежных поражений пред лицом ангела - ангела падения или ангела смерти. Чтобы тянуться к грандиозному, нужно любить жизнь; самоубийцы - одни из самых мелочных: *Увлечённый сладострастием самоубийства, я поддаюсь очарованию мелочей* — А.Ф. Амьель - *Entraîné par la volupté du suicide, je cède à la fascination des bagatelles.*

Мой вопиющий крах проистекает не из страдания, не из неудачи и не из неловкости - *Смерть, случай, винА указывают человеку на его крах* — К. Ясперс - *Tod, Zufall, Schuld demonstrieren dem Menschen sein Scheitern* - нет, мой крах идёт от жизни, её законов, её тайн, от моего тёмного стыда.

То, что небо время от времени рушится - роково, поскольку либо его поражает смерть либо любовь перестаёт оказывать ему поддержку. Настоящая проблема в том, что в таких случаях приходится заново начинать притворяться, будто живёшь. *Надо продолжать жить, хоть*

рухни все небеса - Д. Х. Лоренс - *We've got to live, no matter how many skies have fallen*. В момент беды, немного помогает обитание в руинах, близких небу и избавляя тебя от мучительного переезда в места, поближе к кладбищам.

Ныне даже в приёмных кладбищ царит механика. Больное, некогда естественный спутник доброго и прекрасного, стало сообщником случая, помехой преуспеянию, непроницаемостью для тайны. *Страдание - это место, где жизнь становится живой* - М. Анри - *La souffrance est le lieu, où la vie devient vivante*.

Поскольку человек поражен анемией величия, его первейшей потребностью должно было бы стать благородное биение пульса на фоне красоты или ужаса. И здесь жизнь и смерть дополняют друг друга. Презрение к жизни, как и презрение к смерти - позы пресыщенного глупца или тупого животного.

Самые впечатляющие триумфы совершаются не в тени мечей, но при свете палиц; взгляните на Геракла и Заратустру - осквернителей древа, которое освятили поражения Христа и Манеса. Любить древо, на котором испускаешь дух: *Я любил свою смерть, я любил свою немощь* — св. Августин - *Amavi perire, amavi defectum meum*.

На смертном одре человек оказывается в том состоянии, в каком родился: без волос, без зубов и без грёз, тех, что позволяли ему в пристойном возрасте оценить вкус, ласку и трепет. И он в конце концов скатывается обратно к тому единственному, что умел делать при рождении, - к слезам и стонам.

Утешительное послание философа не достигает цели и не удаётся никому, кроме горстки чутких душ; но всякий Нарцисс утешается, пытаясь утешить лицо незнакомца. *Безмятежность перед лицом смерти касается не только умирающего, но в равной степени и утешителей* - Хайдеггер - *Die Beruhigung über den Tod gilt nicht nur dem Sterbenden, sondern ebenso sehr den Tröstenden*.

Отвергают метаморфозу и призывают воскрешение: еще одна причина не жить своей эпидермой и уверить могильщиков, что твои руины, напичканные лазейками, - это и есть моя могила.

Если человеческая крепость лишена стен перед лицом смерти (Эпикур), то перед лицом жизни она окружает себя стенами, на которые легко взобраться. Ей следовало бы располагать тайными подземными ходами, ведущими к внестенной руине, где спасаются бессмертные рудименты. Чем больше я взрослею, тем больше безопасности и привычности дарует мне эта вторая резиденция. *В середине жизни мы мертвы* - латинская пословица - *Media vita in morte sumus*.

Всё чаще они празднуют траур смехом, но разучились праздновать в слезах.

Я последовательно гашу свои глаза, свои ласки, свои слова, свою память, свой разум - и понимаю, что ни утешение, ни ужас, ни благодать, ни кара больше не имеют никакого смысла для моего мёртвого существа. А. Блок - *Над нами - сумрак неминучий, иль ясность божьего лица* - ни этот свет, ни эти тени не будут больше твоими.

Музыка есть непосредственность; а метафора - как раз дистанция, посредник между вещью и ее выражением. Вот почему *лишь музыка способна говорить о смерти* - А. Мальро - *la musique seule peut parler de la mort*.

В суетливой жизни вид имеющих значение вещей безжалостно и механически стирает прошлое и гасит взгляд; великое преимущество страдания в том, что оно затопляет нас воспоминаниями и мечтами. А. Ахматова - *Как жизнь забывчива, как памятлива смерть*.

Разучиться жить легче, чем научиться умирать. И куда полезнее. Чтобы лучше любить. Превратить пылающее сияние, исходящее от любви или смерти, - в тени: *Раб любви, я свободен от обоих миров* - Хафиз. Прекраснейшая свобода - та, что преуспевает в возвышении над страданием: *В возможности тревоги свобода падает, раздавленная судьбой* - Кьеркегор.

Любая философия, исходящая из смиренного признания смерти (твоей собственной или чужой) - это философия роботов. Подобно тому как философия баранов вытекает из душевного покоя. Ужас духа и неуспокоенность души - предрассудки высокой философии, являющейся примирением либо слиянием: в утешении, приносимом ею страдающему телу, или в музыке, которую она создает между реальностью, понятиями и языком.

Страсть или глас Начал - вот что защищает наши бедные уши от свиста приближающейся косы. У некоторых этот слух запаздывает: *И*

именно в тот момент, когда ты наконец созрел, чтобы начать, тебе суждено умереть - Кант - *Gerade wenn man soweit ist, anfangen zu können, tiß man sterben*.

Чем лучше знаешь жизнь, тем отчётливее воспринимаешь её чудо. Отсюда благословенное невежество, в коем пребывают как глупцы, так и мудрецы, иначе идея смерти была бы неизмеримо более страшной. *Пока не знаешь, что такое жизнь, как можешь ты знать, что такое смерть?* - Конфуций.

Не закрывать свои скобки и, разевая рот перед стопкой белых страниц, дать почувствовать, что закрыть его предстоит горстке черной земли, брошенной понимающей Антигоной. *Чтобы приручиться к смерти, нет иного пути, кроме как сблизиться с ней* - Монтень - *Pour s'apprivoiser à la mort, il n'y a que de s'en avoisiner*. Славный глагол надгробен и должен бы сойти в могилу. С такой эпитафией: *Меня похоронили заживо*, ибо этот глагол возомнит себя Эвридикой. Не послушали последнюю мольбу М. Цветаевой: *Не похороните живой!* - та же тревога преследовала Гоголя. Марина хранила верёвку от Пастернака, шутившего: *она так прочна, хоть на ней вешайся*. Поэты всегда правы…

Философов делят на тех, кто учит нас либо жить (действовать), либо умирать (совершать самоубийство) - наука Аристотеля или искусство Сократа. Им следовало бы скорее отучить нас от понятия рассудительных цепочек: будь то накопление растущей жизни (и оставаться с *carpe diem*) либо к целенаправленной жизни или смерти (*purpose-driven life* или *American way of Death*). Прививать культуру позы, а не бескультурье результата. Придать смысл нулевой точке мысли и боли, начиная

неспокойной жизнью и кончая спокойной смертью. Но не забывать, что *мысль о смерти помогает всему, кроме умирания* - Чоран - *la pensée de la mort aide à tout, sauf à mourir*. Но о ней упорно твердили как о цели (вместо того, чтобы видеть в ней приговор), и смерть стала безликой и будто общей: *О Господь, даруй каждому его собственную смерть* - Рильке - *O Herr, gib jedem seinen eignen Tod*.

Любой прямой взгляд на смерть лишает сил и решительности всякий энтузиазм, особенно энтузиазм в искусстве. Искусство - это взгляд непрямой, ускользающий, одурманивающий - взгляд на неприкасаемую, непредставимую смерть. Об этом искусстве можно сказать: *Истинное искусство рождается из тревоги перед лицом смерти* - Г. Гессе - *Alle Kunst entsteht aus Angst vor dem Tod*.

Единственное явление, чей вид - даже у самых чёрствых сердцем и безгласных душой - пробуждает хоть какую-то поэзию, - это смерть. Не в том ли одна из причин, почему лишь немногие видят поэзию в жизни? А что если поэзия - всего лишь иная жизнь, невидимая для незатуманенных глаз?

Ужасающая определённость *omnes moriar* и *letum omnia finit* - с позволения Горация и Проперция - *всё во мне умрет* и *всё заканчивается со смертью*. Тело отдано червю, душа отдана стиху. По прибытии - ни надежды, ни поисков, оставленных раблезианцам: *Я отправляюсь на поиски великого быть может* - *Je m'en vais chercher un grand peut-être*. Вечность производят лишь профессионалы бесплатного утешения - Лейбниц, Кант, Гегель. Добрые шарлатаны довольствуются провозглашением её смертного героизма: *Именно хрупкость произведения*

ставит художника в героическую позу - Г. Брак - *C'est la précarité de l'œuvre qui met l'artiste en posture héroïque*.

Сила, действие, созидание - это завесы, скрывающие от нас вид зловещей жницы. Самые хитроумные и одарённые выстилают ими все грани своего жилища: силу - для основ размышления, действие - для простора жизни, созидание - для высоты мечты. Во всех случаях речь идёт о том, чтобы отвести глаза от известного «я» и довериться взгляду «я» неведомого.

Покидая жизнь, не нужно яростно хлопать дверью и даже цепляться за окно, чтобы бросить последний взгляд на земной рай, - нет, следует обратить душу к той воображаемой кровле, с которой остаётся видимой звезда твоего детства. Возведение твоих руин облегчает эту позу верности и жертвенности.

Жизнь развёртывается в ходьбе и в танце, в шуме и в музыке, в действии и в грёзе, в накоплении и в созидании, в обладании и в бытии. Мысль о жизни может служить утешением перед лицом смерти; глупцам нужна первая полу-ось, а мудрецам - вторая.

Мудрость - это элегантность уклонения перед прямым взглядом смерти, в противоположность панибратству или истерике. Невозможность вертикального равновесия с открытыми глазами. Нелепость горизонтальной сосредоточенности с разинутым ртом, манящий призыв вертикального взлёта со сложенными крыльями (тайна означала бы - с сомкнутыми устами). Мудрость скорее в опущенном лбу, нежели в нахмуренном.

Я беру все проявления моей души - страдание, красоту, любовь, тайну, мечту - и прихожу к этой чудесной и страшной определённости: их невозможно отделить от моего тела! Перспектива угасания моей души после нажатия на выключатель моей селезёнки - и я не познаю иного бессмертия, кроме бессмертия мгновения отрешённости, закрытых глаз и открытых желаний.

Смерть - единственная тень, не имеющая в качестве источника никакого света. Разве что верить в светлое воскрешение наших угасших селезёнок или желез, отменяющее смерть наших омрачённых душ.

Искусство патетики: новорождённые мысли, вскормленные агонизирующими. У этой безадресной речи уже был иронический предшественник в форме *диалога между умирающим и человеком, пышущим здоровьем* - Вольтер - *dialogue entre un mourant et un homme qui se porte bien*.

Даже в смерти нужно подражать древу: умирать стоя (*stantem mori* - Светоний) и продолжать отбрасывать тени, тянуться к небу и цепляться за корни.

Некогда выбирать своими обителями руины неизлечимого было вызовом больнице и кладбищу. Ныне они противостояли бы стерилизованным машинно-больничным залам.

Желаю ли я умереть в земле Антея, в водах Леты, в воздухе Икара или в огне Феникса? - будучи сторонником воскрешений, я предпочту

огонь, элемент наиболее искусственный, волшебный или божественный, и подожду, пока остынут пепел и будет провозглашён мёртвым Бог, прежде чем ипустить своё последнее дыханье.

С последним вздохом я запечатываю своё последнее высокое послание, которое должно быть доверено бутылке, чей адресат привык к глубинам и кораблекрушениям. Пусть моя бутылка не перепутает моря: говорят, *в морях толпы Бог поймает его [произведение] перстом, чтобы довести до гавани* - А. де Виньи - *dans les mers de la multitude, Dieu la [l'œuvre] prendra du doigt, pour la conduire au port*, а там, из-за ошибки в адресе, моё послание сдадут в архив без удостоив следствия.

Ликург, Эмпедокл и Сократ, Лукреций, Сенека и Цицерон, Н. Шамфор и Клейст, Чайковский и Маяковский, Хемингуэй и Ш. Цвейг, Цветаева и С. Вейль, Ч. Павезе и П. Целан - как ни крути этот список самоубийц, я не нахожу в нём никакой наследуемой линии. Разнородный пафос предпоследнего шага не передаётся последнему, общему: *Любовь к агонии и ужас перед смертью* - Чоран - *Amour de l'agonie et horreur de la mort*.

Ностальгия по местам - это чаще всего ностальгия по времени; время так легко принимает маску пространства. Ностальгия по детству, по возвращению (*nostos* по-гречески означает возвращение). Заклинания горизонтов и небосводов, обращающиеся лишь к нашей вечно отсутствующей судьбе - смерти.

Философия - это мысль о мысли. В ней представлены две мысли-объекта: абстрактно сформулированная мысль - отсюда размышление о

языке, а среди мыслей конкретных - самая грозная, мысль о смерти, откуда и проистекает поиск утешения.

Жуткое доказательство нашего полного финального исчезновения: нашему взгляду невозможно придать какую бы то ни было интенсивность без присутствия наших глаз и даже наших рук. Наша душа гаснет вместе со светом в наших глазах.

Философ - тот, кто умеет настроиться в унисон с делом смерти. *Философия есть непрестанное размышление о смерти* - Эразм - *Philosophia meditatio mortis continua est*, подобно музыке. На противоположном полюсе стоит поэт - тот, кто согласуется, вертикально, с жизнью. Мудр тот, кто умеет пользоваться одним как горизонтальным контрапунктом другого.

Чтобы выбраться из безличия смертной жизни, нужно открыть бессмертные и жизненно важные блага. Но бессмертное покинуло души; смерть блага и человека стала событием столь управляемым и плоским, что её не ставят выше финансовых или кулинарных хлопот. О ней задумываются лишь тогда, когда оказываются в лежачем положении.

Глупца узнают по пропасти, которая отделяет его заботы о жизни от его забот о смерти, тогда как *одна и та же выучка учит и хорошо жить, и хорошо умирать* - Эпикур.

Слава Богу, смерть существует, дабы некоторые люди - люди воображения и ясности ума - в конце концов отвернулись от слишком преходящего и обратились к следам или отголоскам бессмертия, пусть

даже иллюзорного. *Бессмертная смерть избавляет нас от жизни смертной* - Лукреций - *Mortalem vitam mors cum immortalis ademit* - возблагодарим же её заранее!

Для завсегдатая скамьи подсудимых оправдание позволяет вновь обрести правильные ориентиры и при этом потеряться. Благородство души тает на воле. Следует ли испытывать себя смертной казнью? *Смерть - это конец темницы для благородных душ* - Петрарка - *La morte è fin d'una pregione oscura al'anime nòbili*. Ты и сам сумел примирить уютную свободу башни из слоновой кости с беспорядком пещеры, поскольку для надписи на собственной могиле колебался между *Magnus Poeta* и *Philosophicus*.

Жил ли тот, кто умирает со всеми ранами напоказ? И самые кровоточащие из них, именуемые стигматами, возможно, кроются в душе, а не на руках.

Женщина, Жар-птица, едва ты касаешься земли, подобно Эвридике, или приближаешься к воде, как Офелия, - ты отделяешься от своего пепла и сожалеешь, что не посвятила себя всецело выси воздуха, вне досягаемости рептилий и даже амазонок. *Птица-Феникс я, только в огне пою! Поддержите высокую жизнь мою!* - Цветаева.

Красивая смерть украшает всю жизнь - Петрарка - *Un bel morir, tutta la vita onora*. И поскольку красота уготована Началам: *В конце моём - мое Начало* - Мария Стюарт - *En ma fin est mon commencement*. Не существует прекрасных смертей, озаряющих тёмную жизнь; никакой великий подвиг не поднимет мои руины; всякая высота и всякая красота существуют лишь hic et nunc.

Ни один ужас в моей жизни не шёл в сравнение с тем, что я пережил в день смерти моей матери: животное ощущение брошенности, надвигающейся опасности, окаменения любой связи с миром живых, утраты любого животворящего источника. Нелепость всякого поступка, ничтожность любого слова, низость любой идеи. И какая дикость - эта реакция Валери в тех же обстоятельствах: *Я хотел бы написать небольшой сборник о ней - Je voudrais écrire un petit recueil sur elle*.

Бездна, ночь, ничто - я набрасываю эти несколько абстрактных шагов навстречу смерти и каждый раз констатирую их нелепость, поскольку они всегда остаются ипостасями моего взгляда, чьё угасание я никогда не сумею ни вообразить, ни представить.

Жизнь кратковременна и текуча, смерть вечна и постоянна. Древо жизни, утратившее все свои переменные, вернулось бы в царство смерти. Нужно быть спинозистом, то есть глупцом, чтобы верить, будто *наше Блаженство или наша Свобода состоят в постоянной и вечной Любви - nostra beatitudo seu libertas consistit in constanti et æterno erga Deum amore*.

Мои выходки адресованы выжившим, а не агонизирующим - Чоран - *C'est à l'attention de survivants, et non d'agonisants, que s'adressent mes appréhensions*. Пусть здоровые не спешат к мудрецу, который коварно умалчивает о том, что единственные выжившие - это как раз агонизирующие.

Нужно говорить лишь то, что можно прошептать на ухо пьянице или умирающему - Чоран - *Il faut seulement dire quelque chose, qui puisse se*

murmurer à l'oreille d'un ivrogne ou d'un mourant. Всё же следовало бы, чтобы уста первого изведали флаконов доброго вкуса, а взор второго пережил хоть немного вдохновения перед последним выдохом.

Над могилами самые прекрасные слёзы проливаются по поводу не сказанных слов, не пересёкшихся взглядов, не отважившихся поступков - *esprit d'escalier* (*запоздалая мысль*).

Действие устремляет нас в будущее, где смерть зовёт нас поспешить; литература возвращает нас в прошлое, где зарождается жизнь. Но если время для вас - лишь безжизненная абстракция, вы скажете: *Писать - значит больше не помещать смерть в будущем, она всегда уже позади* - М. Бланшо - *Écrire, c'est ne plus mettre au futur la mort toujours déjà passée*, - вместо: действовать - значит никогда не ставить в прошлое жизнь, которой ещё только предстоит быть.

Вместо того чтобы оставаться неподвижными и наслаждаться жарким дыханием жизни, они суетятся, пытаясь убежать от ледяного дыхания, что дышит им в затылок. Бесполезно бежать, ибо *смерть настигает даже беглеца* - Гораций - *mors et fugacem persequitur virum*.

Пока хочешь писать — старайся не действовать; чтобы в конечном счёте придти к словам: *Хватит слов. Только дело. Писать я больше не буду* - Ч. Павезе - *Non parole. Un gesto. Non scriverò più*.

Неподвижность — это тоже иллюзия, будто можно остаться наедине с жизнью, мирно перебирая мимолётный свет посреди собственных теней. Эта уловка позволяет уклониться от встречи со смертью, которая

поджидает на любом перепутье; ведь *любой бег — будь то к солнцу или к ночи — ведет к смерти* - Г. Гессе - *jeder Lauf, ob zur Sonne oder zur Nacht, führt zum Tode*.

Прозаическая инерция действия противостоит двум тайнам: творческой силе Начал и трагизму смерти. *В каждом начале таится чудо* — Г. Гессе - *Jedem Anfang wohnt ein Zauber inne*. Свобода первого шага озаряет нас, но последний шаг остаётся во мгле. *Люди рождены не для того, чтобы умирать, но чтобы начинать* - Х. Арендт - *Men are not born in order to die but to begin*. Жить Началами (nunc coepi! - вот я и начинаю!) - значит обладать своим взглядом, то есть быть чувствительным к вездесущему чуду. *Словно зачарованное, бытие ускользает: В тысяче мест оно - лишь Начало* - Рильке - *Noch ist uns das Dasein verzaubert : an hundert Stellen ist es noch Ursprung*.

Броня поступков и убеждений заставляет забыть о неизбежности смертельного удара, наносимого разбойником с беспощадной косой - нашим кредитором, который одновременно и обвиняет нас, и обезоруживает. Мыслить - значит растрачивать себя в неисправимом стыде, тогда как действовать - значит бесстыдно мешать себе краснеть.

В действии тело обезображивает душу; в размышлении душа перерисовывает тело. *Именно жизнь, а не смерть отделяет душу от тела* - Валери - *C'est la vie, et non pas la mort, qui sépare l'âme du corps*.

Культ предпоследнего шага имеет названия, к сожалению, сомнительные: пред-решённость - лицемерие, или пред-суждение - предрассудок (известный пример — смерть, которая в глазах Бога является

лишь *предрассудком*, *Vor-Urteil* - Ницше). Он напоминает стремление Аристотеля или Спинозы - видение целей, лишённое средств, - но я скорее связываю это с выявлением ограничений. Подобные поиски зачастую приводят к другому понятию с дурной репутацией - схоластике, благородной праздности.

Писать для меня - такое же действие, как строить мосты для других: бессознательный трепет стремления уцелеть или пережить себя (иные говорят *отложить* - différance - смерть). Ирония помогает мне это понять, и я предаю этот трепет погребению на высоте без глубины, подобно тому как другие лишают его жизни, методично притаптывая всё до ровного, безликого уровня.

Живут посреди поступков, грезят посреди призраков - горизонтальность и вертикальность. Хорошая философия должна заниматься не жизнью или смертью здесь, внизу, но устремлённостью ввысь: сублимацией наших радостей и растворением наших тревог. И поскольку жажда Бога берёт начало в тех же темах, философия, по сути, должна быть *служанкой богословия* (*ancilla theologiae*).

Советуют возвращаться лишь тогда, когда путь оказывается дурным, но этот совет не менее справедлив и для пути доброго: вернись, чтобы понять, что единственный желанный путь - тот, где первый шаг принадлежит кому-то кто выше тебя, и ты достоин его лишь в том случае, если презираешь шаги промежуточные, стремясь сразу к последнему.

Завещание, составленное в форме расшифрованного лепета новорожденного, - жанр, над которым стоит поработать. *Молодо то, что*

недалеко от своего рождения - Мейстер Экхарт - *Das aber ist jung, was seiner Geburt nahe ist*. До тех пор пока ты помещаешь свои лучшие радости в Начала, а не в средства и цели, ты остаёшься молодым.

Любовь, как и смерть, живет за счёт жизни. Они рождаются, отрицая жизнь, но на зените своего согласия побуждают нас полюбить её. Философия смерти могла бы начаться с Начал любви. *Безумие любви* - *amantes, amentes!* - Теренций - могло бы оправдываться потусторонностью смерти.

Мне по душе видеть нулевую точку творчества как последнее звено цепи: нас трое в рождении, двое - в любви, один - в смерти...

Как и всякая великая страсть, любовь должна либо угаснуть полностью, либо убить во мне то, что было в ней совершенным. Любая успокаивающая мутация в ней хуже падения - это осквернение. Воспоминание о башне из слоновой кости прекрасно лишь в руинах.

Человек был создан, чтобы грезить и любить, подвергаясь около тридцати лет первой атаке эффекта на аффект. Именно распложение стариков ускорило одичание людей. Их уродство - вина медицины. Человека следовало бы ликвидировать при первой падшей мечте, при первом выпавшем или седом волосе, при первом расчёте, губящем мечту. *Кого любят боги, тот умирает молодым* - Плавт - *Quem dei diligunt, adulescens moritur.*

Умирают дважды, я это знаю: перестать любить и быть любимым - Вольтер - *On meurt deux fois, je le vois bien : cesser d'aimer et d'être aimable*.

Первая из этих смертей не безутешна с тех пор, как изобрели воскрешение, являющееся возвращением к любви-тайне, как только исчерпана любовь-решение.

Ты смертен, когда ты без любви; ты бессмертен, когда любишь — К. Ясперс - *Wir sind sterblich, wo wir lieblos sind; unsterblich, wo wir lieben*. Любовь предстаёт, поистине, последним прибежищем, когда паника небытия сметает прочие признаки бессмертия: действие, знание, созидание. *L'immortalité chrétienne, c'est une vie sans la mort, et pas du tout une vie après la mort* - П. Чаадаев - *Христианское бессмертие - это жизнь без смерти, а вовсе не жизнь после смерти* - ...пусть смерть способствует тому, чтобы мой лук был туго натянут, но пусть она не вмешивается в выбор моих целей.

Ницшеанская чепуха о сверхчеловеке и воле к власти проистекает из его заблуждения: он принял поиски истины - поистине манию глупцов! - за мораль (подразумевающую уважение к слабому и самопожертвование сильного). Хайдеггер, видящий в этом лишь машину, был более прозорлив: *Истина бытия востребует жертву человека - Die Wahrheit des Seins nimmt das Opfer des Menschen in Anspruch* - из двух загробных понятий вытекает или, вернее, восстаёт смысл жизни, жертва, это живительное понятие, призывающие, как правило, к отречению от дела или даже к самоубийству в музыке: *Смерть - непревосходимая высота истины бытия в песне мира* - Хайдеггер - *Der Tod ist das höchste Gebirg der Wahrheit des Seyns im Gedicht der Welt*.

Самоубийство было бы вопросом неспособности возобновить свои запасы: *Пока можешь давать, не хочешь умирать* - М. Деборд-Вальмор -

Tant que l'on peut donner, on ne veut pas mourir. Пока хочешь брать - можешь жить. Спокойно. Как раб: *Свобода делать всё появляется лишь тогда, когда всё потеряно* - Э. М. Ремарк - *Erst nachdem wir alles verloren haben, haben wir die Freiheit alles zu tun*.

На смертном одре никто не жалеет о том, что не сделал всего для своей карьеры. Но все сожалеют, что не сделали всего для своей души. Что жизнь создана для доброго и прекрасного, а не для полезного - радостная тайна для поэта, вечно возрождающегося, и зловещая проблема для агонизирующего хама.

Для царствования не осталось ни принцев, ни шутов - одни бухгалтеры. Когда величие судят по форме сидений, оказываешься неспособным почитать высокую царственность лежачего положения, когда шутовство щекочет скипетр. Римляне были в этом куда бОльшими экспертами, чем наши короли или президенты. Жить лежа и умирать стоя. *Императору подобает умирать стоя* - Светоний - *Decet imperatorem stantem mori*.

Они живут как роботы и на смертном одре открывают в себе людей. Я живу как человек, но все отчётливее сознаю, что в глубине своей сводим, как и все, к ужасной машине. К счастью, остаётся эпидерма.

Современность: воспринимать человечество как стадо баранов без трагедии, а человека - как робота без драмы. Кончина в обоих случаях - с нахмуренным лбом, без вставших дыбом волос. И подумать только, что некогда можно было еще вопрошать: *Почему вас так волнует смерть одного? Смерть одного - это поистине смерть, а двух миллионов - лишь*

маловажная статистика - Э. М. Ремарк - *Warum sind wir so erregt wegen eines einzelnen : ein Einzelner ist immer der Tod - und zwei Millionen immer nur eine Statistik*.

Какие патетические парочки породил антисемитизм! Две великие еврейки, Х. Арендт и С. Вейль, воспетые двумя великими людьми, близкими к нацистам - Хайдеггером и Ж. Тибо; великий еврей П. Целан, страстно любимый арийкой, дочерью генерала-эсэсовца - И. Бахман. И самоубийство как самая вероятная перспектива тех, кто выжил в Холокосте.

Жанры противников, соответственно, большевизма или нацизма - враг народа и недочеловек - имеют один и тот же общий вид, обозванный палачами: гадина (падаль, паразиты). Это родство объясняет душевное спокойствие, с которым палачи творили свое грязное дело. Гадину не мучают - её раздавливают, травят, расчленяют.

Сокрушающее, удушающее, отвратительное молчание - молчание нынешних политиков или интеллектуалов о том, каким должен быть мир; вторжение реального, торгашеского во все сферы, где некогда пересекались идеи, утопии или мечты. Со смертью поэта безжизненные юристы верно истолковали его завещание, завещав всё его достояние роботу.

Демократическая трезвость не вдохновляет поэта; его уносит опьянение в деспотизме. А революция бросит его в камеру, в вонь, обречёт на совершенно реальное и мучительное самоубийство. Счастливым образом вернувшись к демократии, поэт принимается за выдумывание мнимых камер, вони, самоубийств.

Чтобы выйти из времени, отрицание столь же бесплодно, что и согласие. Верный путь - высота вечного возврата, наперекор прогрессу и сомнению; это жизнь на границах, а не их пересечение. Даже Лао-Цзы оказывается заражён суетой: *Выходить - значит жить; входить - значит умирать*.

Человек и его цели: один кончает тем, что погружается в их основы, другой больше не в силах оторваться от следов, оставленных его стрелами в вещах; третий, поэт или философ, понимает, что для их достижения нужно всегда целиться выше, он предает себя выси лазури или мысли. Но все они *умирают с полным колчаном - tous meurent, le carquois plein* — А. Шенье - не единственный, кого стоит оплакивать, ибо по наивности стрелы делают из любого пня.

Без иронии и нигилизма, наши убеждения в конечном счёте вообще погасили бы всякий взгляд в наших глазах. Искусство иронического обращения, в котором Платон усматривал смысл аллегории своей Пещеры. Мрак смерти не украшается ни светом жизни, ни тенью слова; он общается лишь с безумием.

Истинное сводится к минеральному; чудесное - то есть ошибка в минеральном царстве - пронизывает всю жизнь. *Жизнь проистекает лишь из ошибки и умирает в знании* - Ф. Шиллер - *Nur der Irrtum ist das Leben, und das Wissen ist der Tod*. Тот, кто претендует на знание чуда, убивает его. Не означает ли Аид «*тот, кто всё знает*»? *Умирают двояко: как цветок или как зерно* - Персефона. Если хочешь жить (вопрос не так уж простой), нужно уметь умирать как зерно.

Невидимое нам верно, видимое предает нас. *Мы теснее связаны с невидимым, чем с видимым* - Новалис - *Wir sind mit dem Unsichtbaren näher als mit dem Sichtbaren verbunden*. Смерть - непризнанный окулист. Её линзы быстро исправляют человеческую близорукость - бесконечность предстает перед его глазами, в его образах, в его жестах.

Государственные границы наводят на мысль о войнах; столько несовместимости между взглядами, формирующимися в десяти километрах друг от друга; но порой - странные сходства: А. Мачадо, бежавший из франкистской Испании, умирает в Кольюре; В. Беньямин, бежавший из оккупированной Франции, кончает жизнь самоубийством в Порт-Бу, в нескольких километрах или месяцах друг от друга.

Технически смерть искусства становится неизбежной из-за нынешней лёгкости создания образов. Эта лёгкость - самый оригинальный аспект нашей эпохи без театра, или, вернее, со сценой, поглотившей улицу и хлев, где любой зевака мнит себя актёром или осветителем. Больше не нужны драматурги; достаточно стадных панургов.

Созидание, смерть и мечта - это рассвет, закат и ночь; но с тех пор как люди посвящают всю свою жизнь дневному свету - творят, умирают и грезят - роботоподобным образом: *Твои дни уходят без ночи и утра* — Г. Бенн - *Die Tage gehn dir ohne Nacht und Morgen*.

Ныне, чтобы повергнуть идола, нападают на его ноги - подножка признана годным инструментом демонтажа. Некогда следовало целиться выше - в рот (Сократ или Лукреций), в руку (Клеопатра), в грудь (Цицерон

или Катон), в запястье (Сенека или Петроний), в шею (Боэций) - и метафорическая острота у орудия палача была менее ритуальной: цикута, змея, меч, кинжал, удавка.

Ныне доминирующий человек, сильный человек, рассчитывающий человек повсюду жизнерадостен; а ведь некогда сильный человек, герой, мечтатель слыл преимущественно сатурнийцем. Геракл был первым меланхоликом. Единственные заслуживающие одобрения самоубийцы следовали лишь меланхолии, ибо глупо *умирать, когда тебя никто не убивает и ничьи иные руки, кроме рук меланхолии, не добивают тебя* - Сервантес - *morir, sin que nadie le mate, sin otras manos que le acaben que las de la melancolía*.

В. Набоков - *Мы - гусеницы ангелов*. Но мы теряем из виду своё рождение окончательнее, чем свою смерть. Бесполезность крыльев сближает нас с бараном; безвкусная чистота обрекает на роль робота.

Все мечтают о *legor, legar - меня читают, меня будут читать*; но я ошибся с *non legor, non legar*; худшие терпят *legor, non legar* (чего страшатся и смиренные: *После смерти меня будут читать семь лет, а потом забудут* - Чехов); лучшие заблуждаются насчет *non legor, legar*: *Я работаю для того, кто придет после* - Валери - *je travaille pour celui qui viendra après*. Самый глупый - М. Пруст: *Весь мир будет читать меня - Le monde entier me lira*.

Бывает, что не заслуживающий слова образ, выигрывает от переложения в ноты. Но нынешнее убожество таково, что стоящий воспевания образ не находит даже слова. Но петь то, что не удается

выразить - значит следовать мудрому намёку Витгенштейна. Не развивать удачные аккорды - значит жить одной лебединой песней, неслышимой людьми: *Лебеди поют перед смертью; ах, если бы некоторые люди умирали перед тем, как запеть!* - С. Т. Колридж - *Swans sing before they die, should certain persons die before they sing*.

И поэзия, и философия сводятся к музыке; прожить мудрецом означает, стало быть, постоянную заботу о своём слухе и голосе, а также смиренное признание того, что *между жизнью и смертью нет ничего, кроме музыки* - М. Ростропович.

Философия создаёт симфонии там, где нефилософский слух услышал бы лишь лёгкую трубу или тяжёлый звон колокола, птичью песню или звериный рык, мёртвую тишину или взрыв радости. *Смерть - музагет философии, почему Сократ и определял её как подготовку к смерти* - Шопенгауэр - *Der Tod ist der Musaget der Philosophie, weshalb Sokrates diese auch Vorbereitung auf den Tod definiert hat*.

Пробудите мёртвых, ибо спят живые - Г. Леопарди - *Risveglia i morti, poi che dormono i vivi*. Пробудите грёзы мертвых, поскольку живые, даже засыпая, занимаются лишь счётом. Я задаюсь вопросом, сумели бы сегодняшние живые понять, что такое мечта, без этих славных мертвецов. Подобно тому как музыка и книга покинут наши оцифрованные жилища, чтобы пополнить пыль музеев.

Непосредственный современник - это журналист в душе, человек медийный. Наши витиеватые речи должны обращаться лишь к каждодневной вечности или к ушедшему прошлому. *Можно ли*

представить, что Будда покидает мир из-за своих современников? - Чоран - *Voit-on le Bouddha quitter le monde à cause de ses contemporains ?*

Четыре стихии - прекрасные символы Начал; что же до конца, увы, он единственный и слишком хорошо известен: несколько атомов - огня, земли, воды, воздуха - рассеянных в пустоте с потухшими звёздами.

Ни мужество, ни мудрость не помогают презирать смерть. Скуки от загубленной жизни достаточно тому, кто прожил роботом и, в конце, обнаружил в себе человека. Даже завещания сегодня составляются в стиле технических заданий. Их тело вдруг перестаёт быть машинным залом и становится руиной, на стенах которой начертана капитуляция. Скучать там - значит жить бесплодными открытиями, без дружественного изгнания или враждебной осады.

Чистота, фильтрующее прохождение сквозь четыре стихии: я поддаюсь бациллам воды, пачкаюсь сажей огня, заражаюсь вирусом воздуха и в конце концов предаю себя земному червю.

Гёте умер от молодости в 83 весны; Паскаль умер от старости - в 39.

Прилагательные своей прямотой часто подрывают успехи иронической речи; те, что я хотел бы отыскать, принадлежали бы к семейству священного (sacer), заключая в себе собственное святотатство, ибо они отсылают нас либо к святому, либо к омерзительному, августейшему или изгнанному, - дабы быть либо обожествлёнными, либо умерщвлёнными. Прекрасно передает суть существования восклицание: *Будем жить счастливыми в ожидании смерти!* - П. Депрож - *Vivons*

heureux en attendant la mort ! - или, что ещё лучше, ибо устремлено в прошлое: *Поверх могил - вперед!* Священство, состояние или писательство воздействуют лишь на форму.

Взгляд на смерть служит лишь сигналом для истеричного предательства твоего пера. Для её ироничного укрощения достаточно взглянуть на кладбище.

Великие живут как любители и умирают как мастера; глупцы все более профессиональны в жизни, что делает их кончину столь же любительской, сколь и стадной.

Деревня, которую стоит посоветовать тем, кто хочет покончить с жизнью: Сен-Жиль-Круа-де-Ви в Вандее. Цветаева едва не покончила там с собой, что удалось на том же месте 70 лет спустя спутнице Чорана. Египетский иероглиф с крестом жизни означает - жизнь...

Когда, выискивая соринку в глазу ближнего моего, я слышу, что, не будучи уроженцем в первом поколении, я должен искать бревно в собственном глазу, я восстаю против этих двух руин древа, чье будущее я беру на себя лишь в виде пепла. Умереть ни от времени, ни от рук человеческих, но от слияния-унификации между воздухом слов, огнём души и этой французской землёй, которая ставит меня рядом со своими лучшими родниками, но чья вода остаётся для меня недосягаемой.

Для блаженного оптимиста жизнь - это решение, а вовсе не проблема. Как для истинного пессимиста смерть - не тайна, а проблема. *Кончают со своей жизнью одни оптимисты* - Чоран - *Ne se suicident que*

les optimistes. И ирония - это безоговорочная капитуляция переворужённого разумом пессимизма перед разоружённым оптимизмом духа.

Книга не должна быть ни исповедью, ни защитительной речью, ни обвинительным заключением, но убедительным признанием, дабы в ней ощущался проход через скамью подсудимых и пытку, с костром на выходе и инструкцией по обращению с пеплом.

Те, кто встречают смерть с улыбкой в глазах, были известны тем, что встречали жизнь с гримасой на устах.

Очерчивая свою жизнь не прямыми линиями, а пунктиром, остаёшься в преддверии предпоследних предчувствий и избегаешь мучительной мысли о чувстве последнем: *Смерть проводит последнюю грань вещей* - Гораций - *Mors ultima linea rerum est*.

Антипоэтическое суеверие: в душевном покое верить в нереальность смерти, цепляться через действие за реальность жизни. Поэтическая вера: трепетать в духе перед реальностью смерти, дрожать душой ради нереальности жизни, то есть ради её мечты.

Книги современной философии помогают составлять докторские диссертации, а не завещания.

Больные просят исцеления, а не воскресения - Г. Тибон - *Les malades demandent la guérison, non la résurrection*. Воскрешение - это испытание древа; его климат можно воссоздать даже на больничной койке, прославляя неизлечимое.

Спорить с Сократом, сомневаться с Карнеадом, отдыхать с Эпикуром, побеждать человеческую природу со стоиками, превосходить ее с циниками - Сенека - *Disputare cum Socrate licet, dubitare cum Carneade, cum Epicuro quiescere, hominis naturam cum Stoicis vincere, cum Cynicis excedere*. Жить счастливо в ожидании инъекции цикуты или предписания Нерона.

Лук, по-гречески *bios*, омонимичен жизни; искусство возможно, когда этот лук хорошо натянут; поражённые цели покидают жизнь и отправляются в архивы! *Лук: его имя - жизнь, то, что он делает - смерть* - Гераклит. С трудом удаётся восхищаться натянутой тетивой, не констатировав смерти, которую она причинила. Да не сам ли Бог становится, в Свои мрачные часы, лучником и поэтом? - *Со смертью человека, ещё одна глава переводится на язык побогаче* - Дж. Донн - *When one man dies, one chapter is translated into a better language*.

Убить свое «я» - су-цид - ах, если бы можно было избавиться лишь от известного «я», общего, болтливого и бессмертного, чтобы остаться с неведомым «я», неизъяснимым, уязвимым и возрождающимся!

Мне неудобно признаваться, что добрая половина моих эмоций на этой земле проистекает из чужих сочинений. Между тем жизнь должна была бы сохранять всю свою ценность вне всяких текстов прошлого. Слова настоящего - лишь пассивные ярлыки; обращаясь к прошлому, они получают шанс стать знаками или символами. Для хорошо намагниченных слов можно сказать, что, *в отличие от математики, язык притягивает нас к прошлому* - Дж. Штайнер - *language, unlike mathematics, draws*

backward. Требуется много времени, чтобы понять - и ужаснуться этому, - что в прошлом всё остальное - молчание. И. Бунин - *Молчат гробницы - лишь слову жизнь дана*.

Вселенная слов и идей не менее человечна, чем вселенная явлений и пейзажей; романтик, замыкающийся в первой, не нуждается в спуске во вторую, чтобы доказать, что в ней обитают жизнь и смерть. Взгляд творца, даже с закрытыми глазами, охватывает всю вселенную.

Моя теодицея: я прощаю Демиургу волка и смерть, но не могу почитать Пастуха, позволяющего плодиться барану и скуке. И я путаюсь на скамье подсудимых, которую насмешливо оглядывает в своих придирках и адвокатщине Судья.

Omnis moriar означает, что без моего лица мои рифмы и ритмы лишены звуков и смысла. Две возможные реакции: свести мои трепетания к общим вычисляемым гармоникам, либо вложить в них лишь своё лицо. Но *non moriar omnis* (Гораций) делает утешение осмысленным: *Оно будет дышать, когда я испущу дух* - Байрон - *That shall breathe when I expire* - или: *Для живого я не вижу ничего более драгоценного, чем то, что помогает ему не умереть целиком* - Р. Дебре - *Pour un vivant, je ne vois rien de plus précieux que ce qui l'aide à ne pas mourir en entier.*

Приоритет взгляда: Диоген пожелал, чтобы его похоронили лицом вниз; он уже знал, что в загробном мире последний станет первым. Сократ был приговорен за неуместный взгляд на то, что творится под землёй и в небесах. Испив цикуту, он укутывает плащом лицо - его взгляд уже устремлен к мёртвым.

Я знаю, что неба не существует вне Земли; более того: Земля - это подлинное Небо. Но чтобы земля приняла меня по-матерински, нужно, чтобы я воспевал ее чаще, чем пахал. Мой земной пепел ценен моим небесным огнём.

Людей судят лишь после их смерти; а что если то же справедливо и для богов? Тогда стала бы понятна расчётливая весть о смерти Бога, поданная Ницше: *Для богов смерть - всегда лишь предрассудок* - *Den Göttern ist der Tod immer nur ein Vor-Urteil*. Понимаешь выгоду (*Vor-Teil*) предписанного, что при отсутствии прочности улик является лишь частью (*Teil*) краткой отсрочки.

Жить - значит переводить поэзию Живого на всё более близкую и ясную прозу, завершаясь окончательной пресностью. Грезить - значит поддерживать поэтическую дрожь или агонию на бесконечной дистанции. *Жизнь, в которой тебя нет, была бы так прекрасна; прожить [прогрезить] тебя - тоже вызов, который нужно принять* - Л. Саломе - *Das Leben ohne dich, es wäre schön, und doch auch du bist werth, gelebt [geträumt] zu werden*.

Перед лицом идеи собственной смерти любой здравомыслящий человек, не одурманенный и не убаюканный жалким суеверием, должен был бы провести всю жизнь, воя на луну, с волосами дыбом, с пылающим мозгом, уставившись на свою могилу. И тем не менее он ведёт себя так, будто в конце пути его ждет бессмертие. Творец вложил в него непреодолимый и прекрасный инстинкт. *Мы чувствуем в глубине самих себя нашу вечность* - Спиноза - *Sentimus experimurque nos aeternos esse*. И

они продолжают воображать себя в театре: *Душа моя, пора уходить* - *Mon âme, il faut partir* - последние слова Декарта.

Господь весьма неопределён относительно мощи Своего света, что должна принять нас в потустороннем мире. Столько тьмы пересекает Страшный Суд, и магометанина встретили бы непорочные девы - в восхитительных тенистых кущах. С другой стороны, к чему глаза там, где будет царить взгляд?

1966, 1970, 1988 - даты смерти последнего поэта в России, в Германии, во Франции. Как бы я ни восхищался чудом кузнечика, я не могу заключить из этого - за отсутствием поэтов - что *the poetry of Earth is never dead* - Дж. Китс. Поэты переводили понятия в грёзы; наши современники свели всякую грёзу к понятию. Дань воздают уже не манам или мумиям усопшего, а его цифровым аватарам.

Философия не имела бы никакого смысла, если бы мы отказывали жизни в сакральном (извечно отсутствующем в реальном) и страшном (вполне существующем везде, даже в реальном). Молитва и завещание - вот, следовательно, самое естественное содержание философской речи, формой которого была бы поэзия. Но нынешние кабинетные философы начинают свои литании с десакрализации и шуточки. Предпочитаю завещание, за которым не следует наследство - *наследству, которому не предшествовало никакое завещание* - Р. Шар - *l'héritage, qui n'est précédé d'aucun testament*.

Наш Бог, подстерегающий нас теперь лишь у кладбища, поставил Крест на всём игривом и гастрономическом. Цирки и храмы сегодня

лишены божественного присутствия; иерофанты совмещают свою герменевтику с ипподромами.

Путь, ведущий к истинной вере, не проходит ни через страх перед смертью, ни через слепое доверие, но через зов рационального знания - Эйнштейн - *Der Weg zu wahrer Religion liegt nicht in der Angst vor dem Tod oder in blindem Vertrauen, sondern im Streben nach rationalem Wissen*. На этом пути всё меньше видишь Творца и всё больше восхищаешься Творением. Кончаешь тем, что боготворишь несуществующее, заставившее нас полюбить невидимое.

Кладбище и каторга по-прежнему не покидают русский ментальный пейзаж с его живописной жалостью и дурно составленным законом. *Вся история России до Петра Великого - сплошная панихида, а после - одно уголовное дело* - Ф. Тютчев.

На Востоке преуспевают в том, чтобы держаться на равном расстоянии от всего. На Западе всегда пребывают в эпицентре жизни. Восточное «я» растворяется, обнимая бесформенную бесконечность. Западное «я» чахнет в тысяче безразличных направлений. Лучше смерть, чем рабство, говорит европеец. Лучше рабство, чем грех, говорили наши предки. Лучше грешить, чем жертвовать, говорят они сегодня, все до единого.

Падения по крайней мере позволяют оплакивать участь неустойчивой вертикальности, но смерть окаменевает наши мозги и слова в мертвенной горизонтальности - таков мой взгляд на Россию XXI века, где тщетно было бы искать малейший след толстовского сознания, достоевской

проницательности, пушкинской благодати. Никакого следа мужика, боярина или попа, какими их знали предыдущие века. Чувство грандиозного - в улыбке, гримасе или стыде - покинуло этот край без пастырей и певцов, где свирепствует шарлатан.

Что рассчитываю я найти на месте моего последней остановки? - сон (*cimetière* - от *koiman* - *спать*)? покой (*Friedhof* - *Frieden* - *мир*)? дыру (*graveyard* - *grave* - *копать*)? свалку (*кладбище* - *класть* - *полагать*)? - русские самые большие реалисты.

Ощущение умирания, серости, ужаса или неделикатного света преследовало меня повсюду в России; в Европе я уже чувствую себя мёртвым - от скуки или безразличного света.

Ни одна страна не знала столько смертей и возрождений, как Россия. Вот почему она так близка к жизни. *Нет жизни, необъятной, кроме как в этой непрестанно умирающей и возрождающейся стране* - Л. Саломе - *Aber Leben, ungeheures, ist nur in diesem fortwährend sterbenden und wiedergeborenen Lande* - ибо жизнь проявляется в поисках первых или последних слов, слов Муромца или слов старца.

У жизни есть своя глубина - смерть, и своя высота - любовь. Никакая истина не проникает в это неуловимое измерение. З. Гиппиус - *Тройная правда - и тройной порог. О человеке. Любви. И Смерти* - что позволяет жить в постоянном и созидательном обмане зрения.

Любовь, священность, смерть: любой свет, любая истина здесь бесполезны. Мы ценны здесь лишь качеством окутывающей их

таинственности. Однако именно задетые ими, мы переживаем самые интенсивные мгновения жизни. Покинутые ими, преданные голому разуму, мы сможем лопотать: *Если кто-то хочет искать истину, он должен помышлять лишь об умножении света своего разума* - Декарт - *Si quelqu'un veut chercher la vérité, il ne doit songer qu'à accroître la lumière de sa raison*.

Никто больше не умирает от смертельных истин: слишком много противоядий - Ницше - *Niemand stirbt jetzt an tödlichen Wahrheiten : es gibt zu viele Gegengifte*. Умирать от них, будучи не в силах больше ломать их словесными заклинаниями. Лучшее исцеление - воскрешение. Не хватает шприцев или иронии, когда говорят: *Философский дух состоит в том, чтобы предпочитать лжи, заставляющей жить, истины, обязывающие умирать* - Г. Тибон - *L'esprit philosophique consiste à préférer aux mensonges, qui font vivre, les vérités, qui font mourir.*

Человеческая реакция на ужас смерти - крик, хрип, вопль перед лицом зияющей чёрной бездны; а утешение, философское и музыкальное, заключается не в обеспечении безмятежного безразличия или сочинении гармоничной партитуры, а в трансформации этого страшной трескотни в лебединую песню.

На любой полученный удар тело и дух реагируют одинаково - обезболить рану. Но сердце и душа должны заботиться лишь о неизлечимых ранах - успешное забвение именовалось бы утешением.

Овладеть огнём (Прометей) или воспеть его (Орфей)? - в обоих случаях кончаешь плохо: либо тебя сожрут, либо ты будешь сожран

собственным огнём: *Быть пожраным пламенем в искупление вины за неумение укротить его* - Гёльдерлин - *Von den Flammen verzehrt, büsst er sie, die er nicht zu bändigen vermochte*.

Утешение, приносимое хорошей философией, обращено к тому, что уже погребено, оно переживалось бы тем, кто верит в чудеса вроде воскрешения. *Становление существа должно быть объяснено как жизнь, смерть, воскрешение* - Г. Башляр - *Le devenir d'un être doit être expliqué comme une vie, une mort, une résurrection* - при этом успешном пари саму жизнь ощущали бы как чудо.

Перестать любить (или перестать грезить, что сводится к тому же) - вот великая тревога. И тревога тем глубже, чем важнее желаемое и угрожаемое благо, отсюда ужас перед смертью как перед антитезой бытия. Парафразируя Шеллинга (*Первое бытие есть воление* - *Wollen ist Ursein*), можно сказать: *Первое воление есть бытие* - *Sein ist Urwollen*.

Две заботы бытия-к-смерти хайдеггеровского толка (*Sein-zum-Tode*): очевидная трагедия существования и незащитимое упование на сущность.

Моё сердце однажды перестанет биться. Если эта уверенность пропитывает мою жизнь, из неё могут возникнуть два чувства: циничный абсурд (существования) либо лирическое упование (сущности), насмешка над Творением или доверие к Творцу.

Утешение, о котором я говорю, - это не убежище, предлагающее кров и тепло, но руины, преследуемые призраками - мгновенными, пылкими и братскими. Стенание, обращенное в лебединую песню.

Если никакая благодать не приоткрывает ему доступ к вечности, человек пойдет по проторённым тропам, прежде чем погрузиться в финальную вечность, не загрязняя мир и не докучая ему своими тревогами. Благодать - привилегия тупиков: *Прежде чем быть отправленным в Вечность, человек заходит в Тупик* - Дон-Аминадо.

Любой хороший философ находит для себя добрый источник человеческого утешения: Вольтер - в иронии, Ницше - в музыке, Хайдеггер - в поэзии, Валери - в тайне созидания. Ничто не глупее скептического пессимизма. Восхитительно то, что философское утешение становится убедительным лишь благодаря качеству языка - этой второй грани любой хорошей философии. С этими двумя ореолами человеческая трагедия прибавляет в высоте и красках, не теряя в интенсивности.

Любой утончённый человек связывает утешение с высотой и лаской. При недостатке мягкости человек в своем лихорадочном взлёте оказывается охвачен головокружением и рушится. В этом падении он часто находит фальшивое утешение - мысль о самоубийстве (Ницше).

Благо и Красота - эти биологически бесполезные и иррациональные струны - были помещены Творцом в моё сердце и мою душу в качестве опор божественного утешения перед лицом трагедии жизни и ужаса смерти. Человеческое утешение, гнездящееся в действии, а не в мечте, удаляет меня от высоты и погружает обратно в плоскость.

Упования, сосредоточенные на конечных целях, чаще всего глупы, отсюда моя привязанность к Началам - безответственным, призрачным, но

божественным. Это видно даже по стихиям: огонь превращает нас в пепел, воздух иссушает, вода гноит, а земля хоронит, но в начале огонь восхищает нас, воздух уносит, вода служит зеркалом, земля ослепляет. Но *Нептун утопил больше людей, чем спас* - Эразм - *Neptunus plures extinguit quam servat*. Следует почитать божественную искру, вложенную в нас, а не самих неизвестных богов. Спасение, если оно существует, никоим образом не прописано в реальности завтрашнего дня, оно - в идеальном вчерашнего.

Для человека вселенная описывается траекториями природы и культуры. Цикл существования природы ужасен и непостижим. Две картины, бросающие вызов любому воображению: невероятное рождение материи в Большом взрыве, после него, смерть духа в пространстве с полностью потухшими звёздами. Будет ли путь культуры сходным? - от пещерных граффити до оледенения душ перед лицом заброшенных звёзд.

Последний великий французский писатель умер четверть века назад. Весьма вероятно, что даже через век он сохранит этот статус. Но человек пера удачлив, его траур свеж по сравнению с живописью и музыкой, которые несут его уже несколько четвертей века.

Данте прав: никакое упование не избавит меня от Ада; но человеческая надежда, устремлённая в будущее, не помешает мне переживать Ад как скотобойню, тогда как божественная надежда, вневременная, вечная, превратит его в алтарь богов - неизвестных, но милосердных. Но разве поднимающийся дым слаще стынущей крови?

Любовь - к женщине или к отечеству - могла стоить жизни человеку культуры; но сегодня даже самоубийства проистекают из рассуждения, а не

из чувства. Все смерти естественны - никакой художественной трагедии в них не прочесть.

Столько проницательных глаз заметили смерть Бога, человека, Истории, но никто не заметил смерти искусства. Жизнь достаточно говорит мне о Боге, человек, даже агонизирующий, меня очаровывает, я могу обойтись без Истории как без словаря, но без живого искусства я задыхаюсь. *Настанет день, когда искусство будет изгнано навсегда из нашей жизни* - Гегель - *Es wird einmal der Moment kommen, wo die Kunst für immer aus unserem Leben verbannt sein wird* - мы переживаем его первую эпоху.

Абсурдно призывать Бога в момент твоей смерти - Его там очевидно не будет (медсёстры, увы, не Его посланницы). Зато Он смущённо присутствует при твоём рождении - столь чудесном, но где тебя самого пока ещё нет.

Страшный конец твоего тела, путь твоей души, утыкающийся в тупик, резюме твоих глаз, оскверняющие начала твоего взгляда, твои экстазы, лишенные интенсивности - столько объектов утешения, принести которые способна лишь ложь. *Подобно любви, подобно смерти, истина нуждается в покрывалах лжи* - Ф. Селин - *Comme l'amour, comme la mort, la vérité a besoin des voiles du mensonge*.

Маленькие «Да» и «Нет» рождаются из сравнительной степени - эгоистичной или конформистской, социальной или медицинской; великие же - из превосходной, научной или художественной. Великое «Нет» проистекает из глубины, где царит дух, отчаявшийся из-за пропасти,

разделяющей абсолютное чудо мира и абсолютный ужас нашей собственной смерти. Великое «Да» парит на высоте, где останавливается время и расцветает душа - созерцательная или созидательная, отождествляющая себя с тем, что вечно: Благом, Прекрасным, Истинным.

Стихии и голоса: в воде рыба безмолвствует; на земле зверь орёт; в воздухе птица поёт; в огне всякое живое изобретает свою лебединую песню.

Твоё упование: посреди засухи, усиливающейся в русле твоих бывших бурных потоков, в разгар исчезновения твоего существа в общем ничто, продолжать верить в высоту твоих Начал. Закрыть глаза, но не терять свой взгляд на твою удаляющуюся звезду.

Брезгливость перед лицом определённых тем - сегодняшнего дня, борьбы, смерти - и следовательно, их исключение из центра твоих забот - самая действенная форма самоограничений. *Старик, испытывающий отвращение к близости смерти, плохо представляет своё состояние* — Г. Гессе - *Ein Alter, der die Todesnähe hasst, ist kein würdiger Vertreter seiner Stufe*. Лучше посвятить себя толкованию собственного климата, который должен оставаться молодым в любом возрасте. Смерть - это собеседник, делающий безжизненными и плоскими все порывы и рельефы.

В июне 1941 года в Париже наконец опубликовали *Записи* Монтескьё; на обёртке мясного филе я читаю дату создания предприятия - 1941! Сартр и А. Камю убивали скуку, сочиняя свои *Бытие и Ничто* и *Бунтующего человека*, чтобы отправить их своему издателю в 1943-м. Кокто готовил свои лекции в Германии. В то же самое время миллионы

людей были низведены до состояния зверей, издыхая от голода, заживо сгорая в немецких концлагерях, где зрели проекты газовых камер. Другие же, в окопах Восточного фронта, расчленялись снарядами, добивались штыками. И еще многочисленнее были те, кого обратили в рабство, секли кнутами, жгли заживо, истребляли на глазах у детей.

Утешение есть дело свободы, а не воли; свобода придаёт аромата чаемому, воля предаёт земле увядшее. Самый драматичный случай - любовь, погребённая из-за отсутствия воскрешающей свободы: *Прекрасный червоный валет и пиковая дама зловеще толкуют о своих увядших любовях* - Бодлер - *Le beau valet de cœur et la dame de pique causent sinistrement de leurs amours défunts*.

Моя недвижность совместимее с привязанностью к челну, влекомому добрым дуновением, нежели с окончательной гаванью посреди яхт и круизных лайнеров. *Мое упование неслось благодаря ветру; море благословляло его, но порт убил его* - Лопе де Вега - *Con viento mi esperanza navegaba; perdónala la mar, matóla el puerto* - упование есть вера в попутный ветер.

Чтобы не бояться смерти, нужно презирать жизнь; но жизнь - удивительное чудо! Лишь равнодушные к красоте и тайнам могут сохранять холодную голову перед лицом пылающего ужаса небытия.

Из твоего пребывания на Земле то, что отметит его глубже всего, не оставляя при этом следов - это твои невыраженные чувства: смирение перед Благом, трепет перед Прекрасным, гордость перед Благородным. Но библиотечные крысы постараются убедить тебя, что *лучшее в мире явлено*

мыслью - Гегель - *das Beste in der Welt ist das, was der Gedanke hervorgebracht hat*.

Мысль о твоей реальной смерти невыносима, удушлива, страшна; эту мысль нужно перевести в грёзу. Умирать грезя. *Чем больше грезишь о смерти, тем больше смерть будет грёзой* - Унамуно - *Morir soñando, sí, mas si se sueña morir, la muerte es sueño*.

Дух и душа непосредственно привязаны к возрасту - от детства до старости столько несовместимых этапов. Что зависит от времени гораздо меньше, так это наше сердце; поэтому было бы решительно разумнее уповать на радостное Воскресение сердец, а не душ и тем более - духа, поскольку последние чаще всего оказываются уже в маразме.

Бесконечное пространство отделяет тебя от твоей смерти: *Перед лицом жизни и смерти ты должен оставаться с тем, кто ближе* — А. Мачадо - *En caso de vida o muerte se debe estar con el más prójimo* - выбора нет, ты пребудешь с жизнью до последнего вздоха. Жизни противостоит мечта, но ничто не противостоит смерти.

Начала обнажают твои порывы, а концы выставляют твои прощания; единственный возможный компромисс между ними - лебединая песня: земная новизна, небесное отверзение, зловещий трепет. Начало как выходная дверь, конец как входная.

Революция - молодые, грезящие о лучезарных заветах, избавляются от стариков; война - старики, заново просчитывающие смутное прошлое, избавляются от молодежи.

Федон - возможно, прекраснейшая книга об утешении, видимом как встреча боли и удовольствия. Но для Сократа гости - смерть и мудрость, тогда как ими должны были бы быть ускользающее счастье, чья юность оживает ласкающим и воскрешающим взглядом.

В мечте ты говоришь себе: жизнь сопровождает меня, смерть удаляется. А в реальности: *Смерть преследует меня, и жизнь бежит от меня* - Сенека - *Mors mi sequitur, fugit vita*. Мораль: предавайся грёзе чаще, чем реальности.

Будут ли тело и душа разделены или неразрывно связаны, смерть гниением поражает первое и гасит вторую. Без живых атомов нет живых ощущений.

Следовать приглашению к самоубийству следует лишь при двух небесных условиях: во-первых, никакая красота, пережитая некогда, больше не воспламеняет твои воспоминания, и во-вторых, никакое Благо, пусть даже немое, не приносит тебе прочного утешения. В противном случае следование земному отчаянию может быть лишь предательством твоих еще не угасших грёз.

Жизнь, даже самая жалкая, никогда не бывает пуста - от слов, звуков, образов. Идея смерти полна страшных образов, зловещих звуков, погребальных слов.

Для твоих страстей, твоих грёз, твоих творений любая потеря интенсивности или высоты смертельна, поскольку ты должен начинать их

заново, воскрешать (вечный возврат). Нить, связывавшая тебя с ними, развязывается, рвётся. Этот разрыв лежит в истоках человеческой трагедии - погружаться в воспоминания, оживлять былой взгляд.

Нужно презирать или по крайней мере оставаться равнодушным к поступкам, которые продиктованы одним лишь телом, без согласия сердца, души или духа. Последние, например, никогда не предоставляли мало-мальской защиты в пользу самоубийства. Эту тему следует оставить для салонной болтовни, похоронных бюро или апокалиптических заклинаний.

В африканских джунглях Хемингуэй получил тяжёлые ожоги (что позже и привели его к самоубийству) - месть Огня, забытого в проекте трилогии, которую писатель должен был посвятить Земле, Морю, Воздуху.

В созидании удивительным образом проявляется Троица христианского Бога: талант, благородство, интеллект, соответствующие Богу Отцу, Его Сыну, Святому Духу. Человеческий числовой ряд выстроил бы в линию одиночество, любовь, созидание. А чтобы дойти до цифры 6, можно вспомнить кровь, которую пролили крест и звезды с 5 или 6 лучами.

Азия: её материальное господство будет основано на трудолюбии стадных масс. Европа: ее духовное господство было основано на досуге, который могли позволить себе свободные одиночки. Второе смертно.

Перед лицом чудес Вселенной отсутствие светозарного Бога компенсируется в темном приюте твоего неведомого «я»; оно героично и созидательно (высота сверхчеловека Ницше) либо обречено на страдание и стыд (глубина подпольного человека Достоевского).

Бог: Его небытие в человеческом смысле материи и духа очевидно; но Его сущность, переводимая в наши божественные чувства Блага, Прекрасного и Истинного, должна быть признана, дабы придать нашей духовной жизни нематериальный смысл. *Быть одиноким и без богов - вот он, подлинная смерть* - Гёльдерлин - *Allein zu sein und ohne Götter, das ist er, ist der Tod*. Признание в нашем неведомом «я» представителя Бога спасает наше одиночество.

При кораблекрушении, всегда остаёшься один (даже *Плот Медузы* не убедит меня в обратном). Одни ищут флаг, другие - крошку или каплю, третьи, самые редкие - бутылку с призывом о помощи, чтобы вложить туда слова, идущие с высоты и обречённые на глубину.

Скептики или малодушные скулят о началах (неудавшийся мир) либо о кончинах (смерть). Случай неизлечим, когда оба эти настроения уживаются в одном персонаже. От второй напасти избавляются редко, но первая предлагает выход - для твоего творчества или твоих грёз изобрести собственные Начала вне времени, вне земных забот, Начала, устремлённые к небесным сводам. И верность этому состоянию души составляет сущность всякого великого утешения.

Никакого утешительного финального жеста на горизонте, говорит себе материалист, возносясь в высь отчаяния. Прекрасная тайна мира заставляет меня забыть абсурдность или ужас проблем и решений в этом мире, говорит себе идеалист, этот *Безутешный у Упавшей Башни* - Нерваль - *Inconsolé, à la Tour abolie*, и упивается надеждой на воскресение своей единственной Звезды - надеждой, противоположной трезвости ума.

Надежда, что вырывается из реальности, отрицая её, есть единственное проявление истины - Адорно - *Hoffnung ist, wie sie der Wirklichkeit sich entringt, indem sie diese negiert, die einzige Gestalt, in der Wahrheit erscheint* - истина всегда есть решение, тогда как всякая надежда гнездится в таинствах.

Лишь перед лицом неминуемой смерти следует заставить замолчать свою омрачённую душу - даровательницу безумных упований, - и дать волю своему проницательному духу - носителю финального отчаяния. И я понимаю дона Кихота, который на смертном одре больше всего сожалеет о своем чтении рыцарских романов и велит выгравировать на своей могиле слова: *Умереть в здравом уме и жить безумным душой* - Сервантес - *Morir cuerdo y vivir loco*.

Смысл жизни не открывают в 50 лет; он должен вплавиться в нас до наших 20 лет в форме трепещущей искры, превращающейся в нашу звезду, следовать которой глазами придется всю жизнь. И мало-помалу эта звезда сформирует наш взрослый взгляд - на жизнь, на смерть, на мечту.

Самые душераздирающие письма из всех, что когда-либо были написаны, рождались вокруг Материнского Начала - воспроизведённое В. Гроссманом последнее письмо его матери, жертвы Шоа, и письма к М. Цветаевой, нацарапанные ее девятилетней дочкой Ариадной на пороге смерти в жутком сиротском приюте.

Почти все тайны гнездятся в неизвестном; известное состоит по существу из проблем и их решений. В своих выборах следовало бы предпочесть неизвестное известному. Встать на сторону жизни - этой

огромной неизвестности - было бы более благородной позой, чем отождествлять себя со смертью, которая, увы, столь идеально известна как событие и его последствия.

Прошлое - миллиарды или тысячи лет назад, месяцы или секунды - всё безвозвратно погружается в небытие. Будущее необходимости уже просчитано, будущее свободы непредсказуемо. Не мы пересекаем время, это время пересекает нас. Оно остановится лишь в тот день, когда все звёзды окончательно потухнут и электронам надоест крутиться вокруг ядер.

Отвращение к жизни или избавление через самоубийство - два предмета, две банальности озлобленных или жеманных людей с недалёкой точкой зрения и дурным умом. Жизнь должна быть сдобрена грёзой, а самоубийство - отвергнуто мирным утешенным и признано за разочарованными бойцами.

Как только мечта угасает, кончают жизнь самоубийством, чтобы погасить реальность. Мысль о самоубийстве - дурное утешение, хорошее же относится к труду Феникса - попытке заново разжечь мечту посреди пепла.

В царстве грёз утешение лирично и конечно; оно трагично и бесконечно в царстве реального. В первом говорят «до свидания» увядающей мечте, призванной возродиться; во втором говорят «прощай» жизни, останавливающейся разом. Мечта соткана из Начал; жизнь не сводит глаз с конца. Но в неудачах природа утешения обратная: трагедия для мечты, для жизни оно - лишь разочарование.

В поисках утешения тебе следовало бы вместо поисков возрождения агонизирующей мечты просто вспомнить, что жизнь - это чудо, восстановить согласие между открытыми и закрытыми глазами.

Чтобы не страшиться мысли о смерти, нужно быть бараном или роботом; академические философы способствуют процветанию этих пород.

Когда износ временем неумолимо сводит всё к следам, теням, пыли, голосу твоей души останется лишь воспевать эти почтенные руины с погребёнными грёзами. *Всё, кроме твоего духа и твоей лиры, рушится и распадается* - Овидий - *Membra iacent diversa locis, caput lyramque excipis*.

Единственное ничто, достойное внимания философа - смерть, и даже она не омрачает экстаза перед красотой - пусть даже смертной - мира розы и совы. *Перед этим простым цветком плотоядное ничто рассеивается* - О. Пас - *La nada carnicera, ante esta simple flor, desvanece*.

Все эпикурейские или стоические попытки заклинать тревогу перед лицом твоей смерти обречены на провал. Никакое утешение обретённой мечтой, никакая капитулянтская покорность ума, никакая гордость воспоминаниями щедрого сердца, никакое покаяние грешных рук, никакая протяжённость созидательной души, никакое изобилие веры - ничто благородное, ничто истинное не может гарантировать тебе мирную тризну.

Лишь толпой радуются в раю или терзаются в аду - этих необратимых конечных остановках; оставаться одиноким можно лишь в

чистилище, вечно на пороге лихорадочного ожидания, неопределённого упования, порыва к недостижимому, вдали от жирного счастья или тощего несчастья.

Певческий вестник зари - петух, возвещающий окончание грёзы или выход из тьмы - призывается в последние часы Сократа и Иисуса, провозглашающих свой долг, отданный беспощадному и неотвратимому свету. Оптимистичный петух Заратустры в полдень воспевает пришествие Вечного Возврата - возвращения тьмы, носительницы сновидений.

К твоим ностальгическим воспоминаниям возможны два почтенных подхода: похоронить их с помпой или украсить их со смирением - предаваться скорби или утешаться.

Абсурдность жизни и постоянная тревога - удел тех, кто не понимает, что говорить, мыслить, видеть, слышать, чувствовать, вкушать, осязать суть чудеса грандиозные, потрясающие, невозможные. Между этими ослепительными божественными лучами и человеческим мраком нашей смерти - оба непроницаемы - созидательный человек должен выбрать инструментом и основой игру теней; теней, чья высота отражала бы глубину света Божьего.

Единственные вневременные сущности, о которых грезил Платон или которые просчитывал Гуссерль - суть математические истины. Геометрия, анализ, алгебра однажды будут парить в неизменности над Вселенной без жизни, без света, без истин, без музыки, без вкуса и ласк...

Зори (Nачала) ценятся главным образом в сумерках (жизни).

Необходимому, минеральному и безжизненному движению, состоящему из предсказуемых цепочек, Творец противопоставил движение свободное - растительное, животное, человеческое, - движение инициатическое: рождение, священное Начало, в котором потенциально покоится всякая цель, развёртывается Красота божественного замысла и разыгрывается божественная трагедия - смерть. В масштабе галактического света появление живого - лишь магическая искра, обречённая на скорое трагическое угасание.

Начало - моя рука ангела, конец - моя смерть зверя; созидание и тревога; форма моих мазков и холст для моего фона. Талант - хорошая палитра, независимая от кисти и рамки. Гений - это смысл картины, в коей кисть остаётся невидимой, холст хорошо натянут и где не замечают, не чтут, не слышат ничего, кроме музыки, то есть контура и цвета моей души.

Печаль и стихии: она делает томным воздух, коим я дышу; Б. Пастернак: *В наши дни и воздух пахнет смертью*, - она затапливает меня всевозможными жидкостями, ведь *toutes les eaux sont couleur de noyade* - Чоран - *у всякой воды - цвет утопленника*, она тянет ко дну всё твёрдое во мне. Это бедствие она навлекает из-за утраты четвёртой стихии - огня, что обращает печаль в пепел или уголь, дабы облагораживать руины или согревать подполье.

Они твердят, будто печаль, страдание или одиночество подталкивают их к могиле. Но ведь это - поводы для трепетанья вместо прозябанья! Микеланджело: *Io vivo di ciò di cui muoiono gli altri - Я живу тем, от чего умирают другие*.

Торговля, техника, дорожные службы, медицина, полиция, наука, тщеславие перехватывают и удушают тысячи тревог, кои, когда-то, терзали дикаря и заставляли его вздыбливать волосы или когти. И я принимаюсь ждать собственной смерти как крайнего срока для скоропортящегося продукта. Рильке: *Ещё немного, и смерть собственная станет такой же редкостью, что и собственная жизнь - Eine Weile noch, und ein eigener Tod wird ebenso selten sein wie ein eigenes Leben*.

Упование - это вера в ценность души, не переводимую в поступки; как только эта вера распадается, ни одна причина жить больше не будет меня сопровождать. Самоубийство могло бы переживаться как отказ от дел, в противовес активистам: *Добровольная смерть должна быть не бегством от актов, но ещё одним актом* - Plutarque.

Виртуальные самоубийства совершаются сегодня на публичных площаднях, и память о них сводится к напыщенному репортажу, составленному самим самоубийцей, ищущим чужих глаз, но лишённому собственного взгляда. Кто написал бы лучшие мемуары, чем Феникс? Взгляд - это власть над огнём и пеплом.

Именно нетерпение косы объясняет наше усердие на ниве возможного: *Метафоризм есть следствие недолговечности человека* — Б. Пастернак. Заставлять пространство вибрировать, когда время тебя леденит. В клише выживает лишь безмятежность.

Неумолимая вертикальная хронология финального угасания явлена нам Ф. Гойей: *Смерть Объекта, смерть Автора, смерть Произведения и*

утрата взгляда, смерть Ценностей - *la muerte del Objeto, de la autoría, la muerte de la obra y la pérdida de la mirada, la muerte de los valores*. На чьё долголетие сделать ставку? - на руку, которая чертила, или на то, что было начертано?

Как изобразить собственное лицо? (Пусть другие ваяют что-нибудь другое - это вопрос требовательности или стадности.) Уж точно не через пересказ перипетий социально-экономического механизма, куда меня забросил слепой случай. Быть может, через солидарный взгляд на наше таинственное происхождение или через одинокий взгляд на мою несколько менее таинственную смерть.

Я люблю дерево не только из-за его цветущей и полной тени мечты со стороны жизни, но и из-за его святой недвижности, ибо у него лишь одна нога, и она в могиле (Ж. Ренар) - со стороны смерти. И тем лучше, если *дерево очаровывает не всех* - Вергилий - *non omnes arbustos iuvant*.

Жизнь лелеет великолепные обещания; действие исполняет их и тем самым убивает; любовь - это поиск бессмертных обещаний.

Чтобы полюбить вещь, достаточно сказать себе, что её можно потерять - Г. К. Честертон - *The way to love anything is to realize that it might be lost*. Рефлекс собственника. Свойство любви в том, чтобы быть лишённой своего объекта. Любовь - это утрата, обогащающая в другом месте. *Любовь, опирающаяся лишь на красоту, уходит вместе с ней* — Дж. Донн - *Love built on beauty, soon as beauty dies* - чтобы она выжила, ей нужно найти сообщника - смерть: *Я любил лишь там, где дыхание*

красоты сливалось с дыханием смерти - Э. По - *I could not love except where Death was mingling his with Beauty's breath*.

Бодрствование: сердечная тревога и мир в голове. Сон: бунт головы и милосердие сердца. Укачанные смертью в душе.

Отделить пламя от света, сохранить последний снаружи и использовать его для игры моих теней, а первое сберечь внутри, чтобы согреть мою заледеневшую звезду и заалевшее сердце. Феникс взывает к пламени, Аполлон - к свету; пусть каждый царствует над своей половиной смерти и жизни.

Поэзия мертва; пора забыть ее эпитафии и написать её посмертную биографию. Следующей покойницей станет душа, но не останется ни плачущих некрологистов, ни нотариусов, интересующихся завещанием не прижившейся скиталицы.

Чтобы познать мое известное «я», достаточно посвятить его образу свои глаза или разум. Я не могу познать свое неизвестное «я», но могу полюбить его благодаря образу, который отражает мой взгляд, то есть моя душа. Быть может, это и есть тот самый желанный предмет Нарцисса, который мешает ему стать бессмертным. Бессмертны лишь нелюбовь и подражание. Тварь, творение и творец - все обречены на небытие.

Сегодня искусство гибнет не от дезинтеграции и гниения — Х. Арендт, а от своей безупречной интеграции в мир товаров и надёжного захоронения своих отходов.

Без иронии у духа нет ни гримас, ни улыбок; он превращается в посмертную маску. Хочешь ли ты, чтобы твое лицо всё еще угадывали?

Речь и мысль - вне меня, а пение - во мне; то, что в прочных зданиях Бог горизонта и глубины мёртв, не должно смущать Бога высоты - эфемерного и вечного, который во мне, на дне моего колодца, моего подполья или моих руин. Памятники павшим призракам, памятники словам спетым. В руинах поют, в пещерах призраки бродят: *В пещере Платона нет слова для обозначения смерти* - М. Бланшо - *Dans la caverne de Platon nul mot pour signifier la mort*.

Любая идея механична, тогда как удачное слово живо, то есть смертно, вибрирует, воспевая рождение и оплакивая смерть; идея лишь прокрадывается куда-то посреди смеющихся или плачущих слов.

Руины - идеальное убежище для того, что жаждет декоративного бессмертия. Поддерживать в вертикальном положении то, что сохраняет благородство лишь лёжа, - это безыскусное чучелоделие. *То, что в тебе отказывается умирать, недостойно жить* - Г. Тибон - *Ce qui, en toi, refuse de mourir est indigne de vivre*.

Между моим рождением, когда я был единственным, кто плакал, и моей смертью, когда меня, возможно, оплачут другие, слеза больше не облагораживает жизнь, а радость - смерть. Мои сомкнутые веки - пусть они откроют мой взгляд, мою мечту или мою иронию! *Здесь лежит тот, кто убит другими - Ci-gît moi, tué par les autres* - стало для взгляда Валери: *долгим взглядом на покой богов - un long regard sur le calme des dieux*. Для

мечты Рильке: *быть ничьим сном под толщей стольких век* - *Niemandes Schlaf zu sein unter so viel Lidern*. Для слёз М. Цветаевой: *Уже не смеётся*. Для иронии Н. Гоголя: *Горьким словом моим посмеюся*.

Более двух тысячелетий в трагической драматургии доминирует насильственная смерть. *Трагический театр придает слишком много значения жизни и смерти* - Н. Шамфор - *Le théâtre tragique met trop d'importance à la vie et à la mort*. Крушение, увядание или агония мечты - эта подлинная трагедия - не привлекает европейского внимания.

Вся высота искусства - в трагическом порыве Начал; вся глубина жизни - в мужестве принять последствия наших начинаний, столь же угрожающие для художника, что и сама смерть. *Не смерти следует бояться, но того, что так и не начнёшь жить* - Марк Аврелий.

Жизнь и счастье полны тайны, которой лишены смерть и несчастье. И страдание - эта тайна высокой ностальгии - больше подходит идее жизни, нежели идее смерти, представляющей собой лишь плоский ужас. По недоразумению поэты привносят жалкое несчастье туда, где должна звенеть лишь нота благородного страдания.

Трагедия, предательство, стыд, потерянная, запамятная, нематериальная ласка, любовь до потери рассудка - вот что должно переживаться при воспоминании об ушедших родителях (чтобы оценить *Немецкий реквием* Брамса, нужно знать, что он посвящён смерти его матери). И именно это я слышу у Моцарта: *Мстительные боги, слышите ли вы клятву матери* - *Hört, Rachegötter, hört der Mutter Schwur* - Волшебная флейта) - таковы были его последние слова. Думал ли он о

своей матери? думал ли он об отце в образе Командора? за птицеловами и обольстителями проступают Зло и ад. Каждый добрый сын в конце концов начинает чувствовать себя злодеем (*Pentiti, scellerato*).

Ужас неизбежно заглядывает на всякий праздник красоты, ибо перед глазами каждого творца стоят прекрасное чудо зарождения и ужасная банальность смерти.

Чем драматичнее вещь, тем легче рождаются метафоры, очерчивающие её. Я знаю лишь одно исключение из этого правила - смерть. Ужас в движении позволяет совершить скольжение к трагической красоте, но застывший ужас леденит любое воображение. И истинное, страшное одиночество - это развеивание всякой метафоры и погружение в неподвижное ничто: *Быть одиноким - значит тренироваться в смерти* — Ф. Селин - *Être seul, c'est s'entraîner à la mort*.

Две величайшие глупости идут рука об руку: не почитать чудодейственное дыхание жизни, что населяет тебя, и не страшиться мгновения, когда это чудо прекратится в твоём безжизненном теле. Именно поэтому эпикурейцы принадлежат к числу наиболее обделённых и умом, и душой. *Глуп тот, кто говорит, будто страшится смерти лишь потому, что мучается от неизбежности её прихода* - Эпикур.

Мои максимы, не будучи ни прививками, ни целебными мазями, обращены тем не менее лишь к носителям неизлечимых недугов; они являют собой скорее зыбкую и хрупкую атмосферу, способную, по мановению утреннего часа, заставить наше сердце биться чаще или напоминать о существовании нашей бессмертной души.

Индекс авторов цитат

Сокращения названий глав

Вве — Введение
Мел - Меланхолия
Отч - Отчаяние
Бол - Боль
Тра - Трагедия
Сме — Смерть

Св.Августин - *Мел,Бол,Бол,Тра,Сме,*
Адорно Т. - *Отч,Отч,Отч,Сме,*
Алэн - *Мел,*
Дон-Аминадо - *Сме,*
Амьель Х.Ф. - *Тра,Сме,*
Ангелус С. - *Отч,*
Анри М. - *Сме,*
Арагон Л. - *Бол,*
Арендт Х. - *Мел,Тра,Тра,Сме,*
Аристотель - *Мел,Мел,Отч,Тра,Тра,Тра,Тра,Сме,*
Арто А. - *Мел,*
Ахматова А. - *Мел,Отч,Сме,*
Бадью А. - *Отч,*
Баиф Дж. - *Бол,*
Байрон Г. - *Мел,Мел,Отч,Бол,Бол,Бол,Бол,Сме,Сме,*
Бальзак Х. - *Мел,Бол,*
Барни Н. - *Бол,*
Баррес М. - *Тра,*
Барт Р. - *Тра,*
Батюшков В. - *Мел,*
Башляр Ж. - *Отч,Сме,*
Беккетт С. - *Мел,*
Бёме Й. - *Мел,*
Бенедикт XVI - *Бол,*
Бенн Г. - *Отч,Бол,Сме,*
Беньямин В. - *Отч,Отч,*
Берберова Н. - *Мел,Мел,Отч,Тра,*
Бергсон Х. - *Тра,*
Бердяев Н. - *Отч,Отч,Бол,Тра,Тра,*
Бернанос Г. - *Отч,Отч,*
Сен-Бернар - *Отч,*
Бетховен Л. - *Отч,Бол,*
Биант - *Отч,*
Библия - *Мел,Тра,*
Бланшо М. - *Бол,Сме,Сме,*
Блейк В. - *Мел,*
Блок А. - *Мел,Мел,Мел,Сме,*
Бодлер Ш. - *Отч,Отч,Отч,Сме,*
Бодрийяр Ж. - *Отч,Отч,Сме,Сме,*
Боратынский Е. - *Мел,*
Борхес Х. - *Мел,Отч,Тра,*
Боэций - *Отч,*
Брак Г. - *Сме,*
Бродский И. - *Мел,*
Брох Х. - *Мел,Отч,*
Бруно Дж. - *Мел,Мел,Бол,*
Будда - *Мел,Мел,Бол,*
Бунин И. - *Бол,Сме,*
Бхагавад-Гита - *Мел,Мел,*
Бэкон Ф. - *Отч,Отч,*
Вагнер Р. - *Отч,*
Валери П. - *Мел,Мел,Мел,Отч,Отч,Отч,Отч,Отч,Отч,Бол,Бол,Бол,Бол,Сме,Сме,Сме,Сме,Сме,Сме,*
ван Гог В. - *Мел,*
Вейль С. - *Бол,Бол,Бол,Тра,Тра,Тра,*
Вергилий - *Сме,*
Вико Дж. - *Тра,*
да Винчи Л. - *Мел,Отч,Бол,*
Виньи А. - *Сме,*
Висконти Л. - *Отч,*
Витгенштейн Л. - *Мел,Мел,Мел,Отч,Тра,*
Вовенарг Л. - *Мел,Мел,Отч,Тра,*
Вольтер А. - *Мел,Мел,Отч,Бол,Бол,Тра,Тра,Сме,Сме,*
Галилей Г. - *Бол,*
Ганди М. - *Отч,*
Гегель Г. - *Мел,Мел,Отч,Отч,Отч,Бол,Бол,Бол,Тра,Сме,Сме,Сме,*
Гераклит - *Отч,Отч,Отч,Сме,*
Герцен А. - *Бол,*
Гессе Г. - *Мел,Мел,Мел,Отч,Отч,Отч,Отч,Отч,Бол,Бол,Тра,Тра,Сме,Сме,Сме,Сме,*
Гёльдерлин Ф. - *Отч,Тра,Тра,Тра,Сме,Сме,*
Гёте Г.В. - *Мел,Мел,Мел,Мел,Отч,Отч,Отч,Отч,Отч,Бол,Сме,*
Гиппиус З. - *Сме,*
Гиппократ - *Бол,*
Гойя Ф. - *Сме,*
Гомер - *Отч,*
Гораций - *Мел,Отч,Отч,Бол,Тра,Сме,Сме,Сме,Сме,*
Грасиан Б. - *Мел,*
Григ Э. - *Бол,*
Св. Григорий Наз. - *Бол,*
Св. Григорий Нис. - *Мел,*
Грин Ж. - *Тра,*
Грин Г. - *Отч,*
Гротендик А. - *Мел,*
Гюго В. - *Вве,Мел,Бол,Тра,Тра,*
Далай Лама - *Бол,*
Данте - *Мел,Мел,Отч,Бол,Тра,*
Деборд-В. М. - *Сме,*
Дебре Р. - *Мел,Отч,Бол,Бол,Бол,Сме,Сме,*
Декарт Р. - *Сме,Сме,*

Делёз Ж. - *Мел,Бол,*
Демокрит - *Бол,Бол,*
Депрож П. - *Сме,*
Деррида Ж. - *Отч,*
Джебран Х. - *Мел,Мел,Сме,*
Джойс Дж. - *Тра,*
Дидро Д. - *Тра,*
Дизраэли Б. - *Мел,Мел,*
Диккенс Ч. - *Бол,Бол,*
Диоген - *Бол,Бол,*
Донн Дж. - *Сме,Сме,*
Достоевский Ф. - *Мел,Мел,Мел,*
Мел,Мел,Отч,Отч,Тра,
дю Белле Ж. - *Тра,Сме,*
Еврипид - *Отч,*
Жид А. - *Отч,*
Жубер Ж. - *Отч,Отч,Бол,*
Зиммель Г. - *Тра,*
Иванов В. - *Сме,*
Св. Иероним - *Отч,*
Йейтс В. - *Мел,*
Казанова Дж. - *Мел,*
Камю А. - *Отч,Отч,Бол,*
Тра,
Кандинский В. - *Отч,*
Канетти Э. - *Бол,Тра,*
Кант Э. - *Мел,Мел,Мел,*
Отч,Бол,Тра,Сме,
Карамзин Н. - *Вве,*
Караян Х. - *Мел,*
Карлайл Т. - *Тра,*
Карпентье А. - *Тра,*
Кафка Ф. - *Мел,Мел,Мел,*
Отч,
Кестлер Дж. - *Отч,*
Китс Дж. - *Мел,Сме,*
Клодель П. - *Мел,Мел,Отч,*
Отч,Бол,
Ключевский В. - *Мел,Бол,Бол,*
Кожев А. - *Мел,Отч,*
Кокто Ж. - *Мел,Отч,Бол,*
Тра,
Колридж С.Т. - *Сме,*
Конфуций - *Мел,Бол,Бол,Сме,*
Коран - *Отч,*
Корнель П. - *Мел,*
Краус К. - *Отч,Бол,Бол,*
Тра,
Кропоткин П. - *Отч,*
Кроче Б. - *Мел,*
Кублановский И. - *Отч,*
Кундера М. - *Мел,Мел,Тра,*
Куприн А. - *Тра,*
Кюстин А. - *Мел,Бол,*
Кьеркегор С. - *Мел,Мел,Отч,*
Отч,Отч,Отч,Бол,Бол,Тра,
Тра,Сме,
Лабрюйер Ж. - *Отч,Тра,*
Лаку-Лабарт Ф. - *Тра,*
Ламартин А. - *Мел,Мел,*
Лао Цзы - *Мел,Сме,*
Ларошфуко Ф. - *Вве,Мел,*
Левинас Э. - *Мел,Мел,Отч,*
Отч,Бол,Тра,Тра,
Лейбниц В. - *Мел,Отч,*
Леонтьев К. - *Мел,Бол,*
Леопарди Г. - *Вве,Отч,Бол,*
Бол,Сме,
Лец С. - *Мел,Тра,*
Лихтенберг Г. - *Отч,*
Лопе де Вега F. - *Сме,*
Лорка Ф. - *Бол,Бол,*
Лоренс Д.Х. - *Сме,*
Лукреций - *Мел,Сме,Сме,*
Луллий Р. - *Отч,Отч,*
Лютер М. - *Мел,*
Малер Г. - *Мел,*
Малерб Ф. - *Отч,*
Мальро А. - *Мел,Отч,Сме,*
Мандельштам О.- *Мел,Отч,*
Мария Стюарт - *Бол,Сме,*
Марк Аврелий - *Мел,Мел,*
Тра,Сме,
Маркс К. - *Мел,Мел,Отч,*
Марлоу Ч. - *Отч,*
Марциал - *Мел,Мел,Тра,*
Мачадо А. - *Сме,*
Маяковский В. - *Мел,Мел,Отч,*
Мелвилл Г. - *Мел,Отч,Бол,*
Менделеев Д. - *Мел,*
Мережковский Д. - *Тра,*
Мерло-Понти М. - *Мел,Тра,*
Местр Ж. - *Отч,*
Микеланджело Б. - *Сме,*
Мильтон Дж. - *Бол,*
Монтень М. *Мел,Мел,Мел,*
Мел,Отч,Тра,Сме,Сме,
Монтерлан А. - *Мел,*
Моргенштерн Х. - *Отч,Бол,Бол,*
Моцарт В. - *Бол,Сме,*
Музиль Р. - *Тра,*
Мюссе А. - *Бол,Тра,*
Набоков В. - *Вве,Вве,Вве,*
Мел,Тра,Сме,
Нил Сорский - *Бол,*
Ницше Ф. - *Вве,Мел,*
Мел,Мел,Мел,Мел,Мел,
Мел,Мел,Мел,Мел,Мел,
Мел,Мел,Мел,Отч,Отч,
Отч,Отч,Отч,Отч,Отч,
Отч,Отч, Отч,Бол,Бол,
Бол,Бол,Бол,Бол,Бол,Бол,
Бол,Бол,Бол,Бол,Бол,Бол,
Тра,Тра,Тра,Тра,Тра,Тра,
Тра,Тра,Сме,Сме,Сме,Сме,
Новалис Ф. - *Мел,Мел,Отч,*
Отч,Сме,
Овидий - *Отч,Тра,Сме,*
Оден В. - *Мел,Отч,*
Ортега-и-Гассет Х. - *Мел,Тра,*
Павезе К. - *Мел,Отч,Бол,*
Тра,Тра,Сме,
Пас О. - *Мел,Сме,*
Паскаль Б. - *Мел,Мел,Мел,*
Мел,Мел,Мел,Мел,Мел,Отч,
Бол,Бол,Тра,Сме,
Пастернак Б. - *Мел,Отч,Отч,*
Тра,Сме,Сме,
Пеги Ч. - *Мел,*
Пессоа Ф. - *Мел,Бол,Тра,Тра,*
Петрарка - *Мел,Мел,Бол,*
Сме,Сме,
Петроний - *Бол,*
Пико Мирандола - *Отч,*
Пиндар - *Отч,*
Плавт - *Сме,*
Планк М. - *Отч,*
Платон - *Мел,Отч,*
Плотин - *Мел,Бол,*
Плутарх - *Отч,Сме,*
По Э. - *Мел,Бол,Сме,*
Пришвин М. - *Мел,Мел,Бол,*
Сме,
Проперций - *Сме,*
Протагор - *Отч,*
Прудон Ж. - *Отч,*
Пруст М. - *Бол,Бол,Бол,*
Бол,Сме,
Пушкин А. - *Мел,Мел,Бол,*
Бол,Тра,
Публилий - *Мел,*
Рабле Ф. - *Отч,Сме,*
Расин Ж.- *Отч,Бол,Тра,*
Расселл Б. - *Мел,Отч,*
Рахманинов С. - *Мел,Сме,*
Ремарк Э. М. - *Сме,Сме,*

Рембо А. - *Отч,Отч,*
Ренан Э. - *Отч,*
Рикёр П. - *Мел,Мел,Отч,Отч,Бол,*
Рильке Р. М. - *Мел,Отч,Отч,Отч,Бол,Бол,Сме,Сме,Сме,Сме,*
Розанов В. - *Мел,Мел,Отч,Отч,*
Роллан Р. - *Бол,*
Ростан Э. - *Мел,*
Ростропович М. - *Бол,Сме,*
Руссо Ж.-Ж. - *Мел,Мел,Мел,Тра,*
Саломе Л. - *Сме,Сме,*
Сартр Ж.-П. - *Мел,Мел,Отч,Сме,*
Светоний - *Сме,*
Секст Эмпирик - *Мел,*
Селин Ф. - *Мел,Мел,Отч,Сме,Сме,*
Сенека - *Мел,Мел,Мел,Мел,Бол,Бол,Бол,Бол,Тра,Тра,Тра,Тра,Сме,Сме,Сме,*
Сент Экзюпери А. - *Отч,*
Сервантес М. - *Мел,Отч,Отч,Отч,Сме,Сме,*
Серр М. - *Отч,*
Слотердейк П. - *Бол,*
Сократ - *Отч,*
Солженицын А. - *Отч,*
Соловьев В. - *Отч,*
Софокл - *Отч,Бол,*
Спиноза Б. - *Мел,Мел,Мел,Мел,Мел,Мел,Бол,Тра,Сме,Сме,Сме,*
Станиславский К. - *Тра,*
Стендаль - *Мел,*
Стерн Л. - *Тра,*
Суинберн А. - *Тра,*
Сюарес А. - *Бол,Тра,*
Твен М. - *Бол,Тра,*
Тейяр де Ш.П. - *Мел,*
Теренций - *Сме,*
Тибон Г. - *Мел,Мел,Бол,Тра,Сме,Сме,Сме,*
Толстой Л. - *Мел,Мел,Отч,Бол,*
Трисмегист - *Отч,*
Тургенев И. - *Мел,Бол,*
Тютчев Ф. - *Отч,Сме,*
Уайльд О. - *Мел,Отч,Бол,Тра,Тра,*
Унамуно М. - *Мел,Отч,Тра,Тра,Тра,Тра,Тра,Сме,*
Фейербах Л. - *Мел,*
Фейнман Р. - *Бол,*
Фенелон Ф. - *Бол,*
Фернандес Д. - *Мел,*
Ферра Ј. - *Бол,*
Флобер Г. - *Мел,Тра,*
Фолкнер В. - *Отч,Тра,*
Фонтенель Б. - *Отч,*
Франклин Б. - *Отч,*
Франс А. - *Мел,Мел,Отч,Отч,Тра,*
Фрейд С. - *Мел,Бол,Тра,Сме,*
Фуко М. - *Отч,*
Хайдеггер М. - *Мел,Мел,Мел,Мел,Отч,Отч,Отч,Отч,Бол,Тра,Тра,Сме,Сме,Сме,*
Хафез - *Сме,*
Хемингуэй Э. - *Отч,*
Цветаева М. - *Ввв,Мел,Мел,Отч,Отч,Отч,Бол,Тра,Сме,*
Целан П. - *Отч,Тра,*
Цицерон - *Мел,Мел,Мел,Отч,Бол,Бол,Сме,*
Чаадаев П. - *Сме,*
Чайковский П. - *Мел,Мел,Мел,Мел,*
Чаплин Ч. - *Отч,*
Честертон Г.К. - *Тра,Сме,*
Чехов А. - *Ввв,Мел,Бол,Бол,Бол,Тра,Сме,*
Чоран Е. - *Ввв,Мел,Мел,Мел,Мел,Мел,Мел,Мел,Мел,Мел,Мел,Отч,Отч,Отч,Бол,Бол,Тра,Тра,Тра,Тра,Сме,Сме,Сме,Сме,Сме,Сме,*
Шамфор Н. - *Мел,Тра,Сме,*
Шар Р. - *Мел,Мел,Отч,Отч,Отч,Отч,Отч,Тра,Тра,Тра,Сме,*
Шатобриан Ф.-Р. - *Ввв,Мел,Мел,Отч,Отч,Бол,Тра,*
Шафаревич И. - *Тра,*
Шекспир У. - *Мел,Мел,Мел,Мел,Отч,Бол,Бол,*
Шеллинг Ф. - *Сме,*
Шенье А. - *Сме,*
Шестов Л. - *Ввв,Мел,Отч,Отч,Отч,Отч,Отч,Тра,Сме,*
Шиллер Ф. - *Мел,Отч,Сме,*
Шницлер А. - *Мел,Бол,*
Шопенгауэр А. - *Мел,Мел,Отч,Бол,Тра,Сме,*
Шостакович Д. - *Бол,*
Шоу Б. - *Отч,Тра,*
Шпенглер О. - *Мел,Мел,Отч,*
Шпет Г. - *Мел,*
Штайнер Дж. - *Отч,Бол,Тра,Тра,Тра,Тра,Тра,Тра,Сме,*
Шуберт Ф. - *Бол,*
Эйнштейн А. - *Отч,Отч,Бол,Тра,Сме,*
Мейстер Экхарт - *Мел,Бол,Сме,*
Элюар П. - *Мел,Бол,*
Эмерсон Р.В. - *Мел,Мел,Мел,Мел,Отч,*
Эмпедокл - *Отч,*
Энтовен Р. - *Мел,Мел,*
Эпиктет - *Мел,*
Эпикур - *Мел,Отч,Бол,Сме,Сме,*
Эразм - *Отч,Отч,Сме,Сме,*
Эсхил - *Бол,*
Ювенал - *Бол,*
Юнгер Э. - *Мел,Мел,Отч,Тра,*
Янкелевич В. - *Мел,Мел,Бол,Мел,Мел,Мел,Отч,Отч,Тра,*
Ясперс К. - *Отч,Бол,Бол,Тра,Сме,Сме,*

Содержание

Введение **1**

Меланхолия 11
Отчаяние 141
Боль 273
Трагедия 347
Смерть 431

Индекс авторов **495**

Обложка

Образ жизни, в нашем сознании, колеблется, со временем, между очевидностью и тайной. Между младенчеством и старостью чередуются наши *Да* или *Нет*, обращаемые текущей жизни. Изначальные слёзы и капризы передают, как будто бы, *Нет* нарождающейся, чужой жизни. Детские забавы и родительская рука над головой формируют беззаботное *Да*, начинающее разбиваться на собственно жизнь, видимую и осязаемую, и на мечту, сказочную и игривую. Отроческие бунтарство и первые тревоги, выплёскивают тайное *Нет* жизненным покою и надёжности и смутное *Да* — невыразимой мечте. Затем наступает вписывание во взрослые передряги, и, чтобы не проморгать его, неизбежное, меланхолическое *Да* готовит из нас будущих конформистов, людей племени, обряда, закона. Позже, измотанные состязаниями, мы обязательно подходим к горькому *Нет* жизни, сводящейся к неудаче. Одна из форм ностальгии начинает лепить хрупкие *Да*, обращённые к прошлому. Но в видении прошлого, когда-то слитые жизнь и мечта раздваиваются; на жизненной грани душит отчаяние, на мечтательной — брезжит надежда, ищется утешение. Отсюда две формы трагедии, пессимистической или оптимистической.

www.philiae.eu/Archives/PDL_Extraits/27_Pei_RU.pdf